

Институт российской истории
Российской академии наук

Путь историка

Сборник статей памяти
доктора исторических наук
Евгении Львовны Рудницкой

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2022

УДК
ББК
П

Ответственный редактор:
доктор исторических наук
И.В. Ружицкая

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

П **Путь историка** (Текст): Сборник статей памяти доктора исторических наук Евгении Львовны Рудницкой / отв. ред. И.В. Ружицкая; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН, 2022. — 316 с.

ISBN

В книгу вошли воспоминания о Е.Л. Рудницкой, статьи исследователей по истории общественной мысли и общественного движения XIX – начала XX в., интервью Евгении Львовны и полный список ее опубликованных трудов.

ISBN

© Коллектив авторов, 2022
© Институт российской истории РАН, 2022
® Центр гуманитарных инициатив, 2022

Содержание

Вместо предисловия

И.В. Ружицкая

Вклад Е.Л. Рудницкой в изучение русского общественного движения и общественной мысли XIX в.7

Воспоминания

С.З. Роговина

Воспоминания дочери25

Е.А. Роговина

Гаженя31

С.В. Мироненко

Воспоминания о Евгении Львовне Рудницкой34

И.В. Роскина

Гармоничная личность40

Э.Л. Аким

Дом Евгении Львовны Рудницкой и Захара Александровича Роговина и его роль в моей жизни, или научное прогнозирование и футурология в глобальном аспекте46

И.В. Ружицкая

Вспоминая Учителя50

Статьи

Т.В. Андреева

Генезис декабризма: предшественники и параллельные структуры «Тайного общества» декабристов55

К.Г. Боленко

М.М. Сперанский и Д.В. Голицын: к истории служебных и личных отношений81

А.Г. Готовцева

К вопросу о планах военной революции Васильковской управы «Южного общества»91

<i>П.В. Ильин</i>	
К изучению практики обвинения и стратегий защиты подследственных на процессе декабристов: В.П. Зубков и его «Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости»	111
<i>И.В. Ружицкая</i>	
М.А. Корф и декабристы: точки соприкосновения	140
<i>В.В. Зверев</i>	
В.П. Воронцов: перспективы и прогнозы развития России	162
<i>В.С. Парсамов</i>	
Несколько дополнительных замечаний к проблеме «Владимир Соловьев и царевубийство 1 марта 1881 г.»	191
<i>В.В. Шелохаев</i>	
Дискуссии в либеральной интеллектуальной среде о типе политической партии	199
<i>О.В. Будницкий</i>	
Террористы Его Величества	216
В.Я. Гросул	
Общественное движение в России в XIX в. в трудах М.В. Довнар-Запольского	236
<i>А.Н. Бикташева</i>	
К биографии академика М.В. Нечкиной: обзор источников казанского периода жизни	256

Приложения

«Одна, но пламенная страсть» (интервью корреспонденту журнала «Знание – сила» Г. Бельской в 2000 г.)	281
Список трудов Е.Л. Рудницкой	294
Сведения об авторах	313

Вместо предисловия

И.В. Ружицкая

Вклад Е.Л. Рудницкой в изучение русского общественного движения и общественной мысли XIX в.

Имя Евгении Львовны Рудницкой хорошо известно специалистам, изучающим эволюцию русской общественной мысли XIX в. За свою долгую научную жизнь она создала целый ряд фундаментальных трудов по данной проблематике. Их наряду с привлечением обширного фактического материала отличают оригинальные и плодотворные концептуальные построения, способствующие осмыслению рассматриваемых сюжетов на разных этапах развития общества и исторической науки в СССР и России.

В характеристике Евгении Львовны 1980-х гг. отмечается, что ее монографии — это «исследовательский цикл, рассматривающий процесс развития общественной мысли в ее неразрывной связи с общественной жизнью», где «изучение осуществляется с позиций истории и философии, что позволяет выявить субъективные и объективные факторы движения мысли»¹. Подчеркивается, насколько исключительным по своему значению является вклад Рудницкой в изучение и публикацию архивных материалов по истории общественной мысли и общественного движения в Российской империи XIX в.

Евгения Львовна родилась 14 октября 1920 г. в Ташкенте. До этого ее семья жила в городе Верном (с 1921 г. — Алма-Ата), куда переселилась из Сибири. Дедушка и бабушка по материнской линии — потомки кантонистов, мальчиков из еврейских семей, получавших после 25 лет военной службы разрешение жить за чертой оседлости. Большинство бывших кантонистов еврейского происхождения

¹ Архив Института российской истории РАН (Архив ИРИ РАН). Личное дело Е.Л. Рудницкой.

были поселены за Уралом, где получили землю, которую должны были обрабатывать. Дед Евгений Львовны, Матвей Иосифович Калиш, был не только хорошим садоводом, но и освоил ряд других профессий, например, строителя. Согласно семейному преданию, он построил самую большую баню в Ташкенте². Семья отца приехала в Узбекистан из Одессы. По словам Рудницкой, отец был выходцем из «буржуазной семьи». Ее родители познакомились во время учебы в университете г. Ташкента, поженились рано, Женя родилась, когда они еще были студентами.

Как писала Евгения Львовна в своей автобиографии³, вскоре родители развелись, и ее воспитывала мама – Дора Матвеевна Рудницкая, впоследствии работавшая в Институте истории и археологии Академии наук Узбекистана (умерла в 1956 г. в Москве). После окончания школы Евгения поступила на историко-филологический факультет Среднеазиатского государственного университета (Ташкент), который окончила с отличием в 1942 г. В сентябре 1941 г. она «была принята кандидатом в члены КПСС, а в сентябре 1943 г. – в члены КПСС. В 1942 г. была выдвинута на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ Узбекистана и работала инструктором Отдела пропаганды до февраля 1943 г., когда была зачислена в аспирантуру Среднеазиатского университета. Одновременно работала заведующей кабинетом истории СССР на факультете». Как писала сама Евгения Львовна, «ввиду отсутствия научного руководителя» она подала заявление

² Из собственноручной записки для внушек Е.Л. Рудницкой: «Моя мама – Рудницкая Дора Матвеевна, урожд. Калиш (название губернского города в Польше). Родилась в г. Верном (теперь – Алма-Ата). Ее родители оказались там, уехав из Сибири. Дедушка и бабушка были детьми кантонистов. Кантонисты – это еврейские мальчики, которых в возрасте 12–13 лет забирали насильно в военную службу сроком на 25 лет. Кто доживал до этого времени, получал землю в Сибири и должен был вести хозяйство как крестьянин. Дедушка был потомком таких ссыльных, стал отличным садоводом, но владел и многими другими профессиями – строителя, портного, комиссионера. Его имя – Матвей (Мотхе) Иосифович. Бабушка – Анна Исаевна имела только начальное образование, но была очень начитанным человеком и обладала отличным вкусом. Но главное – в ней были душа и ум. Перед смертью она говорила о судьбе еврейского народа и своей миссии перед ним. Отец – Рудницкий Лев Абрамович родился в Одессе, в буржуазной семье, юрист по образованию (по свидетельству внучки Е.Л., эта информация, возможно, не точна. – *И.Р.*), как и мама. Братья Доры: Калиш Арон Матвеевич, Калиш Илья Матвеевич, Калиш Иосиф Матвеевич. Сестры: Инна Матвеевна Ваксман 1896–1969 (17.01), Семипалатинск; Елена Матвеевна Вайнгардт; Лия Матвеевна Калиш»(сообщено внучкой, Е. Роговиной).

³ Автобиография Е.Л. Рудницкой (написана ею собственноручно) (Личное дело Е.Л. Рудницкой...).

в аспирантуру Московского университета, куда и была зачислена в декабре 1943 г. Ее научным руководителем стала М.В. Нечкина, что во многом определило научную судьбу Рудницкой. Во время учебы в аспирантуре Евгения Львовна была на выборной комсомольской работе, трудилась внештатным лектором ЦК ВЛКСМ, в 1944 г. возглавила лекторскую группу ЦК комсомола, направленную в освобожденные районы Западной Украины. В октябре 1946 г. Рудницкая закончила аспирантуру, и была принята на работу в секретариат Главной редакции «Истории Гражданской войны в СССР» старшим научным сотрудником.

В феврале 1948 г. на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ Евгения Львовна успешно защитила кандидатскую диссертацию «Формирование общественных взглядов Н.П. Огарева». Но уже в мае в связи с рождением дочери, «состояние здоровья которой требовало особого ухода», была освобождена от работы в секретариате⁴. В 1949/50 учебном году она преподавала историю СССР в Университете марксизма-ленинизма при МК КПСС. С конца 1950 г. Рудницкая стала внештатным сотрудником редакции «Литературного наследства»⁵, где участвовала в подготовке к печати «пражского» и «софийского» архивов А.И. Герцена и Н.П. Огарева, а также в исследовательской разработке материалов о них из фондов Третьего отделения и архива «Колокола». Сохранилась характеристика на Рудницкую от 20 февраля 1958 г., подписанная С.А. Макашиным, заместителем главного редактора «Литературного наследства». Макашин отмечал, что «во всех звеньях выполнявшихся ею работ Е.Л. Рудницкая зарекомендовала себя зрелым научным сотрудником, способным самостоятельно решать сложные задачи научно-исследовательской и эдиционно-текстологической подготовки исторических документов к печати». Далее он добавлял: «Рудницкая дисциплинированный и чрезвычайно добросовестно относящийся к своим обязанностям сотрудник»⁶. Работа по подготовке материалов «Вольной русской типографии» к публикации была продолжена Евгенией Львовной в Институте истории АН СССР, куда она была зачислена на должность младшего научного сотрудника с 1 июля 1958 г. О дальнейшем сама Рудницкая писала: «В 1964 г.

⁴ Автобиография Е.Л. Рудницкой (написана ею собственноручно) (Личное дело Е.Л. Рудницкой...).

⁵ «Литературное наследство» – орган Отделения языка и литературы АН СССР.

⁶ Личное дело Е.Л. Рудницкой...

<...> прошла по конкурсу на должность старшего научного сотрудника <...> В июне 1969 г. <...> было “присвоено звание” старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР»⁷.

Весь предыдущий текст базируется на автобиографии (1971) и предназначенных для внучек записке, собственноручно написанных Евгенией Львовной⁸. В ее личном деле хранятся официальные бумаги, подтверждающие достоверность фактов, изложенных ею (справки об окончании школы, университета, о работе в ЦК ЛКСМ Узбекистана⁹).

В архиве ИРИ РАН сохранилось написанное членом-корреспондентом М. В. Нечкиной заявление на имя заместителя директора Института Л. С. Гапоненко с просьбой «зачислить в штат Института истории тов. Рудницкую Евгению Львовну, в настоящее время работающую в Институте по договору над подготовкой издания “Колокола”». Нечкина отметила, что Рудницкой уже проделана «значительная работа подготовительного характера для переиздания “Колокола”». На заявлении – две резолюции: одна – Гапоненко, другая – директора Института А. Л. Сидорова. Первый отдал распоряжение зачислить Рудницкую в штат на должность младшего научного сотрудника по группе Милицы Васильевны, второй – «зачислить с 1 июня референтом акад. М. В. Нечкиной с окладом 150 рублей». Нечкина подписала заявление как член-корреспондент, в резолюции же она фигурирует как академик (видимо, с момента подачи этой просьбы до принятия решения дирекцией ее утвердили в звании академика). Дата записки – 26 июня 1958 г.

В личном листке Рудницкой по учету кадров записано: «Младший научный сотрудник Комиссии по истории исторической науки – утв. в должности 26 июня 1957 г. (это ошибка, т.к. сама Е. Л. много раз писала, что работает в Институте с 1958 г. – *И. П.*), вступила в должность – 1 июля 1958 г.»¹⁰.

Позже Нечкина попросила дирекцию Института перевести Рудницкую (ее референта) из сектора истории СССР периода капитализма в Комиссию по истории исторической науки.

⁷ Из записки в личном листке по учету кадров: «Старший научный сотрудник группы по истории исторической науки – с июля 1964 г., звание старший научный сотрудник – с февраля 1966 г.».

⁸ Автобиография Е. Л. Рудницкой (Личное дело Е. Л. Рудницкой...).

⁹ Согласно официальной справке, с июля 1942 по февраль 1943 г. Евгения Львовна – инструктор Отдела пропаганды ЦК ЛКСМ Узбекистана; со 2 августа по 20 ноября 1942 г. – инструктор отдела кадров ЦК и оргинструктор (Личное дело Е. Л. Рудницкой...).

¹⁰ Там же.

К сожалению, дата не проставлена, в личном листке по учету кадров нет объяснений относительно этих перемещений. Однако точно известно, что с самого начала своей работы в Институте Евгения Львовна работала в Группе по изучению революционной ситуации в конце 1850-х – начале 1860-х гг. и продолжала трудиться над подготовкой к публикации и комментированием материалов «Вольной русской типографии».

Из отзыва-характеристики, составленного Нечкиной, мы узнаем об огромной работе, проделанной Евгенией Львовной с июля 1958 по январь 1960 г. Она «установила наличие экземпляров “Колокола” в книгохранилищах, музеях и архивах Москвы и Ленинграда, провела работу по выявлению и текстологической сверке первого и второго изданий “Колокола”, еще не зарегистрированных библиографией». Кроме того, «провела ряд работ, связанных с пробным печатанием при фототипическом способе воспроизведения оригинала <...> приняла участие во внедрении контактно-рефлексного способа безнаборной печати». Но и это еще не все! Рудницкая за это время подготовила именной и географической указатели к «Колоколу», продолжала работать и над другими частями справочного аппарата¹¹.

Параллельно она вела собственную исследовательскую работу о Н.Д. Ножине, опубликовала несколько статей. Поистине, титанический труд! При этом Евгения Львовна была ученым секретарем руководимой Нечкиной Группы по изучению революционной ситуации в России в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Кроме того, у нее были семья, дочь. Остается удивляться работоспособности исследовательницы, умению организовать свое время так, чтобы на все хватило. «Колокол» печатали в Ленинграде, что требовало постоянных командировок в город на Неве. В одном из представлений 1963 г. отмечено, что Рудницкая провела подготовку текста «Колокола» к печати (240 п.л.), написала источниковедческое предисловие к изданию (24 п.л.), осуществляла руководство по редактированию указателей. В 1962–1964 гг. вышли в свет 11 выпусков факсимильного издания «Колокола»¹², и в этом, безусловно, немалая заслуга Евгении Львовны. Во многом благодаря ее усилиям были подготовлены и другие факсимильные

¹¹ Личное дело Е.Л. Рудницкой...

¹² Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вып. I–XI. Факсимильное издание. М., 1962–1964.

переиздания материалов «Вольной русской типографии»: альманах «Полярная звезда» (1966–1968), сборники «Голоса из России» (1974–1976).

Одновременно Рудницкая участвовала в написании много- томной истории СССР, публиковала статьи по истории русского освободительного движения в XIX в. Как правило, они базировались на новых архивных источниках, что требовало постоянного посещения архивохранилищ¹³. В это же время Евгения Львовна была парторгом группы по изучению первой революционной ситуации в России.

На многие годы постоянным направлением научной деятельности Рудницкой стали изучение «Вольной русской печати», подготовка и осуществление факсимильных публикаций изданий Герцена и Огарева. К 1975 г. Евгения Львовна подготовила к выходу в свет «Исторические сборники» «Вольной русской типографии» (кн. I–III), «Голоса из России» (вып. I, II, IV), французский «Колокол» и его «Русские прибавления», став автором предисловий и комментариев к ним. Последнее издание «Колокола» вышло в 1979 г.¹⁴

Но этим не исчерпывалась научная деятельность Рудницкой. В 1969 г. увидела свет ее монография «Н.П. Огарев в русском революционном движении»¹⁵, отмеченная шестью положительными рецензиями, из них три – в периодических изданиях Польши, Венгрии и ФРГ. В одной из рецензий отмечалось: «Единственный на то время исследовательский труд, на основании многочисленных, в том числе архивных источников, осветивший значение друга Герцена в революционном движении эпохи и в истории русской социалистической»¹⁶.

Евгенией Львовной была раскрыта еще одна страница в истории освободительного движения, несмотря на обязательные для того времени идеологические «границы». Ее работа остается актуальной и сегодня. Во все времена история вызревания идеоло-

¹³ Характеристика подписана в 1963 г. заведующим отделом истории СССР (дооктябрьского периода) Л.Г. Бескровным, секретарем парткома и месткома (Личное дело Е.Л. Рудницкой...).

¹⁴ Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Женева 1868–1869: переводы, комментарии, указатели. М., 1978; Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Женева 1868–1869. М., 1979.

¹⁵ Рудницкая Е.Л. Н.П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969.

¹⁶ Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 1971. № 3. S. 431.

гических предпосылок события, изменившего мир, — Октябрьской революции 1917 г., будет привлекать внимание исследователей вне зависимости от того, как они оценивают это событие — позитивно или негативно. Эта монография была блестяще защищена Рудницкой в 1970 г. в Институте истории СССР¹⁷.

В 1975 г. было опубликовано ее исследование о Николае Ножине¹⁸, «посвященное общественно-политической и теоретической деятельности активного участника разночинского периода русского революционного движения. Исследование подчинено разработке состояния революционных сил после самоликвидации “Земли и воли” и проблеме генезиса народнической идеологии»¹⁹. Книга оказалась очень востребованной так же, как и монография о Ткачеве.

После смерти Нечкиной (апрель 1985 г.) Группу по изучению революционной ситуации расформировали. В 1986 г. Евгения Львовна стала ведущим научным сотрудником Сектора истории СССР периода капитализма²⁰.

Задачей вышеназванной группы, созданной решением Отделения исторических наук АН СССР 3 декабря 1957 г., было «специальное изучение революционной ситуации на основе первоисточников». Несмотря на идеологическую ангажированность, работа большого числа историков (не только из Москвы и Ленинграда, но и из многих регионов страны) внесла существенный вклад в изучение реалий Российской империи второй трети XIX столетия. Важным моментом стало привлечение новых источников для освещения таких глобальных проблем, как положение крестьян различных категорий, отношения их с помещиками и государством и, безусловно, выступления крестьян, рабочих и солдат. Большая часть исследований была посвящена

¹⁷ В 1968 г. Институт истории РАН был преобразован: созданы Институт всеобщей истории РАН и Институт истории СССР РАН. С 1992 г. последний стал называться Институтом российской истории РАН.

¹⁸ *Рудницкая Е.Л.* Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975.

¹⁹ Из представления для аттестации в ИИ СССР РАН (Личное дело Е.Л. Рудницкой...).

²⁰ Рудницкая занимала должность с 1 октября 1986 г. (согласно аттестационному листу от 10 июня 1986 г.; была единогласно рекомендована членами аттестационной комиссии на эту должность); с 1998 г. — ведущий научный сотрудник-консультант; 30 октября 2012 г. уволена по собственному желанию. «В связи с ухудшением состояния здоровья», — написала Евгения Львовна в своем заявлении (Там же).

«революционно-демократическому этапу освободительного движения в Российской империи», прежде всего, его радикальному крылу. Естественно, что последняя проблема освещалась исключительно в свете марксистско-ленинского концепта, господствовавшего тогда в историографии.

В рецензии на первый выпуск статей группы И.А. Федосов отмечал: «Совершенно не рассмотренным в настоящем сборнике остался вопрос о “кризисе верхов”, о кризисе политики правительства, о невозможности для господствующих классов “править по-старому”, — а это важнейшая составная часть революционной ситуации <...> хочется надеяться, что усилиями группы будет продвинуто решение и такого важного вопроса, как “кризис верхов”, будет дан анализ либерального оппозиционного движения, — бесспорно, одного из существенных компонентов революционной ситуации тех лет, в котором нашел свое проявление этот кризис»²¹.

Однако данный аспект изучения революционной ситуации так и остался вне внимания группы, что объясняется не только идеологическими шорами тогдашней советской исторической науки, но, главным образом, позицией Нечкиной²². Это отступление необходимо, чтобы понять, что иного пути для исследователей того времени не было. Поэтому обвинения в адрес Евгении Львовны в том, что она «десятилетиями помогала “творить” псевдомарксистские концепции М.В. Нечкиной», по меньшей мере, некорректны.

Еще более необоснованным является утверждение тех же авторов, что «ныне она (2000 г.; Рудницкая. — *И.Р.*) подпирает своим “анализом” самые примитивные антимарксистские спекуляции»²³. Я не согласна с подобными выводами уважаемых мною ученых.

Об актуальности работ Евгении Львовны по истории русского революционного движения свидетельствует тот факт, что две ее работы — «Русская революционная мысль. Демократическая печать 1864—1873» и «Русский бланкизм: Петр Ткачев»²⁴ — были отмечены

²¹ Федосов И.А. Рец. на: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Академия наук СССР. Институт истории. М.: Изд-во АН СССР. 1960. 544 с. // Вестник Академии наук СССР. 1961. № 2. С. 130.

²² См.: МIRONENKO С.В. Воспоминания о Евгении Львовне Рудницкой (см.: наст. издание).

²³ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000. С. 189—192.

²⁴ Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864—1873. М., 1984; Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. Относительно первой работы отметим,

уже в «новое», постперестроечное время (1997) премией Президиума РАН имени В. О. Ключевского.

Рудницкой, отмечал «Вестник Российской академии наук», «впервые в историографии воссоздается столь масштабная и целостная картина борьбы идейных течений в народничестве, приведшей к формированию радикально-экстремистского, смыкающегося с терроризмом направления». При этом подчеркивалось, что «фундаментальное исследование Е. Л. Рудницкой русского бланкизма в единстве его теоретических, организационных и нравственных аспектов представляется принципиально важным научным достижением, *особенно актуальным в наше время* (курсив мой. — *И.Р.*) <...> Научное и общественно-культурное значение этих изданий еще предстоит оценить»²⁵.

В одной из рецензий на работу о Ткачеве справедливо отмечается, что «обращение исследователей к делам и мыслям П. Н. Ткачева (1844–1886), одного из выдающихся деятелей освободительного движения пореформенной России, вызвано <...> не только познавательным интересом. Опыт большевистского переворота в 1917 г. и последующего общественного переустройства с помощью директив сверху заставляет серьезно считаться с приведенным в книге свидетельством В. Д. Бонч-Бруевича об “особом внимании” В. И. Ленина к творческому наследию Ткачева, который, по выражению вождя, был “ближе других к нашей точке зрения”» (с. 212). Автор рецензии приводит свидетельства и других, известных в истории персонажей, высказывавшихся в подобном духе. По мнению рецензента, «в монографии не ставится целью выяснить бланкистско-большевистское родство, но в конце работы определенно говорится, что бланкистская традиция оказалась сильна в большевизме: “Она отчетливо выявила себя в момент захвата власти в Октябре 1917 г. и в ее последующей реализации <...> в практике общественного переустройства, осуществлявшегося в нашей стране. Диктатура партии, оттеснение народа как деятельной социальной и политической силы, насильственная

что, анализируя нелегальную демократическую печать, автор исследует идейные процессы, разработку программных и тактических вопросов на общедемократическом этапе развития революционного движения в России после первой «Земли и воли». Монография хронологически завершается 1873 г., когда в народничестве оформились основные направления движения, обосновывалась программа непосредственной социалистической революции в России, начиналось первое массовое «хождение в народ».

²⁵ Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 6. С. 513.

ломка экономического строя народной жизни во имя абстрактной идеи, достижение высокой цели любой ценой — все это шло вполне по Ткачеву (с. 209)»²⁶. Обе работы оказались востребованными в новых условиях существования исторической науки.

С наступлением новых времен, когда появилась возможность высказываться на любые темы, в том числе не поднимавшиеся советской исторической наукой, Евгения Львовна не изменила своим «героям». Она продолжала заниматься Герценом, Огаревым и другими участниками русского освободительного движения, теперь рассматривая их взгляды и деятельность в контексте общей ситуации в Российской империи, в диалоге с представителями элиты российского общества. Это позволило создать полномасштабную картину того или иного события, когда высвечены были позиции всех его участников, представлены разные, порой полярные точки зрения. Яркий пример — совместная работа Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковского по публикации текстов «Вольной русской печати» и книги М.А. Корфа о 14 декабря 1825 г. (вкупе с материалами к ней, в том числе записками Николая I).

Под одной обложкой были собраны документы, созданные по разные стороны «баррикад»²⁷. Издание снабжено вступительной статьей и подробными комментариями. Статья для того времени стала новым словом и в декабристоведении, и в исследовании правящей элиты. Позицию ее авторов отличает иной подход к истории декабризма и оценке русской демократической мысли, при этом они стараются быть беспристрастными, не вставать на чью-либо сторону участников конфликта, а понять обе стороны и их мотивации.

В 1999 г. вышла работа Евгении Львовны на сюжет, который долгое время не удостоивался монографического осмысления: «Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года». Книга охватывает 20–30-е гг. XIX в. На волне отхода от абсолютизации революционной парадигмы развития России возникла потребность рассмотреть и осмыслить альтернативные пути этого развития, предлагавшиеся мыслителями, отдающими предпочтение эволюционной перспективе.

Автор подчеркивает: «Книга посвящена исканиям русской мысли на одном из важнейших этапов ее движения, когда русские интеллек-

²⁶ Здесь и далее в скобках указаны страницы монографии: *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм. Петр Ткачев. М., 1992; *Антонов В.Ф.* Рец. на: Е.Л. Рудницкая. Русский бланкизм. Петр Ткачев... 267 с. // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 258.

²⁷ 14 декабря 1825 г. и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) / (отв. ред. Е.Л. Рудницкая). М., 1994.

туалы переходят от политической конфронтации с правительством к осмыслению <...> России и судеб мировой цивилизации <...> Сущностный смысл этой умственной деятельности – личная заинтересованность, чувство ответственности за судьбы Отечества – стал исходной предпосылкой формирования интеллигентского сознания, генезис которого относится именно к данному времени»²⁸.

Один из рецензентов этой работы отмечал, что именно 1820–1830-е гг. «стали, по выражению Плеханова, “котлом идей”, которые на несколько десятилетий определили развитие и направленность общественной мысли страны». Таким образом, основным предметом изучения для Рудницкой был «начальный этап становления русского национального самосознания. В советской историографии эта тема традиционно рассматривалась в жесткой связи с декабристским движением. Взгляд Рудницкой шире и многогранней, он охватывает не только сложившуюся к середине 1820-х гг. доктрину политического радикализма, но и комплекс нравственно-философских и эстетических идей. Книга подкупает концептуальностью подхода, стремлением вплести в общую канву изложения близкие, имеющие порой отличия лишь в деталях взгляды, и одновременно провести между ними разграничения. В этом отношении монография выполнена в лучших традициях отечественной исторической школы. Автору удалось ярко нарисовать всю сложную палитру интеллектуальных поисков 20–30-х гг., обусловленную взаимодействием наследия эпохи Просвещения и философии немецкого романтизма»²⁹.

Логичным продолжением этой работы стала последняя монография Евгении Львовны – «Лики русской интеллигенции»³⁰. Книга содержит хронологически выстроенный ряд истории русской интеллигенции в лице ее мыслителей, общественных, политических деятелей и направлений в контексте российской и общеевропейской общественной жизни конца XVIII – начала XX в.

Издание высоко оценила научная общественность, при этом подчеркивая ее актуальность. Так, в одной из рецензий отмечалось, что «логика исторического процесса, блестяще проявленная Е.Л. Рудницкой через мысли и поступки его участников, их полемику “лицом

²⁸ Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999.

²⁹ Зверев В.В., Савков В.В. Рец. на кн.: В раздумьях о России (XIX век): сб. ст. / отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Е.Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1996. 444 с.; Рец. на: Е.Л. Рудницкая. Поиск пути... // Отечественная история. 1999. № 6. С. 160.

³⁰ Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. М., 2007.

к лицу” или научную и публицистическую рефлексию, свидетельствует, что российская история непрерывна, несмотря на все ее изгибы и возвратные ходы. Что люди, их мысли и концепции исторического развития России, суть “ткань истории”, важнейшая ткань, позволяющая транслировать принципы и формы социального действия “поверх” “текущего момента”. Личностно-психологический подход к анализу исторического процесса, население этого процесса живыми людьми, используемый автором, принес нетривиальные плоды. Автор характеризует метод Н.Я. Эйдельмана как преодоление грани между объективным и субъективным (с. 554). Но это в полной мере относится и к методу рецензируемой работы. “Рассекречивание истории” (с. 556) невозможно только через архивный документ, нужны живые свидетельства. И тогда “далекое прошлое” выходит на современность (с. 557)»³¹. И наоборот, продолжает автор рецензии, как писал С.О. Шмидт: «Заденешь прошлое, отзовется современность»³². Рассматривая процессы формирования и идейного становления русской интеллигенции (которая в нашей стране долгое время возглавляла общественное движение), Евгения Львовна внесла вклад в исследование теоретических предпосылок революционных потрясений начала XX в. и понимание того, что происходило в России уже в XX столетии.

За «Лики русской интеллигенции» в 2010 г. Евгения Львовна была награждена почетной грамотой РАН в ходе Всероссийского конкурса на лучшее издание по патриотической тематике в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы».

Работая над своей последней монографией, Евгения Львовна стала инициатором и ответственным редактором трех изданий, имевших резонанс и удостоившихся положительных отзывов. Предметом рассмотрения сборника статей «В раздумьях о России (XIX век)»³³ «стали истоки и закономерности формирования русского национального самосознания, проблемы самобытности и народности, революции и реформы, динамика и коллизии духовных поисков

³¹ В скобках указаны страницы монографии Рудницкой Е.Л. «Лики русской интеллигенции». См.: Яницкий О.Н. Расширение исторического горизонта: Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. М., 2007 // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 150.

³² Шмидт С.О. Твердый знак истории // Кентавр. Приложение к «Новой газете». 2007. № 2. С. 7.

³³ В раздумьях о России (XIX век)...

отечественной интеллигенции. Именно этот социальный слой стал индикатором изломов исторического развития, ошибок традиций и новаций в жизни страны»³⁴.

Авторитет Евгении Львовны как ученого, широкий круг интересов, умение по-новому поставить, казалось бы, традиционные вопросы позволили ей объединить исследователей разных поколений и школ. Сборник охватывает весь комплекс проблем русской интеллектуальной истории XIX в., «решаемых в рамках различных историко-философских подходов»³⁵. В создании этого коллективного труда приняли участие и зарубежные исследователи. Так, его открывает статья В. Страды – известного итальянского русиста, которую можно считать «наиболее концептуальной частью» книги, имеющей «программно-методологическое значение». По мнению рецензентов, «содержание статьи убедительно доказывает глубинную духовную общность типа русского интеллигента с аналогичным типом во Франции и Германии (“антирелигиозный” и “нерелигиозный”)». И «эта историческая параллель имеет не только научное значение. Она представляется важной для сегодняшнего переломного состояния общественного сознания, так как еще раз подчеркивает несостоятельность политических сил, эксплуатирующих лозунги изоляционизма, русской уникальности и “квасного патриотизма”».

Избавление от патологического чувства национальной неполноценности и его компенсирующего продолжения – национального бахвальства, приобщение к универсальной мировой культуре без утери своих национальных особенностей – именно эти уроки трагической судьбы русской интеллигенции считает В. Страда жизненно важными для выработки реальных ориентиров развития сегодняшней России»³⁶.

Такой взгляд на прошлое остается актуальным и в наши дни.

В следующем году вышла документальная публикация под редакцией Евгении Львовны – «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый»³⁷. Это первая комплексная публикация документов по истории данного политического направления с 1850-х гг. до рубежа веков. Сюда включены программные документы различных течений радикальной мысли, пропагандистские и агитационные произведения, издания русской

³⁴ Зверев В. В., Савков В. В. Рец. на кн.: В раздумьях о России (XIX век)... С. 158.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997.

подпольной и заграничной печати. Книга снабжена обширным научно-справочным аппаратом (статьи, комментарии, указатель), который дополняют тексты документов. В приложении помещено исследование В. Страды. Рудницкая вернулась к темам, изучавшимся ею в начале творческого пути, чтобы взглянуть на знакомые сюжеты с учетом концептуальных построений нового периода российской исторической науки. Получилось у нее это актуально и органично, издание вызвало интерес у научной общественности. Евгения Львовна не изменяла себе, не искала конъюнктурных путей; во вступительной статье и комментариях нашла иные ракурсы темы, расширила ее границы, применила к объяснению событий новые модели.

Через два года Рудницкая издала работы Н.Я. Эйдельмана о А.И. Герцене, отдавая, таким образом, дань памяти глубокоуважаемому ею другу и коллеге³⁸. Тематика книги – одна из ведущих в творческом наследии историка и писателя. «Представленные в ней труды воспроизводят комплекс исследований, посвященных грандиозной по своему размаху пропаганде, развернутой Герценом, деятельности Вольной русской типографии – первому в России прорыву свободного слова свободного человека», – писала Евгения Львовна в аннотации к книге. Она осталась верна тематике, выбранной в начале пути, «прорыв свободного слова» – по-прежнему в приоритетных тенденциях ее научной и публикаторской деятельности.

Рудницкая освоила и новые направления исторических исследований. Под ее редакцией и благодаря ее энергии в 2003 г. вышла работа о миротворчестве в России³⁹. Как отмечала Евгения Львовна, «идея миротворчества и ненасилия – устойчивая традиция русской мысли, а подготовленная книга – один из первых подступов к ее систематическому исследованию»⁴⁰.

Авторы поставили перед собой цель: высветить гуманистический аспект российской цивилизации, раскрыть глубинную связь духовности в России с общемировым цивилизационным процессом. При этом миротворчество понималось как явление мировоззренческое, отрицавшее насилие в социально-политической сфере, межгосударственных и национальных отношениях, личностном

³⁸ *Эйдельман Н.Я.* Свободное слово Герцена. М., 1999.

³⁹ Миротворчество в России. Церковь. Политики. Мыслители. От раннего средневековья до рубежа XVIII–XIX столетий / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 2003.

⁴⁰ Там же. С. 5.

сознании, духовной ориентации человека. Эволюция миротворческой традиции в России дана в контексте русской истории, воздействия на нее западноевропейской социально-политической и философской мысли.

Евгения Львовна явилась инициатором и душой издания, отдавшего дань памяти ее учителю – Нечкиной. Эта работа стала последней в научной биографии Рудницкой. Ее жанр – документальная монография, в которой собраны «материалы литературного наследия академика, оставшиеся вне издания ее научных трудов»: ранние историографические работы, научные выступления, доклады, неопубликованные статьи, переписка, мемуары и даже стихи. Название работы весьма красноречиво: «“История в человеке” – академик М.В. Нечкина»⁴¹. Как отмечала Евгения Львовна в «Предисловии» к изданию, «в судьбе Милицы Васильевны сложно переплелись яркая, активная личность и глубоко драматическая эпоха, в которой ей пришлось жить и творить. Академику М.В. Нечкиной принадлежит заслуга продвижения отечественной науки, создание ярких полотен, образующих богатую галерею исследований, посвященных крупным историческим сюжетам, людям, чьи имена неотделимы от истории русской культуры, исследований, будирующим теоретическую мысль. И в то же время они несут на себе печать политических реалий времени. Документальное, даже частичное воспроизведение творческого пути ученого <...> – это богатейший материал для размышлений, для осознания сложности преломления в судьбе творческой личности подавляющего государственного и идеологического диктата». «В широком же плане, – резюмирует Евгения Львовна, – это документальное оснащение проблемы интеллигенции и ее преломления и сочленения с историей тоталитарного государства»⁴². Таким образом, и эта работа Рудницкой вносит вклад в проблему, исследованию которой она посвятила последние десятилетия жизни.

Евгения Львовна всегда была примером настоящего ученого-исследователя, о чем свидетельствуют не только созданные ею и под ее руководством работы, но и ее выступления на различных научных мероприятиях.

⁴¹ «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011.

⁴² Там же. С. 6, 11.

Воспоминания

С.З. Роговина

Воспоминания дочери

Моя мама, Евгения Львовна Рудницкая, родилась в Ташкенте 14 октября 1920 г. Ее мать – Дора Матвеевна Рудницкая была одним из крупнейших государствоведов и историков Средней Азии. На протяжении многих лет Дора Матвеевна вела курс советского государственного права в Ташкентском юридическом институте. Блестящий лектор она пользовалась неизменной любовью студентов. Ее научные труды посвящены исследованию государственно-правовых проблем Туркестанской АССР. Монография «Из истории строительства Советов в Туркестане», опубликованная после ее смерти в 1964 г., внесла большой вклад в понимание возникновения и деятельности мусульманских Советов и демократических организаций местного населения при становлении новых органов власти.

В 1938 г. мама поступила на историко-филологический факультет Среднеазиатского государственного университета, который с отличием окончила в 1942 г. Учеба сочеталась с работой. Имеется справка, датированная 1940 г., согласно которой во время учебы в университете она в течение месяца работала на строительстве Северного Ферганского канала. Война не обошла семью стороной: мамин дядя – Илья Матвеевич Калиш в 1943 г. был убит на Курской дуге.

В период учебы Женя проявила себя как образцовая студентка, о чем свидетельствует отзыв профессора В. Н. Куна, напечатанный в «Научном бюллетене» историко-филологического факультета (1942. № 3). Поскольку этот отзыв представляет интерес для понимания формирования личности ученого, имеет смысл привести его полностью: «Тов. Рудницкая известна мне с первого года ее студенческой жизни и с первого знакомства произвела впечатление хорошего студента. Очень скоро я убедился, что она будет студенткой образцовой. Для этого нужно три качества – воля к труду, уважение к знанию и интерес к предмету. Обычно их развивает работа в высшем учебном заведении, если хоть одно из них студент приносит с собой. Рудницкая с самого начала работы располагала всеми тремя. Не мудрено, что при этом условии все трудовые задачи ее студенческих лет исполнялись ею с исчерпывающей полнотой. В ее умственном складе рано обозначилась еще одна черта, способная сделать человека самостоятельным

научным работником, — та умственная зоркость, которая помогает среди множества явлений найти главные и верно их связать. Ее ответы на экзаменах, беседы и рефераты на занятиях всегда отличались той внутренней ценностью и отлично отысканной формой, которая определяется в зоркости выбора фактов и требовательным логическим чувством. Опыт четырехлетней сознательной упорной работы сильно развил в Рудницкой эти необходимые для самостоятельного умственного труда свойства, а работа ее, написанная на тему “О роли общины в русской политической мысли XIX века”, убедительно их показали. Факультет вправе гордиться своим питомцем и рассчитывать на успешное и плодотворное служение Е. Рудницкой исторической науке».

Действительно, три качества, отмеченные профессором Куном, определили ее отношение к науке, сохранившееся на всю жизнь. Несмотря на большое количество окружавших ее ярких и крупных ученых, достаточно редко можно было встретить человека, для которого научная деятельность составляла главный смысл жизни, отодвигая все прочее на второй план. При этом она была красивой, элегантной, яркой женщиной, производившей большое впечатление на окружающих. Такое сочетание интереса к науке и плодотворности в научной деятельности (ею написано семь монографий и большое количество научных статей) с изяществом и светскостью представляет собой довольно редкое явление.

После окончания университета она некоторое время проработала на кафедре истфака и в ЦК комсомола Узбекистана, после чего уехала в Москву, где поступила в аспирантуру на исторический факультет Московского государственного университета. В 1948 г. мама защитила кандидатскую диссертацию «Формирование общественно-политических взглядов Н. П. Огарева (1820-е гг. — 1855 г.)». Исследованием жизни и творчества Огарева и Герцена Евгения Львовна занималась практически всю свою научную жизнь. В частности, в издательстве «Наука» в 1969 г. вышла ее монография «Огарев в русском революционном движении».

С 1950 по 1958 г. мама являлась внештатным научным сотрудником «Литературного наследства», которое в то время занималось публикацией архива Герцена и Огарева. Там она работала под руководством основателей этого издания — знаменитых литературоведов И. С. Зильберштейна и С. А. Макашина, общение с которыми оставило большой след в ее жизни. В 62–64 томах «Литнаследства» были напечатаны первые научные публикации Евгении Львовны.

С 1958 г. и до ухода на пенсию в 92 года мама проработала в Институте истории СССР (впоследствии – Институте российской истории РАН). Большая часть ее научной жизни была связана с академиком Милицей Васильевной Нечкиной, с которой им удалось осуществить выпуск факсимильного издания журнала «Колокол» и альманаха «Полярная звезда», а также опубликовать ряд работ по истории декабристского движения. Впоследствии Е.Л. Рудницкая совместно с С.В. Мироненко (ныне – чл.- корр. РАН) занимались публикацией неизданных трудов и дневников М.В. Нечкиной. Все это происходило на моих глазах, и я видела, сколько усердия и сил надо было затратить для воплощения этого проекта в жизнь.

Мама рассказывала мне, как Милица Васильевна положила перед ней папку с ее работами по Николаю Ножину со словами: «Вот, это Ваша докторская», тем самым подтолкнув ее к написанию диссертации.

Неудивительно, что в круг маминого общения входили такие яркие люди, как, например, Натан Яковлевич Эйдельман, с которым она плодотворно работала в течение многих лет, или футуролог И.В. Бестужев-Лада. То, о чем говорил у нас тогда Эйдельман, еще не признанный блестящий историк, а никому не известный начинающий исследователь, производило ошеломляющее впечатление на присутствующих. Бестужев-Лада, в свою очередь, рассказывал о неизвестной тогда науке футурологии, созданием которой в нашей стране он и занимался.

У нас бывали и многие другие крупные ученые-историки, в частности академик И.И. Минц, с которым мама начинала работу в Институте истории СССР в секторе Гражданской войны. Он часто бывал у нас дома, поскольку жил недалеко и любил приходить к нам вечерами после прогулок – на рюмочку коньяка. Он был замечательный рассказчик, и некоторые его истории я помню до сих пор.

В нашем доме также часто собирались многочисленные друзья моего отца – знаменитого химика-полимерщика, профессора Захара Александровича Роговина, посвятившего свою жизнь созданию промышленности химических волокон в нашей стране и химическим превращениям целлюлозы, за что он был награжден тремя Государственными премиями. Мои будущие родители познакомились в подмосковном доме отдыха и вскоре поженились. Хотя папа был значительно старше, они счастливо прожили вместе более 30 лет до его смерти в 1981 г. У папы были дочь и сын от первого брака. Впоследствии они добились больших успехов – каждый в своей области. Лидия Захаровна Роговина тоже стала химиком, доктором наук,

работала в Институте элементоорганических соединений РАН. Вадим Захарович, доктор философских наук, историк и социолог, работал в Институте социологии РАН. Среди прочего им был опубликован семитомный труд «Была ли альтернатива сталинизму?», посвященный истории внутривнутрипартийной борьбы левой оппозиции против Сталина и получивший признание во многих странах. С мамой у них были прекрасные отношения, они всегда регулярно бывали у нас, и эти встречи обычно сопровождались, особенно с Вадимом, жаркими дискуссиями и спорами по политическим и прочим вопросам.

Выйдя замуж, мама попала в совершенно новый для нее круг, но быстро в нем освоилась и стала всеобщей любимицей. В числе бывавших у нас выдающихся химиков особенно хотелось бы вспомнить самых близких друзей отца: академика, генерала Ивана Людвиговича Кнунянца и замечательных людей, выдающихся ученых, работавших в «закрытых» областях, — Семена Львовича Варшавского и Давида Израилевича Гальперина.

Кнунянец был страстным коллекционером старинной мебели и картин, реставрацией которых занимался сам. Он имел широкий круг знакомств среди живших еще в те годы старушек дворянского происхождения, у которых он и покупал антиквариат за копейки. Поскольку в какой-то момент места в квартире у него уже не хватало, то он приобрел к такому собирательству и маму. Таким образом, у нас появились «александровские» кресла красного дерева, картины голландских мастеров, люстры, а также изумительный французский секретер, в котором мама хранила свои бумаги и украшения. Еще были ломберный столик и очень не удобный диван-ладья, на котором я в детстве спала довольно долго, но, к счастью, в конце концов, от него избавились.

Одним из знакомых Ивана Людвиговича по антиквариату был удивительный старик — бывший камер-юнкер Двора его императорского величества, — которого он часто приводил к нам. Звали его, кажется, Григорий Васильевич, и было ему тогда хорошо за восемьдесят, но он сохранил и красоту, и благородство. Выпив пару рюмок, он рассказывал совершенно удивительные истории про фрейлин и великих князей, потом про свои похождения с Есениным и так далее. Подробностей я уже не помню, но слушали его все с раскрытыми ртами.

Такое сочетание в одном доме «физиков и лириков» (как тогда говорили) создавало особую атмосферу, когда общение незаурядных, каждого в своей области, людей порождало жаркие споры и дискуссии, иногда грозившие закончиться отнюдь не мирно. Но мама умело

руководила этим процессом, и за красиво накрытым столом с вкусной едой происходило всеобщее примирение. Общение с неординарными личностями, которых я видела, начиная с детского возраста, оставило на мне свой отпечаток, и даже теперь при встрече с новыми людьми я неосознанно зачастую предъявляю к ним завышенные требования.

В Институте у мамы был узкий круг друзей, с которыми она часто приходила к нам домой после работы. Со мной, тогда девочкой, общались как со взрослой, что было мне приятно и заставляло поддерживать умные разговоры. Папа тоже любил с ними поговорить и поспорить и, поскольку мог поддержать разговор на любую, даже далекую от него тему, часто в таких спорах выглядел победителем к общему изумлению участников беседы, безусловных специалистов в своих областях. Мама любила поддерживать связи со многими учеными, работавшими по ее тематике и проживавшими в разных городах; она находилась с ними в постоянной переписке; они обменивались поздравлениями с праздниками (я для этого покупала специальные открытки – Интернета тогда не было); для нее, особенно в последние годы, это было важно.

Интерес ко всему происходившему, особенно к политике, был у нее всегда и в последние годы даже усилился.

Мама любила отдыхать в академическом санатории в Узком, куда я ее отвозила пару раз в год. Ей нравилась старомодная атмосфера этого места, уважительное отношение к ней практически не менявшегося персонала, круг отдохавших там ученых, с которыми у нее легко завязывались знакомства, поддерживаемые потом и в Москве.

Ее отличительными чертами были большая работоспособность, доходившая до педантичности организованность и аккуратность. Каждое утро она садилась за пишущую машинку (компьютеров тогда не было), за которой и проводила всю первую половину дня. При этом всю используемую литературу она заносила на отдельные карточки, которые хранились в специальных коробках, т.е. у нее была своя необходимая ей картотека. Мама проводила много времени в архивах, уходя утром и возвращаясь вечером, выписывая все в специальные блокноты.

Так получилось, что я пошла не по маминым, а по папиным стопам и стала заниматься химией. Окончила химический факультет МГУ и всю жизнь проработала в Институте химической физики РАН им. Н.Н. Семенова. И хотя научные интересы были у нас совсем разные, тем не менее, все мои институтские дела и защиты диссертаций всегда вызывали у мамы искренний интерес. Мои разнообразные

знакомые часто бывали у нас дома, и со всеми она была в хороших ровных отношениях.

Мама оказала большое влияние на формирование моих дочерей — Алены и Тани, которые с ранних лет, имея такой пример перед глазами, подсознательно пытались соответствовать ее манере поведения и тем моральным ценностям, которыми она руководствовалась в жизни. Когда у них появились собственные дети, мама очень нежно относилась к ним.

Мама прожила долгую жизнь, прошла через смену эпох, переоценку ценностей, но ее всегда поддерживал имевшийся у нее внутренний стержень, позволявший сохранить себя в меняющихся жизненных обстоятельствах. У нее было мужество, которое позволяло ей преодолевать непростые жизненные ситуации, с которыми приходилось сталкиваться. Много лет она прожила уже без моего отца. Многого изменилось, но мама не утратила вкуса и интереса к жизни, что говорит о ней как о мужественном человеке. Безусловно, ее поддерживала на плаву та творческая работа, которой она посвятила свою жизнь. Внутренняя самодисциплина, организованность и целеустремленность позволили маме добиться результатов, получивших признание и высокую оценку ее коллег.

К сожалению, практически не осталось в живых тех крупных ученых и друзей, с которыми маме довелось встретиться на своем жизненном и научном пути, и которые могли бы написать много теплых слов в ее адрес. Однако, без сомнения, она оставила свой след в изучении русского общественного движения и общественной мысли XIX в. — той области исторической науки, которой посвятила свою жизнь. А для меня и моих дочерей она навсегда останется мамой и бабушкой — родным и близким человеком, которая была рядом и во многом определила наше отношение к жизни.

Евгению Львовну нельзя было называть бабушкой, что казалось совершенно естественным, потому что на бабушку она была совсем не похожа — всегда собранная, стильно одетая, без укладки из парикмахерской не выходила даже на работу в Институт, по утрам делала зарядку. Когда мы с сестрой придумывали, как мы ее будем называть, сначала решили «Мама Женья». Это совсем не прижилось, попробовали сократить до «Ма-жени», но потом это как-то само превратилось в «Гаженю», и так и осталось на всю жизнь.

Я страшно жалею, что мы мало разговаривали, что я мало спрашивала, мало делилась, да и мало слушала. Не потому, что мне было неинтересно, а скорее, как-то неловко. В нашей семье почему-то не было принято разговаривать с детьми. Разговоры были примерно такие. Гаженя ко мне обращалась: «У меня вышла новая книга, хочешь меня поздравить?». Я говорила: «Поздравляю!». Она отвечала: «Спасибо».

Или, например, она рассказывала, что кто-то произносил речь в ее честь и назвал ее «Майей Плисецкой российской истории», а я сказала: «О, здорово!». И все. Ей, безусловно, были важны внимание и признание. Я это понимала, но не умела правильно реагировать, хотя очень ей гордилась. А теперь я сама уже взрослая, и когда у меня происходит что-то важное, например, выступление или успешный проект на работе, я дома особо никому и не рассказываю, потому что мне кажется, что это никому не интересно.

Гаженя прожила 96 лет, детство и юношество — в Ташкенте, в котором ее семья оказалась незадолго до революции, переехав из города Верный (Алматы), а с 1943 г. — в Москве. Теперь уже сложно узнать подробности, можно только воображать, сколько там всего было, или пытаться восстановить что-то по оставшимся письмам и документам.

Кажется, единственное, что я осознанно спросила, было про ее предков. Я увлеклась построением семейного древа, хотела сделать ей подарок к 90-летию. Она тогда написала мне краткую историю семьи на одну страничку. Я знала что-то про ее маму — Дору Матвеевну, т.к. она являлась публичной фигурой. Про нее легко можно было найти какую-то информацию. Помнила одну из ее теток, младшую

сестру Доры – Лику. Она несколько раз приезжала к нам в гости из Ташкента, когда я была маленькая. Я помню, что ее ташкентская подруга Маша приходила к нам в гости, когда я уже стала довольно взрослой. Но я не знаю ее фамилии, и кем она была.

Я любила сидеть у Гажени в комнате – самой большой в нашей квартире и самой моей любимой. Я листала альбомы по искусству, про какие-то города, и без конца рылась в стенке, где хранилась праздничная посуда, какие-то шкатулки и привезенные, наверное, дедушкой или подаренные кем-то безделушки, которые я могла рассматривать тысячу раз. Вечером я разглядывала открытки – было полно красивых открыток со всего мира в ящике маленького старинного столика, который плохо открывался. Там же лежали программки мероприятий Дома ученых – я помечала, куда хочу пойти, но меня почти никуда не брали. Такие же были – из музея Герцена.

Наверное, я ей мешала работать. Гаженя все время работала, когда была дома – сидела за печатной машинкой Эрика. До сих пор помню и звук стука по клавиатуре, и как переставлялся новый абзац, и пачки листов. Утром она работала дома, а позже шла в Институт или в Ленинскую библиотеку.

К ней часто приходили гости. Их было интересно слушать, и я хотела там находиться. Иногда нам с сестрой разрешали присутствовать в конце, когда подавали чай с чем-то сладким. Я помню Натана Эйдельмана, Игоря Бестужева-Ладу, Бориса Итенберга.

Интересно, что и моя дочка Рина, которая была совсем-совсем маленькой, когда мы приезжали в гости, любила сидеть у Гажени в комнате и рисовать.

Она меня очень любила и часто говорила, что все у меня есть и мне не хватает только уверенности в себе, и это совершенно зря. На ее слова я как-то особо не реагировала и думала, что Гаженя просто так зачем-то все это говорит. Не знаю, почему я так думала, она, видимо, правда хотела до меня донести эту мысль. До сих пор, когда меня хвалят, я думаю, что это просто так, а порой мне вообще не по себе.

Иногда мы вместе готовили по выходным: пирог и пирожки с капустой, беляши; как-то вареники. Время от времени она готовила плов – все-таки ташкентские корни, а беляши – считалось, что по сибирскому рецепту, т.к. дедушка и бабушка Гажени приехали в Верный из Сибири.

Мы с ней ездили отдыхать в Серебряный Бор, в дом отдыха Большого театра и пансионат «Звенигородский», который мы называли «Мозжинка», потому что рядом находится академический поселок

Мозжинка. Отдых в Серебряном Бору я ненавидела – со мной в доме отдыха никто не дружил, а Гажене там, кажется, нравилось – творческие люди и общая атмосфера. А в пансионате «Звенигородский» на еврейском семинаре я 20 лет спустя познакомилась со своим мужем. Однажды мы вдвоем с Гаженой ездили на Азовское море – какая-то ее приятельница организовала путевки в пансионат.

В последние годы жизни она ездила отдыхать исключительно в академический санаторий «Узкое» на Юго-Западе Москвы. Мы к ней приезжали уже с моей дочкой Риной. Гаженя – всегда очень красивая и собранная – встречала нас.

В 2010 г. я уехала жить в Израиль. Когда я приезжала в Москву, Гаженя постоянно говорила мне, что хотела бы побывать в Израиле, но уже, видимо, не сможет. И я опять не знала, что ответить, и проносила что-то невнятное.

С.В. Мироненко

Воспоминания о Евгении Львовне Рудницкой

Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы не Евгения Львовна Рудницкая. Несколько раз она сыграла решающую роль в моей жизни.

Осенью 1976 г. я окончил аспирантуру исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, и мне нужно было искать место работы. Мой научный руководитель профессор Петр Андреевич Зайончковский просил тогдашнего декана исторического факультета Юрия Степановича Кукушкина оставить меня на кафедре, но получил вежливый отказ. Против был проректор университета и одновременно заведующий кафедрой истории СССР периода капитализма Иван Антонович Федосов – у него был свой аспирант (Андрей Анатольевич Левандовский), которого он и оставил на кафедре. Петр Андреевич продолжал искать для меня место работы и договорился с ректором Историко-архивного института С.Н. Красавченко, что он возьмет меня на работу в институт. Но Красавченко, у которого я побывал, сказал мне, что может взять меня только на кафедру истории КПСС. Естественно, перспектива преподавать историю КПСС мне категорически не нравилась.

Тогда еще существовала система обязательного распределения. Все выпускники получали направления на работу, где должны были трудиться положенное по закону количество лет. Мне удалось получить запрос из управления кадров Академии наук СССР, и я был распределен в Академию. Но это было формальным решением, не дававшим конкретного места работы, но сыгравшим определенную роль в моей дальнейшей судьбе.

В ходе занятий над кандидатской диссертацией, предметом которой был крестьянский вопрос в царствование императора Николая I, я нашел в архиве неопубликованную записку декабриста М.А. Фонвизина – об указе 1842 г. об обязанных крестьянах. В 1975 г. отмечался 150-летний юбилей восстания декабристов, и в Институте истории СССР АН СССР готовился юбилейный выпуск «Исторических записок». Я подготовил для него статью «Крестьянский вопрос в трудах декабриста М.А. Фонвизина». Ответственным редактором юбилейного тома «Исторических записок» была академик Милица Васильевна Нечкина.

Именно тогда я познакомился с Евгенией Львовной Рудницкой — ученым секретарем Группы по изучению революционной ситуации в России в 1859—1861 гг., которой руководила Милица Васильевна. Евгения Львовна была ее ученицей и ближайшей помощницей. Именно Рудницкая стала инициатором моего появления в рядах сотрудников Института истории СССР. В Группе революционной ситуации тогда работали одни женщины. Поскольку я имел распределение в Академию наук, Евгения Львовна энергично взялась за дело, убедив Милицу Васильевну в необходимости пополнить группу молодым сотрудником.

Милица Васильевна написала письмо директору Института — академику Алексею Леонтьевичу Нарочницкому. Ответа не последовало, что задело самолюбие Милицы Васильевны, и она, пользуясь своим академическим весом, обратилась к вице-президенту Академии П. Н. Федосееву. Дело тянулось несколько месяцев, но Милица Васильевна своего добилась. Как рассказывала мне впоследствии Евгения Львовна, встречая Милицу Васильевну в Академии, Федосеев говорил: «Помню, помню. Мироненко».

Как бы то ни было, но в начале 1977 г. я получил отпечатанное на тонкой полоске бумаги (видимо, ее в Академии не хватало) важное для меня решение вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева. Оно гласило: увеличить штат Института истории СССР АН СССР на одну штатную единицу — младшего научного сотрудника для зачисления на нее С. В. Мироненко. То есть я пришел в Институт с персональной ставкой. Для того времени это было неслыханным делом. Конечно, без постоянной поддержки Евгении Львовны этого никогда бы не произошло.

Не могу не вспомнить, что еще до зачисления в Институт меня стали привлекать к работе группы. Тогда шел завершающий этап подготовки коллективной монографии «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», и я принял посильное участие в работе над ней, написав небольшой текст в полторы странички, сейчас даже не помню о чем. Когда я как-то пришел к Милице Васильевне домой, она вручила мне конверт со 105 рублями (месячная зарплата младшего научного сотрудника академического института без степени). Я начал отказываться, но Милица Васильевна настояла, чтобы я взял, как она выразилась, зарплату, и еще один месяц, пока меня не взяли на работу, платила мне деньги из своего кармана.

Рудницкая была в то время уже известным историком русского освободительного движения, автором широко популярной моно-

графии о Н. П. Огареве. Она была организатором факсимильных публикаций продукции «Вольной русской типографии» А. И. Герцена и Н. П. Огарева в Лондоне, которые издавались в 1960–1980-х гг. по инициативе Нечкиной. Одно за другим в эти годы появлялись факсимильные издания «Колокола», «Полярной звезды», «Голосов из России». Всю ответственность за их подготовку несла Евгения Львовна. Она же организовывала заседания Группы по изучению революционной ситуации, которые проходили регулярно, и их результаты публиковались в сборниках статей. Прибавьте к этому работу над коллективной монографией, и станет очевидным, какой огромный объем работы ложился на плечи Евгении Львовны, — не только как одного из ведущих специалистов в области истории революционного движения в России, но и как организатора исследовательской работы.

Я думаю, что стремление разгрузить себя от части бюрократических обязанностей было не последним стимулом ее борьбы за мое водворение в Институт. Довольно скоро Рудницкая передала работу ученого секретаря группы в мои руки. Тут нужно хотя бы кратко рассказать о том, чем еще занимались сотрудники группы. Вторым направлением ее деятельности было издание томов документальной серии «Восстание декабристов». Я пришел в группу, когда в издательстве «Наука» находился 14-й том серии, и сразу был привлечен к научно-технической работе. После выхода его в свет, я начал подготовку к печати докладных записок и журналов Следственного комитета по делу декабристов. Параллельно шла работа над другими томами серии. Так что, работая в группе, я оказался далек от тематики, которой занималась Евгения Львовна.

Вскоре Милица Васильевна пригласила меня к себе домой и завела разговор о том, что мне уже пора думать о докторской диссертации. «Я придумала для Вас, Сережа, отличную тему, — сказала она. — Я наметила ее в своей монографии “Движение декабристов”. Вы же разовьете ее, и получится отличная работа. Это революционная ситуация в годы декабристов. Через несколько лет Вы станете доктором наук, я Вам помогу». Сказать, что это мне не понравилось, ничего не сказать! Я был учеником Петра Андреевича Зайончковского, который скептически относился к ленинской теории революционных ситуаций 1859–1861 и 1889–1890 гг., считал ее явным преувеличением значения революционного движения. Что уж тут говорить о какой-то революционной ситуации в годы декабристов, которая, по словам Милицы Васильевны, зрела, но окончательно так и не вызрела. Писать о революционной ситуации в годы декабристов я решительно

не хотел. Посоветовался с Петром Андреевичем, который предложил сформулировать тему иначе: «Самодержавие в годы движения декабристов». Конечно, поговорил с Евгенией Львовной, которая разделяла мое нежелание заниматься предложенной Нечкиной темой, явно понимая ее спекулятивность. Но прямо отказаться было невозможно. Каждый сотрудник Института, кандидат наук, обязан был иметь самостоятельную исследовательскую тему. Нужно было искать компромиссный вариант. Какую тему мы, в конце концов, придумали, я сейчас вспомнить не могу. Но на некоторое время все успокоилось.

Вскоре на заседании группы я должен был сделать доклад о предварительных результатах моей исследовательской работы. В то время бурно развивались количественные (тогда называвшиеся математическими) методы исторических исследований. Еще студентом университета я прослушал один из первых спецкурсов Ивана Дмитриевича Ковальченко, пионера и страстного пропагандиста количественных методов в исторических исследованиях. Потом посещал заседания семинара по количественным методам, который вел Ковальченко в Университете. И в Институте работала лаборатория количественных методов. Одним из перспективных направлений их использования в исторических исследованиях было создание социального портрета разных групп общества. Для создания социального портрета высшей бюрократии первой четверти XIX в. имелся идеальный формализованный источник — формулярные списки, хранившиеся в историческом архиве в Ленинграде. Мы вместе с сотрудником Института — Игорем Николаевичем Киселевым создали на основании данных формулярных списков базу данных, анализ которой и стал темой моего доклада. Заседание состоялось под председательством Милицы Васильевны, которая, прослушав мой доклад, встала и, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Заседание продолжилось без ее участия, но после него мои коллеги — А.В. Семенова и С.А. Селиванова сказали мне, что я пропал, что «бабка» (так они называли за глаза Милицу Васильевну) вне себя от возмущения моим докладом. Евгения Львовна и остальные сотрудники группы в целом положительно оценили результаты моего труда. Я тогда не придавал значения уходу Милицы Васильевны, мало ли что могло случиться с пожилым человеком.

Через несколько дней Милица Васильевна пригласила меня к себе и произнесла примерно следующий монолог: «Я все поняла. Мы выстрадали марксизм, а Вы хотите разрушить марксистскую концепцию отечественной истории, которую мы создавали десятилетиями.

По-вашему, получается, что Россией управляли не дворяне-помещики, а бюрократы, полностью зависящие от власти». Дело в том, что анализ послужных списков высшей бюрократии первой четверти XIX в. показал, что большинство из них либо вообще не имели собственности, либо были мелкопоместными помещиками. Только небольшой слой высших бюрократов обладал значительным количеством земли и крепостных крестьян. Я был поражен такой оценкой исследования. Я вовсе тогда не думал, что подрываю основы марксистского понимания российской истории, что сделал что-то крамольное. Пытался как-то оправдаться, объяснить, что мне, младшему научному сотруднику, и в голову не могло прийти подрывать основы марксистского понимания исторического процесса и т.д. Но ничего не помогало. Милица Васильевна была неумолима. В то время она была в силах полностью меня уничтожить, изгнать из Института, запретить заниматься этой темой, не знаю, что еще сделать. Но на удивление никаких кар не последовало. Я продолжал работать в группе, начал готовить биографический справочник декабристов, регулярно бывал у Милицы Васильевны дома, и она никогда не возвращалась к этому инциденту. Думаю, что без помощи Евгении Львовны и здесь не обошлось, хотя мы никогда с ней этого не обсуждали.

В 1985 г. умерла Милица Васильевна. После ее смерти группа просуществовала недолго, и мы все перешли в Сектор истории СССР периода капитализма. К власти пришел Горбачев, начались перемены и в исторической науке. Но новые веяния обходили стороной сектор. Если при жизни Милицы Васильевны мы в группе жили обособленной жизнью и благодаря Евгении Львовне избегали скучных и часто бесплодных заседаний, то после все изменилось. Пришлось тратить время на не нужные никому заседания. После смерти Милицы Васильевны мне удалось опубликовать в 1989 г. в издательстве «Наука» монографию «Самодержавие и реформы», которую через два года я защитил в качестве докторской диссертации. Естественно, при дружеской поддержке и помощи Евгении Львовны, которая добилась вначале включения моей темы в институтский план, а затем помогла в продвижении книги в издательстве «Наука». Опубликовать плановую работу было в то время нелегко. Нужно было простоять долгую очередь в несколько лет.

Постепенно я познакомился с семьей Евгении Львовны, с ее мужем — известным химиком Захаром Александровичем Роговиным, который ушел из жизни в 1981 г. Хорошо помню похороны Захара Александровича, гражданскую панихиду в Текстильном институте, где

он долгие годы заведовал кафедрой химических волокон. На панихиде выступали выдающиеся советские ученые, в том числе хорошо говорил старый друг Захара Александровича – академик И.Л. Кнунянц, который был в генеральской форме и со звездой Героя Социалистического Труда. Захар Александрович был давно знаком с мужем Милицы Васильевны, тоже химиком, академиком Академии педагогических наук Давидом Аркадьевичем Эпштейном, с которым они были соавторами учебника по химической технологии.

Евгения Львовна трогательно относилась к мужу, гордилась им. Потом я познакомился с дочкой Евгении Львовны – Светланой Захаровной, тоже химиком, доктором химических наук, и ее мужем академиком А. Берлиным, директором знаменитого Института химической физики. Мы с моей женой Машей бывали в гостях у Евгении Львовны на Донской улице.

Перу Евгении Львовны Рудницкой принадлежат многие труды, которые не потеряли значения и сегодня. Ее исследования никогда не были конъюнктурными, они всегда основывались на тщательно подобранных и проанализированных источниках. Она была требовательным руководителем, умелым организатором и одновременно мягким интеллигентным человеком. Не помню случая, чтобы Евгения Львовна повысила голос. В тоже время она могла быть жесткой, если дело касалось принципиальных вопросов, не боялась сказать человеку в глаза, что она о нем думает. Ее отличала кристальная честность. Если она была уверена в своей правоте, она без сомнения шла в своей борьбе до конца.

До последних своих дней Евгения Львовна (а прожила она более 90 лет) продолжала трудиться, не представляя себя без любимой работы. Она была всегда элегантно одета, ходила в туфлях на высоком каблуке, чем поражала молодых сотрудниц Института; всегда в прекрасной форме и никогда не жаловалась на здоровье. Помимо всего прочего, она была просто очаровательной женщиной. В общем, как мне представляется, Евгения Львовна Рудницкая стала яркой звездой на небосклоне советской и российской исторической науки.

Гармоничная личность

Если бы я в детстве лучше слушала и запоминала, то цены бы мне не было как свидетельнице (таковых уже так мало осталось) литературно-научной жизни начала 1950-х гг. Но воспоминания мои отрывочны, часто – всего лишь визуально-эмоциональные.

Помню, как Евгения Львовна пришла к нам (естественно, к маме, но я всегда считала, что это «к нам») в гости на «Первую Мещанскую», еще не ставшую проспектом Мира. А я как раз гуляла во дворе, около подъезда нашего дома. Она забрала меня с собой, мы вместе вошли в нашу с мамой комнату в коммуналке, сняли шубки (у меня – козлик, но и у нее – неплохой мех), и она протянула мне коробку конфет. От нее всегда доставалось что-то хорошее. Не только в смысле подарков, но и просто доброжелательность.

В биографии Е.Л. Рудницкой в «Википедии» написано: «С 1950 по 1958 г. – сотрудница редакции “Литературного наследства”». Это не точная формулировка. Евгения Львовна никогда не была сотрудницей редакции, она участвовала в подготовке герцено-огаревских томов (т. 61–64, и позже, в 1980-е гг., что-то еще издавалось, но я не про то). В каждом из этих томов есть публикации Рудницкой. Главное, что она изначально была привлечена к разбору большого архивного массива, полученного усилиями С.А. Макашина из Праги, называемого «Пражский архив» – фактически весь архив А.И. Герцена, собранный из разных стран, который и лег в основу герценовских томов «Литнаследства». Возможно, за работу по классификации этого архива Евгении Львовне что-то платили по договору от редакции, и в этом смысле она была сотрудником, – не знаю. Но своего стола на «Волхонке» у нее точно не было – уж я-то, которую часто приводили в редакцию, потому что не на кого было оставить, помню, где кто сидел. Своей, конечно, считали. На детскую новогоднюю елку в Отделение русского языка и литературы Светлану – мою точную ровесницу – приглашали, как и меня.

Евгения Львовна была на семь лет старше моей мамы, и уже кандидатом наук, с четко сформированным направлением научных интересов – Герцен и Огарев. Она сразу попала под ведомство С.А. Макашина, которого очень уважала и считала научным подвижником.

А моя мама, которой неслыханно повезло с устройством в «Литнаследство», начав работать в редакции в августе 1951 г., была неопытная, готовая учиться делать любую архивную и редакционную работу. Она не знала, под чьим началом — Макашина или Зильберштейна — будет, и под чьим быть лучше, и какая тематика — декабристы, кюхельбекер или Герцен и Огарев — интереснее. Обстановку в редакции мама подробно описывала в своих письмах ленинградскому родственнику А.Ф. Перельману¹. Евгения Львовна не упоминается в этих письмах (с мамой они подружились чуть позже), но все равно и к ней они имеют прямое отношение. В них речь идет о тех людях, с которыми встречалась и Евгения Львовна. Надо сказать, что не со всеми было легко ладить, но Евгения Львовна с ее исключительным тактом сумела со всеми остаться в прекрасных отношениях.

Она была очень ровная — вот уж в противоположность моей маме. Они в те годы часто виделись, я много при этом присутствовала (просто маме часто некуда было меня девать). Выходили из «Литнаследства», забирали меня из группы на Гоголевском бульваре, ходили по каким-то мелким делам, вроде маникюра, и разговаривали. При Евгении Львовне было спокойно. И улыбка у нее была на редкость приятная. Она часто улыбалась: не от радости, а от приветливости.

У меня есть архивные свидетельства примерной даты начала дружбы мамы и Евгении Львовны. 8 мая 1954 г. мама написала своей ленинградской тете: «Мне позвонила одна наша авторша, с которой мы за последний год сдружились, Женя Рудницкая, чтобы сообщить, что Макашин сказал ей: “Вот, знаете, Натальи Александровны нет, я прямо, как без рук, без нее”». Это значит, у мамы — уже безумное увлечение Герценом, а также Макашиным (раньше душа лежала к Илье Самойловичу Зильберштейну, потому что идеологически он, безусловно, был маме ближе), и восторг по поводу переданного от него комплимента. «Последний год» — это начиная с весны 1953-го.

Не знаю, было ли начало их дружбы связано со смертью Сталина, но не могу не отослать еще к одной публикации маминых текстов², где, в частности, рассказывается о том, как проходил этот день в редакции «Литнаследства». Только С. Макашин заявил, «что

¹ Эти письма можно прочесть в Интернет-журнале «Чайка» за 13 и 20 ноября 2016 г. (URL: <https://www.chayka.org/node/7647> и <https://www.chayka.org/node/7669>).

² Роскина Н. Наша редакция. Публикации и комментарии М. Фролова // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 391–399.

ему необходимо со Сталиным проститься. Больше никто потребности в этом не ощущал».

В день похорон «Зильберштейн, ненавидевший Сталина, решил пресечь возможный уход сотрудников и назначил генеральную уборку редакционных столов и шкафов <...> я (Н.А. Роскина. – *И.Р.*) надела перчатки и вывалила из шкафа и стола гору папок прямо на пол, загородив вход. Макашин приехал в редакцию и не мог войти, я поспешно отодвинула папки. Он с бешенством спросил: “Что это значит?” Подавляя смех, я сказала: “Распоряжение Ильи Самойловича”. Последний сидел за своим столом и наслаждался представлением. Макашин с нарастающим еще бешенством спросил его: “Илья, что это значит?”, – и Зильберштейн, тоже подавляя злорадный хохот, который рвался у него, казалось, даже из ушей, сказал: “А в чем дело? Разве в такой день не надо работать еще лучше, чем обычно?”».

Мои-то воспоминания другие – детские. Я помню, как осенью 1953 г. нас со Светланой «водили» в «Театр Образцова» на спектакль «Заяц и кот». Заяц был предусмотрительный, а кот – безобразник, и всем, конечно, больше нравился кот. Все тогдашние дети смотрели этот спектакль.

Нашим мамам хотелось, чтобы девочки подружились, меня приглашали к Светлане на дни рождения, где было замечательно весело. Евгения Львовна так хорошо все это устраивала: и игры, и чай с тортом. Я Светлане завидовала: у нее день рождения в мае, а у меня в конце июня, и никого уже не бывало в городе. Дружбы не получилось, потому что в детстве особенно важно жить рядом, а мы – на разных концах города. Сейчас мы на разных концах света и совсем не общаемся, а все равно ясно, что Светлана мне как родная.

Еще я помню, как мама и Евгения Львовна сидели у нас в комнате в коммуналке – примерно те же годы, потому что я только что научилась читать (весьма поздно) – обсуждали машинопись (они-то и про машинопись говорили «рукопись», но почерк я бы не прочла), лежавшую перед ними. Видимо, это была публикация Евгении Львовны, а мама являлась редактором герценовского тома, – не знаю. Они говорили-говорили, мне тоже захотелось поумничать, и я влезла: «Вот тут напечатано “Огарев” – это неправильно, надо “Агарев”». Мама так посмотрела, что на всю жизнь запомнилось, но при Евгении Львовне «не убила».

Герцена и Огарева обсуждали бесконечно. Там было чем заинтересоваться: сначала один любовный треугольник, потом второй;

детективная история с деньгами; способные и несчастные дети, которых в «Литнаследстве» и вокруг него любили, как родных (я ревновала).

Подозреваю, что эти темы, хотя и не особенно пригодные для детских ушей, все-таки были менее опасны для разговоров при мне, чем обсуждение причин и результатов свершившейся революции, а они, наверняка, о советской власти говорили. Все было с ней связано: и Герцен с Огаревым, и декабристы, и не принимавшие революцию западники. «Литнаследство» было прямо каким-то оплотом если не антисоветчины, то свободы слова. Сейчас считается, что диссидентское движение в СССР началось с середины 1960 г. Да, если считать диссидентством открытые выступления, но вариться инакомыслие началось раньше. Например, та же Лидия Корнеевна Чуковская с ее переданным моей маме обожанием Герцена. Им нравилось, что Герцен открыто проклинал самодержавие, кричал, стучал ногами. Евгении Львовне ближе был Огарев — человек, видимо, очаровательный и более гармоничный. Странно, что я не помню ничего об общении Евгении Львовны и Лидии Корнеевны, а не может быть, чтобы они не встречались тогда «по Герцену».

В тех же маминых заметках «Наша редакция» упоминается, что в журнале «Вопросы истории» (1953. № 2) «Литнаследство» критиковали за объективизм, приводя в качестве примера публикацию письма, где упоминалось, как много ест (грешит чревоугодием) В. Г. Белинский. Вроде каждому понятно, что нельзя было в те годы «ни слова против Белинского», а они себе такое позволяли. Но гораздо большее впечатление произвела на меня — потом, не в детстве — «литнаследствская» (в 63 т.) публикация протоколов допросов Герцена и Огарева. Евгения Львовна («Допрос Огарева 24 сентября 1834 г.») спокойным, повествовательным тоном рассказывает о том, что никаких данных, доказывающих вину обвиняемого, ни первая, ни вторая комиссия не обнаружили, поэтому следствию пришлось активизироваться, назначить еще одну комиссию, усилить давление — искали исполнителя «пасквильных» стихов. По-моему, каждому из нас ясно, с какими допросами это ассоциируется. И им — той группе литературоведов и историков, которая собралась вокруг «Литнаследства», — это было вполне ясно. Они не принадлежали к тем, кому только публикации перестроечного «Огонька» глаза открыли. Конечно, они занимались историей и историей литературы не ради намеков и рискованных параллелей, но они этих параллелей не избегали, не опасались и не боялись возможных последствий.

Пример «последствий» можно увидеть в судьбе Якова Захаровича Черняка, с которым очень дружила и вместе много работала Евге-

ния Львовна. (И мама с ним дружила, и меня к ним с собой брала, и я помню, какой он был обаятельный, и какая чудная у него была жена Елизавета Борисовна; как дружила с ним Лидия Корнеевна Чуковская, и как полюбил его Иван Игнатьевич Халтурин³.) Евгения Львовна считала (наверное, со слов самого Черняка), что Яков Захарович «поплатился и местом работы, и научным сообществом»⁴ за книгу «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (Дело Огарева – Панаевой) по архивным материалам» (М.; Л., 1933)⁵. Этот труд в свое время произвел на Рудницкую большое впечатление.

Можно сказать, что для Евгении Львовны был характерен тот же аспект исторического анализа, в котором обстановка эпохи воссоздавалась не только за счет идей, но и за счет понимания личностных качеств. И опять мне хочется подчеркнуть, что этот аспект был особенно органичен Евгении Львовне в силу ее гармоничного характера. Она умела все замечать и многое прощать, не попадала в неловкие ситуации, умела предотвращать неприятные повороты. У меня нет этому конкретных примеров (забыла), но знаю, что было так.

В 1958 г., как известно, вольница «Литнаследства» кончилась. Не знаю, действительно ли это было непосредственно вызвано томом «Новое о Маяковском»⁶, или он послужил только поводом, и все равно их настигли бы неприятности. Мама осталась без работы. Евгения Львовна поступила в Институт истории. По-моему, они больше говорили по телефону, чем виделись. Или я уже подросла и занималась своими делами. Во всяком случае, в моей памяти частых встреч не сохранилось.

³ Допускаю, что что-то я на самом деле помню, а что-то реконструирую по опубликованным мною письмам Л.К. Чуковской к Н.А. Роскиной тех лет (Интернет-журнал «Чайка» за 11 и 18 декабря 2016 г. URL: <https://www.chayka.org/node/7713> и <https://www.chayka.org/node/7729>). Заодно упомяну, что еще в 1934 г. в «Правде» была какая-то ужасная («хлесткая») статья К.И. Чуковского против Черняка и «черняковщины», но я не знаю, как она отразилась на всех их отношениях.

⁴ Она рассказывает об этом в своем интервью («Одна, но пламенная страсть» // Проект «Обучающие сетевые олимпиады (ОСО)». URL: <http://oso.rcsz.ru/inf/pr/35>; дата обращения: 16.11.2020).

⁵ См. также электронную версию переиздания (*Черняк Я.* Спор об огаревских деньгах (Дело Огарева – Панаевой) // Электронная библиотека Александра Белоусенко. URL: http://www.belousenko.com/books/publicism/chernyak_money.htm; дата обращения: 16.11.2020).

⁶ См.: Бессмертный проект: к 80-летию «Литературного наследства» // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/24397114.html>; дата обращения: 16.11.2020.

Запомнилось мне, как в 1964 г., когда в Москву по аспирантскому обмену приехал сын мамино двоюродного дяди, — будущий известный историк Александр Рабинович с женой Дженет, тоже историком, мама сразу позвала Евгению Львовну проконсультировать Дженет по славянофилам и западникам. Это уже разговаривали у нас в отдельной квартире — на «Аэропорте».

Ну, и какую-то ерунду помню: Евгения Львовна нашла мастера, умевшего делать замечательные кружевные абажуры — под старину, превращая бронзовые подсвечники в настольные лампы. Ездили смотреть — и они тоже уже совсем в другой квартире жили, но по-прежнему не рядом. И мы лампу заказали. Мама очень верила вкусу Евгении Львовны.

Помню, что мама мне сообщила, что у Светланки родилась дочка. А потом помню, как мама позвонила Евгении Львовне рассказать, что у меня родилась девочка, а у Светланы уже скоро — вторая (вот как она меня обогнала). Потом мою дочку пригласили на день рождения кого-то из этих девочек, а потом и мы их пригласили на день рождения моей дочки. Но для взрослых это было уже не весело: мама была обреченно больна, и Евгения Львовна сидела подле нее, пока я старалась развлечь детей.

Сюжет мне очень нравится: жили две подруги, у них было по дочке, потом у дочек — свои дочки, потом уже и у этих дочек — дети, даже попадают мальчики. Такие матрешки, и все друг другу симпатизируют. И как хотелось бы узнать, что будет дальше.

Когда в 1990 г. я уезжала в Израиль, Евгения Львовна сказала мне на прощание: «Мне хочется, чтобы ты нашла там хорошего человека».

Мне кажется, это пожелание подчеркивает ту гармоничность ее личности, о которой я попыталась рассказать. Занимаясь всю жизнь проблемами движения идеологической мысли, развития общества и необходимости просвещения, она не бросалась высокими словами о благе масс, а желала личного счастья отдельному индивидууму.

Э.Л. Аким

Дом Евгении Львовны Рудницкой и Захара Александровича Роговина и его роль в моей жизни, или научное прогнозирование и футурология в глобальном аспекте

Осенью 2020 г. в журнале «Все материалы. Энциклопедический справочник» вышла наша статья с С.З. Роговиной и академиком РАН А.А. Берлиным. В век космических полетов и коронавируса она посвящена структурным изменениям древесины при получении «супердров» для печной России и печной Европы – древесных брикетов. Это что – возврат к дровам в условиях атомных электростанций и глобальных нефте- и газопроводов или важнейший глобальный тренд? Я уверен и знаю, что в условиях перехода к низкоуглеродной экономике, воспроизводимым источникам энергии эти «супердрова» станут одним из важных предметов российского экспорта.

В том, как мы, химики-полимерщики, стали заниматься биотопливом, или, по-простому, дровами, в какой-то степени повинен этот гостеприимный дом – Евгении Львовны Рудницкой и Захара Александровича Роговина. И, когда сейчас мы со Светланой Захаровной пишем совместные статьи о физико-химических аспектах биорефайнинга древесины, я иногда после ее очередной прекрасной редакторской правки, говорю: «Света, а это у Вас и от папы, и от мамы».

Так сложилось, что этот дом, интереснейшие встречи в нем сыграли большую роль в моей жизни. Они изменили и расширили направления моей научной деятельности и изменили саму мою жизнь.

В конце 1958 г., через месяц после поступления в аспирантуру в Ленинградскую лесотехническую академию к член-корр. АН СССР Николаю Игнатьевичу Никитину, он отправил меня знакомиться со всеми целлюлозными школами страны. И прежде всего к «целлюлознику» номер один – Захару Александровичу Роговину, одному из крупнейших специалистов в мире по химии целлюлозы и химическим волокнам. И я приехал в Московский текстильный институт. До этого я знал Захара Александровича, он бывал у нас в доме, у моего отца – Льва Эфраимовича Акима, который заведовал кафедрой химии древесины и целлюлозы в Ленинградском технологическом

институте целлюлозно-бумажной промышленности. Хотя мой отец был старше Захара Александровича на 12 лет, их сближали общность научных интересов и схожесть биографий. Первые вопросы Захара Александровича: «Эдик, расскажите, чем Вы занимаетесь?» «А еще чем?» «И если все это получится, — что будет?». После первого визита на кафедру я регулярно, раз в несколько месяцев, приезжал к Захару Александровичу и «отчитывался» по этим трем традиционным вопросам. И это была не форма вежливости, он всегда всем интересовался. Я попал в этот дом несколько десятилетий назад, когда перед моим отъездом в Питер Захар Александрович пригласил меня к ним домой. Так я и встретился с обаятельной женщиной — Евгенией Львовной и с фантастически интересным кругом гостей их дома. Я помню академика Б.А. Долгопоска и академика И.И. Минца, но особенно мне запомнился вечер, когда у них в гостях был Игорь Васильевич Бестужев-Лада. Исходя из воспоминаний последнего, я могу достаточно точно определить дату этого вечера.

Итак, осенью 1971 г. я оказался в гостеприимном доме Евгении Львовны и Захара Александровича одновременно с Бестужевым-Ладой. Игорь Васильевич, только что вернувшийся из Японии, в красках рассказывал о гонениях, которым он подвергался в связи со своими занятиями футурологией, и о многочисленных звонках с просьбами о лекциях и выступлениях, от которых он искал повод отказаться. Его идеи о футурологии и прогнозировании произвели на меня большое впечатление, но я не думал, что через несколько лет сам займусь этими проблемами применительно к химическим волокнам, целлюлозно-бумажной промышленности и лесному сектору мира. Так случилось, что вся моя последующая научная деятельность оказалась связанной с вопросами, глобально влияющими на состояние окружающей нас экологической среды, поэтому я считаю уместным кратко перечислить основные задачи, которыми мне пришлось заниматься. Мне кажется это уместным, поскольку на формирование моих научных и отчасти мировоззренческих взглядов повлияли встречи и беседы с Захаром Александровичем и Евгенией Львовной и, кроме того, так я проиллюстрирую изменения, происходившие как в близкой мне области, так и в стране в целом, что может представлять интерес для читателей.

В октябре 1971 г. я защитил докторскую диссертацию (по которой Захар Александрович был одним из официальных оппонентов), а через два года вернулся в свой родной целлюлозно-бумажный институт. Я начал заниматься синтетической бумагой и целлюлозными композиционными материалами, перспективами и областями их

применения и все больше задумывался о будущем развитии близких мне отраслей. Через несколько лет я вспомнил о работах Бестужева-Лады при довольно оригинальных обстоятельствах, когда выступал экспертом по оценке строительства очередного целлюлозно-бумажного комбината в Сибири и должен был проанализировать экологическое совершенство проекта этого нового производства. Вспомнив о футурологии и прогнозировании, я вместо анализа экологических аспектов нового производства задался вопросом: а надо ли вообще его строить? И пришел к выводу, что комбинат строить не надо. При этом я все больше думал о будущем нашей отрасли. В ходе моей научной деятельности, благодаря происходившим в стране переменам, мне пришлось тесно общаться с различными иностранными компаниями и организациями. Так, совместно с международной компанией «International Paper» я непосредственно участвовал в разработке стратегии экологической реконструкции трех заводов IP и Светогорского целлюлозно-бумажного комбината после его покупки IP. В 2007 г. IP купил 50% акций компании «Илим Палп», и появилась российско-американская компания «Илим» (50/50%). Пришли в российскую целлюлозно-бумажную промышленность и другие зарубежные компании-инвесторы. В результате, в отличие, например, от химической промышленности, в которой объемы производства с 1990 г. упали многократно, целлюлозно-бумажная промышленность России сохранилась в полном объеме и стала экспортно-ориентированной отраслью, успешно поставляющей на мировые рынки высококачественную целлюлозу, картон и бумагу.

Я являюсь членом комитета Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН), занимающейся стратегическими вопросами развития лесного сектора мира уже свыше 20 лет. И основные вопросы, которые там всегда рассматривались, — это прогнозирование глобальных направлений развития лесного сектора мира. С 1999 г. я также участвовал в ряде проектов Европейской экономической комиссии ООН, где занимался, в частности, проектами по развитию российского лесного сектора и производства в России биотоплива.

В 2010–2014 гг. по инициативе группы «Илим» был успешно осуществлен международный проект «Лиственница», в результате стал возможным выпуск серийной продукции по инновационной технологии. Она позволяла впервые в мире перерабатывать лиственницу в любом соотношении в смеси с другими породами, и по этой инновационной технологии выпущено около 1 млн т хвойной беленой

целлюлозы, переработано уже около 2 млн кубометров лиственницы. К участию в этом проекте я пригласил Светлану Захаровну Роговину и Александра Александровича Берлина. Таким образом, мои научные связи с Захаром Александровичем продолжились с членами его семьи.

У Захара Александровича Роговина одной из любимых фраз была: «Сделаем целлюлозу лучше, чем ее создала природа». И, хотя обычно Захар Александрович относил эту идею к химической модификации целлюлозы, я всегда вспоминаю этот принцип уже относительно биорефайнинга и комплексной переработки древесины. Сейчас, когда мир столкнулся с проблемами глобального изменения климата и декарбонизации экономики, лесной сектор занимает в их решении ведущую роль — и в этом один из уроков футурологии, научного и социального прогнозирования.

Я постоянно приезжал в Москву и старался при этом по возможности часто бывать у Захара Александровича и Евгении Львовны, которая всегда умела создавать незабываемую теплую и искреннюю атмосферу. В ее присутствии наши профессиональные разговоры обязательно переходили как на научные занятия Евгении Львовны, так и на обсуждение злободневных вопросов, касавшихся широкого круга проблем. Благодаря ее эрудиции и умению вести беседу с ней было легко говорить на самые разные темы, касалось ли это обсуждения ее научной работы или вопросов, связанных с текущей литературной и театральной жизнью. Присущие хозяйке дома обаяние и такт делали такие встречи незабываемыми. И, покидая этот дом и спеша на очередной 12-часовой поезд «Красная Стрела» (Москва — Ленинград), я всегда уносил с собой особые ощущения — тепла, интеллигентности, стабильности и гостеприимства. И, пожалуй, самое главное, чему я научился у Захара Александровича и Евгении Львовны, — это умению рассматривать свою сегодняшнюю работу как часть глобальных тенденций, как путь в будущее.

Лет 20 назад мы с женой были в Канаде, и проживавший там мой друг Вадим Бытенский — автор книги «Путешествие из Петербурга» (М., 2000) — пригласил нас в гости к своей маме. Она представила своего друга, Бориса Григорьевича Литвака, историка по специальности. Я его спросил, а не знает ли он Рудницкую? «Евгению Львовну прекрасно знаю!», — ответил он, и мы долго говорили о прекрасном ученом и человеке, об этом гостеприимном доме, в котором я люблю бывать и сегодня <...>

И.В. Ружицкая

Вспоминая Учителя

Я познакомилась с Евгенией Львовной летом 1985 г. Она проверяла мой вступительный реферат при приеме в аспирантуру Института российской истории РАН. Реферат назывался «А.С. Грибоедов в общественном движении». В апреле 1985 г. умерла академик М.В. Нечкина, а я в своей работе позволила себе подвергнуть сомнению ее утверждение о принадлежности к декабристским организациям Грибоедова и о полном принятии им идеологии декабризма. Евгения Львовна, много лет проработавшая под началом Нечкиной, не разделяла данного мнения, но, тем не менее, оценила мою работу на «отлично». В 1985 г. конкурс был восемь человек на место, чтобы поступить, надо было сдать все экзамены на «отлично». Получив одну отметку «хорошо» по английскому языку, я стала только соискателем. Тогда я работала в школе, но кандидатские экзамены сдала неплохо — все пятерки, а по философии — четверка (преподавателю, М. Белику я не нравилась: позволила себе с ним не согласиться). До кандидатской диссертации дело не дошло (это было связано сначала с занятостью в школе, позже — с рождением ребенка).

Новая попытка поступить в очную аспирантуру оказалась неудачной: комиссия посчитала, что тема моя не актуальна, а расхождения с Нечкиной недопустимы. Тогда Евгения Львовна предложила мне новую тему, сделав поистине «царский» подарок: начать разработку в ЦГАОР (ныне — Государственный архив Российской Федерации, ГА РФ)¹ дневника М.А. Корфа и, используя его, заново написать реферат о бюрократии нового поколения — либеральной или просвещенной. Этот реферат стал основой моей научной жизни на многие годы, а тема («М.А. Корф в контексте русской государственности и культуры») оказалась востребованной в новых российских реалиях. В 1992 г. я, наконец, поступила в очную аспирантуру². Сейчас не помню почему, но мне не дали стипендию. Евгения Львовна посчитала, что это несправедливо. Она много раз разговаривала с директором

¹ Я пришла работать с дневником М.А. Корфа из фонда библиотеки Зимнего дворца в феврале 1992 г., а архив был переименован в апреле того же года.

² Я благодарна тогдашнему заведующему аспирантурой ИРИ РАН Н.С. Райскому за содействие и поддержку при поступлении.

Института А. Н. Сахаровым на эту тему, и, в конце концов, я получила стипендию.

Начался новый этап моей жизни, и он был тесно связан с Рудницкой. Все, что писалось мною, Евгения Львовна внимательно читала, ее замечания были всегда конструктивны и по делу. Она по праву может считаться соавтором моей кандидатской диссертации. Вот, например, одна из ее записок, написанная в начале моей работы над текстом данного исследования: «Корфа следует вписать в тему “государственный деятель нового (здесь и далее курсив автора. – *И.Р.*) типа”, но для этого необходимо сравнить его с деятелем старого типа (во введении). Защитник самодержавия, сторонник государства, но они были до него и после него, а что характерно для Корфа как человека своего времени, тонко чувствующего его задачи. Больше рассуждений на эту тему. Очень интересно было бы дать не только биографию Корфа, даже если это новый подход, но и показать нового государственного деятеля, который осознает необходимость преобразований, но не сторонник резких мер, т.е. взвешенный политик, которых было мало в России».

Мое весьма незначительное участие в подготовке работы Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковского «14 декабря 1825 г. и его истолкователи» было отмечено авторами³. Для меня это стало важным событием. Я, молодая аспирантка, была горда тем, что моя фамилия стоит рядом с именем самой Рудницкой.

Ей я обязана знакомством с такими известными учеными, как С.О. Шмидт, А.Г. Тартаковский, М.А. Рахматуллин, С.С. Секиринский. У Евгении Львовны я училась умению вести научную дискуссию, определенным образом выстраивать свои выступления, правильно реагировать на критику коллег (по молодости я слишком остро воспринимала замечания, принимая их за личное отношение ко мне). В Институте Сектор истории СССР периода капитализма (сейчас – Центр «История России XIX – начала XX вв.») был известен очень высокими требованиями к сотрудникам, что, впрочем, не отражалось на личных отношениях между ними.

С Евгенией Львовной мы общались не только по телефону и в Институте, я неоднократно бывала у нее дома. Ее комната произвела на меня большое впечатление: очень много книг и бюро, изысканное и необычное для советского интерьера, соответствующее

³ Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г. 14 декабря 1825 г. и его истолкователи. М., 1996. Я помогала в сверке рукописей Николая I в ГА РФ.

всему облику этой женщины. Ухоженные руки, волосы, прекрасная фигура, всегда прямая спина и неизменные каблуки – все это при ее удивительном умении общаться и чувстве собственного достоинства. Ей был присущ, так сказать, «природный» аристократизм. Хорошо помню и сам дом, недалеко от Донского монастыря, с высокими потолками, и пса, который бросался навстречу каждому приходившему, а Евгения Львовна пыталась его удержать.

Я часто вспоминаю Е.Л. Рудницкую как широко эрудированного человека, настоящего ученого и интеллигента. Круг ее интересов был необычайно широк: она посещала все театральные премьеры и московские выставки, интересовалась новинками литературного мира. Мы неоднократно после обсуждения сугубо научных проблем разговаривали с ней на самые разные темы. Эти беседы я никогда не забуду. Евгения Львовна всегда была в курсе и моих личных проблем, расспрашивала меня о сыне и муже, понимая, как важно ученому иметь крепкий тыл, для того чтобы спокойно заниматься научными изысканиями.

Статьи

Т.В. Андреева

Генезис декабризма: предшественники и параллельные структуры «Тайного общества» декабристов

Сложность и неоднозначность российского исторического процесса в первой четверти XIX в. находили отражение как в контрастности правительственной политики по отношению к тайным обществам, так и в разнотипности нелегальных союзов. Типологически тайные общества александровского царствования делились на разрешенные правительством нелегальные объединения, к которым до 1822 г. относились масонские ложи, и неразрешенные. Последние в свою очередь состояли из политических и неполитических конспиративных союзов. В составе неполитических были так называемые мнимые тайные общества, т.е. досуговые, игровые, пародийные¹.

Как неполитические, полуполитические, так и политические нелегальные объединения по своему внешнему оформлению (таинственности, обрядности, атрибутике) являлись следствием развития разрешенной конспирации, т.е. масонства. «Тогдашнее общество — масонские ложи и общества, разрешенные правительством, давно приучили русское дворянство к такой форме общежития. Офицерские кружки, в которых велись беседы о язвах России, о закреплении народа, о тяжелом положении русского солдата незаметно превращались в тайные общества», — писал Н.К. Шильдер в своих черновых записках о времени возникновения нелегальных союзов².

В отношении же внутренней формы деятельности (постоянные собрания и общение) все они использовали практику открытых научных, литературных, экономических обществ, что было обусловлено жизнеспособностью и устойчивостью последних в условиях российского абсолютизма и политической несвободы. Однако наличие

¹ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 608–609. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 264–281.

² Характеристика времени возникновения тайных обществ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 859 (Н.К. Шильдер). Карт. 38. № 15. Л. 24).

уставов и программ деятельности в большей степени было характерно для политических союзов.

Существование в продолжение всего александровского царствования различных типов нелегальных объединений отражало не только общественный подъем, спровоцированный официальным либерализмом, но и разную направленность дворянской активности, связанную с возрастным и социальным составом тайных обществ. Во многом именно этим обуславливалась степень политизации, которая отличала «настоящие» тайные союзы, прежде всего декабристское «Тайное общество», от предвоенных ранних офицерских сообществ, а также «мнимых злоумышленных обществ» второй половины 1810 — начала 1820-х г., число которых превосходило политические.

Неполитические и полуполитические тайные общества

Одним из первых среди отечественных историков на конспиративные организации, сложившиеся в молодежной офицерской среде накануне Отечественной войны 1812 г. и во время европейских походов, обратил внимание, изучая генезис декабризма, С. Н. Чернов. Анализируя крайне скудные косвенные свидетельства, почерпнутые из воспоминаний Н. Н. Муравьева-Карского (при полном отсутствии прямых документальных и официальных данных, поскольку общества не имели уставов и программ и не были обнаружены правительством), особое внимание историк обратил на два из них, образовавшихся в Петербурге в Свите по Квартирмейстерской части (будущем Генеральном штабе). Это были созданные в 1811 г. «Юношеское братство» во главе с Н. Н. Муравьевым (будущим Карским, генералом от инфантерии и кавказским наместником) и тайное общество под названием «Рыцарство», руководимое прапорщиком И. А. Рамбургом³.

Еще М. В. Нечкина, говоря о сходстве политических взглядов Н. Н. Муравьева⁴ с воззрениями членов «Союза спасения», предполагала осведомленность будущего «героя Карса» о ранней

³ Чернов С. Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 1–45.

⁴ Н. Н. Муравьев (Карский) (1794–1866), сын директора Московского училища колонновожатых Н. Н. Муравьева и воспитанник училища, брат основателя «Союза спасения» и члена «Союза благоденствия» А. Н. Муравьева, двоюродный брат Н. М. Муравьева. В службу вступил в 1811 г. колонновожатым в Свиту по Квартирмейстерской части, в 1814–1816 гг. стал организатором преддекабристской организации «Священная артель».

декабристской организации и даже возможность вхождения в нее. По мнению исследовательницы, только его вынужденный отъезд на Кавказ в 1816 г. помешал этому⁵. В 1817–1818 гг. Муравьев, скорее всего, состоял членом «Военного общества», или «Общества военных людей», а летом 1820 г. был принят в «Союз благоденствия». И хотя он не играл заметной роли в столичном «Союзе...», но, вероятно, имел влияние на процесс расширения раннего декабристского общества в Кавказском корпусе. Муравьев не был включен в «Алфавит» А.Д. Боровкова и к следствию не привлекался, однако историки давно причисляли его к ближайшему окружению декабристов, а сегодня считают одним из них⁶.

Между тем точкой отсчета его общественной активности следует считать предвоенное время. Ведь еще в 1811 г., согласно собственным воспоминаниям Н.Н. Муравьева, 17-летним юношей он организовал «Юношеское братство», позже в историографии получившее название «Чока». Лидер по психологическому типу, уже в таком юном возрасте читавший «блестящие лекции» в Училище колонновожатых⁷, он руководил этой тайной организацией, созданной под влиянием идей «общественного договора» Ж.Ж. Руссо с целью их практической реализации. В состав сообщества входили его старшие по возрасту двоюродные братья – подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка М.И. Муравьев-Апостол (основатель «Союза спасения», член «Военного общества», «Союза благоденствия» и «Южного общества», участник восстания Черниговского полка) и колонновожатый Свиты по Квартирмейстерской части А.З. Муравьев (член «Союза спасения», «Военного общества», «Союза благоденствия» и «Южного общества»), а также колонновожатые – братья В.А. и Л.А. Перовские (члены «Военного общества» и «Союза благоденствия», с 1821 г. отошедшие

⁵ *Нечкина М.В.* Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова. 1814–1817 гг. Материалы к предыстории декабризма и изучению мировоззрения молодого Пушкина // *Декабристы и их время. Материалы и сообщения.* М., 1951. С. 168–169.

⁶ Декабристы, не вошедшие в «Алфавит» А.Д. Боровкова и выявленные по другим источникам // *Декабристы. Биографический справочник* / под ред. М.В. Нечкиной, С.В. Мироненко. М., 1988. С. 212–213; *Восстание декабристов. Документы.* Т. XX: Дела Верховного Уголовного суда и Следственной комиссии / под. ред. А.Н. Сахарова. М., 2001. С. 454; *Задонский Н.А.* Жизнь Муравьева. Документальная историческая хроника. М., 1974. С. 147, 152–154, 432; *Ильин П.В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 380–384, 466, 613.

⁷ *Муравьев А.М.* Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 315.

от движения и позже сделавшие блестящие государственные карьеры: один стал министром внутренних дел, другой – оренбургским военным губернатором). Что касается программно-целевых установок юношеского союза, в который они входили в 1811 г., то намечалось, что через пять лет все товарищество «удалится» на остров Чоку, находившийся в Тихом океане недалеко от Японии, чтобы «образовать жителей острова и составить новую республику». Для подготовки этой акции проводились постоянные собрания, на которых читались и обсуждались записки членов, была введена знаковая система членства в обществе («синие шаровары, куртка и пояс с кинжалом, на груди две параллельные линии из меди в знак равенства»), предполагалось обучение ремеслам. И хотя имелись попытки создания устава, но, как вспоминал Н.Н. Муравьев-Карский, «условные знаки и одеяния всего более обращали на себя внимание». Деятельность своего юношеского общества он называл «ребяческим бредом»⁸. Таким образом, совершенно очевидно просматривается утопическая и атрибутивная рецепция Ордена иллюминатов, сведения о котором молодые идеалисты могли почерпнуть из русских изданий сочинений аббата А. де Баррюэля.

Однако тот факт, что «чокисты» не рассматривали свое общество как политический инструмент влияния на власть и механизм достижения своих утопических целей, делает их деятельность аполитичной. Именно эти черты общества «Чока», носившего дружеский, игровой, ритуальный характер, привели С.Н. Чернова к выводу об аполитичности его деятельности⁹. Подобную характеристику «Юношеского братства» дает и В.М. Бокова, насыщая ее новыми элементами. С точки зрения исследовательницы, ребячливость, проявлявшаяся в склонности к переодеванию, романтическому фантазированию, как психологическая черта, была присуща многим людям александровского царствования, чему «идеально соответствовали романтические поведенческие и эстетические модели» эпохи¹⁰.

Общество под названием «Рыцарство», которым руководил прапорщик И.А. Рамбург, также было создано в довоенный период, в январе 1811 г., и просуществовало до 1813 г. Хотя оно не оставило никаких документальных свидетельств о своем существовании, но также привлекло внимание С.Н. Чернова. Косвенные данные историк почерпнул

⁸ *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 9. С. 25–27.

⁹ *Чернов С.Н.* Несколько справок о «Союзе благоденствия»... С. 22–24.

¹⁰ *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ... С. 65.

из тех же записок Н. Н. Муравьева-Карского, а также из дневников участников союза Н. Д. Дурново и А. А. Щербинина¹¹. По свидетельству Муравьева-Карского, сведения о существовании данной тайной организации были получены в «Юношеском братстве» от самого Рамбурга, которого А. З. Муравьев в поисках новых членов привел к «чокистам». Однако руководитель «Рыцарства» посчитал невозможным вступить в другое общество «без предварительного совещания со своим братством». Следует подчеркнуть, что председатель «Рыцарства» и его члены в большинстве своем также были младшими офицерами Свиты по Квартирмейстерской части: сам прапорщик Рамбург, поручик Дурново (позже ставший генерал-майором и погибший при Шумле), а также А. А. Щербинин, В. Х. Вильдеман, И. Ф. Деллинггаузен. Между тем Н. Н. Муравьев, не зная «в точности цели оног сообщества», при появлении Рамбурга посчитал невозможным объявить цель и своей организации. Тогда последний поставил вопрос об объединении обоих тайных союзов, для того чтобы «согласовать обоюдные виды». И только его отъезд в Ригу, а затем Отечественная война 1812 г. помешали осуществлению этого плана¹².

Метод исторической реконструкции привел С. Н. Чернова к вполне логичному выводу об аполитичности деятельности обоих тайных союзов, близких друг другу по социальному, возрастному и профессиональному составу и потому, вероятно, пытавшихся объединиться, чтобы выработать общие цели. Надо думать, важнейшей установкой «рыцарей», как и «чокистов», были те же утопические идеи создания нового мирового порядка, заимствованные у иллюминатов. Во всяком случае, из дневников Н. Д. Дурново видно, что он был знаком с книгой аббата Баррюэля¹³, которая, по мнению В. М. Боковой, «помимо воли автора, по сути пропагандировала в России идеи и образы конспирации, возбуждала “предромантическое” любопытство и способствовала популярности масонства и тайных обществ»¹⁴. Следует добавить, что сочинение аббата косвенно утверждало в юношеском сознании романтико-утопические идеи иллюминатов о необходимости, прежде всего, внутреннего, нравственного совершенствования мира. Поэтому абсолютно обоснованно современные исследователи относят «Рыцарство» к неполитическому типу тайных организаций

¹¹ 1812 год... Военные дневники / (сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского). М., 1990. С. 31–113; 242–300.

¹² Чернов С. Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия»... С. 24.

¹³ Дурново Н. Д. Дневник 1812 года // 1812 год... С. 6.

¹⁴ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ... С. 347.

и подчеркивают его родство с преддекабристским «Орденом русских рыцарей», будущий основатель которого М. Ф. Орлов в эти годы был дружен с Н. Д. Дурново¹⁵.

Та же среда молодого офицерства Свиты по Квартирмейстерской части доминировала в тайном сообществе, действовавшем во время перемирия в мае—сентябре 1813 г. в Германии и руководимом подпоручиком бароном Е. Ф. Мейендорфом, на которое также первым обратил внимание Чернов. Однако источником для изучения союза в данном случае историку послужили официальные материалы. Речь идет о рапорте от 26 июня 1826 г. теперь уже полковника Мейендорфа (позже генерала от кавалерии, командира Малороссийского кирасирского полка) И. И. Дибичу во исполнение приказа по военному ведомству в связи с новой подпиской о непринадлежности к тайным обществам. Полковник подтверждал «данное им обещание» «впредь ни к какому тайному обществу принадлежать не будет, как бы оно не именовалось, и какая бы цель оным не поставлялась», и сообщал, что «во время перемирия 1813 г. было образовано собрание молодых офицеров <...> долженствовавшее быть тайным по существу своему». Надо думать, автор рапорта имел в виду политическую составляющую деятельности общества, члены которого были связаны не только общением, обещанием «в непоколебимой дружбе», стремлением «защищать друг друга в общем мнении», но и обсуждением «политического состояния отечества, юстиции, нашего просвещения и общественных злоупотреблений». Более того, данный тайный союз уже имел реальную политическую цель — социальное расширение с перспективой влияния на власть и, прежде всего, на чиновников высшего управления. По словам Мейендорфа, «все сие породило в незрелых соображениях офицеров мысль о распространении <...> общества для того, чтобы со временем иметь влияние на государственное управление <...> на государственных чиновников»¹⁶. Здесь вновь следует особо подчеркнуть востребованность иллюминатской установки на административно-социальное расширение конспирации, а также сходство цели общества с «сокровенной» целью «Союза благоденствия», нашедшей отражение во второй части «Зеленой книги». В силу этого нелегальную организацию Мейендорфа следует трактовать как модель переходного тайного союза, соединяющего

¹⁵ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ... С. 66; Ильин П. В. Новое о декабристах... С. 465; Дурново Н. Д. Дневник 1812 года. С. 65, 66.

¹⁶ Цит. по: Чернов С. Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия»... С. 25.

в себе элементы дружеского, досугового кружка и политического тайного общества.

По мнению В.М. Боковой, также обратившейся к данному сюжету, общество Мейендорфа – только «дружеский кружок, носящий частный, не предназначенный для посторонних, характер, и только потому “тайный”». При этом автор мотивирует свою позицию тем тезисом, что именно «попытка превратить кружок действительно в “общество” привела к его разрушению»¹⁷. Как считал С.Н. Чернов, распад общества произошел, с одной стороны, вследствие возобновления военных действий и рассеяния членов, а с другой – дальнейшего расширения тайного общества, ослабившего тесные «дружеские связи, на которых оно строилось». Затем мир 1814 г. и «парижские увеселения» «создали такую быстро меняющуюся, но всегда разделяющую трудом, веселием и местом, обстановку, при которой общество вскоре умерло (1814)»¹⁸.

Кроме самого Е.Ф. Мейендорфа членами данного общества были также выпускники Училища колонновожатых и младшие офицеры Свиты по Квартирмейстерской части. Это двоюродный брат основателя – И.Е. Мейендорф, а также И.М. Фрейганг, П.Я. Ренненкампф, Зурмулен, к которым в 1814 г. присоединились Б.А. Верховский, Х.Х. Пюнцель, Ф.Ф. Берг, В.П. Молоствов и упоминаемый И.Ф. Деллинггаузен, ранее бывший членом общества Рамбурга¹⁹. Здесь нужно подчеркнуть, что многие будущие декабристы были «родом» из «Муравейника», т.е. Муравьевского Училища колонновожатых и из Квартирмейстерской части Гвардейского генерального штаба. Поэтому не удивительно, что Николай I не наградил офицеров Свиты «по случаю происшествия 14 декабря». В столичном обществе это связывали главным образом с тем, что «Свита под дурным замечанием у императора как начало и колыбель всего либерализма»²⁰. В силу этого в участии в «Тайном обществе» были заподозрены лица, учившиеся или служившие вместе с будущими декабристами. Причем сами они ожидали привлечения к следственному процессу в качестве свидетелей²¹.

¹⁷ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ... С. 68.

¹⁸ Чернов С.Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия»... С. 25.

¹⁹ Там же. С. 24–25.

²⁰ Жуковская Т.Н. Зимние тетради. События зимы 1825–1826 гг. глазами современников: Выписка из письма А.П. Болотова к его родителям от 22 января 1822 г. // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография / (сост. П.В. Ильин). Вып. 1. СПб., 1997. С. 22.

²¹ Крюков Н.П. Рассказ о заключении в Петропавловской крепости в 1826 году // Дела и дни. Исторический журнал. 1922. Кн. 3. С. 53. На это обратил внимание П.В. Ильин. См.: Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 372.

Из указанных выше лиц наибольший интерес вызывает П.Я. Ренненкампф. В справочнике Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса и биографическом справочнике «Декабристы» фигурирует К.П. Ренненкампф (1788–1848), с 1809 г. подпоручик Квартирмейстерской части, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, позже – капитан, полковник, обер-квартирмейстер кавалерийского корпуса²². Но это ошибка, поскольку в «Алфавите» Боровкова имеется в виду другой человек – П.Я. Ренненкампф, который, надо думать, был родственником К.П. Ренненкампфа.

П.Я. Ренненкампф в сферу внимания следствия попал по показаниям участника выступления Черниговского полка Д. Грохольского, который сам был выявлен в ходе следственных мероприятий. Разжалованный в 1821 г. из штабс-капитана Полтавского пехотного полка в рядовые Черниговского, Грохольский имел дружеские и конспиративные связи с С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым. Ведь после Семеновской истории в ноябре 1820 г. Муравьев-Апостол также был переведен из Петербурга и гвардии в Полтавский пехотный полк, а затем, в мае 1822 г., – в Черниговский. Имевший в своем составе большое число разжалованных в рядовые офицеров, которые были лишены «всякой надежды на улучшение своей судьбы в будущем» и потому агрессивно настроены против власти²³, именно этот полк являлся оплотом радикализма. Поэтому не удивительно, что он выступил почти в полном составе в январе 1826 г.

Что же касается конкретно Грохольского, то еще составители биографического справочника декабристов на основании дела, хранящегося в Военно-историческом архиве, определяли причину его разжалования – грубость и дерзость по отношению к батальонному командиру²⁴. Действительно, как указала О.И. Киянская, специально изучавшая эту историю на основании дела, хранящегося в фонде Аудиториатского департамента РГВИА, в основании лишения Грохольского офицерских эполет лежало неподобающее офицеру грубое поведение в отношении своего командира, штабс-капитана Дурного (как выяснилось того самого Н.Д. Дурново, бывшего члена общества «Рыцарство»). Тем не менее именно на Грохольского, как человека способного на многое, обратили внимание руководители

²² Декабристы. Биографический справочник. С. 155.

²³ Восстание декабристов. Документы. Т. XVII: Дела Верховного Уголовного суда и Следственной комиссии / (подгот. С.В. Мироненко, С.А. Селиванова, В.А. Федоров; предисл. и коммент. В.А. Федорова). М., 1980. С. 68.

²⁴ Декабристы. Биографический справочник. С. 417.

левого крыла «Южного общества», т.е. его Васильковской управы, и агитировали «присоединиться к их обществу и следовать их намерениям». По мнению исследовательницы, это было связано с тем, что разжалованные офицеры, стоявшие гораздо ближе к солдатской массе и имевшие возможность без подозрений постоянно находиться в казармах, должны были стать агитаторами и своеобразными посредниками между «заговорщиками» и не имевшими с ними никакой связи солдатами²⁵. В силу этого к декабрю 1825 г. Грохольский не только был осведомлен о существовании «Южного общества» и его целях, но участвовал в подготовке и самом выступлении Черниговского полка. Все это привело О.И. Киянскую, а вслед за ней П.В. Ильина к справедливому выводу о фактической принадлежности Грохольского к декабристам и предположению о его вхождении в «Общество соединенных славян»²⁶.

Однако доносительство Грохольского, весьма впечатляющее по размерам (он донес почти на 20 офицеров), не было учтено ни в ходе внутреннего расследования в 1-й армии, ни в работе Следственной комиссии. Наиболее ярким примером подобного отношения к доносам, свидетельствующего о стремлении Николая I к сокращению размеров «мятежа», является «дело» П.Я. Ренненкампа. Согласно показаниям доносчика, он узнал о последнем от С.И. Муравьева-Апостола. После получения известия о поражении восстания в Петербурге 25 декабря 1825 г. со своим дворовым человеком С.И. Муравьев-Апостол отправил письмо в м. Васильков к М.П. Бестужеву-Рюмину. В послании сообщалось о случившемся, в связи с чем приказывалось связаться в Киеве с полковником Ренненкампом, вероятно, для подготов-

²⁵ Выполняя поручения будущих вождей «бунта», Грохольский не только оповещал желавших примкнуть к восставшим о маршруте движения, передавал приказы Муравьева-Апостола, но «за офицера» сам командовал ротой. В ходе расследования Грохольский вначале отрицал свое участие в «заговоре», но затем признал свою осведомленность о существовании и целях тайного общества «прежде возмущения». Преданный военному суду по разряду нижних чинов, он был приговорен к весьма суровому наказанию (4 тыс. шпицрутенов) за недоносительство и содействие «злоумышленникам» и, вероятно, погиб во время экзекуции. О Грохольском см.: *Киянская О.И.*: 1) Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка. 29 декабря 1825–3 января 1826. М., 1997. С. 57–59; 2) Участь солдата // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография / (сост. П.В. Ильин). Вып. 3. СПб.; Кишинев, 2000. С. 152–169.

²⁶ *Киянская О.И.* Участь солдата. С. 167; *Ильин П.В.* Новое о декабристах... С. 440–442, 584, 636, 643.

ки революционного «реванша» на юге²⁷. Хотя Ренненкампф попал в «Алфавит» Боровкова, но, как уже отмечалось, к следствию не был привлечен. Вероятно, это обуславливалось тем, что в Следственной комиссии Муравьев-Апостол отрицал даже факт упоминания о Ренненкампфе в своем письме и стремился реабилитировать его в глазах власти. Руководитель «Юга» показывал, что они виделись довольно часто, но на все его попытки разговоров о «разных злоупотреблениях» в стране Ренненкампф отвечал, что «все это происходит без ведома государя»²⁸. В отличие от следователей современные исследователи не поверили показаниям Муравьева-Апостола и доказали, что еще в конце 1825 г. Ренненкампф был принят в «Южное общество»²⁹. Все вышесказанное, а также биографические сведения о П.Я. Ренненкампфе (приведенные в приложении к труду О.И. Киянской о восстании Черниговского полка³⁰) дают основание именно его считать членом упоминаемого выше тайного общества Е.Ф. Мейендорфа.

В целом же анализ общественной группы, принимавшей участие в создании неполитических и имевших элементы политизации тайных обществ в офицерской среде до Отечественной войны 1812 г. и во время европейских походов, дает основание считать основным критерием их типологизации возрастной и служебный статус. На этот аспект обратил внимание еще С.Н. Чернов, который подчеркивал: «За время войны нам неизвестны какие-нибудь офицерские общества с политическими целями среди людей» другого поколения, т.е. «ступенью выше возрастом и по службе молодых объединенцев 1811—1814 гг.»³¹. При этом именно «походные» центры русского офицерства, деятельно функционировавшие не только в Германии, но и во Франции, сыграли важную роль в процессе политизации движения тайных обществ. В своем доносе 1821 г. М.К. Грибовский писал: «В 1814 году, когда войска русские вступили в Париж, множество офицеров приняты были в масоны или свели связи с приверженцами разных тайных обществ. Последствием сего было, что они напитались гибельным духом партий, привыкли болтать то, чего не понимают, и из слепого подражания получили

²⁷ Восстание декабристов. Документы. Т. VI: Восстание Черниговского полка / подгот. Ю.Г. Оксман. М.; Л., 1929. С. 308; *Киянская О.И.* Южный бунт... С. 89—90; *Ильин П.В.* Новое о декабристах... С. 442.

²⁸ Декабристы. Биографический справочник. С. 308—309.

²⁹ *Ильин П.В.* Новое о декабристах... С. 442, 544, 626.

³⁰ *Киянская О.И.* Южный бунт... С. 147—154.

³¹ *Чернов С.Н.* Несколько справок о «Союзе благоденствия»... С. 26.

наклонность, но лучше сказать, страсть заводить подобные тайные общества у себя»³².

Зимой 1816 г. во время нахождения оккупационного корпуса русских войск во Франции недолгое время просуществовал офицерский патриотический «Русский клуб». Организованный в Мобеже по инициативе российского дипломатического представителя С.И. Тургенева клуб объединял в своем составе уже зрелых и имеющих высокие офицерские чины людей. Это были: командующий корпусом генерал-майор граф М.С. Воронцов; полковник, адъютант генерал-квартирмейстера И.И. Дибича, с 1824 г. член «Южного общества» В.К. Тизенгаузен; полковник Свиты по Квартирмейстерской части Л.А. Нарышкин; те же братья В.А. и Л.А. Перовские, имевшие теперь более высокие чины и служившие в Гвардейском Генеральном штабе. Исследователи, обратившиеся к истории создания и деятельности «Русского клуба», по-разному определяли характер организации. По мнению В.М. Тарасовой, к которой позже присоединился С.С. Ланда, данное офицерское объединение представляло собой легальный дискуссионный политический клуб³³. Оба исследователя пришли к заключению, что по типу своей организации и целям деятельности, которые состояли в широком просветительстве и подготовке дворянского общества и народа к введению конституции «сверху», он, безусловно, имел либерально-реформаторский характер. Только после такой подготовительной работы должен был решаться вопрос о переходе от произвольного самодержавия к более прогрессивной форме правления. Однако, если В.М. Тарасова считала «Русский клуб» «ранней преддекабристской организацией», то С.С. Ланда отрицал его живую связь с декабризмом. Поскольку легально-просветительская деятельность общества С.И. Тургенева «шла вразрез с конспиративными замыслами» Н.И. Тургенева и М.Ф. Орлова, историк не считал клуб «одним из актов, предшествовавших и подготавливавших возникновение ранних декабристских организаций»³⁴. С точки зрения В.В. Пугачева, клуб задумывался

³² Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 12. С. 423.

³³ Тарасова В.М. К вопросу о ранних преддекабристских организациях // Ученые записки Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. Т. 16. Йошкар-Ола, 1958. С. 73–77.

³⁴ Ланда С.С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975. С. 57–58.

как первое русское тайное политическое общество по немецкому образцу, конкретно по модели прусского «Союза добродетели» («Тугендбунда»). Еще в 1815 г. братья Н.И. и С.И. Тургеневы и Орлов, имея опубликованный текст устава «Тугендбунда» и его рукописные списки, договорились о создании союза и работали над его уставом и программой³⁵. В.М. Бокова, касаясь вопроса о создании клуба, не дает его типологической характеристики и не ставит вопроса о его месте и значении в генезисе декабризма³⁶.

На наш взгляд, совпадение цели деятельности общества С.И. Тургенева и «Союза спасения», т.е. постепенная, легальная, идеологическая подготовка общественного и народного сознания к политико-правовой реформе и социальным преобразованиям «сверху», а также единство тактики, направленной на содействие правительству в борьбе со злоупотреблениями, позволяют включить его с состав предекабристских организаций. Кроме этого, по мысли С.И. Тургенева, клуб должен был стать моделью новой буржуазной формы общественно-политической жизни, которая получит широкое распространение в России. Он полагал, что «русские офицеры так привыкнут к клубу, что после везде потом стараться будут заводить клубы»³⁷. При этом патриотические идеи «Тугендбунда», его организационный и политический опыт, выражавшийся в отрицании якобинизма и стремлении к установлению конституционной монархии мирным, реформаторско-просветительским путем, были вполне восприняты основателями «Русского клуба», а позже – «Союза спасения».

Итак, важнейшим мотивационным обоснованием создания первых неполитических и имевших политические элементы российских тайных обществ явились практика западных моделей публичной жизни и отсутствие возможности легального проявления общественно-политической активности. Еще С.Н. Чернов видел истоки декабризма в созданных за границей и в России по европейским образцам тайных обществах в армейской среде в предвоенные и военные годы, отражавших «несомненное политическое брожение» в обществе и армии. «Не находившее себе легального обнаружения, оно, наконец, вылилось, – как писал историк, – сначала в небольшой Союз спасения, потом в не оформившееся Военное общество и, наконец,

³⁵ Пугачев В.В. Из предыстории декабристского движения // Научный ежегодник Саратовского государственного университета за 1955 год. Отд. 2. Саратов, 1958. С. 40–45.

³⁶ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ... С. 94.

³⁷ Цит. по: Серков А.И. История русского масонства XIX века. М., 2000. С. 128.

в очень численную организацию «Союз благоденствия»³⁸. На эти же процессы обращает внимание и Т.Н. Жуковская³⁹.

В целом же анализ неполитической и имевшей определенную политическую окраску конспирации в русской армии в 1811–1816 гг. дает возможность сделать определенные выводы. Тот факт, что указанные нелегальные объединения, созданные в предвоенное время и в период Заграничных походов, сформировались в среде молодых офицеров Свиты по Квартирмейстерской части, свидетельствует, что армия и конкретно ее штабная часть являлись социальной основой декабризма. Типологически как неполитические, так и имевшие элементы политизации объединения этого времени отличались малочисленностью (около 10 чел.), облегченным способом вхождения в общества, отсутствием четкой конспиративной организационной структуры, т.е. различных уровней и степеней членства, а также уставов и программных документов. Не имевшие оппозиционной направленности (как мирной, так и антиправительственной) они характеризовались доминированием ритуального, досугового, игрового начала, хотя элементы идейно-политического содержания уже присутствовали в их деятельности. Наличие же в ранних тайных офицерских сообществах штабных офицеров, ставших позднее видными военными и государственными деятелями (Н.Н. Муравьев-Карский, братья В.А. и Л.А. Перовские, Н.Д. Дурново, Е.Ф. Мейендорф), свидетельствует, что модель тайного общества как форма реализации социально-политической активности и проведения досуга была привлекательна именно для просвещенной элиты армии. То, что одни и те же лица, являвшиеся членами молодежных офицерских союзов 1811 г., в 1813–1814 гг. объединились в «собрании молодых офицеров», имевшем уже элементы политической организации, а в 1816–1821 гг. входили в состав преддекабристских и ранних декабристских обществ, дает основание считать эти первые тайные союзы предшественниками декабризма⁴⁰. Участие же в ранних неполитических союзах представителей группы «предполагаемых» и «неизвестных» декабристов (Н.Н. Муравьева-Карского и П.Я. Ренненкампа) демонстрирует сложный процесс возникновения и эволюции декабристского движения. Тот факт, что

³⁸ Чернов С.Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия»... С. 27, 30.

³⁹ Жуковская Т.Н.: 1) Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 216–217; 2) «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма. Ч. 1 // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография / (сост. П.В. Ильин). Вып. 5. СПб., 2002. С. 77.

⁴⁰ Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 465.

правительство, получившее информацию о деятельности сообщества Е.Ф. Мейендорфа из его первой подписки 1822 г. о «неучастии» в тайных обществах, подтвержденной второй – 1826 г., так и не обратило на это внимания, доказывает наличие официального представления о политической и неполитической составляющих движения. Это находит подтверждение и в том, что признания других лиц (Д.И. Альбицкого, П. Афанасьева, И.М. Любавского) в принадлежности даже к «Союзу благоденствия» обратили на себя внимание высшего начальства, хотя они и не были привлечены к следствию⁴¹.

Как справедливо отмечает В.М. Бокова, тайные общества, типологически являвшиеся неполитическими, в то же время «могли иметь и серьезный характер»⁴², добавлю, именно в политическом аспекте. На первом месте в ряду подобного рода неполитических нелегальных общественных объединений стоит петербургское «Арзамасское общество безвестных людей», или знаменитый «Арзамас»⁴³. Функционировавший с 1815 по 1818 г. он давно и хорошо изучен в исторической и литературоведческой традиции. Согласно характеристике одного из членов общества – Ф.Ф. Вигеля «Арзамас» вбирал в себя элементы шуточного, игрового подражания легальным обществам, масонским ложам и тайным политическим союзам: «Благодаря неистощимым затеям Жуковского “Арзамас” сделался пародией в одно время и ученых академий, и масонских лож, и тайных политических обществ»⁴⁴. В новейшей литературе предложен новый взгляд на деятельность общества. М. Майофис рассматривает появление и деятельность «Арзамаса» как реакцию интеллектуальной элиты дворянского общества на подписание Акта Священного союза и часть «европейски интегрированного модернизационного проекта»⁴⁵. И если литературные пристрастия его членов объединялись традицией романтизма, то политические были весьма разнообразны – от либерально-конституционных (Н.М. Муравьев, М.Ф. Орлов) до религиозно-консервативных (Д.П. Рунич). Как известно, П.А. Вяземским был предложен план издания печатного органа «Арзамасского общества», задачами которого определялось «распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем

⁴¹ Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 588, 608, 612.

⁴² Бокова В.М. Эпоха тайных обществ... С. 221.

⁴³ Арзамас. Сб. документов и статей: в 2 кн. / под общ. ред. В.Э. Вацуры и А.Л. Осповата. М., 1994.

⁴⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 345.

⁴⁵ Майофис М. Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящее, но могущих приготовить лучшее будущее»⁴⁶. Это свидетельствует о том, что так же, как легальные объединения, масонские ложи и «Союз спасения», «Арзамас» должен был стать «помощником» правительства в деле подготовки умов к предполагаемым реформам «сверху».

Подобного рода полуполитические тайные общества имелись в провинции и на окраинах Российской империи. При этом направленность их деятельности была разной. Одним из организаций просветительского типа являлось «Общество друзей природы» (1821–1822), организованное в Полтавской губернии будущим основателем «Общества соединенных славян» П. И. Борисовым для «усовершенствования себя в науках, искусствах и добродетели, любви и дружбе» с привнесением нравственно-религиозного аспекта⁴⁷.

Тайные полуполитические общества, созданные в западных губерниях России, носили национально-освободительный, агитационно-пропагандистский характер. В начале 1824 г. в Виленской губернии обнаружилось тайное общество «Черные братья», созданное в военном Крожском училище. Все члены общества были арестованы, проведено расследование. Военно-судная комиссия выявила, что основателями общества были ученики Ц. Янчевский и Ф. Зеленович, которые вовлекли учителя В. Пашкевича и своих товарищей – И. Виткевича, А. Песлека, В. Ивашкевича, Н. Сухоцкого. Члены общества сочиняли польские патриотические стихи и рассылали их по адресам своих соучеников и учителей. Кроме этого, они намеревались писать стихи на стенах разных зданий, чтобы «нарушить спокойствие и произвести возмущение в прочих училищах». 22 февраля 1824 г. Комиссия определила всем участникам общества лишение дворянства, Янчевского и Зеленовича как «зачинщиков» предписывалось «заковать в железо» и отправить в Бобруйскую крепость сроком на десять лет. Остальных, также закованных в кандалы, следовало отправить на Оренбургскую линию для определения в гарнизоны. Учителя Пашкевича «за

⁴⁶ Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 460–461; *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ... С. 212–219.

⁴⁷ Императорского Военно-сиротского дома о подпоручике Корсуне 1-м, принадлежащем к тайному обществу под названием «Ордена друзей природы». 31 июля – 11 августа 1826 (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба ЕИВ). Оп. 4. Св. 23. Д. 373. Л. 1–6); Восстание декабристов. Документы. Т. V: Следственные дела / подгот. Н. П. Чулков. М.; Л., 1926. С. 52; *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ... С. 223–224.

прежнюю беспорочную службу» было решено отправить в Бобруйскую крепость на два года⁴⁸.

Летом того же 1824 г. по доносу студента Виленского университета И. Янковского в университете были раскрыты тайные общества «Филоматов» и «Филаретов», а в г. Свислочь выявлен нелегальный «Учебно-моральный союз». Об этом председатель Комитета для образования учебной части в Царстве Польском, попечитель Виленского учебного округа Н.Н. Новосильцов уведомил великого князя Константина Павловича. В Вильно провели следствие, которое выявило, что всего в данных обществах состояло 108 человек, однако действительных участников насчитывалось всего 20. Ими были преподаватели и студенты Виленского университета, все польского происхождения. Они ставили целью распространение в польских губерниях «польских патриотических идей и свободомыслия», «безрассудного польского национализма». Кроме этого, эскалации национализма способствовала «партия» профессоров И. Лелевеля, П. Бобровского, К. Даниловича, «противодействующая университетскому начальству». В Петербурге по повелению Александра I был создан Комитет для рассмотрения «беспорядков, случившихся в Виленском университете», в который входили А.С. Шишков, А.А. Аракчеев, Н.Н. Новосильцов. После рассмотрения дела и выявления причин «распространения беспокойного духа в учебных заведениях Виленского округа», по предложению Новосильцова было принято решение проявить к студентам снисхождение. Ведь все они были подростками и уже семь месяцев отсидели под строгим арестом. Комитет своим решением от 7 августа 1824 г. постановил, что «хотя учреждение тайных обществ Филоматов и Филаретов падает на всех сочленов», но поскольку большинство студентов были вовлечены «в сей проступок примером старших сотоварищей и влиянием господствующего духа времени», то всех их освободить, за исключением учителей и нескольких студентов. Это были ксендзы М. Бродавич и К. Львович, а также преподаватели И. Чечота. и А. Сузик, которые своей преподавательской, агитационной деятельностью, сочинением и распространением стихов активно пропагандировали польские патриотические идеи. Все они после шести месяцев содержания в крепости определялись к ссылке во внутренние губернии России. При этом ксендзам навсегда запрещалась

⁴⁸ Тайное общество «Черных братьев». 1824 г. // ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 19. № 12. Л. 42–44 об.; О тайном обществе «Черных братьев», учеников Крожского училища Виленской губернии (РГВИА. Ф. 31 (Инспекторский департамент Военного министерства). Оп. 1. Д. 395).

преподавательская деятельность. Преподавателям же С. Маковецкому, К. Пясецкому, И. Домейко позволялось остаться в Вильно, но под строгим надзором полиции. Для студентов были положены разные виды наказаний. Ф. Зангу как основателю общества «Филаретов» определялось содержание в крепости сроком на один год. И. Янковский, который «открыл существование Филаретского общества и чистосердечно раскаялся», обязан был уехать из польских губерний. Студентам О. Ковальскому, Ф. Колаковскому, И. Верниховскому, изъявившим желание обучаться восточным языкам, разрешалось отправиться в Казанский университет. Братья И. и О. Шемиоты, а также Д. Орлицкий, О. Шеткевич, В. Бабинский и К. Залесский могли остаться в Вильно, но подвергались полицейскому надзору.

Что касается тайного общества в Свислоче, то его основателям — Д. Шлаевскому и Я. Абрамовичу — было вменено в наказание пребывание их под арестом, и они освобождались от дальнейшей ответственности. С прочими членами данного общества поступили так же, как и с рядовыми «филоматами» и «филаретами»: все они должны были быть освобождены. Вместе с тем Комитет постановил принять ряд мер по Виленскому университету. Для пресечения «вредного влияния на юношество» профессоров Лелевеля, Бобровского и Даниловича предполагалось уволить из университета; из учебного курса изъять естественное право, науки политические; уменьшить число учебных часов на риторику и поэзию; усилить надзор за студентами и гимназистами; попечителю Виленского учебного округа вменить каждый год посещать университет; потребовать от преподавателей, студентов и гимназистов, чтобы они доносили «о всяком тайном обществе, которое между ними могло составиться». Александр I 14 августа 1824 г. в Царском Селе наложил резолюцию: «Быть по сему»⁴⁹.

С точки зрения Т.Н. Жуковской, дело Виленского университета представляло собой хорошо спланированный «поход» Новосильцова не только против его автономии, но и в целом — университетов. Политическая самодеятельность студентов была использована для усиления правительственного контроля над университетским образованием⁵⁰. С нашей точки зрения, кроме университетского вопроса в данном деле нашли отражение еще две тесно связанные между

⁴⁹ Общество «Филоматов» и «Филаретов» (ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 19. № 12. Л. 45—52а); Дело о беспорядках в Виленском университете (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735 (Общая канцелярия министра народного просвещения). Оп. 10. Д. 13).

⁵⁰ Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I. С. 173.

собой проблемы: национально-освободительная и конспирации. Под влиянием революций в Центральной и Южной Европе Александр I изжил свои либеральные тенденции в отношении Польши и конспиративного движения. Император подчинил великому князю Константину Павловичу польскую администрацию и судебные органы, тем самым введя контроль над деятельностью уголовных и военных судов в прежних польских губерниях. Как писал Н. И. Тургенев, «к этому времени (начало 1820-х гг. — Т.А.) все благорасположение в отношении Польши уже улетучилось; правительство, казалось, было озабочено лишь тем, чтобы в зародыше задушить либеральные и оппозиционные настроения, которые, по его мнению, возникали среди тамошних жителей»⁵¹. Надо думать, именно с этим связана суровость наказаний в отношении польских студентов и учащихся. Кроме того, следует подчеркнуть, что типологически оба виленских тайных общества не являлись политическими, поскольку не имели четкой конспиративной организационной структуры, не были представлены уставами и политическими программами деятельности. Сама же направленность на пропагандистскую, агитационную работу высвечивает новые «начала», которые будут характерны для эпигонов декабристов, т.е. для тайных обществ и пропагандистов-одиночек второй половины 1820-х — начала 1830-х гг.

«Мнимые» (игровые, досуговые, пародийные) тайные общества

В послевоенный период, когда великая победа над Наполеоном давала новые надежды («вся Россия ожила новою жизнью! Всем было легко и свободно, и все веселились»⁵²), в общественном движении появилась практика создания тайных пародийно-игровых обществ. В современной литературе нет единства в классификации подобного типа конспирации. Т.Н. Жуковская характеризует их как «мнимые» тайные общества⁵³. В.М. Бокова, считает это определение неудачным. По мнению исследовательницы, оно «предполагает сомнение в существовании» союзов, поэтому она квалифицирует их как

⁵¹ Тургенев Н.И. Записки изгнанника // Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 51.

⁵² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 140.

⁵³ Жуковская Т.Н. Мнимые тайные общества в контексте культуры, или петрозаводский «парламент» 1821 года // Ситуации культурного перелома. Материалы научно-теоретического семинара. 24–26 апреля 1997 г. Петрозаводск, 1998. С. 120–125.

«шутливые, пародийные, игровые тайные общества»⁵⁴. На наш взгляд, Т.Н. Жуковская под «мнимостью» имеет в виду их конспиративность, которая была относительной, а типологически они действительно носили досуговый, пародийно-шутливый характер. В силу этого нет противоречия в обоих определениях, которые надо объединить. Следует подчеркнуть, что Н.К. Шильдер, имея в виду данный тип нелегальных союзов, также назвал их «мнимые». Речь идет о тайном обществе, созданном в столичном лейб-гвардии Преображенском полку отставным полковником А.П. Дубовицким. В состав союза входили только унтер-офицеры и нижние чины. Члены данного общества собирались в доме купца А.А. Карзинкина, обедали за счет полковника, который читал им Библию. Просуществовав до начала николаевского царствования, оно было обнаружено весной 1826 г. Согласно докладной записке от 14 мая начальника штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютанта С.П. Шипова начальнику Главного штаба ЕИВ И.И. Дибичу, «люди, посещающие сие общество, имеют хорошую нравственность». Однако Николай I оставил на документе следующую резолюцию: «Не входя в пространное суждение, что общество сие, имеющее в начале своим предметом богоугодные занятия, может со временем переменить и правила, и цель, и должно заметить, что отвлеченные занятия охлаждают в них страсть к военному ремеслу»⁵⁵.

К данному типу тайных обществ В.М. Бокова совершенно справедливо относит следующие петербургские и московские общества: «Общество мстителей» (1814–1816), созданное в Пажеском корпусе юным Е.А. Баратынским в подражание шиллеровским «Разбойникам»; «Общество квилков» (неких. – Т.А.) (1819–1822), учрежденное пажом А.Н. Креницыным там же для ограждения воспитанников корпуса от несправедливых взысканий начальства; «Общество кавалеров пробки» (1815–1817), открытое И.П. Бунинным в подражание масонским столовым ложам. Его члены собирались для совместных застолий. Это были К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, В.Л. Пушкин, Ф.И. Толстой. В подражание масонской символике они носили особые знаки – винную пробку в петлице.

Сюда можно отнести «Зеленую лампу» (1818–1820), куда входили: руководители «Союза благоденствия»; близкого ему круга литераторы, чиновники, офицеры; «Общество друзей признательности»; «Вольное

⁵⁴ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ... С. 212, 264.

⁵⁵ Открытие мнимых злоумышленных обществ и их деяний (ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 4. № 16. Л. 1–1 об.).

общество любителей прогулки» (1820–1822). Участники последнего, главным образом, литераторы (В. И. Панаев, А. М. Княжевич и др.) давали клятву — гулять пешком и узнавали друг друга, как и масоны, по-особенному носимым лорнетам⁵⁶.

Стремление к свободе проведения досуга и вольности даже в сексуальных отношениях нашло отражение в «Обществе свиней», действовавшем в 1822–1824 гг. и носившем, вероятно, гомосексуальный характер. Оно было обнаружено летом 1824 г. тайным агентом петербургской полиции титулярным советником А. А. Чиколини. В своем доносе петербургскому военному генерал-губернатору М. А. Милорадовичу он писал, что в «Общество свиней» входит 11 человек. Его членами являлись, главным образом иностранцы, приехавшие в Россию по делам службы или коммерции. Это были французские подданные гувернеры Ж. -Б. Май (президент) и Ростэн, художник А. -П. Булан, губернский секретарь А. Жофре, медики Плантаэн и Марсиль, итальянские и швейцарские подданные аббат И. Жюсти, музыканты Болоньи и Цани, преподаватель французского языка Лебрэн, а также столичный мещанин Сидоров. Все члены общества были арестованы, и проведено следствие. Согласно всеподданнейшей докладной записке М. А. Милорадовича от 18 июля 1824 г., Май, Марсиль, Ростэн приехали в Россию в 1823 г. и устроились (гувернером, врачами) в «русские семейства». Причем Ростэн сбежал от преследований французской полиции за фальшивомонетничество, а при аресте у него был найден фальшивый диплом «на звание доктора медицины». Аббат Жюсти прибыл из Швейцарии в Петербург в 1822 г., служил в католическом соборе, но затем «богослужение ему было запрещено», в силу «беспорядочного поведения». В 1823 г. аббат стал членом «Общества свиней». Бумаги, взятые у него при аресте, как сказано в записке, свидетельствовали «о его чрезвычайно опасных политических убеждениях». Художник Булан, также «тайно покинув Францию», прибыл в Россию в 1822 г. с фальшивым паспортом. В Петербурге он «вел себя чрезвычайно дурно», основал «Общество свиней», именно в его квартире проходили заседания союза. Музыкант Цани приехал из Парижа в 1820 г. и, как выяснило следствие, «всегда отличался дурным и распутным поведением». Найденные у него письма парижских родственников открыли, что он был вынужден уехать из Франции «за дурное поведение». В его собственных письмах он давал весьма уничижительную характеристику России и русского

⁵⁶ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ... С. 219–231.

народа. Среди «свиней» он также играл видную роль. Преподаватель Лебрен, по прозвищу «страждущий», приехал в Петербург в 1824 г. Пьяница и дебошир, он постоянно искал способ выпить и подраться. Жофре приехал в Россию в 1814 г. вместе с родителями, но в 1820 г. разъехался с ними из-за своего «дурного поведения». Жил в одной квартире с Буланом и отличался наравне с прочими «свиньями» критическим отношением к России. Доктор медицины Плантэн приехал в Россию в 1822 г. на русском фрегате. Согласно его показаниям, в обществе он был «простым наблюдателем». По сведениям полиции, поведение его «было довольно хорошим», и бумаги, взятые у него, ничем его не компрометировали. Другой доктор медицины – Марсиль, вынужденный приехать в российскую столицу в 1823 г. «из-за распутства и дурного поведения» на родине, в том же году стал «свиньей». Петербургский мещанин Сидоров, молодой человек 19 лет, вступил в «Общество свиней» в 1824 г., его денежными и, вероятно, «другими» услугами пользовались все члены общества. Бумаги, взятые у него, отражали его спекулятивную деятельность.

Какова цель общества, следствие так и не выяснило, а что касается деятельности, то она состояла в «постоянных оргиях», «мерзостях», о чем признался сам председатель в своих следственных показаниях. «Общество свиней» было создано как подражательство масонским ложам, о чем свидетельствует масонский диплом, найденный у Мая, а также его признание, что «название председателя было дано ему в шутку». По всеподданнейшему докладу М.А. Милорадовича от 7 августа 1824 г., Александр I повелел всем находившимся под стражей членам общества, «называвшимися свиньями», выдать паспорта и выслать за границу. Кроме этого, император приказал взять с них подписку, что они в «Россию никогда не вернуться»⁵⁷. Итак, маргиналы, вполне соответствующие названию общества, создали подражательную, досуговую тайную организацию. Их критика России, надо думать, носила чисто бытовой характер. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения И.М. Троицкого, что члены «Общества свиней» «были живыми проводниками революционных настроений Запада, в общении с ними могли складываться политические идеологии декабристов»⁵⁸.

⁵⁷ О тайном обществе под названием «свиней». 1824 г. (ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 19. № 12. Л. 23–40); также см.: РГВИА. Ф. 410 (Коллекция Военно-ученого архива). Оп. 1. Д. 881.

⁵⁸ Троицкий И.М. Жизнь Шервуда-Верного // Троицкий И.М. III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 104–106.

К нелегальным союзам данного типа относится и петрозаводское общество «Французский Парламент», созданное в подражание современным ему историческим реалиям Франции эпохи Реставрации и имевшее шутливо-костюмированное назначение⁵⁹. Оно было обнаружено в 1826 г. уже при Николае I, когда беспрецедентный процесс по делу «злоумышленного Тайного общества» и подтверждение подписки о непринадлежности к нелегальным союзам спровоцировали поток доносов. Однако данная тайная организация очень скоро стала не интересна следствию. Дело в том, что достаточно краткое расследование установило доминирование досугового, игрового, пародийного элемента ее деятельности и отсутствие не только четко разработанной политической программы, но и оппозиционных тенденций. Итак, являясь историко-культурным феноменом, «мнимые» (игровые, досуговые, шутливые) тайные общества пародировали как традиционную масонскую атрибутику, так и наиболее значимые современные европейские события, знаменующие собой «парад конституций» и парламентские реалии Европы.

Политические тайные общества

Первым тайным политическим обществом в России можно считать созданный в 1796 г., действовавший два года и раскрытый осенью 1798 г. кружок офицеров Петербургского драгунского полка, расквартированного в Смоленской губернии, к которым примкнули чиновники местной гражданской и военной администрации. В состав кружка входили более 30 человек, а главными действующими лицами являлись полковники А. М. Каховский, П. С. Дехтерев, П. В. Киндяков (командир полка, в доме которого проходили собрания), подполковник А. П. Ермолов, капитан В. С. Кряжев. С ними были связаны губернский и уездный предводители дворянства Н. Б. Потемкин и М. О. Сомов, а также служащие при военном губернаторе подполковники С. А. Тучков, И. В. Тутолмин и поручик М. А. Потапов. Важно отметить, что руководители кружка имели родственные и дружеские связи с будущими главными «героями» мартовского переворота 1801 г. — братьями П. А. и В. А. Зубовыми. Хотя кружок не имел четкой конспиративной

⁵⁹ Дело о тайном обществе, бывшем в Петрозаводске под названием «Французский Парламент». 23 июня — 17 августа 1826 г. (РГВИА. Ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба ЕИВ). Оп. 4. Св. 22. Д. 309. Л. 1–28); также см.: Жуковская Т. Н. Мнимые тайные общества в контексте культуры, или петрозаводский «парламент» 1821 года. С. 120–125.

организации по масонскому образцу, в нем отсутствовали «писанные» устав и программа, но все же в определенной мере он соответствовал принципам европейской политической конспирации, т.е. Ордена иллюминатов, в сочетании с традициями русского дворцового заговора. Конкретной политической целью его деятельности являлись уничтожение павловского режима и возрождение принципов государственного управления Екатерины II. Долговременной (стратегической) целью смоленских «заговорщиков» было утверждение «законной» или «истинной» монархии в России. Важнейшей тактической установкой являлась подготовка общего и общественного мнения к установлению новой более прогрессивной формы правления — абсолютной «законной» монархии, основанной на фундаментальных государственных законах. Оппозиционный и даже антиправительственный характер кружка был очевиден. Ведь, по мнению его руководителей и простых членов, реализация обеих целей была возможна лишь с приходом к власти Александра Павловича, т.е. со сменой носителя верховной власти. Поэтому, не ограничиваясь проповедью мирных просветительских принципов и обсуждением произведений французских энциклопедистов (Ш.Л. де Монтескье, П.А. Гольбах, Вольтера (Франсуа-Мари Аруэ)) и статей «Санкт-Петербургского журнала», они склонны были к активным действиям, прежде всего к дискредитации павловского беззакония и самого «тирана». Кружковцы распространяли сведения, слухи, карикатуры, стихи, песни, порочившие верховную власть и усиливавшие недовольство режимом в дворянском обществе и народе.

Стремясь расширить сферу своего влияния в дворянской среде, смоленские «заговорщики» установили связи в Москве, Петербурге, Орле, Калуге, Киеве. В северной столице смоленским «делом» были дискредитированы генерал-прокурор А.Б. Куракин, военный генерал-губернатор Ф.Ф. Буксгевден, вице-адмирал С.И. Плещеев, фельдмаршал Н.В. Репнин, а также экспедитор генерал-прокурорской Канцелярии титулярный советник М.М. Сперанский. По заявлению председателя Следственной комиссии Ф.И. Линденера, рассматривавшего деятельность кружка, Сперанский передавал «преступникам» некоторые важные антиправительственные сведения. Более того, выходя за рамки мирной оппозиции, руководители кружка ставили вопрос о приходе к власти Александра I путем дворцового переворота и убийства Павла I или военного выступления. В силу этого одни исследователи определяли смоленский кружок Каховского самым ранним предшественником декабристского движения и даже называли

преддекабристской организацией⁶⁰, другие же видели в нем только развитие традиции российских дворцовых переворотов⁶¹.

На наш взгляд, смоленский кружок, действительно, являлся первым тайным политическим обществом в России и предшественником декабристской конспирации. Он соединял в себе элементы мирной и антиправительственной оппозиции, а также традиции русского дворцового заговора и некоторые принципы классической европейской конспирации⁶². Так же, как и Орден иллюминатов, кружок сочетал политическую и культурно-просветительскую составляющие модели тайного общества при отсутствии масонских конспиративных форм. Эта первая российская тайная политическая организация «переходила» классическое масонство, отличающееся аполитичностью, и использовала не только идеологические, но и политические рычаги для достижения как конкретной, так и стратегической политических целей. Ведь рассчитанная на десятки лет и несколько поколений практическая реализация идеалов «законной монархии» должна была произойти путем влияния на воспитательный и образовательный процесс в рамках просветительской идеологии и формирования прогрессивного общего и общественного мнения. Вместе с тем конкретная задача смены носителя верховной власти все же решалась насильственным путем. Что же касается сходства с декабристской конспирацией, то и оно также имело место. В смоленском кружке, как и в «Тайном обществе» декабристов, превалировал военный элемент. Смоленские «заговорщики», как и руководители «Союза благоденствия», имели две цели: одну конкретную — «явную» и вторую — «сокровенную», более общую, стратегическую, реализация которой была рассчитана на длительный срок. Ведь в первой части «Зеленой книги» в качестве «явной» краткосрочной цели выдвигалась подготовка дворянского общества и народа к принятию конституции, исходящей от просвещенного монарха путем распространения просвещения и формирования прогрессивного общественного и общего мнения. Во второй части устава определялась «сокровенная», долговременная политическая цель, которая состояла

⁶⁰ Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 112–114; Светлов Л.Б. Ранние предшественники декабристов // Там же. 1961. № 1. С. 96–110; Рябков Г.Г. Ранняя преддекабристская организация: К истории кружка А.М. Каховского // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 5. Смоленск, 1963. С. 144–164.

⁶¹ Эйдельман Н.Я. Дворцовый заговор 1797–1799 гг. // Вопросы истории. 1981. № 1. С. 106–112.

⁶² Бокова В.М. Эпоха тайных обществ... С. 14.

в ненасильственном плане мирного конституционного переустройства страны. Важнейшей тактической установкой смоленского кружка, как и «Союза благоденствия», было распространение его влияния в обществе и укрепление связей с видными государственными и военными деятелями (или вовлечение их в конспиративную деятельность). Так же, как и кружок, «Северное общество» в период междуцарствия имело два плана: до 9 декабря 1825 г. – дворцового переворота, т.е. смены носителя верховной власти, а с 10-го – установки на государственный переворот путем военного выступления.

Через 18 лет после обнаружения властью смоленских «заговорщиков» была создана первая российская политическая нелегальная организации, уже вполне соответствовавшая европейской модели тайного общества, – «Союз спасения». Самодержавно-крепостническая реальность и все более расширявшийся разрыв между государственными приоритетами и, условно говоря, «национальными интересами» способствовали поиску активными силами просвещенной элиты дворянского общества, прежде всего декабристами, наиболее действенных форм для реализации своей общественно-политической активности и усиления официальных реформаторских инициатив. При этом сама модель конспиративного объединения, казавшаяся в довоенное и военное время столь привлекательной формой досуга, общения, самореализации, во второй половине 1810-х гг. уже представлялась существенным фактором реформаторского процесса и инструментом, пригодным для ведения нелегальной оппозиционной политической деятельности и влияния на верховную власть.

Применительно к разработанным сюжетам можно заключить следующее:

1. Генетически декабризм зародился не просто в офицерской среде, а в среде штабной. Модель тайного общества как тип реализации общественной активности и форма проведения досуга в 1811–1816 гг. стала весьма привлекательной, прежде всего для просвещенной элиты армии, которая сама являлась составной частью общества как особой социальной группы дворянства.

2. Декабристское движение при своем зарождении шло общими для большинства тайных общественных объединений путями – от дружеского, досугового союза к мирной политической оппозиции. Тайные неполитические общества и конспиративные организации с элементами политизации, существовавшие в среде молодого офицерства предвоенной и военной поры, являлись преддекабристскими союзами.

3. В военно-политическом и тактическом аспектах предшественником декабристской конспирации являлся кружок смоленских «заговорщиков» конца XVIII в. Полностью не отвечавший всем принципам тайного политического общества как исторического феномена кружок сочетал в себе элементы мирной и антиправительственной оппозиции, а также соединял некоторые черты классической европейской конспирации и традиции русского дворцового заговора.

4. Декабристские союзы, хотя и существовали в общих с не декабристскими нелегальными организациями эклектичных рамках, но имели с ними важные различия. Только декабристы имели законченную программу социально-политического переустройства страны, стремились воздействовать на правительство в целях усиления или реанимации реформаторского процесса. Важнейшими отличительными чертами декабризма были: ретроспективное утверждение исторической закономерности появления «Тайного общества»; четкое социально-политическое мотивационное обоснование его создания и эволюции, а также определение частью общественного «брожения» 1810-х – первой половины 1820-х гг.

К.Г. Боленко

М.М. Сперанский и Д.В. Голицын:
к истории служебных и личных отношений

Исследование круга и системы личных и служебных персональных связей в бюрократической среде всегда будет оставаться актуальной задачей, поскольку конфигурации этих связей оказывали и оказывают серьезное влияние на процесс принятия властями предрешающими решений, в том числе по ключевым вопросам. При этом значительная часть этих отношений, аппаратных и придворных союзов и коалиций, обречена оставаться слабо выявленной и изученной ввиду их кратковременности, ситуативности, нежелания сторон афишировать договоренности и в силу этого – слабо обеспеченной источниками. Примером такого рода, на наш взгляд, могут служить отношения, сложившиеся в 1820–1830-е гг. между Михаилом Михайловичем Сперанским и московским военным генерал-губернатором Дмитрием Владимировичем Голицыным. Несмотря на то, что некоторые из использованных нами документов давно опубликованы, ни в одной из биографий Сперанского и Голицына их отношения не нашли даже мимолетного отражения. Разумеется, Голицын и Сперанский в силу должностного положения не могли не вступать в служебную переписку, и отчасти она известна¹, но цель настоящего исследования – не установление максимального количества контактов, а выявление пласта отношений, выходящих за рамки формальной коммуникации, их содержания и динамики.

Самый ранний выявленный факт официальной, но уже не служебной корреспонденции относится к 26 января 1821 г. и связан с историей Московского общества сельского хозяйства; Голицын, как известно, был одним из инициаторов создания общества еще в середине 1818 г. и стал его первым председателем. Голицын сообщает Сперанскому об избрании его почетным членом общества:

¹ К примеру, 20 сентября 1820 г. Сперанский пишет В.П. Кочубею: «Примечательная черта его (Дж. Кохрена. – К.Б.) путешествия есть та, что около Тосны его ограбили и вещи у него отнятые возвращены ему в Томске. Я получил их от московского военного губернатора» (В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 501.

«Императорское Московское Общество Сельского Хозяйства, удостоенное особенного покровительства Самого Государя Императора, зная Вашу ревность ко благу общественному и готовность содействовать оному всеми силами, избрало Вас своим Почетным Членом и просит о принятии сего звания. Препровождая при сем экземпляр своего Учреждения, Общество сие надеется на содействие Ваше в трудах оного, к пользе Отечества клонящихся, и уверено, что Вы кроме личного в оных соучастия не откажетесь споспешествовать оному и влиянием на дворян и хозяев вверенных управлению Вашему губерний». Далее Голицын выражает надежду на то, что Сперанский как сибирский генерал-губернатор будет «споспешествовать оному и влиянием на дворян и хозяев вверенных управлению Вашему губерний», Голицын просит «о доставлении Обществу семян сибирских яблоней, рябины, облепихи, верблюжьего хвоста, всякого рода смородины и подобных растений и вообще всякого рода деревьев и кустарников, которые только можно достать»².

Поскольку в это время Сперанский находился в Сибири, не следует удивляться тому, что письмо было получено в его канцелярии, согласно имеющейся помете, только 23 апреля, а черновик ответного письма датирован 16 сентября³.

Сомнений в том, что Сперанский Голицыну ответил, нет⁴. Исключительно официальный (без тени личного отношения) характер письма не позволяет судить даже о том, были ли Сперанский и Голицын очно знакомы.

Вероятность их личной встречи с начала 1812 до весны 1819 г. была почти «нулевой», поскольку Сперанский находился в ссылке, с августа 1816 г. — на службе в Пензенской губернии, а с лета 1819-го — в Сибири. Голицын же до 1814 г. воевал, затем командовал рядом гвардейских соединений, а в 1818 — начале 1820 г. был командующим 2-м пехотным корпусом, квартировавшим преимущественно во Владимирской губернии. Не представляя себе в деталях итинерария обоих лиц и в первую очередь более свободного в своих передвижениях

² ОР РНБ. Ф. 731. Оп. 1. Ед. хр. 2215. Л. 1—1 об. По сведениям Д. Н. Шилова, Сперанский был принят в общество 20 декабря 1820 г. (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений: 1802—1917: Библиограф. справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 674).

³ ОР РНБ. Ф. 731. Оп. 1. Ед. хр. 2215. Л. 2.

⁴ Местонахождение письма к настоящему моменту неизвестно. Вероятно, оно находится в архиве Московского общества сельского хозяйства в Центральном государственном архиве г. Москвы (Ф. 419).

Голицына, нельзя совершенно исключать возможности их встречи до весны 1819 г., однако трудно представить себе почву для сближения. В первую очередь потому, что нет никаких оснований полагать, будто до конца 1819 – начала 1820 г. служебные устремления Голицына выходили за рамки военной карьеры. Как высокопросвещенный человек и ответственный аристократ он не мог не размышлять о положении страны, но характерные для него сдержанность, самодисциплина и безусловная лояльность государю, вероятно, резко ограничивали круг лиц, при которых он высказывал свои взгляды на актуальные общественно-политические и государственно-правовые проблемы. Во всяком случае, никаких свидетельств о его репликах на эти темы до назначения на должность московского военного генерал-губернатора найти не удастся.

Возвращаясь в 1821 г. из Сибири в столицу, Сперанский не мог встретиться с Голицыным в Москве⁵. В это время тот находился в Петербурге, видимо, ожидая императора (он участвовал в работе Лайбахского конгресса)⁶.

Однако Сперанский прибыл в Петербург около 23 марта, а Голицын вернулся в Москву только 11 мая⁷. За этот период они вполне могли встретиться, тем более, что посещали в столице, как минимум, один общий дом – Татищевых⁸.

В этот период близость их взглядов на содержание необходимых в России социальных и административных преобразований была несомненна, и она тем важнее, что в значительной степени, если не целиком, сложилась независимо. Во второй из записок, составленных в 1820 г., Голицын написал: «Нынешние неустройства нашего управления проистекают от двух основных причин. Первая состоит в том, что реформа, проведенная в 1810 г., во всех своих частях осталась незавершенной, и что, не занимаясь с той поры ее окончанием и доведением до необходимой степени совершенства, произвели изменения, которые значительно замедлили ее ход. В 1810 году был в общих чертах намечен состав высших учреждений и министерств. Определили,

⁵ Сперанский находился в Москве с 14 по середину дня 16 марта 1821 г. (В память графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 99–100). О его пребывании в первопрестольной см.: Братья Булгаковы: Переписка / (ред. Анна Танчарова) Т. 2. М., 2010. С. 39.

⁶ Согласно переписке братьев Булгаковых, Голицын еще 8 марта был в Москве и не позже 23 марта – в Петербурге (см.: Братья Булгаковы... Т. 2. С. 44, 65, 78).

⁷ По сведениям А.Я. Булгакова, Голицын должен был из Петербурга заехать в Тверь к И.В. Васильчикову (Письмо от 5 мая 1821 г. // Там же. С. 74).

⁸ См.: Там же. С. 44, 73.

чем должен быть Государственный совет, чем — Комитет министров, подготовили реформу Сената, закрепили за каждым министерством его полномочия и в общем виде очертили их внутреннюю структуру. Если бы работа в этом направлении была продолжена, то в скором времени удалось бы закончить реформу в столице и распространить ее на местную администрацию»⁹. Столь решительных сторонников административных реформ, проводимых Сперанским перед Отечественной войной, среди российской элиты надо было еще поискать.

Без сомнения, Сперанскому не могли не импонировать и взгляды Голицына на правосудие. Так, в первой из записок 1820 г. он заявил о том, что «власть судебная есть, без сомнения, часть власти исполнительной, но в силу своей исключительной важности для спокойствия частных лиц и самого монарха, она требует к себе особого внимания и заставляет отделять от нее, насколько возможно, остальное управление». Он объявил судебную власть «защитницей народа, выводящей на свет Божий все незаконные и самовластные действия тех, кто имеет наибольшие средства к угнетению других и несправедливости» и призвал заняться подготовкой судей, в первую очередь — воспитанием в них «духа независимости и честности, без которого нельзя быть правосудным судиею!»¹⁰.

Еще более подробно Голицын остановился на сфере правосудия в записке 1821 г. Судебная сфера, заявил он, «без сомнения, есть важнейшая отрасль нашего управления». Также Голицын предложил выдвинуть в число первоочередных вопросов внутренней политики России кодификацию законов и судебную реформу, ключевыми элементами которой должны были стать гласность судопроизводства; введение в судебный процесс адвокатов; сокращение числа судебных инстанций; повышение уровня образования судейского корпуса¹¹.

В настоящее время невозможно сказать, сформировались ли подобные взгляды Голицына на сферу правосудия независимо от Сперанского или в результате общения с ним. Но в любом случае, последний не мог не замечать тех мер Голицына по совершенствованию судебных учреждений в Москве, которые не требовали согласования в высших эшелонах власти, носили публичный характер и вызывали определенный общественный резонанс. Об этом свидетельствуют: речь на дворянских выборах в начале 1822 г., привлечение на службу

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 26 об. (здесь и далее перевод Е.Э. Ляминой).

¹⁰ Там же. Л. 22–23.

¹¹ Там же. Л. 1–2.

в судебные учреждения образованных дворян, поддержка карьеры молодых перспективных юристов, поощрение авторов, писавших на юридические темы¹².

Очевидно, именно в 1821–1822 гг. между Сперанским и Голицыным сложились те отношения, которые фиксирует письмо Сперанского от 17 декабря 1822 г. В тот период он сосредоточился на кодификационных работах и проведении готовых проектов через Государственный совет. Голицын же с 31 октября 1821 г. состоял членом Государственного совета¹³, и объективно это повышало заинтересованность Сперанского в хороших отношениях с Голицыным; высочайшим указом от 3 ноября 1821 г. Государственному совету было поручено заняться рассмотрением проектов, разработанных в Комиссии составления законов, и дело шло с большим трудом.

В свою очередь Голицын в своих проектах демонстрировал гораздо более широкий реформаторский кругозор, чем тот, что требовался для начальника губернии. Он также нуждался во внимательном и влиятельном помощнике, который к тому же имел бы доступ к государю, неплохо знал тонкости придворных и бюрократических отношений и был искушен в особенностях российской законотворческой техники. Письмо стоит того, чтобы процитировать его целиком:

«Милостивый Государь князь Дмитрий Владимирович.

Я должен вашему сиятельству ответить на письмо еще в июне сего года полученное. Я не мог дать движения записке, при нем приложенной о делах конкурсных, как с высочайшего дозволения; но бы

¹² Подробнее см.: *Боленко К.Г.*: 1) О возможном пути развития российской судебной системы в 1820-е годы (кн. Д.В. Голицын и его попытка судебной реформы) // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы XI Голицынских чтений 24–25 января 2004 года*. Б. Вяземы, 2004. С. 82–98; 2) Д.В. Голицын и Александр I: к истории взаимоотношений в начале 1820-х годов // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы XII Голицынских чтений*. Б. Вяземы. 22–23 января 2005 года. Б. Вяземы, 2005. С. 21–29; 3) Речь Д.В. Голицына на дворянских выборах 1822 года // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы XIII Голицынских чтений*. Б. Вяземы, 21–22 января 2006 года. Б. Вяземы, 2006. С. 268–282; 4) Речь Д.В. Голицына на дворянских выборах 1822 г.: новые материалы // *А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве (XIX Пушкинская конференция 3–4 октября 2015 года)*. XVIII Троицкие чтения // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы (XXII Голицынские чтения 23–24 января 2016 года): Материалы научных конференций / под общ. ред. А.М. Рязанова*. Б. Вяземы, 2016. С. 273–288; 5) Генерал-губернатор Д.В. Голицын и московское служебное окружение И.И. Пушина // *Уральский исторический вестник*. 2015. № 1(46). С. 92–100.

¹³ Текст указа о назначении см.: *Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии*. Вып. 6. СПб., 1893. С. 67.

во все сие время не более двух раз с работою, я не имел никакой возможности испросить сего дозволения, тем более что и Комиссия законов, коей мнение тут казалось нужным, по сие время не представила еще своих по сему предмету соображений. С возвращением ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, при первой возможности я представляю, однако же, работу сию на высочайшее усмотрение. Не могу ручаться в успехе ея в Совете: ибо обыкновенно поправления сего рода отлагаются до обшего соображения, то есть до издания уложений; а уложения, как и ваше сиятельство справедливо приметили, идут медленно.

На сих днях окончано, однако же, уложение Гражданское. Поправления в Совете предложенные многочисленны и некоторые из них довольно важны. Остается их решить, рассмотрев довольно значительную кипу журналов. После сего они препровождены будут в Комиссию для окончательной редакции. После нового года, вероятно, приступим к разбору Торгового уложения. Часть сия довольно успешно в Комиссии обработана. Таким образом, в конце будущего года могут быть готовы два уложения: Гражданское и Коммерческое; но ни то, ни другое не могут быть приведены в действие без Устава Судопроизводства; — а уставу сему едва положены первые начала. Состав Комиссии весьма слаб и людьми и материалами; а усилить его и не в моей воле, да и не вижу я большой возможности. — К сему нужен другой образ мыслей и, может быть, другие понятия о важности сего дела.

Примите, милостивый Государь, сии откровенные мои изъяснения как свидетельство искренней моей благодарности за ваше ко мне доверие, которое всегда будет для меня драгоценно.

С совершенным почитанием и преданностию имею честь быть
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
М. Сперанский.

В С.-П-бурге
17го декабря
1822.

P.S. Одним получасом опоздал отправить письмо сие с Княгинею Татьяною Васильевною; отправляю с Г^{ном} Каменским»¹⁴.

Как следует из письма, Голицын в июне 1822 г. послал Сперанскому с сопроводительным письмом некую «записку о делах конкурсных» (конкурсное право регулирует отношения между должником, кредитором и третьими лицами ввиду банкротства должника), которую, по-видимому, просил Сперанского представить в Комиссию

¹⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 64 (Вяземы). Карт. 114. Ед. хр. 80. Автограф Сперанского на сложенных вдвое листах белой вержированной бумаги. Черновик (ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1855. Л. 1—2 об.). Здесь и далее в документах синтаксис и пунктуация сохранены.

составления законов, чего тот сделать не смог. Сперанский подробно изложил ход дел по прохождению через Государственный совет проекта Гражданского уложения и перспективы поступления в Совет Торгового (Коммерческого) уложения¹⁵, не стесняясь рассказывать о недостатках в работе кодификационной комиссии. Это было общение единомышленников. Оба понимали необходимость обновления экономического законодательства и судопроизводства, и Голицын в должности военного генерал-губернатора немало делал в этом направлении; в частности, при нем в Москве в 1828 г. была открыта Биржа, в 1833 г. – коммерческий суд.

Обращает на себя внимание высокая степень доверительности Сперанского к своему корреспонденту – «свидетельство искренней моей благодарности за доверие ко мне ваше», а также его знакомство с супругой Голицына, Татьяной Васильевной, урожденной Васильчиковой, через которую он первоначально намеревался отправить письмо. Из вельможных корреспондентов Сперанского это письмо по степени откровенности сопоставимо только с письмами к его давнему и неизменному покровителю – В.П. Кочубею¹⁶.

Нельзя также не обратить внимания на близость взглядов Сперанского и Голицына по крестьянскому вопросу. Так, оба они были сторонниками постепенной, но неуклонной отмены крепостного права; проведения ясной границы между крестьянами и дворовыми; реформы государственной деревни как шага, предшествующего реформе деревни помещичьей; запрещения продажи крестьян без земли; регламентации крестьянских повинностей¹⁷.

Не исключено, что Сперанский вообще в некоторой степени «курировал» Голицына. Как писал Николаю I в 1827 г. граф В.П. Кочубей, «Вашему Императорскому Величеству угодно было, чрез генерала-от-инфантерии графа Толстого, изъявить высочайшую волю, чтоб Комитет 6 Декабря 1826 года занялся рассмотрением, *какое законоположение сделано быть может, о прекращении личной*

¹⁵ В 1823 г. рассмотрение в Государственном совете проектов Гражданского и Торгового уложений так и не состоялось.

¹⁶ Об отношениях и сотрудничестве М.М. Сперанского и В.П. Кочубея см.: *Николаенко П.Д.* Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. Гл. 6–7.

¹⁷ *Долгих А.Н.* Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): дворянское общество и власть. Сб. документов: в 2 т. Т. 2. Липецк, 2005. С. 128–129 (записки Д.В. Голицына по крестьянскому вопросу); *Андреева Т.В.* На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I. СПб., 2019. С. 56, 113.

продажи людей (курсив мой. — К.Б.). Комитет вследствие сего предварительно положил собрать все сведения о тех предположениях, кои в царствование блаженной памяти императора Александра I были в виду и занимали, как прежний Государственный совет, так и ныне существующий, а г-ну тайному советнику Сперанскому в особенности испросить высочайшее соизволение внести в Комитет те бумаги, кои по сему предмету представлены были покойному государю императору г-м военным генерал-губернатором московским князем Голицыным и его величеством вручены тайному советнику Сперанскому»¹⁸. Возможно также, что Голицын сам избрал Сперанского посредником в передаче записки, которую последнему затем возвратил император.

Идейная близость Голицына и Сперанского, их сотрудничество в продвижении проектов преобразований, взаимные симпатия и доверие немало способствовали успеху проводившейся во II Отделении СЕИВК кодификации польского и литовского законодательства (составление Свода законов западных губерний). При этом основным сотрудником Сперанского стал Франтишек (Франц Семенович) Малевский.

Отправленный в ссылку по известному делу филоматов, Малевский вместе со своим другом — Адамом Мицкевичем в августе 1825 г. поступил на службу в канцелярию Голицына, но без жалованья, поскольку не имелось вакансий. Основным его занятием стало составление «записок» по разным вопросам, в том числе, как минимум, одной рецензии на иностранные издания по статистике России, а также некая «работа» по «Земледельческому журналу», издаваемому Московским обществом сельского хозяйства, президентом которого был Голицын. Через год положение Малевского не изменилось, и он попросил Голицына ходатайствовать о переводе его в Комиссию составления законов¹⁹. Голицын ходатайствовал за Малевского перед Сперанским с самой лестной характеристикой, и назначение не состоялось исключительно потому, что во II Отделении также вакансий не нашлось²⁰.

Когда в 1827 г. Малевский составил большое пособие для польских юристов по российскому праву — «Prawo administracyjne Rossyjskie»

¹⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 360; Т. 74. 1890. С. 133, 152.

¹⁹ Федута А.И. Филомат в Империи: Документальная повесть о Франтишке Малевском. Минск, 2019. С. 148, 156–157, 172.

²⁰ Archiwum filomatów. Listy z zesłania. Т. 3: Krąg Franciszka Malewskiego i Józefa Jezowskiego. Warszawa, 1999. S. 139, 143–144; Федута А.И. Филомат в Империи ... С. 164, 185.

(другое название — «О правлении Российской империи»), — Голицын активно, хотя и безуспешно, способствовал его прохождению через цензуру. В 1828 г. при первой представившейся возможности Малевский при участии Сперанского и М.А. Балугьянского был принят помощником метриканта в так называемую Литовскую метрику (архив Великого княжества Литовского, хранившийся с 1795 г. при Сенате), а в 1830 г. стал чиновником II Отделения²¹.

Вся эта кропотливая работа по передаче из рук в руки ценного сотрудника не осталась незамеченной. Об этом писал А.Х. Бенкендорфу 8 мая 1828 г. о Малевском и Мицкевиче управляющий III Отделением М.Я. фон Фок: «Московский военный генерал-губернатор князь Голицын особенно их покровительствует и неоднократно ходатайствует за них. По ходатайству князя Голицына Малевский, как искусный законник и магистр прав, определяется в сенатские Метрики, где будет весьма полезен Сперанскому при составлении свода польских законов»²².

Еще одно свидетельство отношений Голицына и Сперанского, выходящих за рамки служебных, относится к 1833 г. 23 мая Сперанский пишет Голицыну: «К Своду законов, который я имел честь Вашему сиятельству доставить, составлено мною на русском языке, напечатанное на сих днях, “Краткое историческое его обозрение”. Для иностранцев оно переведено на французский и немецкий языки. Немецкий перевод печатается, а французский экземпляр при сем прилагаю.

Отправляясь по дряхлости своей искать здоровья у Мариенбадских вод, препоручаю себя благосклонному Вашего сиятельства воспоминанию»²³.

Письмо позволяет предположить, что к 1833 г. отношения Сперанского и Голицына сохранили преимущественно эмоциональную составляющую — теплоту и доброжелательность. Оживленное обсуждение государственных вопросов, видимо, осталось в прошлом (в период подготовки свода законов в Голицыне как союзнике Сперанский

²¹ Федута А.И. Филомат в Империи... С. 159–172, 185–195.

²² Цит. по: Там же. С. 207–208.

²³ К истории свода законов Российской империи (переписка М.М. Сперанского с разными лицами) // Русская старина. 1898. № 7. С. 153–154. Републиковано: Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / отв. ред. И.Д. Осипов. СПб., 2002. С. 621; обширная цитата: Сперанский М.М. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамов. М., 2010 (сер. Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). С. 758.

не нуждался), иначе у Сперанского не было бы никакой необходимости напоминать о себе. Впрочем, теплота – это тоже немало. Сохранившийся в архиве Сперанского черновик письма Голицыну от 8 сентября 1834 г., словно подкрепляя тезис о постепенном затухании отношений, содержит лишь вежливую просьбу – помочь с повторным определением в службу надворного советника Елисеева, ранее служившего со Сперанским в Сибири²⁴.

Письмо же от 17 декабря 1822 г., без сомнения, – это наиболее ценный документ из опубликованных или процитированных в данной статье. Он останется ярким памятником взаимодействия просвещенных администраторов в деле кодификации российского законодательства, одного из самых важных дел второй половины alexandrovskogo царствования.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1855. Л. 4–5.

А.Г. Готовцева

К вопросу о планах военной революции Васильковской управы «Южного общества»

Несколько предварительных замечаний

Васильковская управа «Южного общества» декабристов в историографии известна как самостоятельное подразделение, «генератор» собственных планов военной революции, в корне расходящихся с идеями руководителя южан П.И. Пестеля и зачастую противостоящих им. «Начались разногласия, которые оставались до конца и производили множество столкновений. В Тульчине подчеркнуто рассматривали нас скорее как союзников Общества, нежели как составную его часть», — сообщил во время следствия М.П. Бестужев-Рюмин¹. Это показание, по сути верное, неточно в деталях. Васильковские лидеры, С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин, сами противопоставляли себя остальной части общества, считая, что могут действовать самостоятельно. Причем план действий Васильковской управы коренным образом отличался от того, что предлагал П.И. Пестель. Согласно его планам, революция должна была начаться в Петербурге «как средоточии всех властей и правлений» и должна была быть поддержана южными армиями. В планах Муравьева-Апостола, вдохновленного примером испанского революционера Рафаэля Риго, все было наоборот — локомотивом вооруженного выступления должна была стать провинция, войска 1-й армии, а затем революцию планировали распространить в столицах².

Согласно сложившейся историографической традиции Васильковской управой было составлено три независимых «от центра» плана военной революции. Первый из них, получивший название «Бобруйский заговор», был разработан Муравьевым-Апостолом летом 1823 г., когда 9-я пехотная дивизия 1-й армии была отправлена на работы в Бобруйскую крепость. В конце лета того же года предполагался смотр императором

¹ Восстание декабристов. Документы и материалы: в 21 т. Т. 1—6. М.; Л., 1925—1929; Т. 7—21. М., 1958—2008. В далее приведенных документах синтаксис и пунктуация сохранены.

² Об этом см.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов: в 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 128—129; *Киянская О.И.* Пестель. М., 2005. С. 91—93.

Александром I войск, расположенных в крепости. План предусматривал: арест императора стоящими в карауле у его покоев солдатами, движение восставших войск на Москву, а в случае неудачи — оборону в Бобруйской крепости. В составлении заговора приняли участие командир Александровского полка П.С. Повало-Швейковский, поручик Полтавского полка М.П. Бестужев-Рюмин и вновь привлеченный в тайное общество член «Союза благоденствия», переведенный из гвардии в армию капитан 18-го егерского полка В.С. Норов. Перед тем как приступить к исполнению замысла, было решено, во-первых, связаться с членами тайного общества в Москве, во-вторых, «спросить мнение Пестеля, и какое может дать он нам пособие». План не встретил одобрения ни «московских членов» — И.Д. Якушкина и И.А. Фонвизина, ни «южных» — В.Л. Давыдова, С.Г. Волконского и А.П. Барятинского (через них предполагалось наладить связь с Пестелем), и был оставлен его организаторами³.

Второй план, вошедший в историографию как 1-й Белоцерковский согласно официально принятой хронологии, был составлен в конце 1824 г. В 1825 г. предполагался смотр 3-го корпуса возле местечка Белая церковь, имени графини А.В. Браницкой, где должен был остановиться император Александр I. Авторами плана выступили Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин. Предполагалось поставить к царю в караул членов тайного общества, переодетых солдатами, «захватить» императора и «нанести ему удар». План имел сходство с уже обсужденным и отвергнутым в 1823 г. Бобруйским планом с той поправкой, что теперь уже не солдаты, а члены тайного общества стояли «на часах у государя» и царя не арестовывали, а убивали. План отвергли на Киевских контрактах 1825 г., где против него решительно выступили Пестель, А.П. Юшневский, Волконский, Давыдов и Барятинский. Самого Муравьева-Апостола, как и Бестужева-Рюмина на этих совещаниях не было, информацию о происходившем там они получили через других членов Васильковской управы — полковников Повало-Швейковского и В.К. Тизенгаузена⁴. Кроме того, смотр в Белой церкви в 1825 г. не состоялся⁵.

И, наконец, третий план, разработанный Васильковской управой и получивший в историографии название 2-го Белоцерковского плана, возник в 1825 г. во время сбора 3-го корпуса в местечке Лещин («Лещинские лагеря») и ориентировался на высочайший смотр, предполагавшийся в мае 1826 г.

³ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. С. 20—21.

⁴ Там же. С. 112—113.

⁵ М.В. Нечкина даже предположила: смотр был отменен из-за того, что правительство испугалось «злоумышленников» в армии (Там же. С. 119).

Это был «отвергнутый еще в начале 1825 г. на четвертом Киевском съезде руководителей “Южного общества” план выступления на юге — предположительно в мае 1826 г., на царском смотре 3-го корпуса. План этот и “возродился” во второй половине 1825 г.». Согласно ему начать революцию надлежало с царевубийства, затем предполагалось издание двух прокламаций: одна — к войску, другая — к народу, а далее — следование 3-го корпуса на Киев и Москву с присоединением к нему расположенных по пути войск. В Москве потребовать от Сената преобразования государства. Всем остальным частям тайного общества надлежало содействовать революции: войскам 2-й армии занять Киев, а членам в Петербурге — поднять гвардию и флот, а также отправить императорскую фамилию за границу. План этот был согласован и одобрен С. П. Трубецким, приехавшим на юг согласно своему новому назначению⁶.

***«Я не очень сему верил»: планы Васильковской управы
«Южного общества» в следственных показаниях***

На следствии впервые четкую картину планов Васильковской управы дал Пестель в письменных показаниях от 13 января. Отвечая на вопрос о различных предположениях обоих обществ к началу открытых действий, изложив в первой части ответа собственные формальные взгляды на военную революцию (о реальных планах на протяжении всего следствия Пестель не сказал ни слова)⁷, во второй — он перешел к изложению «других предположений» тайного общества, т.е. планов Васильковской управы: «Другое предположение было следующее: Начать Революцию во время ожидаемого Высочайшего смотра Войск 3 Корпуса в 1826 году»⁸. Далее излагался 2-й Белоцерковский план, и сообщалось также: «Сие предположение было еще сделано в 3 Корпусе в 1824 году. Я, Юшневской, Давыдов, Князь Волхонской и Князь Бярятинской сильно тогда спорили противу онаго во время Киевских Контрактов 1825 года и совершенно оно тогда опровергнули. Во второй половине 1825 года было оно опять возобновлено»⁹.

Пестель, таким образом, не делал различия между 1-м и 2-м Белоцерковским планами. Для него это не «второй вариант белоцерков-

⁶ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. С. 128–129.

⁷ См.: Киянская О. И. Пестель на следствии // Россия XXI. 2007. № 1. С. 163–196.

⁸ Восстание декабристов... Т. 4. С. 103.

⁹ Там же. С. 104.

ского выступления», как о том писала М.В. Нечкина¹⁰, а одно и то же, причем неосновательное «предположение», отложенное и затем возобновленное: «сие предположение слишком было неосновательно <...> Я тем более с своей стороны был в том уверен, что имели мы уже подобный опыт в 1823 году, в котором тоже Управа 3 Корпуса вдруг вздумала таким же образом Действие начать в Бобруйске, где 9 Дивизия была на работе <...> потом обдумав положительнее Дело, оставили они сами сие намерение без всякаго исполнения. Тоже бы случилось и в сем разе. К тому же сделанное выше замечание на шет покушения на жизнь Государя Императора Александра Павловича отнесено быть может также и к сему предположению»¹¹. Пестель в своих показаниях несколько дифференцировал только Бобруйский заговор и тут, однако, подчеркивал полную преемственность между ним и Белоцерковским «предположением». Таким образом, показание Пестеля во многом противоречит сложившейся в декабристоведении картине, закрепленной Нечкиной. Забегая вперед, замечу, что сложилась она к концу следствия в показаниях того же Пестеля. Обратимся к другим показаниям декабристов.

* * *

Информация о подробностях Белоцерковского плана оказалась в руках следствия после получения в Петербурге рапорта предателя А.И. Майбороды (10 января 1826 г.): «В пору поступления моего в тайное общество, однажды, будучи у полковника Пестеля, заговорившего со мною о том обществе, я спросил: “Надеетесь ли вы непременно успеть в своем предприятии”, на что он, Пестель, отвечал: “Самая главная вещь успеть уничтожить эту огромную семейку (разумел императорскую фамилию), тогда все пойдет так, как нам нужно”, тут спросил я его: “Каким образом в сем случае надеетесь вы действовать и где именно?” На сие Пестель отвечал, что о сем ничего еще нет положительного и что это зависит более от случая, где удобнее будет исполнить, а затем продолжал: “Слухи насчет чтобы на будущую весну вся царская фамилия будет в Крыму, так может быть, там или при Белой Церкви, где, говорят, наверное, будут в сборе 3-й и 4-й корпуса, которые государь намерен осматривать, ибо известно, что когда бывает он у графини Браницкой, то всегда изволит спать в павильоне, который находится в саду, на то время съедутся все наши

¹⁰ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. С. 128.

¹¹ Восстание декабристов... Т. 4. С. 104.

(т.е. действующие члены общества), и что полковые командиры из наших же, в тот вечер, когда назначено будет действие, отдадут в приказе каждый по своему полку, что прибывшие по назначению начальства такие-то нижние чины причисляются в роты <...> и эти самые лица (члены общества) одеты будут в солдатские мундиры и в тот же вечер отошлются в караул Государя Императора, который, по мнению Пестеля, неминуемо должен быть наряжен от того полка, командир коего был бы ревностный член тайного общества, и что прежде действия необходимо будет нужно арестовать все лица, свиту Государеву составляющие, начиная с Дибича»¹².

Майборода получил информацию о предполагавшемся предприятии в Белой Церкви от Пестеля. Причем разговор произошел в «пору поступления» его в тайное общество, т.е. около августа 1824 г. Предприятие же планировалось на «будущую весну». Следовательно, речь шла о плане на 1825 г., который был отвергнут на Киевских контрактах в январе 1825 г. (согласно официальной историографии, в 1-м Белоцерковском плане).

Однако следователи прекрасно знали, что военный смотр весной 1825 г. не состоялся, поэтому в вопросных пунктах, предлагавшихся декабристам, речь шла о смотре, назначенном на май 1826 г. Вопрос этот, в котором во главу угла следователями ставилось царевбийство, впервые был задан Пестелю 13 января¹³ и далее стал в вопросных пунктах постоянным.

После показаний Пестеля (устных – 12 января¹⁴ и письменных – 13-го) обычными в вопроснике стали пункты: о «Бобруйском» заговоре, а также о 15 членах «Общества соединенных славян» («которые выбрались от “Южнаго общества” идти в Таганрог и извести там блаженной памяти Государя Императора»¹⁵). Последний пункт возник после декабрьских показаний северян – А.А. Бестужева, А.О. Корниловича и Трубецкого¹⁶.

В «Северном обществе» о славянах узнали от Корниловича, приехавшего в Петербург перед самым восстанием и, очевидно, посещавшего перед своим отъездом с юга руководителей Васильковской

¹² *Киянская О.И.* Павел Пестель. Офицер. Разведчик. Заговорщик. М., 2002. С. 401–402.

¹³ Восстание декабристов... Т. 4. С. 112.

¹⁴ Там же. Т. 16. С. 57.

¹⁵ Впервые был задан 13 января. Пестель сказал, что ничего не знал об этом (Там же. Т. 4. С. 96, 105).

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 332, 433; Т. 12. С. 327–328.

управы в лагере при Лещине в августе—сентябре 1825 г., где обсуждалась отправка «славян» в Таганрог сразу после лагеря.

Так сформировался вопросник. Назовем его условно — «Вопросник о планах». Включал он три вышеназванных вопроса, а также в некоторых вариантах еще два, вышедших за рамки данного исследования: о Московском заговоре 1817 г. и плане военной революции, составленном Пестелем, — «Плане 1-го генваря».

* * *

После допроса Пестеля вопрос о белоцерковском намерении был задан 16 января майору Н. И. Лореру¹⁷, который показал на следствии: «Общество действительно имело покушение на жизнь государя во время смотра 3 корпуса, но некоторые члены отвергнули сие предложение; полковник Пестель мне сам объявил, что он первый был сему не согласен и сказал, что это невозможно, и кто может решиться на то! Кто первый сие предложил, я не знаю, но, кажется, это из 3 корпуса было предложено»¹⁸. Говоря о «некоторых членах», которые отвергли «сие предложение», Лорер явно вспоминал о Киевских контрактах 1825 г., на которых отвергли так называемый 1-й Белоцерковский план. Подробностей он не знал, но совершенно очевидно, что для него, так же, как для Пестеля и вслед за ним для следователей, не было разницы между 1-м и 2-м Белоцерковскими планами.

В тот же день вопрос этот задали Тизенгаузену и Повало-Швейковскому. Последний в своих ответах заявил, «что ежели для предположенной перемены в правлении, полагает общество, что надо будет пролить одну хотя бы каплю крови, не только в Императорской фамилии, но даже в народе; то хотя бы стоило жизни мне, я объявляю, что к обществу болие принадлежать не хочу»¹⁹. Тизенгаузен же впервые на следствии рассказал о совещаниях в Лещинском лагере в августе—сентябре 1825 г., где чуть было не начали действовать, узнав, что Швейковскому «отказано было от полка»: «Я прервал его (А. З. Муравьева. — А. Г.) и, обратясь к прочим сказал: а мое мнение, что лучше оставить дело как прежде предположено, до будущаго года (здесь и далее курсив мой. — А. Г.). — Начался довольно шумный спор <...> наконец согласились на прежнее, что бы отложить все до будущаго лета»²⁰.

¹⁷ До этого он был задан А. П. Юшневскому, заявившему о своем полном неведении (Восстание декабристов... Т. 10. С. 62).

¹⁸ Там же. Т. 12. С. 46.

¹⁹ Там же. Т. 11. С. 149.

²⁰ Восстание декабристов... Т. 4. С. 267.

17 января, давая первое показание следствию, М.И. Муравьев-Апостол пересказал свой разговор с Бестужевым-Рюминым в Хомуцце, наследственном имении Муравьевых-Апостолов, где отставной подполковник постоянно проживал после оставления службы. Бестужев приехал в Хомутец после Лещинских лагерей. Во время этого визита он, во-первых, сообщил Муравьеву о присоединении к Васильковской управе «Общества соединенных славян», во-вторых, изложил план военной революции Васильковской управы. Муравьев-Апостол показывал на следствии: «Еще он мне говорил о своем плане исполнения. Предполагал собрать несколько лагерей: один в Киеве под начальством Пестеля, другой в Москве под начальством Бестужева, а брату Сергею приехать сюда в Петербург для начальства над здешним войском. Во время последнего Лагеря в Лещине, где был собран 3-й корпус, имели намерение начать действие. Совещание о сем было у брата Сергея. Положили начать истреблением Государя в Таганроге, и вместе действовать корпусам. На убийство сие вызвался Артамон Муравиев, но в последствие времени уверились что 3-й Корпус не довольно приготовлен, а сверх сего услышали что на будущий год назначены к соединению три Корпуса, где намерение сие могло бы удобнее исполниться, почему до того время все отложили»²¹.

Это полностью подтверждается и первыми показаниями самого Бестужева-Рюмина, данными 19 января: «В Южном обществе хотели привести намерение в исполнение в 1825 году во время сбора 3-го корпуса близ местечка Лещина, куда, надеялись, что прибудет Государь. Когда же узнали, что Его Величество не изволит быть, то решились послать несколько членов в Таганрог для истребления Государя и потом целым корпусом идти на Москву. Совещание о сем было на нашей квартире в Местечке Лещине; я жил тогда с Серг. Муравьевым <...> – На другой день после совещания Швейковский пришел к нам и уговаривал намерение наше отложить до будущего года, говоря, что 1826 года назначен смотр трем корпусам в присутствие Государя и что тогда все действия будет сообразить удобнее. Мнение сие принято было мною и Сергеем Муравиевым, но Артамон вставал против, однако же, действие было отложено»²².

Таким образом, план военной революции, описанный Бестужевым Матвеем Муравьеву, был составлен и обсужден, а для воплощения его искали удобный случай, каковым сначала представлялся Лещинский

²¹ Там же. С. 267.

²² Там же. Т. 9. С. 39.

лагерь, где к тому же появился дополнительный формальный повод — у Швейковского отняли полк. Итак, план военной революции, последнее по хронологии исполнение которого было назначено на смотр войск 1826 г. (в историографии — «2-й Белоцерковский»), был составлен не в Лещинском лагере, как это закрепилось в историографии, он существовал раньше, а в Лещине в очередной раз обсуждался. В традиционной номинации его не вполне необоснованно разделяют с «1-м Белоцерковским».

Единство планов подтверждается и показаниями одного из руководителей Каменской управы «Южного общества» Давыдова, данными 21 января: «Не однократно было предположено той же (Васильковской. — *А. Г.*) управою действовать при каждом сборе войск, как в присутствии Государя, так и без Его Величества, но всегда было отлагаемо»²³. Когда же 1 февраля Давыдову был предложен «вопросник о планах», о планируемом на май 1826 г. «покушении против покойнаго Государя» он ответил, что ничего об этом не знает, однако с уверенностью констатировал: «Оно (действие в 1826 г. — *А. Г.*) должно быть то же, что прежде предлагал С. Муравьев»²⁴.

Князь Барятинский, близкий друг Пестеля, которому «вопросник о планах» был предложен 26 января²⁵, показал: «Сергей Муравьев и Бестужев Рюмин неусыпными трудами распространяя в 1 армии общество, объявляли намерение начать у себя (т.е. в войсках 1-й армии. — *А. Г.*). Несколько раз они, может быть, для поддержания духа нашего, обещевалось вскоре начать взбунтовавши два корпуса. Однако же всегда кончалось ничем: так что когда они объявили намерение начать в Май месяце 1826, то мы не очень сему верили <...> Я слышал от Пестеля что Бестужев ему объявил, что Муравьев и он решились на маневрах при соединении 3 и 4 корпуса в май месяце 1826 году овладеть особою Государя Императора Александром Павловичем посредством баталиона состоящаго под командою Муравьева и что корпуса готовы. Но как уже они не в первой раз объявляли, что начнут, то я не очень сему верил вот все, что я на сей щет слышел»²⁶.

Таким образом, в глазах соратников по заговору Васильковская управа имела один, причем несостоятельный, план действий, к исполнению которого все время пыталась приступить, но постоянно откладывала.

²³ Восстание декабристов... Т. 10. С. 186–187.

²⁴ Там же. С. 202.

²⁵ Сам Барятинский 16 января вкратце упоминал о плане на май 1826 г. — в дополнительных к самым первым показаниям после ареста (Там же. С. 259).

²⁶ Там же. С. 268, 270.

**«Мы снова взялись за наш бобруйский проект»:
несколько замечаний о времени возникновения плана**

Что касается времени возникновения Белоцерковского плана, о нем с большой долей достоверности можно судить из документов следствия.

21 января на своем первом допросе отставной штабс-капитан И. В. Поджио показал: «Вскоре по приеме меня в общество я узнал, что положено было истребить государя в Белой Церкви во время смотру. Намерение было — переодеть несколько членов в рядовые, и ночью окружить павилион, в коем должен был жить государь, и тут все исполнить. Кто назначен был на сие из членов, я не знаю, Бестужев меня вербовал, но предложение его я принял со смехом, спрашивая его, покажет ли он нам путь на сие. Он сказал, что присутствие его нужно при войсках; исполнив сие, намерение общества было — истребить всю царскую фамилию, но как — того положено не было. К счастью, государь приехать не изволил и сие осталось без исполнения»²⁷.

Здесь говорится о смотре в Белой Церкви и о некоем плане действий, который не был реализован, потому что «государь не приехал». Однако установлено, что смотра 1825 г. не было, а Поджио был принят в тайное общество в Телепине, имении племянницы Давыдова — Екатерины Бороздиной, в апреле 1824 г.²⁸

Следовательно, речь может идти только о Белоцерковском смотре 1824 г., и план был составлен Васильковской управой не позднее апреля того же года (забегая вперед, отмечу, что составлен он был еще раньше).

В письме В. В. Левашеву Поджио сообщал интересную подробность телепинских бесед членов тайного общества: «Господин Бестужев, прицепившись к сказанному мною в шутку, что я готов быть одним из заговорщиков, и как сей Бестужев шуток не понимает и очень дорожит новообращенными, дабы выслужиться в глазах господ директоров, — он отвел меня в другую комнату и спросил, хорошо ли я обдумал то, что предложил; я был так смущен торжественным тоном, которым он предложил мне этот вопрос, что, опасаясь, как бы он не подумал, что я отступаю из трусости, я заявил ему тогда серьезно, что хорошо обдумал. После этого он наговорил мне кучу комплиментов, сказал, что я проявил характер истинно римский, льстя моему самолюбию, чтобы лучше меня привлечь; в то же время он садится

²⁷ Восстание декабристов... Т. 12. С. 155.

²⁸ Там же. С. 163.

за стол, я спрашиваю его, что хочет он делать, он отвечает, что желает записать мою фамилию (и, если не ошибаюсь, он, кажется, сказал мне, что шесть фамилий уже записаны). Но я был тверд и не позволил ему записывать своей фамилии»²⁹.

«Вопросник о планах» был предложен Поджио 4 февраля. О белоцерковском плане на май 1826 г. он отзывался полным неведением, однако, вновь вспоминая свой разговор с Бестужевым в доме Бороздиной, называл и некоторые фамилии, которые, по словам Бестужева, уже были в его списке: «Когда господин Бестужев имел со мною о заговоре разговор, об котором сущую истину изложил я в письме моем к его превосходительству Василию Васильевичу Левашеву, тогда упомянутый Бестужев вынул из кармана небольшую бумагу, чтобы записать имя мое, чего ему я не позволил, то, кажется, говорил он мне, что шестеро уже записаны, и назвал трех – Норова, Жукова и Синявина»³⁰.

Норов отошел от общества сразу после Бобруйского смотра, о чем свидетельствует он сам³¹, а также Бестужев-Рюмин, который отрицает при этом даже наличие фамилии Норова в списке³².

Таким образом, становится понятным, что Бестужев-Рюмин постоянно имел при себе список царевубийц, в который вносил фамилии тех, кого ему удавалось уговорить. Людей для внесения в этот список он находил с трудом, охотников «записаться в царевубийцы» было мало. Преуспел Бестужев в этом предприятии только в Лещинском лагере, когда занес в список членов «Общества соединенных славян»³³.

Несколько позже следователи потребовали от Пестеля пояснения по следующему поводу: «Вы утверждаете, что Бестужев-Рюмин намеревался составить партию под названием *des Conspirateurs* и, по словам его, имел для оной не 15, а 7-мь человек готовых из общества Славян, и что целью сей партии Бестужева было белоцерковское преднамерение. Но сами же говорите, что покушение против Государя при белой церкви умышлялось в Лагере 1824 Года, а по делу известно, что славянское общество присоединилось к Южному не прежде лагеря 1825-го при Лещине, следственно ни Сергей Муравьев, ни Бестужев, которым вы приписываете преимущественную деятельность в заговорах не могли

²⁹ Восстание декабристов... Т. 11. С. 55.

³⁰ Там же. Т. 12. С. 166.

³¹ Там же. С. 217.

³² Там же. Т. 9. С. 46, 91.

³³ *Нечкина М. В.* Общество соединенных славян. М.; Л., 1927. С. 81–82.

в 1824 Году считать готовыми на преступнейшее покушение таких людей, о коих в 1825 Году узнали, что они существуют»³⁴.

В своих ответах Пестель уточнил: «Когда в конце 1824 года сообщил он (М. П. Бестужев-Рюмин. — А. Г.) мне о предположении Васильковской Управы начать Революцию в 1825 году, тогда говорил он и о Партии Заговорщиков <...> но при том, не сказывая чтобы сия партия им уже составлена, а только говорил о Намерении ее составить. В 1825 году во второй половине говорил он уже и о Составлении сей Партии из 7 человек Соединенных Славян. Но как та, так и другая партия имели обе целью Белоцерковское предположение, и разница между ими состояла не в их предназначении, но в том, что первая была только предполагаема, а еще не составлена; между тем как вторая была и предполагаема и уже составляема»³⁵.

Отвечая 27 января на «вопросник о планах», Бестужев-Рюмин изложил подробности совещаний, происходивших в лагере при Лещине: «Во время Лещинского лагеря, мы имели частые совещания у Артамона Муравьева, однажды у нас, один также раз у Швейковского, в самый тот день, как было получено известие, что у него полк отнят. Артамон уговаривал предпринять действия; предлагался для нанесения удара, буде у нас решительности не достанет»³⁶.

В этом показании содержатся и подробности плана: сначала — цареубийство (которое по новым обстоятельствам должно было свершиться в Таганроге, на поездку куда вызывался А. З. Муравьев, а после предполагалось отправить членов «Общества соединенных славян»), затем — арест начальника 3-го пехотного корпуса Л. О. Рота и начальника штаба 1-й армии К. Ф. Толя и движение 3-го корпуса на Москву. Как и все предыдущие допрашиваемые, Бестужев подтверждал, что намерение было, однако, отложено до высочайшего смотра 1826 г., где «соберутся три корпуса и приедет непременно Государь»³⁷. То есть речь опять шла о предприятии, к моменту Лещинских лагерей уже спланированном.

29 января «вопросник о планах» предложили М. И. Муравьеву-Апостолу, а Бестужев-Рюмин дал обширное показание, которое назвал «Данные о политическом обществе». Из показаний Муравьева ничего нового следствие не узнало³⁸, кроме, пожалуй, некоторых

³⁴ Восстание декабристов... Т. 4. С. 176–177.

³⁵ Там же. С. 180–181.

³⁶ Там же. Т. 9. С. 61.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 229–230.

имен «славян» — царевичей, зато «Данные о политическом обществе» содержали новые подробности.

Изложив детали Бобруйского заговора, Бестужев отмечал: «1824 год прошел без какого-либо другого выдающегося события, кроме нашего союза с поляками (Польским патриотическим обществом, с которым «Южное общество» вело переговоры о совместных действиях в течение всего 1824 г. — *А.Г.*) <...> В 1825 году, услышав, как говорили, что император будет проводить смотр нашего корпуса, мы снова взялись за наш Бобруйский проект <...> Прибыв в лагерь, мы узнали от Тютчева, бывшего семеновца, что существовало Общество под названием Соединенных славян и что оно действовало успешно»³⁹.

В свете традиционной историографии, утверждающей, что в 1824 г. был составлен так называемый 1-й Белоцерковский план, показание это кажется непонятным. На самом же деле оно вполне логично: на смотр войск в 1824 г. в Белой Церкви император не приехал, а смотр весны 1825 г. там же был отменен. Именно поэтому Бестужев говорил об отсутствии каких-либо «выдающихся событий, кроме союза с поляками».

В этих условиях возможность реализации «Бобруйского проекта», а именно его Бестужев считал основным планом, сущность его практически не изменилась, появилась лишь в Лещинских лагерях. Дальнейшие показания Бестужева практически повторяли его показания от 27 января о том, что в Лещине было решено не начинать немедленно, а дожидаться смотра следующего года. К этому подпоручик добавил: «В течение ноября месяца (1825 г. — *А.Г.*) Артамон Муравьев приезжал в Васильков, опять настаивая на предложении начинать. Мы его от этого отговорили»⁴⁰.

Показания Бестужева-Рюмина подтвердил и сам А.З. Муравьев, которому «вопросник о планах» был предложен в тот же день, 29 января: «Во время моего заезда к Муравьеву (С.И. Муравьеву-Апостолу. — *А.Г.*) 20-го или 19-го Ноября, ехав по делам службы в Киев, я опять говорил Муравьеву, что гибель надо откладывать». Речь шла о некоем предприятии, планируемом Васильковской управой, которое все время откладывалось, и о необходимости реализации которого с большей или меньшей периодичностью между членами общества шло обсуждение. Подтверждал Муравьев и то, что в Лещинском лагере говорили

³⁹ Восстание декабристов... Т. 9. С. 47.

⁴⁰ Там же.

о Бобруйском плане, «чтоб доказать как мало решительны члены при представляющимся им случаям»⁴¹.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что в Васильковской управе существовал план начала открытых действий, и обсуждался он, в частности, в Бобруйске во время смотра войск 9-й пехотной дивизии 1-й армии. О том же, когда его воплотить в жизнь, шли споры, порою очень ожесточенные, однако бесплодные. «Сие предположение слишком было неосновательно чтобы не уступить разсудку и не быть совершенно оставленным при сближении времени к его исполнению назначенного: чем таковое время далее отстоит, тем все кажется возможным, а чем оное ближе становится тем явственнее усматривается невозможность», — утверждал на следствии Пестель, главный противник «неосновательных предложений» Васильковской управы⁴².

30 января ответы на «вопросник о планах» представил следствию Волконский. На вопрос о «Бобруйском» заговоре он сообщил следствию: «Сергей Муравьев чрез письмо объяснял мне, что он хочет приступить к тому, что им было предложено на Киевских Контрактах. Писав через почту, он мне должен был объясниться двусмысленным образом и посему приглашал меня взойти с ним в сообщество в его предприятие; и на сие письмо котораго смысл я мог угодать, я ему отвечал также через почту, что я его отклонил и в содействии отказываюсь. Сколько могу припомнить, им сообщено было так же о намерении его, Пестелю для уведомления Управы, о чем я узнал впоследствии и был послан член для отклонения всякаго предприятия»⁴³.

Из этих показаний следует, что Бобруйский замысел возник не в самой Бобруйской крепости во время маневров, не спонтанно, а еще раньше: он обсуждался на совещаниях тайного общества в начале 1823 г., которые проходили во время ежегодной контрактной ярмарки в Киеве. В сообщении самого С.И. Муравьева-Апостола содержатся некоторые подробности этих киевских совещаний:

«На одном из совещаний, бывших в Киеве, в 1823-м году <...> в первой раз было говорено о уничтожении целой Императорской Фамилии <...> Мнения членов были: Пестеля, Юшневскаго, В. Давыдова, Кн. Волконскаго: истребление всех. — Бестужева: одного Государя — Мое: никого и вместе я предлагал начатие действия явным возмущением, отказавшись от повиновения, и стоял в своем мнении, хотя и про-

⁴¹ Восстание декабристов... Т. 11. С. 107.

⁴² Там же. Т. 4. С. 104.

⁴³ Там же. Т. 10. С. 121–122.

тивупоставляли мне все бедствия междоусобной брани, непременно должествующей возникнуть от предлагаемого мною образа действия. — Совещание о сем предмете тем кончилось, что Бестужев и я объявили, что их четверо одного мнения, а нас двое только противного, то большинство голосов хотя и на их стороне, но мы предлагаем оставить сие предложение впред до другаго времени, ибо вопрос таковой важности не может быть решенным шестью человеками: что было принято, и в последствии мнение сие уже не возобновлялось»⁴⁴.

Связь киевских контрактов и «Бобруйского» заговора подтверждается и более поздними показаниями Волконского: «В 1823 году на контрактах было мною замечено и сам соучаствовал в мыслях совершенно клонящихся к возмутительным действиям чрез общество; и было предложено С. Муравьевым “не ждть удобных обстоятельств, а стараться возродить оныя”. Сие обстоятельство я очень помню как имеющего связь с предложением его впоследствии сообщенном завладеть Государем Императором при Бобруйском смотре, и чем он полагал дать способ, как впоследствии объяснял, начать Революцию в России содействием как Южной Управы, так и Северной»⁴⁵.

На вопрос о Белоцерковском намерении, планируемом на май 1826 г., Волконский показал: «Лично мне, в проезд мой чрез Васильков, Сергей Муравьев мне сказал, что всеобщее отклонение от начатия действий понудит его, к начатию оных одному, с достаточно же им собранными способами, и сколько могу припомнить объявил мне, что как ожидается смотр 3-го корпуса в Майе Месяце 1825 года, то он вовлечением ли войска или покушением на жизнь Государя Императора даст всем пример. Сообщения же о сем Тульчинской Директории я полагаю, что и не делал, и членам о сем не было объявлено».

Обратим внимание, что Волконский говорил о планах, предполагаемых к исполнению в мае 1825 г. на смотре, а не в мае 1826 г., как было в вопросе. Здесь же он сделал пояснение по этому поводу: «Ежели я в первых моих показаниях объяснил, что сие было предназначено к 1826, то в оных была неумышленная ошибка в подтверждение чего что я с Под: Муравьевым свидания не имел с прошедшаго года февраля и с того времени о сем никакого дополнительного известия не получал, и не кому даже из сочленов своих не сообщал уверен будучи что сие предприятие останется без действия как и Бобруйское покушение»⁴⁶.

⁴⁴ Восстание декабристов... Т. 4. С. 278.

⁴⁵ Там же. Т. 10. С. 154.

⁴⁶ Там же. Т. 4. С. 121–122.

Это можно считать вполне достоверным, т.к. в показаниях, данных сразу по заключении в крепость в середине января 1826 г., Волконский сообщал: «На контрактах в Киеве прошлого года Сергей Муравьев мне объявил, что он намерен во время приезда Государя на смотр третьего и четвертаго корпусов, воспользоваться удобным случаем, дабы Его извести. Я онаго не объявил, ибо не полагал исполнения сего возможным»⁴⁷. Но известно, что Муравьева-Апостола не было на контрактах 1825 г., т.е. здесь речь шла о контрактах 1824-го. А как было показано выше, так называемый Белоцерковский план в начале 1824 г. уже существовал и вполне мог обсуждаться на Киевских контрактах. Однако это не означает, что Волконский вовсе не знал о планах на май 1826 г. Ему об этом, конечно, было известно: «Пестель мне сказал в декабре 1825 Года, что надобно быть в готовности к 1-му Майю 1826, но как сие было сообщено уже по кончине Государя Императора, я полагаю, что сие было мне сказано более чтоб я разп(р)остранял сообратство в 19-й Дивизии»⁴⁸.

* * *

Формулируя вопросы к Муравьеву-Апостолу, первый письменный допрос которого проводился 31 января, т.е. позднее, чем допросы остальных руководителей «Южного общества», следствие воспользовалось всеми уже имевшимися у него сведениями. Естественно, поэтому «вопросник о планах» был ему предложен сразу, на первом же допросе.

Его показания разнятся со всеми остальными одной только существенной деталью: «О предполагаемом соединении 3-х Корпусов, в мае будущего 1826-го года, никто из членов в Лещине не знал, а известие о том сообщено, гораздо после лагеря, Пестелем, и никаких совещаний и предположений действий о сем соединении не было еще до открытия общества»⁴⁹.

Вступая в кажущееся явное противоречие с показаниями остальных подследственных, оно на самом деле лишь подтверждает, что замысел начать открытые действия возник не в Лещинском лагере, а ранее. На учениях же в Лещине участники совещаний имели не больше, но и не меньше информации о предполагавшемся смотре, чем до него. Видимо, о смотре ходили слухи. Свидетельство о том, что точное известие о смотре было получено от Пестеля, скорее всего, досто-

⁴⁷ Восстание декабристов... Т. 10. С. 106.

⁴⁸ Там же. С. 117.

⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 279.

верно, это подтверждается и цитированными выше показаниями Волконского⁵⁰.

Отвечая на вопрос, «в какое время, в каких местах и каким образом предполагало общество начать открытия свои действия», Муравьев выделял три этапа: «Южное общество предполагало начать свои действия открыто 1823-го года в Лагере 9-й Дивизии при К. Бобруйской; 1825-го года в Лагере при М: Лещине, и на конец 1826-го года, во время ожидаемого соединения 3-х Корпусов»⁵¹. Не трудно заметить, что это именно те военные сборы, на которых общество планировало что-то реально предпринять.

Что касается лагеря при Белой Церкви 1824 г., то действия там, очевидно, сразу были отложены, как только стало известно, что император не приедет, поэтому не было для Васильковского руководителя чем-то значимым. Об отложенном намерении начать открытые действия в лагере 1824 г. не было сообщено и Пестелю, который, возвращаясь из Петербурга со знаменитых «объединительных совещаний», заехал в Белую Церковь. С Пестелем тогда рассуждали только о перспективах «начинать» в 1825 г.⁵²

Однако ранее «1-й Белоцерковский план» все же обсуждался с Пестелем, о чем заявил следствию в середине февраля Бестужев-Рюмин: «Первые совещания о нем (плане действий на 1824 г. — А.Г.) были в Линцах (месте нахождения штаба Вятского пехотного полка. — А.Г.) между Пестелем и мною, потом говорено о нем было в Каменке у Василия Давыдова, в деревне Софьи Львовны Бороздиной, также и в лагере между мною, С. Муравьевым и Швейковским»⁵³.

В этом же показании Бестужев-Рюмин излагал подробно план действий, составленный в конце 1823 — начале 1824 г. Его показания существенно дополняли сведения, содержащиеся в рапорте Майбороды. Таким образом, очевидно, что план был составлен в конце 1823-го, потому как точную дату совещаний в Каменке называл Поджио — 24 ноября 1823 г.,⁵⁴ а первое совещание о нем произошло сразу после возвращения 9-й дивизии из Бобруйска и именно в связи с тем, что «Бобруйский» заговор не имел успеха. «По возвращении нашей Дивизии из Бобруйска, я ездил к Пестелю, дабы дать ему отчет в нашем

⁵⁰ Восстание декабристов... Т. 10. С. 117.

⁵¹ Там же. Т. 4. С. 275.

⁵² См. показания Тизенгаузена (Там же. Т. 11. С. 255) и Пестеля (Там же. Т. 4. С. 158).

⁵³ Там же. Т. 9. С. 91.

⁵⁴ Там же. Т. 12. С. 165.

плане», — утверждал Бестужев⁵⁵. Тогда же Бестужев, начиная обсуждать с Пестелем новые возможности для реализации плана, сообщил ему и о том, что в 1824 г. ожидается высочайший смотр войск. «Бестужев и Муравьев мне сообщали в 1823 году, что ожидали смотра на 1824 год», — показывал Пестель⁵⁶. Императорский смотр 1824 г. был отменен, и тогда же, в лагере при Белой Церкви, было решено перенести действия на 1825-й, а затем, после отмены этого смотра — на 1826 г.

* * *

Общность всех планов Васильковской управы специально оговорил Пестель в показаниях от 6 апреля: «Сие намерение действовать в Маие 1826 года есть то самое Белоцерковское, неоднократно мною упоминаемое предположение, о котором я еще показывал в одном из первых пунктов ответов моих на вопросы 13 Генваря, говоря, что Белоцерковское предположение отвергнутое на Контрактах 1825 года во второй половине того же года возобновлено было и описывая план онаго <...> План сей составлен в Васильковской Управе и есть тот самый Белоцерковской план, о котором имел я честь Комитету доносить в одном из первых пунктов ответов моих на вопросы от 13 Генваря»⁵⁷.

Таким образом, план у васильковских руководителей был один и тот же за все время существования управы, лишь возможности к исполнению они искали разные. В том же показании Пестель выделил и основные черты общего плана: «Изведение Государя Императора во время смотра и Шествие на Москву. Сие принимал 3 Корпус на себя. Потом совместно и современно: Революция в Петербурге чрез Северное Общество, коему предоставлялось назначение Временнаго Правления и, наконец, Составление Лагеря при Киеве чрез остальную часть Южнаго Общества»⁵⁸.

В этих же вопросных пунктах следователи хотели выяснить у Пестеля и степень участия Трубецкого в планах Васильковской управы. Об осведомленности северного диктатора впервые сообщил все тот же Пестель 13 января⁵⁹, и подтвердил Бестужев-Рюмин 27 января⁶⁰. Однако о том, какую именно роль играл князь Трубецкий в составлении этого плана, ни один из них не рассказал.

⁵⁵ Восстание декабристов... Т. 9. С. 109.

⁵⁶ Там же. Т. 4. С. 168.

⁵⁷ Там же. С. 169, 171.

⁵⁸ Там же. С. 169.

⁵⁹ Там же. С. 104.

⁶⁰ Там же. Т. 9. С. 61.

«Когда Бестужев приезжал ко мне во второй половине 1825 года и мне о сем плане сообщил, тогда говорил он мне, что сей план уже известен К. Трубецкому, и что К. Трубецкой совершенно на все согласен и все в полной мере одобряет. Известил он меня притом также и о намерении К. Трубецкаго ехать в скором времени в Петербург. Я на сие сказал ему, что хотя их Силы Васильковской Управы и много увеличились, однако же, надо прежде, всего знать, в каком состоянии находятся Петербургские Члены, ибо без них Действия начинать нельзя. А потому и весьма полезно, что К. Трубецкой едит в Столицу»⁶¹, – сообщил следствию Пестель.

Из этого становится ясно: во-первых, Трубецкой не был простым «гонцом» на север, как это представляется из других показаний, во-вторых, Пестелю не было известно ничего определенного о том, какую именно роль князь играл в Васильковской управе. Вопрос о Трубецком был задан 10 апреля Муравьеву-Апостолу, который не сообщил следствию ничего нового⁶². Между тем участие Трубецкого в планах Васильковской управы было гораздо значимее, чем это вскрылось на следствии.

Северному лидеру было на руку, что до его приезда руководители Васильковской управы пытались действовать самостоятельно, но безуспешно. Это гарантировало отсутствие интереса Пестеля к планам васильковских руководителей.

15 апреля Пестель систематизировал по требованию Следственного комитета «цареубийственные» планы (к тому моменту цареубийство уже стало центральной темой следствия). Он представил следующую их хронологию: «Все известныя мне о том (изведении государя. – А.Г.) проекты суть 1) Вышепомянутое Луниным сделанное. 2) Московской Заговор. 3) Белоцерковской План 1824 года и 4) Белоцерковской План 1825 года»⁶³.

Стоит заметить, что в этом списке нет «Бобруйского» заговора, который однозначно цареубийства не предусматривал, поскольку был первым созданным Васильковской управой планом. И, очевидно, именно поэтому в дальнейшей историографии закрепилось мнение, что Бобруйский план не предусматривал цареубийства совсем. Однако Пестель показал на следствии: «Бестужев на Контрактах 1823 года <...> одобрял покушение против Государя Императора, следовательно,

⁶¹ Восстание декабристов... Т. 4. С. 171.

⁶² Там же. Т. 9. С. 265.

⁶³ Там же. Т. 4. С. 179.

не после Бобруйска начал он сие Мнение разделять. Опровергая предположение их о Действии при Бобруйске, находил я тысячу причин, доказывавших невозможность ожидать Успеха от сего предприятия. Причем вопрошал его, что они зделали бы, ежели приставленные часовые не исполнили бы возложеннаго на них? Ибо говорил я, Солдат поставленный, никогда не задержал бы Государя Императора. На сие он мне ответствовал, что они бы тогда покусились на его жизнь»⁶⁴.

Некоторые выводы

Составляя «Донесение Следственной комиссии», Д.Н. Блудов имел в руках весь комплекс следственных дел, поэтому в его документе нет той хронологической путаницы, которой грешит вся дальнейшая историография, опирающаяся, по всей видимости, на показания Пестеля.

Если верить тексту «Донесения...», Белоцерковский план возник в апреле 1824 г., и в том же году предполагалось его реализовать, т.к. «полагали ошибочно, что покойный государь император будет в сем году осматривать войска 3-го корпуса при местечке Белая Церковь»⁶⁵. Хронологически здесь все почти правильно, если не учитывать, что план возник несколько ранее, а именно в октябре—ноябре 1823 г., но реализовать его планировали весной 1824 г.

Но есть и другие, более существенные неточности. Блудов рассматривал Белоцерковское предположение как нечто отличное от Бобруйского заговора и отличное тем, что в составлении этого плана участвовали почти все главные члены «Южного общества», в том числе сам Пестель⁶⁶.

Поэтому, очевидно, традиция рассматривать предположения Васильковской управы как отдельные планы пошла именно от Блудова, также именно в «Донесении...» сложилось мнение, что план на май 1826 г. возник в Лещинском лагере⁶⁷. Но четкое разделение на 1-й и 2-й Белоцерковские планы появилось позже, уже в работах Нечкиной. У Блудова ни в «Донесении...», ни в более ранней газетной статье такого деления нет⁶⁸. Нечкина, используя «блудовский» подход,

⁶⁴ Восстание декабристов... Т. 4. С. 188.

⁶⁵ Там же. Т. 17. С. 38.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 44.

⁶⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1826. № 9 (прибавление). 29 янв.; Московские ведомости. 1826. № 11. 6 февр. С. 333—336; Русский инвалид. 1826. № 24. 29 янв. С. 96—98; Северная пчела. 1826. № 13. 30 янв.; Journal de St. Petersburg. 1826. № 14. 30 янв. / 11 февр. С. 51—52; *Готовцева А.Г.* Официальная пресса

а также систему, предложенную Пестелем 15 апреля, создала четкую схему планов военной революции Васильковской управы, которой на самом деле не было.

Блудов, стремясь представить все планы декабристов как несостоятельные, отмечал: «Комиссией неоднократно было замечено, все покушения и планы злоумышленников равно очевидно озаменованы и нетерпеливостью страстей и ничтожностью средств, обманывая на сей счет друг друга по всегдашнему обыкновению в заговорах, они часто были сами ослеплены своими вымыслами и лишь в минуты, назначенные для совершения предприятия, узнавали свою слабость»⁶⁹.

Однако, если такое замечание справедливо в отношении планов Васильковской управы до приезда в Киев Трубецкого, то совсем нельзя сказать ничего подобного о планах Пестеля, которые не состоялись вовсе не из-за «ничтожности средств».

В советской историографии идеологическая основа была полностью противоположна, однако сути это не меняет. Нечкина, явно преувеличивая значение всех декабристских стратегических разработок, характеризовала «Бобрыйский» заговор как «первый конкретный замысел открытого выступления, уже подготовленный к реализации и чуть было не состоявшийся», в котором должны были участвовать четыре полка 9-й пехотной дивизии: «Участниками замысла, кроме С. Муравьева-Апостола (Черниговский пехотный полк) и М. Бестужева-Рюмина (Полтавский пехотный полк), были еще полковник Саратовского пехотного полка Повало-Швейковский и Норов (18-й егерский полк) <...> Четыре командира ставили вопрос о четырех полках, которые могли бы принять участие в предполагаемом выступлении»⁷⁰.

Однако из перечисленных лиц реально полковым командиром был только Повало-Швейковский. Муравьев-Апостол командовал батальоном в полку, Норов был капитаном, а Бестужев-Рюмин — подпоручиком. Хотя бы именно поэтому план этот не мог быть состоятельным. Реальный план военной революции был разработан только после приезда в Киев Трубецкого. Он коренным образом отличался от того, что планировала Васильковская управа до этого и, действительно, имел шансы на успех⁷¹.

о декабристах: этапы формирования правительственной версии // Вісник Чернігівського державного університету. Вип. 33. № 3. Чернігів, 2006. С. 75–81.

⁶⁹ Восстание декабристов. Т. 17. С. 38.

⁷⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов... Т. 2. С. 21.

⁷¹ См.: *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* К истории несостоявшейся революции (С. П. Трубецкий и восстание Черниговского полка) // Россия XXI. 2007. № 6. С. 102–159.

П.В. Ильин

**К изучению практики обвинения и стратегий
защиты подсудимых на процессе декабристов:
В.П. Зубков и его «Рассказ о моем заключении
в Санкт-Петербургской крепости»**

В последние годы существенно вырос интерес историков к анализу документов следственного процесса по «делу декабристов»: изучается политика следствия (в большей степени)¹, а также особенности и варианты тактики самозащиты арестованных декабристов². Определенное внимание в этой связи уделяется не только тем лицам, кто оказался в числе главных обвиняемых и был предан Верховному уголовному суду, но также и тем, кому удалось избежать судебного наказания: административно репрессированным, прощенным и освобожденным от наказания, признанным невиновными и непричастными³.

В этой связи особенного интереса заслуживают те привлеченные к расследованию персоналии, в отношении которых имелись вполне точные и конкретные указания других подсудимых об участии в деятельности декабристских тайных обществ. Примеры оправдательных вердиктов следствия в отношении тех, кто принадлежал, судя по имевшимся показаниям, к числу членов декабристских организаций, показывают, что расследование не всегда было «дотошным», доведенным до конца и обоснованным. Так, следователи не формировали состав обвиняемых на основе всех полученных уличающих данных и освободили от преследования значительное число первоначально привлеченных к процессу лиц (признав «невиновными» или освободив от наказания не менее 142 человек, несмотря на имевшиеся против них обвинительные

¹ Эдельман О.В. Следствие по делу декабристов. М., 2010.

² См.: Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. Гл. 2.

³ См.: Ильин П.В.: 1) Новое о декабристах... Гл. 1–2; 2) Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. // Русская история и историческая мысль XIX–XX вв.: сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 185–195.

показания⁴), что позволяет говорить об отсутствии признаков тотальной фабрикации дела⁵.

К числу подследственных, официально признанных «невиновными» и избежавших какого-либо наказания, следует отнести и такую известную в историографии персоналию, как Василий Петрович Зубков (1798–1862)⁶. Просвещенный и европейски образованный человек, выпускник известного Московского училища колонновожатых, хороший знакомый А.С. Пушкина, одним из первых рассказавший ему о судебном-следственном процессе над декабристами⁷; заметная и общественно значимая фигура в оппозиционной Москве 1830-х гг., вышедшая из окружения московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына и оказавшая определенное влияние на А.И. Герцена⁸.

С 1838 г. Василий Петрович занимал должности директора училищ Ярославской губернии и Ярославского Демидовского лицея, одновременно многие годы — обер-прокурор московских департаментов Правительствующего сената; в конце жизни — тайный советник и сенатор, известный благотворитель и просвещенный бюрократ николаевской эпохи. Таков сложившийся образ Зубкова в исторической традиции.

Что касается вопроса об отношении Зубкова к декабризму, то в литературе акцентируется внимание в основном на его официальном оправдании на следствии; чаще всего, подразумевается, что его причастность была минимальной, поскольку он не понес никакого наказания⁹. В справочно-библиографических изданиях, отражающих сложившиеся в историографии оценки — является ли то или иное

⁴ См. результаты наших подсчетов: *Ильин П.В.* Новое о декабристах... С. 586, 587.

⁵ Об этом приходится писать в связи с выходом в свет курьезной книги: *Потапова Н.Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. Автор, не опираясь на необходимые обоснования и должную фактологическую базу, пытается представить декабристские тайные общества не существовавшими в реальности, результатом масштабной фабрикации на следственном процессе 1825–1826 гг., проводя прямые параллели между ним и процессами 1930-х гг., инсценированными тоталитарными государственными машинами.

⁶ См.: *Козьмин Б.П.* «Московский либерал» из «Былого и дум» // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1950. Т. 7. № 1. С. 85–87.

⁷ См.: *Невелев Г.А.* «Истина сильнее царя...»: Пушкин в работе над историей декабристов. М., 1985. С. 42, 156.

⁸ См.: *Козьмин Б.П.* «Московский либерал» из «Былого и дум». С. 87.

⁹ Отрицание участия Зубкова в деятельности декабристских обществ, в согласии с авторскими утверждениями в сохранившейся мемуарной записке о заключении в период следствия, стало, можно сказать, установившимся общим мнением (*Кони А.Ф.* Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 40).

лицо участником декабристского движения, в «разряд» декабристов занесены лишь немногие из числа официально оправданных. Следует подчеркнуть, что Зубков относится к числу этих немногих¹⁰. Возможно, в данном случае сыграло свою роль то обстоятельство, что он оставил уникальные мемуарные записи о заключении в Петропавловской крепости. В ситуации общей малоизвестности лиц, оправданных на следствии, это могло побудить исследователей причислить Зубкова декабристам. Стоит отметить, что его друг и сослуживец Б.К. Данзас, против которого были выдвинуты фактически те же обвинения, что и против Зубкова, в обобщающих библиографиях, напротив, декабристом никогда не считался – он не оставил после себя мемуарных текстов, которые были бы известны в научной литературе вплоть до 2000-х гг.¹¹

Действительно, историографический интерес к Зубкову долгое время был обоснован не столько его примечательной личностью и биографией, сколько тем обстоятельством, что вскоре после своего освобождения, под свежим впечатлением от ареста и заключения в Петропавловской крепости он написал сравнительно небольшой «Рассказ» – воспоминание. В этом мемуарном документе отразились не только те или иные факты, связанные с пребыванием в крепостном заключении, не только еще свежие в памяти реалии следственного процесса, но и собственные мысли и чувства автора.

Обращение к мемуарному источнику, которого отделяют от событий, в нем описанных, всего лишь несколько месяцев (или даже недель)¹², позволяет составить определенное представление не только о событийном ряде, но и о настроениях привлеченных к следствию

¹⁰ Вознесенский С.В. Библиографические материалы для словаря декабристов. Л., 1926. С. 50; Ченцов Н.М. Восстание декабристов. Библиография. М., 1929. С. 383–384; Движение декабристов. Библиография. 1928–1959. М., 1960. С. 201; Движение декабристов. Указатель литературы. 1960–1976. М., 1983. С. 267; Движение декабристов. Указатель литературы. 1976–1992. М., 1994. С. 305.

¹¹ В 2009 г. нами была опубликована сохранившаяся мемуарная запись допросов в Следственном комитете, принадлежавшая Данзасу (*Данзас Б.К. Следственное дело. Мемуарная запись допросов в Следственном комитете // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 49–90.*

¹² Мемуарный «Рассказ» традиционно датируется весной – началом лета 1826 г., на основе содержащегося в его тексте авторского указания о том, что текст пишется до завершения судебно-следственного процесса. См.: *Модзалевский Б.Л. Василий Петрович Зубков и его записки // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 4. СПб., 1906. С. 115; Зубков В.П. Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб., 2001. С. 216.*

лиц, об их отношении к следователям, их страхах и надеждах, о том давлении, которому они подвергались со стороны следователей, а также помогает реконструировать некоторые приемы защитного поведения подсудимых в условиях процесса по обвинению в «государственном преступлении».

Разумеется, полное и безусловное доверие к сообщаемым в мемуарном очерке Зубкова данным, к высказываемым автором «Рассказа» оценкам было бы некорректным — это бы противоречило задачам критического изучения документа. Некоторые соображения и оценки автора могли возникнуть уже после его освобождения, мотивироваться необходимостью реабилитации от подозрений в причастности к декабристскому тайному союзу. Вместе с тем, как представляется, уже состоявшийся оправдательный вердикт следствия позволял мемуаристу быть более свободным в описаниях своих переживаний и наблюдений, соблюдая при этом, разумеется, значительную долю осторожности.

Нельзя не отметить базовую основу позиции тех лиц, кто был оправдан на следствии. Как правило, они декларировали свою полную непричастность к основным обвинениям, выдвинутому следствием по делу декабристов, — участия в «злоумышленном тайном обществе» с целью подготовки «бунта» или знания о нем.

Это необходимо рассматривать как определенную презумпцию, которую восприняли как основополагающий элемент своего защитного поведения на следствии лица, против которых имелись обвинительные данные о членстве или причастности к тайным обществам. Эта позиция, заявленная в письменных показаниях на следствии, не могла не получить продолжения и в более поздних текстах, вышедших из-под пера оправдавшихся лиц. Бывший подсудимый, официально признанный невиновным в замыслах и действиях «злоумышленников», не мог признаться в том, что следствие ошиблось, и на самом деле его участие в деятельности тайных обществ и военного заговора было сокрыто от правительственного расследования¹³.

Таким образом, базовая позиция оправданных лиц, против которых имелись уличающие показания об их участии в деятельности заговорщиков, отразившаяся как в следственных показаниях, так и в мемуарных свидетельствах, требует к себе в первую очередь критического отношения.

¹³ Об этом нам уже приходилось писать на примере мемуаров С.П. Шипова (*Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 123–124*).

Каким же образом Зубков оказался в числе обвиняемых, и как ему удалось оправдаться на следствии по «делу декабристов»?

Участник «Северного общества» В.И. Штейнгейль, хорошо знавший круг декабристов в Петербурге и Москве, на первом допросе в Зимнем дворце, снятом В.В. Левашевым, показал, что «видел частое сношение» главы Московской управы И.И. Пущина с Зубковым, Данзасом и Павлом И. Колошиным¹⁴.

Показания были получены не позднее 5 января 1826 г. Имена первых двух лиц прозвучали на следствии впервые (о Колошине уже было известно), при этом сам автор показаний не мог подтвердить участия названных лиц в тайном обществе. Данное обстоятельство обратило на себя внимание Николая I, который на основании этих, не вполне четких свидетельств Штейнгейля отдал распоряжение об аресте и привлечении к процессу Зубкова и Данзаса.

6 января на заседании Следственного комитета (далее – Комитет) начальник Главного штаба И.И. Дибич объявил высочайшее повеление об аресте обоих¹⁵. 11 января Зубков и Данзас были доставлены из Москвы в Петербург и посажены на Главную гауптвахту в Зимнем дворце, тогда же их первоначально допросил Левашев. 12-го арестованных отправили в крепость¹⁶.

13 января состоялись первые допросы Данзаса и Зубкова в присутствии Комитета, а затем им были даны вопросные пункты. Данзас показал, что в тайном обществе не состоял, но о его существовании и цели – распространении образования и искоренении злоупотреблений – знал от Пущина. Зубков же категорически утверждал, что ничего не знал о тайном обществе и не слышал о его существовании. На заседании Комитета 14 января в связи с показанием Данзаса было решено спросить Пущина: не открывал ли он еще что-нибудь, а Зубкова представить к освобождению. На показаниях последнего появилась помета председателя Комитета – А.И. Татищева: «О освобождении представить государю императору»¹⁷. Однако самый благоприятный для подследственного лица сценарий – быстрого освобождения после первого отрицания им уличающих свидетельств – не состоялся.

¹⁴ Восстание декабристов. Документы. Т. 14. М., 1976. С. 150.

¹⁵ Там же. Т. 16. С. 49, 235.

¹⁶ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 62, 71.

¹⁷ Восстание декабристов... Т. 16. С. 59–60. Ср.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 197 (В.П. Зубков). Л. 4–5; Д. 188 (Б.К. Данзас). Л. 4–5 об.; *Данзас Б.К.* Следственное дело... С. 74–75.

Касающаяся Зубкова резолюция императора на докладной записке о заседании Комитета гласила: «Повременить»¹⁸.

Для оценки причастности Зубкова к декабристскому обществу необходимо иметь в виду расследование «дела» Данзаса, т.к. были получены общие для них обоих уличающие данные. Как уже отмечалось, на первом допросе Данзас признал, что был осведомлен о существовании и просветительско-благотворительной «цели» тайного общества, хотя в это общество, по его уверению, он не вступал. В повторных показаниях Данзас сообщил, что летом 1825 г. слышал от своего соученика по Лицею Пушкина – о некоем обществе с политической целью, но не придавал этому значения; собственную причастность к этому тайному союзу отрицал на протяжении всего расследования, заявляя о полной «невинности»¹⁹.

20 января на заседании Комитета зачитывались показания, запрошенные у ключевого свидетеля – Пушкина. Он считал возможным сообщить, что в разговоре с Данзасом объявил ему о собственной принадлежности к тайному обществу, имеющему цель «покамест» благотворительную, но стремящемуся в будущем подготовить «средства к изменению <...> правительства». Согласно утверждению Пушкина, Данзас советовал ему оставить это намерение. Больше ничего о тайном обществе, по уверению Пушкина, Данзас не знал, другого разговора между ними не было, а вступить в члены ему не предлагалось. Получив такие показания Пушкина, Комитет постановил, как это обыкновенно делалось в случае «оправдания» арестованного лица, предоставить решение участи Данзаса на усмотрение Николая I. При этом следствие предлагало освободить Данзаса, вменив ему взятие под арест и пребывание в крепости в наказание «за то, что не донес о тайном обществе».

Одновременно повторно предлагалось решить участь Зубкова, которого Комитет уже представлял ранее к освобождению²⁰. В докладной записке об этом арестованном пояснялось, что со времени резолюции императора о продлении расследования по его делу не обнаружилось

¹⁸ Восстание декабристов... Т. 16. С. 60, 242.

¹⁹ Данзас Б.К. Следственное дело... С. 79–80. Ср.: ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 188. Л. 8–9. Борис Карлович Данзас – лицеист 2-го выпуска. Отвечая на вопрос о том, почему он не сообщил правительству о тайном обществе, ставшем ему известным, Данзас ссылался на свою дружбу с Пушиным и на «неопасный», по его мнению, характер общества, о котором ему сообщили.

²⁰ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 188. Л. 7–7 об.; Восстание декабристов... Т. 16. С. 66–67, 247.

никаких новых данных о принадлежности к тайному обществу или о знании цели этого общества.

21 января последовали резолюции императора: в отношении Зубкова — «выпустить с аттестатом», в отношении Данзаса — «посадить еще на месяц на гауптвахту и потом выпустить»²¹.

Тем временем буквально в тот же день, 21 января, в своем обширном перечне участников декабристских союзов Е. П. Оболенский назвал Зубкова среди членов общества (очевидно, «Северного»), находившихся в Москве. Вместе с Павлом И. Колошиным, В. И. Штейнгейлем, И. Н. Горсткиным и М. М. Нарышкиным Зубков был охарактеризован так: «Все сии члены женаты²² и потому принадлежат к обществу единственно по прежним связям», а «круг их действий» заключается лишь в «благотворении», освобождении дворовых, улучшении состояния крестьян, заведении школ «в деревнях». Таким образом, согласно показанию Оболенского, Зубков состоял в тайном обществе, и довольно продолжительное время; в чем заключались «прежние связи», он не пояснил, однако из контекста следует, что речь идет о связях по тайному союзу. Кроме того, Зубков был указан Оболенским в числе членов тайного кружка, имевшего целью «распространение просвещения», «улучшение состояния крестьян», освобождение дворовых людей. При этом Оболенский лично не знал Зубкова²³. В показании Оболенского речь шла о «Северном обществе» (Московская управа) и созданном Пушиным в Москве в начале 1825 г. «Практическом союзе», состоявшем из участников Московской управы, бывших членов «Союза благоденствия», его приятелей и друзей.

Как видим, показание Оболенского, адресованное на имя Николая I, было получено одновременно с уже санкционированным императором решением об освобождении Зубкова. В результате этого последовало редкое, уникальное событие — уже состоявшееся решение об оправдании подследственного лица, утвержденное императором, отозвали назад. Действительно, по воле царя, объявленной Левашевым, у Зубкова «под видом некоторых перемен» был отобран оправдательный документ («аттестат»), уже выданный ему, а выезд из Петербурга запрещен²⁴.

²¹ Восстание декабристов... Т. 16. С. 67.

²² Зубков был женат с 1823 г.

²³ Восстание декабристов. Документы. Т. 1. М., 1925. С. 233, 240; Декабристы. Биографический справочник. С. 71.

²⁴ Декабристы. Биографический справочник. С. 252, 259.

У Пушина и других участников «Практического союза» затребовали дополнительные показания об этом обществе, его целях и составе участников. Сдержанные и скупые ответы, которые были получены следствием, оказались чрезвычайно благоприятными для Зубкова. Так, Пушин и Павел Колошин отвечали, что Зубков не принадлежал к «Практическому союзу», Оболенский в повторном показании предпочел объяснить, что точно не знает, состоял ли Зубков в этом союзе, ссылаясь в этом вопросе на Пушина. Между тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что о принадлежности Зубкова к другому тайному обществу — «Северному», Оболенского так и не спросили, равно как об источниках сведений, которые легли в основу его прежнего показания. Наконец, руководители «Северного общества» (петербуржцы К. Ф. Рылеев и др.) не знали о членстве Зубкова в этом обществе²⁵.

Вывод, который сделали по итогам этого быстротечного «расследования» члены Комитета на заседании 25 января, состоял в том, что «уважительных причин привлечь Зубкова к делу о злоумышленном обществе» из полученных показаний не открывается, в силу чего «аттестат» ему следует вернуть и разрешить отъезд из Петербурга. Император согласился с этим мнением²⁶. По итогам расследования в «Алфавите» А. Д. Боровкова утверждалось, что Зубков «оказался не принадлежащим к обществу и не знавшим о существовании оною», а Данзас «только слышал о существовании общества, стремящегося к ниспровержению правительства, и о том не донес»²⁷. Так закончилось официальное расследование по их делу.

Как уже говорилось, Зубков оставил интереснейший мемуарный документ: «Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости» (далее — «Рассказ»), который представляет собой одно из первых по времени мемуарных свидетельств об аресте и привлечении к следствию по делу декабристских обществ, созданных «по горячим следам» спустя несколько недель или месяцев после освобождения. Особую ценность документу придает, таким образом, его синхронность событиям, а также свойственная ему подробность в описании

²⁵ Восстание декабристов. Документы. Т. 2. М., 1926. С. 214–215.

²⁶ Восстание декабристов... Т. 16. С. 72, 73, 250.

²⁷ «Алфавит...» А. Д. Боровкова // Декабристы. Биографический справочник. С. 252, 259. Любопытно, что политическая цель общества («изменение» правительства), которая по признанию Данзаса, стала ему известна, в этом итоговом документе следствия получила несколько иную формулировку: «ниспровержение» правительства.

некоторых процедур следствия, условий содержания заключенных, их умонастроений и т.д. Это обстоятельство открывает уникальные возможности для изучения мотивов поведения подследственных в условиях процесса, с одной стороны, и для анализа политики следствия – с другой.

Во-первых, в «Рассказе» Зубкова можно обнаружить ценные данные о приемах ведения членами Комитета устных допросов, письменное отражение которых лишь фрагментарно представлено в журналах и докладных записках Комитета²⁸.

Сообщаемые мемуаристом сведения проливают свет на характер воздействия следователей на уличаемое лицо перед, во время и после устного допроса, что нельзя извлечь в столь определенном виде из сохранившихся документов следствия. Зубков отразил важнейшие приемы ведения устных допросов, которые в той или иной степени проявлялись, как можно полагать, в большинстве иных случаев, в том числе других подозреваемых, оправданных в ходе процесса. Данное обстоятельство придает этому мемуарному источнику особую ценность в контексте изучения особенностей следствия по «делу декабристов».

Во-вторых, «Рассказ» позволяет осветить тот пласт настроений и внутренних мотиваций поступков подследственных, который трудно обнаружить в фиксированном виде в тексте даваемых ими письменных показаний, а также лучше понять характер воздействия тех или иных решений и «приемов убеждения» следователей на позицию и поведение арестованного. Оценки этого воздействия, как и некоторых первоначальных мотиваций и интенций подследственного лица, дают основание для изучения тактики его защиты в период следствия, а на данном примере – помогают раскрыть некоторые специфические черты поведения на процессе по «делу декабристов» значительной части обвиняемых лиц.

В-третьих, при сопоставлении мемуарного рассказа с письменными показаниями Зубкова открывается возможность оценить точность его воспоминаний, критически проверить мемуарное свидетельство.

Итак, прежде всего «Рассказ» Зубкова передает важные и, как можно полагать, до некоторой степени типичные элементы «давления» следователей на вновь арестованное лицо. Происходило это во время проводившихся на процессе 1825–1826 гг. обязательных

²⁸ Опубликовано: Восстание декабристов... Т. 16.

устных допросов – предварительного (Левашев) и «формального» (на заседаниях Комитета).

Согласно «Рассказу» Левашев начал первый допрос с сообщения об уже состоявшемся уличении нового обвиняемого важными свидетелями – находившимися под следствием его близкими друзьями и товарищами по службе, хорошо осведомленными лицами, и предложил немедленно признаться в принадлежности к тайному обществу, не усугубляя свою вину «запирательством». Если вновь арестованный отвергал сделанные против него показания, то обычно следствием заявлялась возможность очной ставки с теми, кто «обвинял», т.е. свидетельствовал против него. Сообщение об обвинениях со стороны ближайших товарищей и сослуживцев, так же как и угроза очной ставки, конечно, должны были существенным образом влиять на ход мыслей и поведение допрашиваемого.

Неслучайным в этой связи представляется тот факт, что согласно мемуарному «Рассказу» Зубков на первом устном допросе считал возможным «открыть» о сделанном ему в 1817 или 1818 г. предложении – вступить в некое литературное общество (неполитическое, т.е. не «антиправительственное»). Вместе с тем, согласно мемуарному тексту, он категорически отверг свою принадлежность к любому тайному обществу политического характера²⁹.

Обращение к следственным показаниям Зубкова корректирует это свидетельство: согласно записи первоначального допроса, проведенного Левашевым, Зубков указал на то, что в 1818 или 1819 г. ему было предложено Ф.П. Шаховским вступить в общество, в котором требовалось жертвовать 10% своего годового дохода.

Это указание совпадает со сведениями из доноса члена «Союза благоденствия» М.К. Грибовского (1821), который сообщил, что члены этого тайного союза должны были жертвовать 10% своих доходов на нужды организации³⁰.

Можно предположить, что Шаховской предложил Зубкову войти в состав одной из московских управ «Союза благоденствия», но последний, если опираться на его собственное показание, отказался. Такой вывод подтверждается фактографической картиной. В 1817 г. Зубков окончил Московское училище колонновожатых; именно

²⁹ Зубков В.П. Рассказ о моем заключении... С. 194.

³⁰ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 1; Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 182.

в это время из среды его воспитанников активно вербовались новые участники «Союза благоденствия»³¹.

Результаты допроса, снятого Левашевым, были немедленно доведены до сведения императора: Левашев передал Зубкову слова Николая I о том, что его поместят в крепость и подвергнут дальнейшим допросам; если он докажет свою невиновность, его «освободят» через два-три дня или «немного больше»³². Такая оценка давала определенную надежду на оправдание, но при двух важных условиях – если не поступят новые уличающие данные, а те, которые уже получены, будут каким-то образом либо опровергнуты, либо нивелированы. Разумеется, такого рода «обещания» могли быть даны только в том случае, если подследственный придерживался тактики отрицания своего участия в «злоумышленном» тайном союзе и даже любой степени осведомленности о его существовании, настаивая на этом с первого допроса.

Однако первоначальные подозрения в отношении Зубкова (так же, как и Данзаса, поначалу находившегося в одном с ним положении) были довольно весомы и значительны, поскольку после первого допроса обоих отправили в Петропавловскую крепость. В «Рассказе» автор удивлялся тому, что в отличие от них, А.А. Тучкова, признавшегося в принадлежности к тайному обществу в 1817–1818 гг., поместили под арест в Главный штаб³³.

Несомненно, причиной такой ситуации стала обнаружившаяся благодаря показанию Штейнгейля близость Зубкова и Данзаса к Пушкину, одному из главных деятелей «Северного общества» и выступления 14 декабря 1825 г. Тучков же заявил только о своей давней принадлежности к «Союзу благоденствия»³⁴.

Вторичный устный допрос Зубкова, уже в «официальном присутствии» Комитета, вел А.Х. Бенкендорф. На этом допросе начался следующий этап противоборства следователей и обвиняемого. Со стороны следствия вновь прозвучала констатация уже «известного» ему факта участия Зубкова в «преступном» тайном союзе. По словам

³¹ Декабристы. Биографический справочник. С. 71. Одновременно или несколько ранее в «Союз благоденствия» поступили выпускники Училища колонновожатых Е.П. Оболенский, А.А. Тучков, П.А. Муханов, В.Х. Христиани, Н.В. Басаргин и др. В то же время в училище преподавал Петр Колошин, посещал занятия его младший брат – Павел, близкий друг Зубкова.

³² Зубков В.П. Рассказ о моем заключении... С. 195.

³³ Там же. С. 195–196.

³⁴ Восстание декабристов. Документы. Т. 20. М., 2001. С. 316.

члена Комитета, полученные показания «неоспоримо доказывают» принадлежность Зубкова к тайному обществу; об этом же говорят вскрытые допросами других лиц связи его с арестованными. Следует отметить, что Зубков сообщает, судя по всему, об одном из важных, с точки зрения методики дознания и обвинения, приемов устного допроса. По его данным, члены Комитета оперировали обвинительной информацией о связях Зубкова как с признавшимися на момент допроса свидетелями, так и с не признавшимися (в частности, С.М. Семеновым)³⁵. Это открывало перед следствием возможность получения новых обвиняющих данных, в том числе в отношении не признавшихся лиц. В силу столь явного, по уверению следователей, «уличения» собранным обвинительным материалом от Зубкова требовалось «откровенное» и полное признание в степени его участия в тайном обществе либо осведомленности о нем.

При этом следствие воздействовало на обвиняемое лицо угрозой не только уличения полученными показаниями, но и обвинения в «запирательстве», т.е. сокрытии истинных отношений подследственного к заговору. Обращает на себя внимание еще один, третий прием следователей, зафиксированный в «Рассказе» Зубкова. В ходе «подготовки к допросу», направленной на формирование у обвиняемого надежды на прощение со стороны высшей власти, член Комитета сообщил допрашиваемому: «Если <...> сознаетесь – то можете надеяться на высочайшее прощение»; если же отрицание имеющихся доказательств продолжится, последует неминуемое тяжелое наказание («погибнете навсегда»)³⁶. Таким образом, надежда на прощение в случае «откровенного признания» сопровождалась угрозой ужесточения наказания за сокрытие расследуемых обстоятельств. Важно отметить, что сам акт «прощения» позиционировался как своеобразная «награда» за признание «виновности» (факта участия в тайном обществе).

Согласно мемуарному очерку Зубкова, следователи сформулировали даже собственные критерии участия в деятельности конспиративной организации. Во время устного допроса они утверждали, что «преступное» тайное общество существенно отличается от масонства с его обрядностью, сложной и многоэтапной процедурой принятия и иерархией членов – в отличие от масонства в тайном политическом союзе, «если вы разделяете идеи хоть одного из его членов, вы уже

³⁵ Зубков В.И. Рассказ о моем заключении... С. 199.

³⁶ Там же.

этим самым принадлежите к нему <...> вас могли завлечь»³⁷. Тем самым подчеркивалась слабая формализация конспиративных связей, отсутствие особых обрядов и развернутой системы посвящения в члены, на первое место ставилось единство или сходство «мнений», «образа мыслей», политических взглядов. По версии следствия, достаточно было тесных дружеских связей единомышленников, единства политических устремлений, чтобы оказаться в числе «завлеченных» в ряды тайного союза.

На допросе в Комитете Зубков продолжал категорически отрицать свое членство в конспирации, знание о ее существовании, так же как и общий с ее участниками «образ мыслей». При повторном отрицании следователи вновь сообщили ему о неизбежности очных ставок с обвинителями, на этот раз в сопровождении конкретной угрозы: «Вы идете навстречу гибели»³⁸. Подследственному настойчиво внушалась мысль о том, что ему не удастся избежать серьезного наказания после того, как выяснится факт «запирательства», сокрытия истинных отношений к заговору. Зубков же настаивал на «оклеветании» «честных людей» со стороны некоторых арестованных и просил очной ставки: «Возможно, что другие лица назвали меня, чтобы увеличить число виновных». В ответ Бенкендорф еще раз сослался на то обстоятельство, что Зубкова обвиняют его близкие товарищи и друзья — тем самым обвинение обладало, по мнению следствия, большим доказательным значением: «Вы не можете же отрицать, что эти господа говорили при вас о своих планах?». Зубков это тоже отверг. Его отрицание следователи встретили, по словам мемуариста, крайне недоверчиво: по их убеждению, сам факт, что подозреваемый являлся другом некоторых видных заговорщиков (чего Зубков не отрицал), был достаточен для подозрения и уличения³⁹.

В заключение устного допроса в Комитете Зубкову обещали провести очную ставку и требовали от него еще раз обдумать свои показания, прежде чем излагать их на бумаге. Его вновь поставили перед выбором: надежда на прощение в случае полной искренности или верное тяжелое наказание («гибель») за сокрытие фактов⁴⁰.

³⁷ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 199. Ср.: Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских. М., 1907. С. 227–228.

³⁸ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 199.

³⁹ Там же. С. 200.

⁴⁰ Там же.

Завершая разговор о средствах и конкретных приемах давления следствия на подозреваемого с целью добиться его «чистосердечного признания», отметим, что «Рассказ» Зубкова фиксирует и другие пути такого рода влияния. Согласно его свидетельству, находившийся в соседнем каземате А. И. Якубович убеждал мемуариста в том, что Комитету все известно, и советовал «ничего не скрывать». Якубович утверждал: в силу того, что он сам признался не во всем, на него были надеты кандалы. Он уверял Зубкова также и в том, что на заседаниях Комитета записывают устные показания, чтобы сравнивать их с последующими, в том числе письменными, поэтому призывал быть откровенным. Доставленный с юга А. П. Барятинский, содержавшийся рядом, был тоже уверен, что следствию известно все⁴¹. Очевидно, эта убежденность в том, что сокрытие фактов от следствия бесполезно, основывалась на определенном воздействии, которое оказывали следователи на этих обвиняемых. Подвигнуть арестованного к «чистосердечным» показаниям, чтобы он не скрыл ничего, были обязаны и священники, посещавшие заключенных перед допросами. Зубков упоминает о визите к нему священника, который, по его собственным словам, был прислан от Комитета, чтобы «убедить <...> ничего не скрывать»; Зубков обещал ему это. Характерен один из вопросов священника, заданных подследственному: почему он оказался в числе арестованных; в ответ тот заявил ему о своей невиновности⁴².

Тактика защиты Зубкова в этих условиях складывалась из постоянных попыток ослабить значение подозрений в осведомленности о существовании тайного общества, особенно в политическом «наполнении» связей с видными деятелями заговора. Это настойчиво проводимое отрицание (или коррекция обвинительных данных) — а Зубков продолжал утверждать, что не слышал от своих друзей разговоров политического характера, — на момент обоих допросов оценивалось как неискреннее и подвергалось активной атаке со стороны следствия.

Письменные «вопросные пункты», по заключению Зубкова, представляли собой практически полное повторение вопросов, заданных в присутствии Комитета. Они включали в себя по-прежнему запрос о принадлежности к тайному союзу или о знании его целей и намерений. Методика давления следствия на обвиняемого в своих базовых чертах сохранялась: «Не дожидаясь приведения неопровержимых доказательств и очной ставки с <...> обвинителями», предлагалось

⁴¹ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 207–208.

⁴² Там же. С. 198.

«откровенно» признаться в знании о существовании политического тайного общества. Формулировались те же доказательства принадлежности Зубкова к числу членов: его дружеские связи с активнейшими заговорщиками и полученные показания «свидетелей обвинения» (тех же подследственных)⁴³.

Отметим, что оригинал вопросных пунктов в следственном деле содержит близкие, но не идентичные формулировки, приведенные в «Рассказе» Зубкова: «Короткие связи ваши с несколькими из самых ревностных членов тайного общества, а еще более сделанные на вас показания открывают, что вы равным образом принадлежите к числу сочленов сего общества; не допуская до улик, могущих усугубить вину вашу, ответствуйте со всею справедливостью и без утайки»⁴⁴.

В письменных ответах Зубков продолжал придерживаться полного отрицания предъявляемых ему уличающих показаний. Он категорически отверг обвинения в причастности к тайному союзу, повторив признание в своем участии в масонских ложах и своем отказе от предложения войти в состав некоего общества с благотворительно-просветительской целью. Свои контакты с главными обвинителями (Пушин, Павел Колошин и др.) Зубков поставил в рамки дружеских отношений, утверждая, что никогда не имел с ними политических разговоров. От Пушина слышал о пользе освобождения крепостных, «жалобы на судопроизводство»; разговоры о важных предметах встречал со смехом, зная его как человека «веселого». О цели его отъезда в Петербург в дни междуцарствия не знал. В некотором противоречии с занятой позицией, с заявленным отсутствием политических разговоров Зубков показал, что говорил с С. Н. Кашкиным о «французском правлении», депутатах, улучшении судопроизводства, адвокатах и т.д., но о тайном обществе не говорил, дополнительно сообщая, что вскоре «совершенно перестал заниматься политикою», и «закрыл Сея и Сисмонди»⁴⁵. Согласно «Рассказу», Зубков также считал нужным сообщить о вечерних собраниях у Павла Колошина, где часто бывал («мы обыкновенно съезжались все у Колошина»), но, не дожидаясь их

⁴³ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 200–202.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 2.

⁴⁵ В оригинале показаний Зубков писал: «После путешествия за границу я возвратился, прельщенный французским судопроизводством и красноречивыми выражениями некоторых депутатов. Кашкин тогда занимался французскою политикою, я ему много говорил про Францию, и тем началось наше знакомство... Опять уверяю, что от Кашкина не слышал желания, чтобы в России было представительное правление, а кажется, мы иногда желали иметь адвокатов и присяжных» (Там же. Л. 4 об.).

завершения, уезжал домой. В показаниях этой детали нет; наоборот, указывается, что здесь, между прочим, говорили об «устройстве» своих помещичьих имений. Зубков ссылался на Данзаса, Колошина и Пушина в подтверждение своих отрицаний.

Сопоставление мемуарного очерка с письменными показаниями обнаруживает следующее. В показаниях Зубков большое место отдал утверждениям, что был хорошо знаком с Павлом Колошиным, Кашкиным, Семеновым и Пушиным, но никогда не слышал от них о тайном обществе. Зубков утверждал, что не боится ни улики, ни очных ставок с другими последственными, уверен в своей невинности. Вместе с тем он оговаривал, оставляя возможность для отступления от тактики полного отрицания к частичному признанию своей «вины»: «Не ручаюсь совершенно за свою память и не могу решительно сказать, чтобы никогда ни с кем политического разговора не имел». Кроме того, Зубков косвенно ставил под сомнение объявленный им «неполитический характер» своих отношений с некоторыми из названных им лиц, свидетельствуя: «Уже около двух лет <...> ни одной политической, ни юри(ди)ческой книги не читал и не думал ни о теориях, ни о переменах»⁴⁶. Получалось, что раньше, до 1824 г., Зубков о политических «теориях и переменах» думал и, несомненно, говорил с участниками тайных обществ.

На примере Зубкова хорошо видно, что для последственного одной из ключевых проблем выстраивания линии защиты являлось «объяснение» полученных следствием обвинительных показаний, иными словами, переинтерпретация их из обвинительного содержания — в «безопасное».

После первоначального решительного отрицания «политических разговоров», не говоря уже о факте членства в тайном обществе или знания о нем, Зубков, как он пишет, «не переставал думать» о впечатлении, которое это отрицание произведет на следователей. По-видимому, он не был уверен в эффективности занятой позиции в связи с наличием, по неоднократным уверениям членов Комитета, прямых показаний авторитетных свидетелей об обратном. Поэтому Зубков решил послать дополнительное показание (оно датировано 15 января), в котором попытался объяснить появление обвинительных показаний, очень мало зная об их содержании.

⁴⁶ Зубков В.П. Рассказ о моем заключении... С. 202; ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 4 об. — 5.

По всей видимости, эта ситуация тоже была одной из главных «уловок» следствия, заставлявших обвиняемых признаваться. Не зная в точности содержания уличающих показаний, но понимая, что следователи имеют серьезные основания для обвинения, арестованный представлял собственную версию своей «виновности», которую затем вынужден был подтверждать и развивать в дальнейших показаниях.

В своем дополнительном показании Зубков решил прояснить характер политических разговоров, которые он поначалу полностью отрицал. В этом показании он фактически признавал их: «Члены тайного общества могли считать меня за своего, потому что по приезде моем из-за границы я занимался политикою и восхищался французскими постановлениями <...> Главными нашими разговорами были судебные дела <...> никогда не желал освобождения крестьян <...> Я верил глупым слухам о могущей произойти междоусобной войне после кончины императора Александра <...> никогда ни с кем не сговаривался переменить образ правления в России», а со времени женитьбы перестал заниматься политикой. Зубков утверждал, что всегда считал: политические перемены должны исходить от верховной власти. Что касается «свидетелей обвинения», то автор показания вновь требовал очных ставок с ними. Характерно, что Зубков выражал полную уверенность в своей «невиновности» и даже просил публичного оправдания, чтобы полностью «очиститься» от подозрений и вернуть к себе «уважение» в обществе⁴⁷.

В этой связи необходимо отметить один существенный момент. Несмотря на демонстрируемую Зубковым уверенность в будущем оправдании, которая отразилась в письменных показаниях, его мемуарный «Рассказ» показывает, что в дни заключения им владели несколько иные настроения. Он ожидал очной ставки с огромным волнением, можно сказать, со страхом⁴⁸. В этом, конечно, можно усмотреть естественное волнение невинно обвиненного лица перед встречей с теми, кто ложно обвиняет. Но нельзя исключать и другого — страха Зубкова перед обнаружением реальной картины его отношений с заговорщиками, которая будет раскрыта в показаниях других лиц, скрываемое им опасение того, что приводимые доказательства «невиновности» окажутся недостаточными.

⁴⁷ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 203. Текст этого показания, как и других, приводится в мемуарной записке, судя по всему, по памяти, т.к. имеет отличия от оригинала (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 6–7).

⁴⁸ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 203.

Однако очная ставка не состоялась, ожидание вердикта следствия затягивалось. Как показывает случай Зубкова, продолжительное крепостное заключение и, в особенности, напряженное ожидание исхода расследования оказывали большое влияние на линию защиты обвиняемого. Длительное ожидание решения участи (освобождения или признания виновным) заставляло сомневаться в правильности выбранной тактики поведения и конкретных приемов оправдания, подтачивало силы, побуждало предпринимать новые шаги. Зубков отмечал охватившее его желание получить свободу любым путем, даже через лишение чина и «сана» (т.е. дворянства)⁴⁹. Он не исключал того, что избранная им линия защиты не принесет оправдания, и от нее придется отказаться, что доказательства его «вины» будут достаточными для обвинения. Что за этим стоит: убеждение невиновного в обвинительном уклоне следствия или угрожавшее подследственному обнаружение фактов участия в деятельности тайного союза? Ответить на этот вопрос нелегко, но в контексте прозвучавших показаний, повлекших за собой привлечение Зубкова к следствию, имеет смысл предпочесть второй вариант.

Как известно, в конечном счете, Комитет заключил, что Зубков не только не состоял в тайном обществе, но и не знал о его существовании. Стоит отметить, что, несмотря на свое освобождение и получение официального оправдательного документа («аттестата»), сам Зубков все же не был уверен в своем полном и окончательном оправдании. Возможно, он ожидал новых «открытий» со стороны подследственных⁵⁰.

В этой связи показателен описанный в «Рассказе» эпизод с временным изъятием у Зубкова уже подписанного членами Следственного комитета и выданного ему «аттестата» из-за вновь поступивших показаний Оболенского⁵¹.

Услышав известие о том, что в Петербург доставлен арестованным П.Д. Черкасский, товарищ Зубкова и Данзаса по службе у московского военного генерал-губернатора⁵², автор «Рассказа» «был сильно возбужден» и, будучи уже официально оправданным, лег спать «с твердой уверенностью», что его снова арестуют. И, действительно,

⁴⁹ Зубков В.П. Рассказ о моем заключении... С. 205.

⁵⁰ Там же. С. 214, 216.

⁵¹ Восстание декабристов... Т. 1. С. 233, 240; Декабристы. Биографический справочник. С. 71.

⁵² У исследователей нет данных об аресте и привлечении к следственному процессу П.Д. Черкасского.

на следующий день ему было велено явиться к петербургскому военному генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, где у Зубкова отобрали «аттестат». Несмотря на официально названную причину («пропуск» в выданном документе вызвал необходимость заменить его на новый), Зубков не сомневался в том, что его вновь привлекут к следствию. Согласно «Рассказу», он добровольно отправился к Левашеву и сообщил ему о «криминальном», с его точки зрения, эпизоде — разговоре с Черкасским. В ходе этого разговора он поведал о существовании «мнимого заговора» во главе с генералом А. П. Ермоловым — по словам Зубкова, «ради смеха». Однако Левашев не придавал этому признанию никакого значения, зато назвал истинную причину задержки с полным освобождением — показания Оболенского⁵³. Согласно «Рассказу», Оболенский показал о принадлежности Зубкова к особому разряду членов тайного общества, где целью считалось «распространение образования». По свидетельству мемуариста, Левашев озвучил позицию следствия: этот «класс» не подлежит ответственности, но есть подозрение, что принадлежавшие к нему лица могли знать о политических планах и «обо всем обществе». Левашев не мог сказать Зубкову об ожидавшей его участи, и последний был убежден в том, что его ждет новое заключение. Но, как он узнал позже, продолжение расследования по его делу было сочтено излишним, через несколько дней ему возвратили «аттестат» и разрешили покинуть Петербург. Оболенский не смог «доказать» свое показание⁵⁴.

Каков же может быть ответ на вопрос о действительной степени участия Зубкова в тайном обществе? Можно ли доказать его членство в конспиративном союзе на основании полученных следствием данных, сопоставляя их с данными мемуарного «Рассказа»?

По результатам анализа необходимо заключить, что официальное оправдание было обусловлено главным образом показаниями самого Зубкова. Проведенное им последовательно отрицание любых свидетельств о своем членстве или осведомленности о тайном обществе, любых «политических разговоров» с арестованными, несмотря на все

⁵³ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 214–215. В данном случае не приходится сомневаться в том, что, опасаясь уличения со стороны Черкасского, Зубков открыл действительно имевший место разговор политического характера, но и здесь постарался уменьшить обвинительное значение своего показания, переопределив наиболее угрожавшее, с точки зрения обвинения в «государственном преступлении», содержание этого показания, сделав его малозначительным и «неопасным».

⁵⁴ Там же.

усилия и угрозы следователей, оказало сильное влияние на позицию Комитета.

Значительную роль сыграли также осторожность и сдержанность в показаниях одного из ключевых «свидетелей» — друга Зубкова Пушина, который не раскрыл подробности встреч и бесед участников «Практического союза» и Московской управы «Северного общества» в 1825 г.

Штейнгейль также предпочел сообщить только о тесной дружбе Зубкова и Пушина, не став пояснять характера их отношений и степени участия первого из них в конспиративном союзе. Таким образом, единственным серьезным обвинительным свидетельством остались показания Оболенского, который, судя по всему, не был лично знаком с Зубковым и меньше знал о деятельности «Практического союза» и московских конспираторов в целом.

Может ли исследователь, анализирующий комплекс следственных показаний и мемуарных данных, считать итоговое решение следствия по делу Зубкова обоснованным, опирающимся на весь свод полученных показаний? Безусловно, принадлежность Зубкова к тайным союзам не была полновесно доказана на следствии, хотя об этом вполне категорически и определенно свидетельствовал достаточно осведомленный Оболенский, один из руководителей «Северного общества». Его показания фактически так и остались не расследованными и не проясненными. Следствие по «делу» Зубкова, таким образом, не было завершено и закончено. Одно это заставляет историка подвергнуть выводы следствия серьезным сомнениям. Но существуют в комплексе декабристских показаний данные, которые, судя по всему, не были учтены в ходе следствия.

Так, в качестве важной «уличающей» информации должно быть рассмотрено показание Кашкина, который в ответах на вопросные пункты от 24 января 1826 г. сообщил следующее. В декабре 1825 г. в доме Зубкова, «в присутствии хозяина» Семенов передал содержание письма Пушина, писавшего о подготовке заговорщиками военного восстания в Петербурге в дни междуцарствия⁵⁵. Впрочем, Кашкин утверждал, что Зубков в тайном обществе не состоял. Эти показания были зачитаны в Комитете 27 января⁵⁶. Не требует особых

⁵⁵ Содержание этого письма Пушина от 12 декабря 1825 г., адресованного из Петербурга в Москву Семенову, хорошо известно из показаний М.Ф. Орлова, которому оно также было сообщено (Восстание декабристов... Т. 20. С. 159, 164, 176. Ср.: Восстание декабристов... Т. 2. С. 216).

⁵⁶ Восстание декабристов... Т. 14. С. 150; Т. 18. М., 1984. С. 149. Показания Кашкина не стали поводом для выяснения степени причастности к заговору Зубкова.

пояснений раскрытая в этом показании довольно красноречивая и недвусмысленная картина: в присутствии Зубкова говорилось не только о политическом тайном обществе, но и о военном заговоре и планах подготовки вооруженного выступления в Петербурге. Такая степень доверия к присутствовавшему при разговоре «хозяину дома» Зубкову подразумевает, по крайней мере, его полную осведомленность о существовании тайного союза и политических намерениях, включая осуществление военного переворота. Как известно, все это Зубков на устных допросах и в письменных показаниях, согласно взятой им на вооружение стратегии защиты, полностью и категорически отвергал.

Занятая им на следствии позиция полного отрицания причастности к тайному обществу при внимательном анализе показаний Зубкова и основных свидетелей по его «делу», сопоставлении этих показаний с мемуарным текстом «Рассказа» ставится под сомнение, вступая в противоречие с целым рядом прямых либо косвенных указаний. По итогам обзора содержания «Рассказа» можно привести четыре таких конкретных основания.

Во-первых, это вскрытые следствием многолетние тесные дружеские связи Зубкова с московскими участниками тайных обществ, которые были удостоверены показаниями Оболенского, Штейнгейля, Данзаса, Кашкина; об этом же говорит факт совместного обучения Зубкова с многими будущими участниками декабристской конспирации в Училище колонновожатых (в том числе с Павлом Колошиным и др.), определивший их близкое знакомство⁵⁷; сюда же следует отнести отраженную в следственных показаниях и «Рассказе» многолетнюю дружбу Зубкова с участниками Московской управы «Северного общества» (Пуцин, Кашкин, Колошин), постоянный контакт с товарищами по службе при московском военном генерал-губернаторе и в Московском гражданском суде.

Во-вторых, это углубленные занятия «политическими науками», отнесенные Зубковым (как в показаниях, так и в «Рассказе») ко времени после возвращения из-за границы (1822), доказывающие обостренный

Эти показания выявили нового важного свидетеля, который мог пролить свет на отношения Зубкова и тайного общества, — Семенова, но вопросов к нему также не последовало.

⁵⁷ Не исключено, что Зубков сохранял контакты не только с Павлом Колошиным, но и с другими товарищами по обучению, среди которых — А.А. Тучков, П.А. Муханов, М.М. Нарышкин, В.А. Мусин-Пушкин. В этом случае круг связей Зубкова среди деятелей тайных союзов значительно расширяется, но прямые указания на этот счет нам не известны.

интерес к политическим вопросам, безусловно, сближавший его с участниками декабристской конспирации. Этот интерес выражался в занятиях политэкономией, статистикой, юриспруденцией, историей, усиленном внимании к современным политическим проблемам. Питаемое Зубковым «восхищение» судами присяжных и конституционными учреждениями Франции делало его единомышленником многих известных деятелей декабризма, способствовало сближению с ними на почве общих политических интересов и взглядов. Отсюда с неизбежностью вытекает наличие «политических разговоров» с членами тайных обществ, составлявшими значительную часть ближайшего окружения Зубкова. Следовательно, отрицание в показаниях последнего встреч и бесед политического характера не находит подтверждения в его же собственном мемуарном свидетельстве, вступает с ним в противоречие.

В-третьих, серьезное значение, на наш взгляд, имеет факт сделанного Зубкову еще в 1817—1818 гг. предложения вступить в тайное общество. Судя по сообщаемым сведениям о величине «членского взноса», вполне возможно, что это был «Союз благоденствия». Предложение было, по собственному утверждению Зубкова, им отвергнуто, но это утверждение подследственного лица осталось непроверенным.

Наконец, в-четвертых, особый интерес представляет упомянутое показание Кашкина об обсуждении в доме Зубкова и в его присутствии содержания письма Пущина, в котором речь шла о подготовке выступления 14 декабря. Этому свидетельству следствие не придало должного значения: факт осведомленности Зубкова о готовящемся выступлении в Петербурге, видимо, остался за пределами внимания следователей. Между тем этот факт нельзя не учитывать. При Зубкове политические заговорщики могли говорить о самом сокровенном в своей деятельности. Они не опасались обнаружения посторонними конспиративной информации. И хотя Кашкин отрицал членство Зубкова в тайном обществе, степень осведомленности о его политических задачах, деятельности конспираторов, согласно его показанию, была довольно высокой и соответствовала тому, что знали многие из вошедших в заговор лиц. Подобный «уровень доверия» был свойствен, как правило, лицу, формально принятому в состав членов тайного союза.

В этой связи нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что в своем мемуарном очерке Зубков придает особое значение аресту Кашкина. По словам мемуариста, когда он узнал об этом аресте, стало понятно, что ему самому тоже не избежать привлечения к следствию. Зубков объяснял это тем, что Кашкин был всего лишь «связан со многими

серьезно замешанными лицами» дружбой и приятельством (как, собственно, и сам Зубков, по его собственному утверждению). При этом в текст «Рассказа», видимо, намеренно включены уверения Кашкина в том, что он «не принадлежит ни к какому тайному обществу». Очевидно, Зубков хотел дать понять читателю, что аресты коснулись знакомых и друзей заговорщиков, а не только участников тайных организаций. Однако на следствии вскрылось нечто иное: оказалось, что Кашкин состоял не только в «Союзе благоденствия», но и в Московской управе «Северного общества», входил он и в «Практический союз»⁵⁸. Так что выстраиваемая Зубковым оправдательная версия, доказывающая арест «невиновных», которых связывали с членами тайных обществ исключительно дружеские отношения, повисает в воздухе. Что же касается раскрытой Зубковым зависимости своей убежденности в будущем привлечении к следствию от ареста Кашкина, то она, как можно полагать, была вызвана какими-то связывающими их обоих событиями или отношениями (возможно, здесь сыграл роль как раз раскрытый на следствии Кашкиным эпизод с обсуждением письма Пушкина в доме Зубкова). Для внимательного исследователя особое отношение Зубкова к аресту Кашкина, тем более – утверждение о его «невиновности», сходной с «невиновностью» самого мемуариста⁵⁹, дают основание полагать, что Зубков, по крайней мере, знал о планах и действиях тайного общества в дни междоусобицы, вероятно, столько же, сколько и член декабристского союза Кашкин. Во всяком случае, категоричные заверения Зубкова на допросах и в показаниях о незнании им факта существования политического тайного союза и полной неосведомленности о политических намерениях заговорщиков можно считать практически дезавуированными.

Все перечисленное демонстрирует тесные связи Зубкова с членами тайного общества в Москве на протяжении нескольких лет, говорит о близости его «образа мыслей» и взглядов участников декабристской конспирации. Из этого вытекает откровенный и доверительный характер их взаимоотношений, что на фоне сходства политических взглядов создавало почву для вовлечения Зубкова в ряды тайного общества. Очевидно, посвященность Зубкова в дела декабристской организации была столь велика, что при нем происходило обсуждение наиболее важных вопросов, к которым, несомненно, относится и содержание известного письма Пушкина.

⁵⁸ Восстание декабристов... Т. 1. С. 233; Т. 18. С. 146, 152.

⁵⁹ Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 189.

Кроме сформулированных выше четырех главных оснований, заставляющих сомневаться в выводах следствия (которые во многом стали результатом стратегии защиты обвиняемого), исследователь должен обратиться к результатам критического анализа текста мемуарного «Рассказа» Зубкова. Следует понимать, что так же, как и следственные показания, он создавался в целях самореабилитации. Прежде всего, необходимо было опровергнуть сведения о своей причастности к заговору и осведомленности о политических целях окружавших его близких друзей и знакомых. И, действительно, автор мемуарного очерка неоднократно заявляет о своей «невиновности», уделяя специальное внимание опровержению «слухов» и «подозрений» в своей принадлежности к тайному обществу⁶⁰. Как в следственных показаниях, так и в «Рассказе» он стремился представить себя другом и сослуживцем арестованных, оставшимся вне конспиративных связей. Между тем в показаниях Зубкова и «Рассказе» обнаруживается немало, главным образом, косвенных указаний, оговорки и внутренне противоречивых утверждений, заставляющих сомневаться в избранной им на следствии линии защиты, а «внимательное прочтение» текста приводит иногда к выводам, во многом противоречащим позиции подследственного, занятой на процессе.

Так, очень важными и вполне показательными в этом смысле являются черты и характеристики поведения Зубкова в период следствия, которые можно истолковать как колебания и сомнения в правильности избранной им линии защиты. К числу этих черт и характеристик поведения Зубкова нужно отнести:

⁶⁰ *Зубков В. П.* Рассказ о моем заключении... С. 189, 211. После ареста, констатирует Зубков, «...враги мои не замедлили распространить слух, что я тоже участвовал в заговоре». Близкие связи с заговорщиками, прежде всего, с Пушиным, Семеновым, Кашкиным, Колошиным и др., единый круг общения, репутация «либерала» — все это благоприятствовало таким слухам. Определенное значение имели другие, вполне конкретные обстоятельства. Так, осенью 1825 г. Зубковым был заказан карандашный рисунок, коллективный портрет московского дружеского круга, возникшего вокруг Пушкина. Этот факт, кстати говоря, свидетельствует о значительной роли, которую играл в этом кругу Зубков. На портрете запечатлены: Пушкин, Колошин, Горсткин, Зубков, Данзас, а также В. П. Пальчиков, П. Д. Черкасский, А. П. Бакунин. Как свидетельствовал Зубков, портрет вызвал слухи о том, что на нем изображены участники тайного политического кружка. Эти слухи, очевидно, отражает письмо А. Я. Булгакова брату К. Я. Булгакову в Петербург от 22 декабря 1825 г., в котором речь идет о «Братстве семиугольной звезды». См.: Русский архив. 1901. Кн. 2. С. 233; ср.: *Зубков В. П.* Рассказ о моем заключении... С. 195.

1) противоречия в показаниях, демонстрирующие в ряде случаев колебания в стратегии полного отрицания;

2) беспокойство перед очными ставками, в том числе с основным свидетелем – Пушиным;

3) добровольное объявление следствию, почему заговорщики считали его «своим»;

4) промелькнувшая мысль о необходимости сделать более серьезное «признание»⁶¹;

5) страх перед новыми обвинениями и официальным признанием его «виновности»;

6) опасение серьезного наказания, которое не могло быть результатом сведений, открытых Зубковым на допросах и в показаниях;

7) неуверенность в окончательном акте официального оправдания;

8) убежденность в грозящем ему новом аресте (уже после состоявшегося освобождения).

Ожидание выдвижения со стороны следствия обоснованного обвинения, предъявления со стороны других подследственных серьезных уличающих показаний, которое ощущается в тексте «Рассказа» Зубкова, говорит о многом. И, прежде всего, заставляет предположить наличие фактов и обстоятельств, скрытых Зубковым от официального расследования.

Практически с полной уверенностью можно утверждать: в ходе следствия Зубков сомневался в том, что избранная им линия защиты («полное отрицание») принесет ему положительный результат, что она «выдержит» новые обвинения. Если Зубков был так уверен в своей полной непричастности к тайному обществу, как он об этом заявлял в следственных показаниях и мемуарном «Рассказе», то почему он опасался новых обвинительных данных и нового ареста, боялся грозящего ему серьезного наказания? Ответить на этот вопрос можно, лишь предположив, что часть информации о контактах Зубкова с декабристским обществом была скрыта как в следственных показаниях, так и в мемуарном очерке.

В этом контексте необходимо обратить внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство – противоречие между заявлениями

⁶¹ Как уже отмечалось, Зубков, после устных допросов и сделанных письменных показаний, категорически отрицавших его участие и даже осведомленность в делах тайного союза, не имея сведений о положительном влиянии этой «линии поведения» на следователей, намеревался получить свободу любым путем, в том числе через лишение чина и дворянства. Следовательно, он не исключал для себя признания, которое повлекло бы за собой наказание такого рода.

Зубкова-мемуариста и его показаниями на следствии. В своем «Рассказе» Зубков уверял, что он «не был виновнее» своего друга Данзаса, и в период крепостного заключения для него было очень важно узнать о том, какой вердикт следствие вынесло Данзасу: «Я дорого бы дал, чтобы знать, что случилось с Данзасом; я не был уверен, что он находится в крепости, но я так думал потому, что я не был виновнее его. Если бы я знал, в каком он положении, то ждал бы того же и для себя»⁶². Поэтому Зубков интересовался участием друга даже у посещавшего его в крепости офицера. Таким образом, мемуарист утверждал фактически следующее: степень его причастности к тайному обществу такая же, как у Данзаса. Собственно, об этом свидетельствовал на следствии и автор первого обвинительного показания, касающегося Данзаса и Зубкова, — Штейнгейль. Между тем в отличие от Зубкова Данзас признался, что знал о существовании тайного общества с целью «изменения» правительства, хотя сам в него не вступал. Если это действительно так, то, согласно сообщению самого Зубкова, следует считать, что такой же характер отношений с заговорщиками был и у него. Однако это вступает в полное противоречие с категоричными утверждениями Зубкова на допросах и в письменных показаниях. Из чего следует констатировать, что разница в выводах и решениях следствия по делам Данзаса и Зубкова была порождена только различными вариантами защитного поведения, избранными этими двумя подследственными на процессе, но не фактической стороной дела. Зубкову удалось практически полностью умолчать о политическом характере его «бесед» с Пушиным и другими заговорщиками, тогда как Данзас не смог выдержать эту позицию до конца, «поплатившись» за это административным наказанием — месячным арестом на гауптвахте.

Таким образом, исходя из утверждений Зубкова, а также показаний других подследственных, следует заключить, что в случае Зубкова имела место сходная степень причастности к декабристской конспирации, что и в случае Данзаса. Речь идет, по крайней мере, о знании факта существования тайного общества с целью изменения «образа правления», осведомленности об этой политической цели. Сдержанная и уклончивая позиция Пушина, отразившаяся в его показаниях, в немалой степени определялась дружескими отношениями с совоспитанником по Лицею Данзасом и давним знакомым Зубковым, входившими в «пушинский» дружеский круг в Москве. Думается, эти наблюдения могут служить надежным основанием для

⁶² Зубков В. П. Рассказ о моем заключении... С. 211.

вывода о том, что обоим обвиняемым, Зубкову и Данзасу, удалось скрыть часть фактов и обстоятельств, говорящих об их причастности к деятельности тайного общества в Москве. По крайней мере, можно утверждать, что в случае Зубкова избранная им стратегия защиты, принеся ему, в конечном счете, положительный результат (оправдательный вердикт следствия), содержит в себе внутренние противоречия и вступает в конфликт с прямыми свидетельствами и косвенными данными как его мемуарного «Рассказа», так и показаний других лиц. А это напрямую говорит о том, что Зубкову удалось либо полностью скрыть от следствия, либо переопределить в свою пользу уличающие показания, говорящие о его принадлежности к тайному обществу или осведомленности о его существовании и политических целях.

В этой связи необходимо указать на то, что Зубков и Данзас более всего контактировали с участниками «Практического союза» (Пушин, Кашкин, Павел Колошин и др.), как это видно из их собственных показаний, мемуарного «Рассказа» Зубкова и показаний других свидетелей. Учитывая сравнительную «умеренность» задач «Практического союза» (благотворительность, освобождение дворовых, облегчение участи крепостных и т.д.), его слабую организационную оформленность (фактически это был кружок близких товарищей, поставивших перед собой «нравственные» цели), можно считать Зубкова и Данзаса если не формальными членами, то участниками собраний союза. Несомненно, оба являлись членами дружеского кружка, группировавшегося вокруг Пушина, являлись его единомышленниками и тем самым входили в ближайшее окружение одного из руководителей «Северного общества».

Наконец, следует отметить, что в ходе следствия, как упоминалось выше, был получен безоговорочно положительный ответ на вопрос о членстве Зубкова в Московской управе «Северного общества» (показания Оболенского), но это свидетельство осталось одиноким и не нашло подтверждения в показаниях других свидетелей. Вряд ли этот вопрос можно решить окончательно при настоящем состоянии источников, но точность показания Оболенского, равно как и широкая осведомленность одного из руководителей «Северного общества» в персональном составе этой организации, вынуждают крайне внимательно отнестись к этому документальному свидетельству.

Исходя из сказанного, нельзя не заключить, что на основе анализа мемуарного «Рассказа» Зубкова у исследователя возникают очень важные наблюдения, имеющие не последнее значение для изучения следственного процесса. В частности, речь идет о категории оправ-

данных и освобожденных от наказания лиц. Имеются основания констатировать определенные «лакуны» в обвинительных показаниях, недостаток внимания следствия к части полученных уличающих данных, его недостаточную активность при отборе показаний от «свидетелей обвинения», отсутствие интереса к дорасследованию ряда обстоятельств «дела». В отдельных случаях, — и следствие по «делу» Зубкова служит здесь, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров — очевидно, что в ключевых моментах не было произведено дополнительных запросов или очных ставок для выяснения степени причастности обвиняемого к тайному обществу. В случае расследования по «делу» Зубкова — это дополнительный допрос Оболенского и Пушина, очные ставки с ними же, расследование показания Кашкина об обсуждении письма Пушина от 12 декабря 1825 г. в доме Зубкова. Возможно, интересующие следствие вопросы и дальнейшее направление расследования определялись на заседаниях Следственного комитета и в ходе устных допросов, и результаты этой работы, не отраженные в записях журнала Комитета, как можно предположить, определили отсутствие интереса следствия к свидетельствам, служащим обвинению подследственного лица, и вели к его оправданию.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Говоря о лицах, освобожденных и оправданных в ходе следственного процесса 1825–1826 гг., исследователь не может пройти мимо случая Зубкова. В ходе расследования его «дела» сложилась довольно запутанная ситуация, отразившаяся в значительной степени в исследовательской литературе. Речь идет об оценках его участия в декабристском движении. Расследование «дела» Зубкова представляет собой показательный случай полного оправдания, несмотря на имевшиеся конкретные и недвусмысленные показания о принадлежности к тайному обществу, осведомленности о заговоре 1825 г., политических планах и намерениях декабристов.

Анализ показаний Зубкова, а также составленного им мемуарного «Рассказа» о заключении в Петропавловской крепости подводит к выводу о том, что на допросах и в письменных показаниях ему удалось скрыть от официального расследования часть фактов и обстоятельств, раскрывающих его осведомленность о тайном обществе и его политических целях. Показания важнейших свидетелей по его делу (Кашкин, Оболенский) не были приняты во внимание следователями или вовсе не были запрошены (Семенов). В целом Зубкову (в отличие от его товарища Данзаса) на протяжении всего расследования удалось выдержать тактику полного отрицания всех

поступивших уличающих показаний, что стало главной причиной признания его «невиновным».

Сохранившийся мемуарный очерк Зубкова содержит уникальные данные, позволяющие реконструировать важные обстоятельства следственного процесса, средства и способы давления на арестованных декабристов, которые использовались практически в каждом случае вновь привлеченного к следствию лица с целью добиться от него «откровенности». Мемуарный текст передает умонастроения обвиняемых, в том числе тех, кто имел возможность применять активную защитную тактику, умалчивая о тех или иных фактах, отрицая или переопределяя уличающие свидетельства. В ряде случаев сопоставление мемуарного свидетельства со следственными показаниями открывает возможности для критического анализа позиции подследственного на следствии.

В конечном счете, совокупное изучение содержания мемуарного очерка, принадлежащего Зубкову, его следственных показаний и показаний других лиц – важнейших «свидетелей» по его «делу» (в том числе показаний, не расследованных в ходе процесса 1825–1826 гг.) – позволяет сделать общий вывод. Этот официально оправданный подследственный может быть, практически без сомнений, отнесен к числу участников тайного общества или лиц, знавших о его существовании, политической программе и декабристском заговоре, сложившемся в конце 1825 г.

М.А. Корф и декабристы: точки соприкосновения

Модест Андреевич Корф – представитель высшего петербургского общества 1830–1870-х гг., заметная фигура в администрации императоров Николая I и Александра II. Что общего у успешного, преуспевающего столичного сановника Модеста Корфа с государственными преступниками, осужденными по делу 14 декабря, – И.И. Пушным и В.К. Кюхельбекером? Этих людей с такой разной судьбой всю жизнь связывали узы дружбы, берущей свое начало в школьной юности: Корф, Пущин, Кюхельбекер – «первокурсные» Царскосельского лицея (выпуск 1817 г.). Уже одно имя А.С. Пушкина обессмертило первый лицейский курс¹. Несколько его выпускников оказались причастны к деятельности тайных обществ, пятеро попали в «Алфавит декабристов»². Однако это никак не отразилось на отношении к ним лицейских товарищей. Даже «политическая» смерть Кюхли и «большого Жанно» (Пушина) никоим образом «не нарушила их лицейской связи»³ с однокурсниками. Она выдержала испытание временем и обстоятельствами.

В 1857 г. вернувшийся из Сибири Пущин написал о встрече с одноклассниками в Петербурге: «Мы сошлись как старые друзья, несмотря на то, что разными дорогами путешествовали в жизни»⁴. Да, дороги были разные, не похожими были судьбы, одно оставалось неизменным – верность лицейской дружбе, лицейскому союзу, стремление воплотить в жизнь выбитый на чугунных кольцах девиз: «Для пользы общей»⁵.

¹ Корф писал: «Одного имени Пушкина довольно, чтобы обессмертить этот выпуск, но и кроме Пушкина, мы из ограниченного числа 29-ти воспитанников поставили несколько очень достойных людей почти на все пути общественной жизни» (*Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники.* СПб., 1899. С. 227).

² Пущин и Кюхельбекер осуждены, В.Д. Вольховский, А.А. Дельвиг (в ходе следствия не привлечался) и А.А. Корнилов не были наказаны.

³ Слова Пушина.

⁴ Из письма Пушина Е.П. Оболенскому от 8 января 1857 г.: когда Пущин приехал в Петербург, к нему «явились лицейские друзья. Во главе всех Матюшкин и К.К. Данзас. Корф и Горчаков, как люди занятые, не могли часто видаться, но сошлись как старые друзья <...> Все встречи отрадны» (*Эйдельман Н.Я. Прекрасен наш союз... М.*, 1991. С. 387).

⁵ «Общая польза», или «общественное благо», – один из основных постулатов философии Просвещения.

Долгое время доминировало представление о «лицейском духе» и «лицейском союзе» как об узах, объединявших небольшой круг лицейстов, центром которого был Пушкин⁶.

Традиция подобной трактовки идет от авторов двух записок — В.Н. Каразина (1820) и Ф.В. Булгарина (1826)⁷. Каразин писал, что «в самом Лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей»⁸. Булгарин полагал, что «либерализм укоренился в Лицее в самом мерзком виде»⁹, а «суть отличительные черты» лицейстов — «пророчество перемен»¹⁰.

Между тем «лицейский дух» в понимании самих выпускников 1817 г. — это не радикальные идеи, не призывы к ниспровержению существующих устоев, это стремление активно действовать «для общей пользы», а «лицейский союз» — дружеские связи, «образовавшиеся на всю жизнь».

Начало лицейскому братству было положено при первом директоре Лицея, протеже М.М. Сперанского, русском просветителе — В.Ф. Малиновском, который во многом определил и «направление умов» своих воспитанников. В том же ключе действовал и второй

⁶ *Мейлах Б.С.*: 1) Пушкин и его эпоха. М., 1958; 2) Декабристы и Пушкин. Иркутск, 1987. С. 11. «Лишь часть воспитанников во главе с Пушкиным и будущими декабристами — Пушиным и Кюхельбекером — были выразителями "лицейского духа"» (*Томашевский Б.В.* Пушкин. Т. 1. М., 1990. С. 23–24).

⁷ Адресатом Каразина был В.П. Кочубей, вторая записка предназначалась для Третьего отделения и была анонимной. В начале 1920-х гг. Б.Л. Модзалевский нашел черновик этой записки, озаглавленной «Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оногo», и установил, что почерк, несомненно, принадлежит Ф.В. Булгарину (*Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 34–35).

⁸ Из лицейских воспитанников «более или менее есть почти всякий Пушкин», и все «связаны каким-то подозрительным союзом», писал Каразин, а в примечании добавлял: «Кто сочинители карикатур и эпиграмм, каковые, например, на двуглавого орла и на Стурдзу, в которой высочайшее лицо названо весьма непристойно, и пр. Это лицейские питомцы! <...>» (*Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 177; *Томашевский Б.В.* Пушкин. Т. 1. С. 24). Исследователи творчества Пушкина полагают, что высылка поэта из столицы была прямым следствием каразинской записки.

⁹ Именно этот либерализм и проявлялся, по мнению автора записки, в так называемом лицейском духе, «когда молодой человек не уважает старших <...> должен <...> порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать <...> или <...> быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных <...> знать <...> места самые сильные из революционных сочинений <...> должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться не верующим христианским догматам» и т.п. (*Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. С. 44).

¹⁰ Там же.

директор Лицея – Е.А. Энгельгардт¹¹. Именно ему принадлежала идея чугунных колец для выпускников первого курса с надписью «Для пользы общей».

Лицейсты включали в лицейское братство *всех* (здесь и далее курсив мой. – *И.Р.*) соучеников. Так, Пушкин в стихотворении «19 октября 1827 года» писал не только о тех, кто «в краю чужом, в пустынном море, и в мрачных пропастях земли», но и о тех, кто «в заботах <...> царской службы»¹². Пущин вспоминал: в Лицее «образовалась товарищеская семья», и сложилась та «неразрывная и отрадная связь <...> на всю жизнь <...> которая соединяет первокурсных Лицея»¹³. Кюхельбекер из Свеаборгской крепости просил сестер «писать все, что знают о жизни и судьбе» *каждого* лицеиста первого выпуска¹⁴. В годы заточения и ссылки он, праздная в одиночестве день 19 октября, приветствовал одноклассников словами: «*Всех вас, Лицея нашего семья!*»¹⁵.

Созвучны этим стихам и написанные по тому же поводу строчки других лицейских поэтов, например, А.Д. Илличевского: «И что же время нам? / Оно расторгнуть *братских* уз не смеет, / И дружба наша, как вино, / Тем больше крепнет, чем стареет» и А.А. Дельвига: «Снова, друзья, в *братский* круг»¹⁶.

«Священная царскосельских лицейстов связь»¹⁷ объединяла всех выпускников 1817 г. П.Н. Мясоедов писал Пущину: «Наши все 29-ть человек лицейских (другого названия я и дать не смею)»; К.К. Костенский признавал, что «любовь товарищей первого выпуска пылает все так же и в 1830 году, как и в 1811-м»¹⁸. О том же свидетельствует и анализ состава участников лицейских годовщин.

При различии жизненных стартов, семейных устоев и природных дарований 10–12-летние мальчики не могли выйти одинаковыми только потому, что воспитывались вместе. Это впоследствии

¹¹ Малиновский умер в марте 1814 г., Энгельгардт был назначен директором Лицея в 1816 г. Многие «первокурсные» переписывались с ним всю жизнь.

¹² Ср.: из письма Пущина Ф.Ф. Матюшкину: «Обними всех наших сенаторов и других чинов людей» (*Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 382). Когда Пущин посетил опального поэта в Михайловской ссылке, последний «заставил» друга «рассказать ему про всех <...> первокурсных Лицея» (*Пущин И.И.* Записки о Пушкине // Декабристы. Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 213).

¹³ *Пущин И.И.* Записки о Пушкине. С. 186–187.

¹⁴ *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 255.

¹⁵ Декабристы. Избр. соч. Т. 2. С. 248 (1828 г.), 255 (1836 г.).

¹⁶ *Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 351.

¹⁷ Из письма И.В. Малиновского М.А. Корфу (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 29).

¹⁸ *Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 356, 361.

и проявилось в разнообразии их судеб. По выходе же из Лицея *всех* «первокурсных» отличал «лицейский дух». Он не означал полного тождества мировоззренческих установок, но обязательно включал в себя «глубокое убеждение, что они воспитаны “для общей пользы”»¹⁹. Убеждение это лицеисты первого выпуска пронесли через всю жизнь.

Так, Корф при новом назначении всегда задавался вопросом, будет ли на этом месте «истинно полезен», а в 1835 г. писал И. В. Малиновскому: «Делать добро *частное* в этой должности менее случая, нежели в моей прежней, но поприще добра *общественного* обширно и необъятно. Дай только Бог умения»²⁰.

Малиновский в письме к А. М. Горчакову в 1861 г. предлагал девяти оставшимся в живых лицеистам 1817 г. выпуска «проверить <...> себя, дать добросовестный отчет за пятьдесят лет», изложив «подвиги служебной жизни, но в оправдание девиза лицейской медали “для общей пользы”»²¹.

В ответе министр²² написал, что он также «верен старой дружбе и старым воспоминаниям» и принимает «исповедь» товарища²³. О том, как он претворял в жизнь лицейский девиз, Малиновский писал Корфу и в 1872 г., добавляя: «Спроси, кого хочешь, оправдал ли Малиновский *царскосельского лицеиста*»²⁴.

В шестилетнем общении «при беспрестанном трении умов»²⁵ вырабатывался единый взгляд на существовавший порядок вещей, который включал в себя и желание изменить к лучшему этот порядок, пути же обновления мыслились по-разному. Для некоторых дорога к переменам проходила через участие в тайных обществах.

Так, Пущин и В. Д. Вольховский сразу после окончания учебы вступили в «Союз спасения». Причем Пущин прямо связывал это событие с «мнениями и убеждениями, вынесенными из Лицея»²⁶.

¹⁹ Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811–1843. СПб., 1911. С. 478.

²⁰ Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею. Т. 3. СПб., 1912. С. 267. Речь шла о месте государственного секретаря (начальник канцелярии Государственного совета).

²¹ Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. С. 168–169.

²² А. М. Горчаков – министр иностранных дел Российской империи в 1856–1882 гг.

²³ Письмо от 23 июня 1861 г. // Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина... Т. 1. С. 327.

²⁴ Письмо от 23 февраля 1872 г. (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 20).

²⁵ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 691. Корф писал: «Мы мало учились в классах, но много в чтении и в беседе, при беспрестанном трении умов, при совершенном отсечении от нас всякого внешнего разьяснения».

²⁶ Пущин И. И. Записки о Пушкине. С. 201.

Другие нашли себя в литературном творчестве, «по-своему <...> проповедуя стихами и прозой <...> о деле общем»²⁷; среди них – Пушкин и его лицейские друзья из «Союза поэтов». Большинство лицейских выпускников добросовестно служили, не забывая о лицейском девизе. В 1839 г. Корф, описывая в дневнике празднование 19 октября, отмечал, что слова лицейского гимна, сочиненного А.А. Дельвигом: «мы дали клятву: все родимой (Отчизне), все без раздела, кровь и труд», реализованы его одноклассниками. Они «по силам и разумению держали и держат слово царю и святой Родине»²⁸.

Директор Лицея Энгельгардт в 1841 г. писал о своих первенцах: «Лицейская галерея первых четырех курсов очень любопытна: государственный секретарь Корф, статс-секретарь Маслов, два губернатора: Стевен и Корнилов <...> вице-директор Бакунин <...> капитан I ранга Матюшкин, посланник Ломоносов, а там начальниками отделений и прочих сколько угодно, и все уважаемы»²⁹.

Энгельгардт тогда еще не знал, что директорами департаментов станут П.М. Юдин и П.Ф. Гревениц, новгородским вице-губернатором, а затем тверским губернатором – А.П. Бакунин, сенаторами – С.Д. Комовский, М.Л. Яковлев, Ф.Ф. Матюшкин, А.А. Корнилов; именем адмирала Матюшкина назовут мыс на побережье Ледовитого океана, а А.М. Горчаков получит высший государственный чин в России – канцлера и будет 20 лет стоять во главе российского внешнеполитического ведомства.

«Лицейский дух» включал в себя, помимо убеждения в необходимости перемен и готовности содействовать им, также осознание некоей интеллектуально-элитарной общности лицейских, сильно развитое чувство товарищества, своеобразный культ дружбы. Примеров его проявления множество. 15 декабря 1825 г. Горчаков предлагал Пушкину заграничный паспорт и помощь в тайном бегстве за границу. К лицейским товарищам обратился Пушкин из сибирского «далека́» с просьбой купить и прислать ему пианино для его маленькой дочери. За дело взялись почти все находившиеся в Петербурге лицеисты, наиболее активно: Матюшкин – ему Пушкин и адресовал свою просьбу; Яковлев, который как музыкант

²⁷ *Пушкин И.И.* Записки о Пушкине. С. 202. Пушкин писал о Пушкине, что тот «всегда согласно со мной мыслил о деле общем, по-своему проповедовал в нашем смысле – и изустно, и письменно, стихами и прозой».

²⁸ *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 462.

²⁹ *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский лицей... С. 444.

выбирал инструмент; Корф — его в ответном письме Пушкин благодарил первым³⁰.

По просьбе Корфа Пушкин «доставлял» литературную работу его близкому другу³¹. Корф пересматривал, редактировал и отсылал Пушкину пространный список иностранных книг о Петре I, составленный им в юности, чем привел поэта в восторг. В ответном письме Пушкин признавал: «Вчерашняя посылка твоя мне драгоценна во всех отношениях и остается у меня памятником. Право жалею, что государственная служба отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить <...> Сердечно тебе преданный Александр Пушкин»³². Когда Корф серьезно заболел (не оставалось уже надежды на выздоровление), Пушкин навещал его, последний раз в январе 1837 г., за несколько дней до роковой дуэли³³.

Таким образом, «лицейский дух» как выражение приобщенности к «лицейскому союзу», «лицейскому братству» — черта общая для *всех* лицеистов первого выпуска. Они поддерживали отношения друг с другом всю жизнь, обменивались новостями об одноклассниках, были в курсе их служебных и семейных дел.

Не все они состояли в переписке друг с другом, однако любые письма к спутникам по лицейской скамье и к бывшему директору Лицея Энгельгардту всегда доставлялись для «круговой передачи» «наличным» в Петербурге лицеистам или зачитывались на «чугунных сходках». Упоминания о подобном способе знакомства с весточками от сокурсников в переписке лицеистов встречаются неоднократно. Так, в письме Яковлева к Вольховскому приписано Дельвигом: «Милый друг! Письмо твое едва было получено, было доставлено <...> “для круговой передачи”»³⁴.

³⁰ «Ура Лицею старого чекана!», — написал Пушкин, получив «лицейское» пианино (*Эйдеман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 384).

³¹ Речь шла о Н.М. Бакунине, которому Корф просил дать подработать у Смирдина в «Библиотеке для чтения». Выполнив поручение, Пушкин писал Корфу: «Радуюсь, что на твое дружеское письмо мог ответить удовлетворительно и исполнить твое приказание. Сердечно благодарю за поздравление (с рождением сына Александра. — *И.Р.*). Весь твой Александр Пушкин» (14(?) июля 1833 г.) (*Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1959. С. 127).

³² Письмо от 14 октября 1836 г. // Там же. С. 306.

³³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 4 (1841 г.). Л. 75. Корф писал Вольховскому в 1837 г. о последнем свидании с Пушкиным: «Кто видел его за несколько дней перед смертью у моей постели, конечно, не подумал бы, что он в свете лет и здоровья ляжет в могилу раньше меня» (*Вересаев В.В.* Спутники Пушкина. Т. 1. М., 1993. С. 113).

³⁴ *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина... Т. 1. С. 152.

Горчаков, писал Малиновскому, что его письмо «немедленно сообщил находящимся здесь (в Петербурге. — *И.Р.*) лицеистам: Матюшкину, Корфу и двум Данзасам»³⁵. 19 октября 1836 г. на лицейской годовщине «читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером одному из товарищей» (Пушкину)³⁶.

Тем, кто был далеко, лицейские корреспонденты сообщали обстоятельства жизни, а порой и смерти однокашников. Вольховский писал Корфу: «Благодарю за извещение о наших лицейских товарищах»³⁷. В письмах к Пущину и Матюшкину, как отмечалось выше, Энгельгардт подробно излагал успехи своих бывших воспитанников³⁸. Яковлев сообщал Пушкину, что намерен написать Малиновскому «предметное письмо, потому что он требует больших подробностей о всех наших»³⁹. Письма двух осужденных лицеистов-декабристов полны просьб написать о судьбе школьных товарищей.

Так, Кюхельбекер из Свеаборгской крепости просил «милых сестер писать все, что знают о жизни и судьбе <...> товарищей по Лицею», и добавлял, что о троих знает «кое-что из газет (о Корфе, Вольховском, Данзасе)» и «хотел бы услышать что-нибудь о Малиновском, Стевене, Комовском, Яковлеве и о каждом другом лицеисте первого выпуска», а также о Горчакове⁴⁰.

Пущин в каждом письме просил Энгельгардта «сказать» ему «словечко о всех первокурсных»⁴¹; о том же он писал Матюшкину: «когда будет возможность <...> скажи мне о всех наших несколько

³⁵ Письмо от 23 июня 1861 г. // Там же. С. 327. О младшем брате К.К. Данзаса Горчаков добавил: «Борис Карлович, хотя не того курса, совершенно наш по чувствам». Б.К. Данзас — лицеист 2-го курса (1820), член общества «Практический союз», член «Общества Семисторонней, или Семиугольной, звезды».

³⁶ Из «протокола» праздника, написанного рукой Пушкина (*Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 367).

³⁷ Письмо от 23 февраля 1833 г. (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 147).

³⁸ Пущин сообщал Матюшкину 25 января 1852 г.: «Наш директор писал мне о всех лицейских. Он постоянно говорил, что особенного происходило в нашем первом выпуске» (*Друзья Пушкина. Переписка, воспоминания, дневники: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 294*). В другом послании Пущин просил Матюшкина: «Когда будешь писать ко мне, перебери весь наш выпуск по алфавитному списку. Я о некоторых ничего не знаю. Где Броглио? Где Тырков? <...> Мне бы хотелось иметь в резких чертах полные сведения о всех» (*Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 384).

³⁹ Письмо от 23 июня 1831 г. // *Друзья Пушкина... Т. 1. С. 311*).

⁴⁰ *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. С. 255.

⁴¹ Письмо от 18 сентября 1850 г. // *Пущин И.И.* Сочинения и письма: в 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 253.

слов»⁴². При возможности лицейские посещали родственников и друзей сокурсников.

Отношения между «лицейскими» сохраняли теплоту всю жизнь. Конечно, внутри их союза существовал так называемый ближний круг, те, с которыми бывший директор Энгельгардт мог «сердце отогреть»⁴³, и, по его выражению, «заштатные»⁴⁴. Среди первых – всегда Корф, неизменный участник практически всех годовщин и других лицейских встреч⁴⁵. В этот, более узкий круг также входили *И.И. Пущин, И.В. Малиновский, М.Л. Яковлев, В.Д. Вольховский, Ф.Х. Стевен, Ф.Ф. Матюшкин, С.Д. Комовский, П.Ф. Саврасов, А.А. Корнилов*⁴⁶. В первые послелицейские годы их встречи были довольно часты, потом стали более редкими, но они неизменно отмечали вместе день 19 октября.

О приятельских связях Корфа в Лицее известно не так много. Первый год он был неразлучен с Комовским⁴⁷, потом тесно дружил с Пушиным, одно время являлся страстным почитателем стихов Кюхли и буквально ходил за ним по пятам; одним из лучших

⁴² «Дайте ему весточку о лицейских его товарищах, о некоторых из них он ничего не слышал с самой разлуки с вами; всех их помнит и любит по-прежнему», – писала по просьбе Пущина А.В. Розен 29 ноября 1830 г. (Там же. С. 99).

⁴³ Это Стевен, Комовский, Малиновский, Корф, Яковлев, Илличевский, Корнилов (Письмо Энгельгардта к Матюшкину от 29 ноября 1833 г. // *Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина ...* Т. 1. С. 515).

⁴⁴ К их числу Энгельгардт относил П.Ф. Гревеница, П.М. Юдина, А.И. Мартынова, К.Д. Костенского, т.е. тех, кто не посещал лицейские сходки и обеды (см.: Письмо Матюшкину от 18 ноября 1829 г. // Там же. Т. 2.)

⁴⁵ В 1871 г. Корф последний раз присутствовал на лицейском празднике. Именно на его имя Малиновский прислал телеграмму, поздравляя «друзей товарищей» – Корфа, Комовского, Матюшкина и Горчакова – с «60-летием Лицея»; Малиновский напомнил «первокурсным» Лицея о девизе, на котором, как он писал, «вы стоите сегодня», и предложил учредить пять стипендий от выпускников 1817 г. нынешним лицейским ученикам (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 22). В следующем, 1872 г., Корф оставил службу и вскоре уехал за границу лечиться. По-видимому, праздники 19 октября он уже не посещал. В 1873 г. ему в Германию была отправлена телеграмма следующего содержания: «Ваше приветствие вызвало живейшее сочувствие. От души пьем ваше здоровье. Комовский и 16 лицеистов». См.: Там же. Л. 364.

⁴⁶ *Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина...* Т. 2. С. 231. 7 февраля 1821 г. Энгельгардт вызвал в Царское Село Пущина, Саврасова, Корфа, Комовского и Малиновского, чтобы они встретились с Яковлевым, бывшим там проездом. Курсивом выделены фамилии лицеистов, позднее «прикосновенных к истории 14 декабря».

⁴⁷ Комовский вспоминал, в первый год пребывания в Лицее он «имел друга в Модесте Корфе», их даже называли Дамоном и Питиасом (*Грот К.Я. Пушкинский лицей (1811–1817): Бумаги I-го курса, собранные академиком Я.К. Гротом.* СПб., 1911. С. 47).

приятелей Корфа в Лицее, по его собственному признанию, оставался Стевен. Кстати, последний после окончания Лицея долгое время жил на квартире вместе с Вольховским, которого сменил Малиновский. Судя по письмам, был период, когда Стевен разделял кров с Матюшкиным. Малиновского, Пушина и Вольховского связывали не только родственные узы, они были хорошими друзьями⁴⁸. Судя по сохранившимся письмам к Корфу Малиновского и Вольховского, последние стали близкими людьми и для него. На одном из писем Малиновского мы находим приписку Матюшкина. Можно с уверенностью утверждать, что Модест Корф был своим в этом кругу.

Не трудно заметить, что в списке лицеистов 1839 г. Корф давал положительные характеристики Пушина, Вольховского и других лицейских соучеников, позднее «прикосновенных» к истории 14 декабря 1825 г.⁴⁹

Корф понимал и одобрял решение Пушина служить в губернских местах, «чтобы облагородить и возвысить этот род службы, где с благими намерениями можно сделать столько частного и общественного добра». Он даже отчасти оправдывал участие Пушина в заговоре против власти его «излишней пылкостью и ложным взглядом на средства к счастью России» и сочувствовал ему как другу юности и просто как одному из любимых товарищей «с светлым умом, с чистой душой»⁵⁰. Характерно, что в 1842 г., в связи со смертью сенатора И.П. Пушина, Корф замечал, что тот был отцом одного его лицейского товарища, «замешанного в историю 14-го декабря», — Ивана Пушина и тестем другого лицейского товарища — Ивана Малиновского⁵¹. Между тем в том же дневнике

⁴⁸ Малиновский был женат на сестре Пушина, Вольховский — на сестре Малиновского.

⁴⁹ В 1839 г. Корф в своем дневнике подвел итоги служебных успехов лицеистов I-го курса: к этому времени 10 человек уже отошли в мир иной (Корф писал о 9-ти, не имея сведений о С. Броглио), двое (Кюхельбекер и Пушин) «умерли политически», из оставшихся 17-ти — 13 вполне благополучны (служили и довольно успешно), у четырех карьера не удалась (среди последних — князь Горчаков, получивший признание уже при Александре II). В октябре 1851 г. Корф скорректировал список, отметив, что к этому времени в живых остались 14 лицеистов 1817 г. выпуска. Позже, в феврале 1857 г., он сделал пометки на записи 1851 г., возвращался он к ней и позже, уже после 1859 г., поскольку Пушин у него отмечен как умерший (*Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 417—424; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 14 (1851 г.). Л. 86—86 об.*).

⁵⁰ *Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 422—423.*

⁵¹ *ГА РФ. Ф. 728. Д. 1817. Ч. 5 (1842 г.). Л. 308.* Здесь же Корф упоминал и другого сына сенатора, также замешанного в деле 14-го декабря — Михаила Пушина.

о другом «замешанном в историю 14-го декабря», о князе С. П. Трубецком он отзывался как об «участнике *гнусных* замыслов, открывшихся 14-го декабря 1825 г.»⁵².

Именно Корф был одним из наиболее активных участников знаменитой посылки в Сибирь пианино для Анны – внебрачной дочери Пушкина. В переписке последнего имя Модеста Андреевича встречается неоднократно. Так, поблагодарив за присланный инструмент, Пушкин в письме к Матюшкину шутил: «Заставь Модеста без очков и этот листок прочесть». У Энгельгардта он спрашивал: «Что Модест? Кажется, на покое в Государственном совете»⁵³. Сообщая Матюшкину, что семью его сестры Анны в Царском Селе «порадовал своим появлением Модест, их сосед», Пушкин выражал надежду, что ее члены, «может быть, с ним сблизятся семейным образом»⁵⁴.

Вернувшись из ссылки в Петербург, Пушкин не раз встречался со своими лицейскими друзьями. В одно из таких свиданий Корф обещал скорый выход книги о происшествии 14 декабря 1825 г.⁵⁵ Речь шла о «Восшествии на престол императора Николая I-го», в котором Корф выступил как «составитель»⁵⁶. Пушкин «с отвращением прочел» «Корфову книгу». Он удивился, как автор мог быть уверен, что он будет «доволен» (возможно, Корф имел в виду другое: что его работа разбила «заговор молчания»). Пушкин недоумевал: «Значит он очень дурного мнения обо мне. Совершенно то же, что в рукописной брошюре, только теперь не выставлены имена

⁵² ГА РФ. Ф. 728. Д. 1817. Ч. 3 (1840 г.). Л. 163 об.

⁵³ Письмо от 18 сентября 1850 г. // *Пушкин И. И.* Сочинения и письма. Т. 2. С. 253.

⁵⁴ Письмо от 11 февраля 1853 г. // Там же. С. 265; Письмо от 2 июля 1853 г. // Там же. С. 271.

⁵⁵ Иван Иванович писал брату Николаю: «Лиза <сестра Пушкиных> мне писала, что издание, о котором мне говорил Модест, по каким-то обстоятельствам не так скоро выйдет, как он обещал при последнем с ним свидании» (Письмо от 17 июля 1857 г. // Там же. С. 340).

⁵⁶ Первое издание для публики вышло летом 1858 г. под названием «Восшествие на престол императора Николая I-го» (первые два издания – 1848 и 1854 гг. – были отпечатаны тиражом по 25 экз. и переданы непосредственно императору). В книге Корфа впервые в легальной печати была подробно представлена история 14 декабря 1825 г. Этот труд, по мнению современных исследователей, «родился в недрах двора как акт исторического самосознания царской семьи». Инициатором стал наследник – Александр Николаевич, который и определил «главную идею работы, ее план, подробности» и «главные источники» (*Рудницкая Е. Л., Тартаковский Б. Г.* Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 15). Таким образом, работа могла носить только официальный характер, имя Корфа на обложке не было проставлено, сам он называл себя только составителем.

живых. Убийственная раболепная лесть убивает с первой страницы предисловия». Но самое интересное, реакция не просто лицейского товарища, а одного из тех «злоумышленников», в адрес которых было произнесено так много бранных слов на страницах этого издания: «Истинно мне *жаль моего барона*» (!). И все? Ни обиды, ни неприязни? Пущин полагал, что «на это нечего обращать внимания: все это такой вздор»⁵⁷. Более того, он признался одному из декабристов, что «Корф был, и я с ним откровенно высказался». «Это», по словам Пущина, «не нарушило нашей лицейской связи»⁵⁸.

Что это – толерантность? Или проявление истинной дружбы? Ведь тот же Пущин писал о своих отношениях с Пушкиным: «Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях разное смотрели на людей и на вещи»⁵⁹.

Примерно в то же время, 19 октября 1858 г., состоялась очередная лицейская сходка, довольно «многолюдная»: на квартире Яковлева и Матюшкина встретились Данзас, Корф, Пущин, Комовский, Мясоедов, Горчаков. Если посмотреть с точки зрения достигнутых служебных высот, достаточно разношерстная компания. Наряду с министром (Горчаковым) и членом Государственного совета (Корфом) коллежский ассессор, бывший государственный преступник Пущин, в малых чинах отставленный Мясоедов. Но в этот день это не имело никакого значения – они были в прошлом, в своем лицейском далеке⁶⁰. Никаких прений между Корфом и Пущиным по поводу вышедшей книги не произошло.

Корф был хорошо знаком с братьями своего лицейского товарища. В этом отношении характерно письмо к нему Михаила Пущина (1831) с просьбой устроить судьбу младшего брата Николая. Он начал свое довольно задушевное послание со слов «Любезнейший и почтительнейший барон Модест Андреевич, странным тебе покажется получить грамотку <...> от давно уже тобой забытого <...> человечка, но дружба твоя к моему брату и ко мне позволяет мне обратиться к тебе с просьбой». После подробного изложения всех обстоятельств и причин обращения к Корфу, корреспондент

⁵⁷ Письмо от 23 августа 1857 г. // *Пущин И.И.* Сочинения и письма. Т. 2. С. 345–346. Пущин сожалел только, «что Ив. Дм. преследовали эти пустяки» (речь шла о декабристе Якушкине).

⁵⁸ Письмо П.Н. Свистуну от 9 ноября 1858 г. // Там же. С. 378.

⁵⁹ *Пущин И.И.* Записки о Пушкине. С. 195.

⁶⁰ «Мы и теперь молодеем, когда, собравшись, заглядываем в эту даль (т.е. лицейские годы. – *И.Р.*), – писал Пущин (Там же. С. 188).

заклучал: «Льщу себя надеждой, что вспомнишь старых приятелей и в память их исполнишь просьбу мою, сделав благодеяние моему брату. Прошу принять поклон ко всем братьям, которым лично Александр Федорович меня представил»⁶¹.

Весь тон письма, обращение на «ты», поклоны родственникам, с которыми Михаил Пущин, судя по письму, был хорошо знаком, апелляция к памяти старых приятелей позволяют говорить о достаточно близких отношениях автора письма и его адресата, а также о существовании в прошлом весьма дружеских отношений между Иваном Пушиным и Корфом. Кстати, последний хорошо знал и Николая Пушина. В 1829 г. тот писал старшему брату Ивану: «На днях уехал отсюда Малиновский; он меня познакомил с двумя молодыми людьми – Иличевским и Корфом, с коими давно хотел увидеться, и нигде не случалось встречаться»⁶².

Другой осужденный государственный преступник – Вильгельм Карлович Кюхельбекер, с точки зрения зрелого Корфа, писал стихи со «странным направлением, странным языком, но не без достоинств»⁶³.

Однако в Лицее юный Модест обожал стихи Кюхли, переписывал их, ходил за его автором по пятам и был одно время, как бы сейчас сказали, фанатом его творчества⁶⁴. Именно Кюхельбекер рекомендовал Корфа в члены «Вольного общества любителей российской словесности»⁶⁵.

⁶¹ Письмо от 24 августа 1831 г. (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Ч. 2. Л. 178–178 об.). М. Пущин писал: «Брат Николай – в Капитуле орденов, служба ниже его и способностей его. Ты теперь правитель в Комитете министров, верно, под рукой имеешь множество хороших мест для хороших чиновников. Увидишь моего брата, узнаешь, чего он желает, то, пожалуйста, не откажи ему в покровительстве своем (неразборчиво); ему надо место, где было бы хорошее жалованье; надворный советник по чину своему может это новое получить. Николай необыкновенно способный человек и золотой для всякой службы по своим неумности трудам». Александр Федорович – брат жены и кузен Корфа.

⁶² Письмо от 12 марта 1829 г. // *Эйдельман Н.Я.* Прекрасен наш союз... С. 357.

⁶³ *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. С. 422.

⁶⁴ Об этом писал Ю.Н. Тынянов, располагавший бумагами из архива Кюхельбекера (позже они пропали в годы блокады). См.: *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. С. 253.

⁶⁵ Кюхельбекер был принят в члены-сотрудники ВОЛРС 10 ноября 1819 г., в действительные члены – 3 января 1820 г. Чуть раньше эту процедуру прошел другой однокашник Корфа – А.А. Дельвиг: 22 сентября 1820 г. он стал членом-сотрудником, 3 октября – действительным членом. Для Корфа эти даты, соответственно, 1 декабря 1819 и 24 мая 1820 г. Они указаны и в списках Общества, опубликованных 1823 г., а в отчете о заседании ВОЛРС за 14 июня 1820 г. записано: «Гг. члены-

Вместе со «скотобратцами» в 1836 г. Корф слушал чтение писем Кюхельбекера Пушкину из заточения⁶⁶, о чем есть запись в лицейском протоколе от 19 октября. Хотя Кюхля всегда был «предметом неистощимых насмешек в Лицее», товарищи его любили и в день очередной лицейской годовщины вспомнили и пожалели несчастного узника. После гибели Пушкина долгое время в лицейском кругу не было сведений о Кюхле. Так, через два с половиной года после отправки его на поселение⁶⁷, в августе 1839 г., Корф писал о нем: «в Сибирь его, впрочем, не отправляли»⁶⁸. Только в 1845 г. Пущин написал Энгельгардту о посещении его «оригиналом Вильгельмом». Позже именно к Корфу обратился сын Кюхельбекера с просьбой добиться разрешения опубликовать статью об отце и отрывок из его записок⁶⁹.

Еще один лицейский товарищ Корфа был сильно «замешан» в деле 14-го декабря. Речь идет о первом ученике, обладателе золотой медали – Владимире Дмитриевиче Вольховском. Только благодаря «влиятельному заступничеству» за него (скорее всего, И.И. Дибича) он не был арестован и привлечен к ответственности, хотя следствие располагало сведениями о причастности его не только к деятельности «Союза благоденствия», но и об участии в 1823 г. в совещаниях «Северного общества»⁷⁰.

Корф считал Вольховского «человеком рассудительным, дельным, с твердой волей над самим собой, с необыкновенным трудолюбием, вместе с тем, добродушным, скромным и кротким». По мнению

сотрудники О.М. Сомов и барон М.А. Корф, особенным трудом и усердием обратившие на себя внимание Общества, на основании параграфов 26 и 37 переименованы в действительные члены» (Соревнователь. 1820. Ч. 10. С. 381). В списке 1823 г. допущена ошибка: неверно указано отчество Корфа – Антонович, но «коллежский ассessor и кавалер», следовательно, речь идет именно о Модесте Андреевиче. Кроме того, он единственный Корф в этом списке.

⁶⁶ Пушкин случайно увиделся с Кюхельбекером в 1827 г., когда того перевозили из Шлиссельбурга в Динабург; их переписка велась через родственников Кюхельбекера.

⁶⁷ Кюхельбекер был приговорен по I разряду – к отсечению головы, по ходатайству великого князя Михаила Павловича приговор был смягчен – до 20 лет каторги и пожизненного поселения в Сибири. Каторгу заменили 15 годами одиночного заключения, затем сокращенными до 10 лет. Кюхельбекер содержался в Шлиссельбурге (1826), Динабурге (1827–1831), в тюрьме Свеаборга. В январе 1836 г. он был доставлен в Баргузин на поселение, где проживал и его брат Михаил.

⁶⁸ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 424.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 235–236. Статья и письмо к Корфу от имени М.В. Кюхельбекера написаны М.И. Семевским.

⁷⁰ См.: Ильин П.В. Новое о декабристах. СПб., 2004. С. 77–81.

Корфа, Вольховский «не был одарен блестящими способностями, но имел светлый ум, возвышенную душу и железную волю над самим собою, которая при неутомимом усердии и прилежании выводила его всегда из ряда обыкновенных людей». Кроме того, «характер его был чист и непорочен, как душа невинной девушки». За эти качества он был «любим и уважаем» всеми лицейскими товарищами⁷¹.

Об его участии в декабристском движении в 1839 г. Корф писал: «был прикосновен только слышанными разговорами»⁷². Подобная неосведомленность не удивительна, можно вспомнить хотя бы, что и Пущин не открылся Пушкину. В ином аспекте Корф осветил тот же сюжет в 1841 г.: Вольховский «состоял потом в каком-то таинственном прикосновении к истории 14-го декабря, что, однако, не помешало дальнейшей его карьере»⁷³.

Об их отношениях в лицейские годы ничего неизвестно⁷⁴. Но после Лицея, по признанию Корфа, они «жили» с Вольховским «всегда по-приятельски, даже в дружественном союзе, пока он был в Петербурге». Вольховский, как отмечал Корф, был ему «близким по чувству человеком»⁷⁵. Скорбя об умерших в 1841 г. родных и девятилетнем сыне, похороненном два года назад, Корф добавлял к этому списку и двух старинных друзей, один из них – Владимир Вольховский.

Сохранились два письма Вольховского к Корфу, содержание и тон которых также свидетельствуют о существовании между ними дружеских связей на протяжении многих лет⁷⁶. О том, что еще в лицейские годы между ними установились отношения дружбы, свидетельствуют приветы, которые они передавали родным и близким друг друга. Вольховский просил «засвидетельствовать

⁷¹ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 421; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 4 (1841 г.). Л. 133 об.—134.

⁷² Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 421.

⁷³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 4. Л. 133 об.—134. Тем не менее позже «посещение государем Закавказья положило конец его успехам. Он был замешан в падении Розена и получил бригаду где-то в Литве. Честолюбие его не могло снести этого удара, а благоразумие не позволило продолжать службу под начальством Паскевича, который давно к нему не благоволил. Он вышел в отставку и поселился в харьковском имении жены своей, сестры другого нашего лицейского товарища Малиновского. Там он теперь и умер, вероятно, подкошенный обманутым при самых лучших и благородных намерениях честолюбием <...> Мир праху твоему, добрый мой сокашник!» См.: Запись от 1 апреля 1841 г. (Там же).

⁷⁴ Сведения о повседневной жизни лицейстов довольно скудны и основаны на очень небольшом количестве источников.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 4. Л. 133 об.—134.

⁷⁶ Насколько нам известно, других писем Вольховского не обнаружено (см., напр.: *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина... Т. 1. С. 145).

глубочайшее почтение матушке» Корфа, близкому другу семьи Корфов – С.Ф. Маврину, с которыми был лично знаком. Он упоминал о своих посещениях родительского дома лицейского товарища⁷⁷. Круг семьи Вольховского был хорошо знаком Корфу. Вольховский передавал другу поклон от А.А. Самборской, тети своей жены, которую та воспитывала (урожденную Малиновскую), как и их общего друга – Ивана Малиновского после смерти родителей («тетушка Анна Андреевна просит напомнить о себе»).

Письма Вольховского свидетельствуют, что корреспонденты делились информацией о самом сокровенном: о семейных делах, в том числе о рождении и здоровье детей («у меня в семье все благополучно. Бог даровал нам дочь, ей уже полгода, много еще заботы <...> ты сам отец и испытал ее»), о служебных успехах («принимая сердечное участие в новом важном шаге, сделанном тобою на пути величия и славы, не могу удержаться, чтобы не принести тебе дружеского приветствия и искреннейшего желания и вперед блистательнейших успехов»⁷⁸). Они нередко давали друг другу весьма деликатные поручения. Так, Вольховский отчитывался: «Поручение твое о г-не Рипмане исполнил я немедленно <...> прилагаю письмо от Дадрианова, объясняющее положение сего молодого человека и удостоверяющее в исправном доставлении присланных тобою ко мне 200 р. асс.»⁷⁹. Корф хлопотал о пенсии для сестры своего лицейского товарища.

У Корфа и Вольховского были общие корреспонденты и адреса: как и Корф, Вольховский состоял в переписке с Малиновским и Стевенем.

Их общение не ограничивалось письмами. Они встречались в редкие наезды отставного генерал-майора в Петербург. Так, в 1839 г. состоялся «лицейский обедик» у Энгельгардта, на котором присутствовали Вольховский («Суворчик»), Корф, Малиновский и Стевен с женами, «один Комовский безродный»⁸⁰.

В биографии Вольховского хорошо прослеживается лицейский «след», или проявление «лицейского духа», т.е. стремления служить

⁷⁷ Вольховский писал: «Любезнейший Модест Андреевич, сколь обрадован я был милыми строками твоими, столько огорчен печальными известиями о постигших тебя семейных несчастьях. Будучи многим обязан вниманию, коим всегда столь удостаивали меня все родные твои» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Ч. 1. Л. 146).

⁷⁸ Письмо от 29 января 1837 г. из Тифлиса // Там же. Л. 145.

⁷⁹ Письмо от 23 февраля 1833 г. из Тифлиса // Там же. Л. 146.

⁸⁰ Письмо Энгельгардта Матюшкину от 24 января 1839 г. // *Гастфрейд Н. Товарищи Пушкина...* Т. 1. С. 127. Вольховский приезжал хлопотать «о назначении его не во фрунтовики, а в какое-нибудь дельное дело – не тут-то было».

общественному благу. В 1825 г. он, недовольный службой, «вышел в отставку, полагая быть *полезнее* в гражданской службе, но место, обещанное ему А.Н. Олениным, было <...> отдано другому», и он вернулся на военную стезю. Когда в 1837 г. он был отстранен от ведения дел в Кавказском отдельном корпусе, то не роптал, поскольку «у него на уме были не звезды, не аксельбанты, не деньги», он всегда «думал о существенной пользе, которую мог принести повсюду, где находился». Живя в отставке в Изюмском уезде, Вольховский «жалел только, что он по своему чину не мог быть избран в уездные судьи, чтобы на невидном месте сделать множество добра неприметным образом»⁸¹. Подобный подход к делу, как отмечалось выше, отличал всех первокурсных Лицея и не в последнюю очередь – Корфа.

В известных словах Корфа из письма к Вольховскому: «День 19 октября, все еще празднуемый, но почти уже по одному преданию, без прежних заветных песен, без многих милых нашему сердцу, и – будем откровенны, – без прежнего радушия: судьба и обстоятельства слишком раскидали и разрознили нас, – чтобы струны далекой молодости звучали и отдавались так же согласно, как бывало прежде»⁸², – звучат скорее горечь и сожаление об ушедшей молодости, нежели высокомерие и пренебрежение к своим бывшим одноклассникам, в чем зачастую несправедливо упрекают Корфа исследователи творчества Пушкина⁸³. Кроме того, письмо показывает, насколько предельно откровенен был Корф с Вольховским, и это – дополнительное подтверждение существования между ними задушевных отношений.

В «Алфавит декабристов» попал еще один лицеист 1817 г. выпуска – Александр Алексеевич Корнилов. Капитан, командир 2-й гренадерской роты лейб-гвардии Московского полка 12 декабря 1825 г., он на совещании членов «Северного общества» на квартире у Д.А. Щепина-Ростовского обещал не присягать Николаю Павловичу. 14 декабря после обнародования Манифеста Корнилов изменил свое решение. Тем не менее его арестовали и привлекли

⁸¹ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 360–362.

⁸² Письмо от 17 февраля 1837 г. // *Гастфрейд Н.* Товарищи Пушкина... Т. 3. С. 371.

⁸³ Ср.: строки из стихотворения Пушкина «19 октября 1836 г.»: «Теперь не то: разгульный праздник наш / С приходом лет, как мы, перебесился, / Он присмирел, утих, остепенился, / Стал глуше звон его заздравных чаш; / Меж нами речь не так игриво летится, / Просторнее, грустнее мы сидим, / И реже смех средь песен раздаётся, / И чаще мы вздыхаем и молчим» и из письма Яковлева о той же годовщине: «Приметно стареем мы. / Никто лишнего уже не пьет, никто с обытком сердца не веселится» (*Друзья Пушкина... Т. 1. С. 303*).

к допросам⁸⁴. Именно Корнилов рассказал Комовскому, почему Дельвиг не вышел 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь («Рано встать, поленился»).

Корф отзывался о Корнилове весьма положительно («светлая голова и хорошие дарования») и констатировал, что после Лицея тот «сам окончил свое образование и сделался человеком путным и полезным»⁸⁵. Они часто встречались на лицейских вечеринках, Корнилов — среди тех, с кем можно «сердце отогреть». Так, 29 ноября 1833 г.⁸⁶ Энгельгардт писал Матюшкину о намечавшейся у него внеочередной «чугунной сходке», среди участников — Корф и Корнилов. В 1851 г. лицейская годовщина прошла у Корнилова, к тому времени уже сенатора (с 1848 г.). Корф записал в дневнике: «Вечером мы, устаревшие однокашники, собираемся потолковать о старине у одного из наших, Корнилова»⁸⁷. Там же Корф упомянул Корнилова в связи с его губернаторством, одобряя действия друга⁸⁸.

Очень тепло Корф относился к Антону Антоновичу Дельвику⁸⁹. Он для него — «наш незабвенный Антоша Дельвиг», «милый, добрый и всеми любимый лентяй <...> с любящей душой и добрым, истинно благородным характером»⁹⁰. Корф встречался с Дельвигом не только на лицейских праздниках, но и на заседаниях «Вольного общества любителей российской словесности». Однако слишком разным оказалось отношение этих людей к жизни, поэтому близкими друзьями они не были и не могли быть. Если для Корфа особое значение имела служба со всеми ее атрибутами в виде четкого распорядка дня, иерархии и получения очередных чинов

⁸⁴ *Ильин П.В.* Новое о декабристах. С. 105–107. Существует неподтвержденная версия, что «в доме Корнилова у армянской церкви» с Ф.Ф. Матюшкиным познакомился М.И. Муравьев-Апостол.

⁸⁵ *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. С. 423. В Лицее Корнилов «ленился и притом вышел оттуда чрезвычайно молод», добавлял Корф.

⁸⁶ *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина... Т. 1. С. 515.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 14 (1851 г.). Л. 34. Присутствовали еще Яковлев, Комовский, Маслов, Матюшкин, Данзас.

⁸⁸ Корнилов был киевским (1834–1835), вятским (1837–1838) и тамбовским (1838–1843) губернатором. В Вятке в годы его губернаторства жил сосланный А.И. Герцен, весьма благосклонно отзывавшийся о Корнилове (см.: *Вересаев В.В.* Спутники Пушкина. Т. 1. С. 116–117).

⁸⁹ Дельвиг был членом преддекабристской организации «Священная артель» и «Зеленой лампы».

⁹⁰ *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. С. 419. Корф полагал, что Дельвиг имел «несчастье жениться на кокетке, женщине холодной и без сердца», и что «этот брак содействовал его преждевременной кончине».

и наград и т.п., то Дельвиг являлся поэтом, человеком творческой профессии. Корфу казалось, что он «никогда ничему не учился, никогда истинно не служил, никогда ничего не делал»⁹¹, что не мешало ему, тем не менее, искренне любить Дельвига.

Федор Федорович Матюшкин, скорее всего, был причастен к тайному обществу, «но его формальное членство в декабристском союзе остается в полной мере недоказанным, а только возможным»⁹². Об отношениях его с Корфом можно только строить гипотезы. Очевидно, что они имели общий круг общения: Малиновский, Вольховский, Пущин, Яковлев, Стевен. Мы располагаем только собственноручной припиской Матюшкина на письме Малиновского Корфу: «Ф.Ф. Матюшкин приложил здесь руку».

Письмо Малиновский дал прочесть Матюшкину. Тот, видимо, согласился, что «25-летний юбилей» Корфа «государственным членом» — «отрада на сердце», исполнение молитвы Малиновского и его детей: «Пошли, господи, достойных исполнителей царю»⁹³.

Факт посещения Матюшкиным Малиновского в его харьковском имении свидетельствует о близких отношениях между ними. Иван Васильевич Малиновский вообще представлял собой некое связующее многих лицеистов звено, эта «роль» берет свое начало в далеких лицейских годах, когда он в доме своего отца, первого директора Лицея, в качестве хозяина принимал одноклассников. Кстати, родители Корфа хорошо знали и любили Василия Федоровича Малиновского, часто гостили в его доме⁹⁴.

Но вернемся к Матюшкину. Можно повторить то же, что было сказано о Корнилове — с Корфом они встречались на лицейских вечеринках и принадлежали к более узкому кругу, составлявшему как бы ядро лицейского сообщества. Как высоко Корф ценил своего школьного товарища, свидетельствуют его дневниковые записи. В 1838 г. он назвал двух однокашников, которые еще могли «всплыть» и достичь высших должностей — Матюшкина и Маслова. В списке же достижений лицеистов 1839 г. сетовал, что первый из них не пошел в гражданскую службу («не выбрал сначала другой

⁹¹ Корф добавлял: «О службе Дельвига говорить нечего. Он числился, кажется, при Публичной библиотеке» (Там же).

⁹² Ильин П. В. Новое о декабристах. С. 505.

⁹³ Письмо 1868 г. (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Ч. 2. Л. 19). Корф был членом Государственного совета с апреля 1843 г.

⁹⁴ И. Малиновский писал Корфу в 1867 г. о своем отце: «Вспомни, как твои родители любили его. Я вижу все семейство в директорском доме» (Там же. Л. 20–20 об.).

карьеры), «где был бы полезнее себе и другим», т.е. признавал за ним большой творческий потенциал⁹⁵.

Иногда в литературе о декабристах упоминается еще один лицеист – Александр Павлович Бакунин – член «Общества Семисторонней, или Семиугольной, звезды». Судя по характеристике, которую в своем списке 1839 г. Корф дал Бакунину, он относился к нему хорошо и ценил его как «человека с порядочными формами, с благородным честолюбием и с охотой к делу». Последнее качество очень ценилось Корфом. Бывший лицейский однокашник оправдал его ожидания: перейдя в статскую службу «по раскассировании» Семеновского полка, «занимал разные должности в московских губернских местах»⁹⁶ (таким образом, офицер-семеновец так же, как Пущин, сознательно выбрал не «блестящее», а «полезное» служение!), после 1825 г. вышел в отставку и уехал в деревню, но позже вернулся на службу и был, по отзывам современников, неплохим новгородским вице-губернатором и тверским губернатором (1842–1857)⁹⁷.

О близости к декабристским кругам еще одного лицейского – Дмитрия Николаевича Маслова⁹⁸ свидетельствует приглашение его к сотрудничеству в «Журнале политических наук», инициатором издания которого был Н.И. Тургенев. На заседании «Общества 19 года и XIX века», органом которого и должен был стать журнал, Маслов читал доклад по статистике⁹⁹. Помимо него к обществу «присоединилось несколько молодых людей, бывших воспитанников Лицея» (Пущин, Кюхельбекер, Пушкин)¹⁰⁰, среди которых – два будущих активных участника восстания на Сенатской.

Тихий, благонравный Маслов¹⁰¹ в 1832 г. оставил выгодную службу и добивался разрешения участвовать в дворянских выборах.

⁹⁵ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 422.

⁹⁶ Там же. С. 418. Бакунин одно время состоял адъютантом при генерале Н.Н. Раевском.

⁹⁷ Близкими друзьями Корфа были другие Бакунины – Николай и Илья Модестовичи, дальние родственники лицейского однокашника. Кстати, комната А.П. Бакунина в Лицее находилась напротив комнаты Корфа.

⁹⁸ В Лицее его «называли по перу и дару слова» Карамзиным (*Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 423*).

⁹⁹ Пущин И.И. Записки о Пушкине. С. 204–205.

¹⁰⁰ Из письма Н. Тургенева к брату Сергею (*Шебунин А.Н. Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи // Декабрист Н.И. Тургенев. Письма. 1811–1821. М.; Л., 1936. С. 274*).

¹⁰¹ В Лицее преподаватели особо отмечали его «покорность, степенность и рассудительность», а однокурсники иронично называли эти черты его характера «политичным обращением» (*Версаев В.В. Спутники Пушкина. Т. 1. С. 114–115*).

Он стал товарищем председателя коммерческого суда в Москве и на этой должности, по словам Корфа, «сумел приобрести общую любовь и уважение купечества»¹⁰². Хочется думать, что это было связано с идейными установками «Союза благоденствия»¹⁰³. Корф так же, как и в случае с Пушиным, уважительно и с пониманием отнесся к поступку товарища. Однако после женитьбы материальное положение Маслова ухудшилось, тогда-то Корф решил помочь ему, а заодно обеспечить себе «тыл», поскольку на лицейского товарища вполне можно было положиться¹⁰⁴. Корф пригласил его в Петербург на должность статс-секретаря в Департамент законов и никогда об этом не пожалел. Свое решение он объяснил следующим образом: «один мой выбор его в эту должность доказывает уже высокое мое об нем мнение» как о «человеке, замечательном по уму, характеру, дару слова, перу и необыкновенной ретивости»¹⁰⁵. Таким образом, с 1839 г. Маслов попал под главенство «начальника-товарища»¹⁰⁶ и покровительствуемый им сделал блестящую карьеру.

Корф не мог нахвалиться своим однокашником. Через полтора года он отмечал, что «если бы не было тут моего Маслова с блестящими его дарованиями и железною ревностью, Бог знает, что случилось бы теперь с департаментом законов». В другом месте Корф писал: «Этот человек по дарованиям своим, характеру и усердию так необыкновенен в нашем прозаическом и *равнинном* веке, что его необходимо вести быстрее к высшим степеням». «При бедности нашей это настоящий клад для государства», и добавлял, что «как русский, искренно желал бы перемещения его в такую долж-

¹⁰² Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 423. При этом Корф считал должность Маслова «ничтожной».

¹⁰³ Е.П. Оболенский писал, что переход некоторых декабристов на гражданскую службу был связан с надеждой «своим примером побудить других принять на себя обязанности, от которых дворянство устранилось, предпочитая блестящие эполеты той пользе, которую оно могло бы принести, внося в низшие судебные инстанции тот благородный образ мнений и те чистые побуждения, которые украшают человека в частной жизни и на общественном поприще» (Общественное движение в России в первую половину XIX в. СПб., 1905. С. 235).

¹⁰⁴ Характерно, что 8 октября 1838 г. из всех одноклассников Корф назвал только двух, Маслова и Матюшкина, «которые сулили бы что-нибудь в будущем, разумя *высше* должности». Однако эти двое «так далеко отстали, что не легко им всплыть наверх» (Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 150). Менее чем через год Корф поможет Маслову «всплыть» и станет «средством» для того, чтобы «проложить ему дорогу» к высшим должностям.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 3. Л. 149 об.

¹⁰⁶ Из письма Яковлева Вольховскому 1841 г. // *Вересаев В.В.* Спутники Пушкина. Т. 1. С. 115).

ность, где дарования его сделались бы еще виднее и еще полезнее для государства»¹⁰⁷. Высокие интеллектуальные способности одноклассника, «ум, обогащенный опытом и наукой», по мнению Корфа, дополнялись «редкими качествами сердца». Корф радовался за товарища: «Он не только вышел самым отличным для меня помощником, но и стал на высокой степени между нашими деловыми людьми»¹⁰⁸. С 1839 г. Корф в дневнике постоянно называл своего сокурсника и коллегу «мой Маслов»¹⁰⁹, в последующие годы они все время были вместе на лицейских праздниках. В 1840 г. после официальной церемонии в Царском Селе Корф «взял с собой Маслова и Яковлева, единственных представителей тут первого курса, и во дворце» в отведенной ему квартире они «за бокалом шампанского вспомнили старину, приятную в воспоминании, как для человека всегда почти бывает все прошлое»¹¹⁰.

Таким образом, Корф в лицейском кругу был своим, он органически вписывался в него, составляя одно из его звеньев. Однако в свете искаженного представления о лицейском братстве Корфа, как и большинство «первокурсных» Лицея, исследователи исключали из числа его представителей и тем более носителей «лицейского духа». Кроме того, книга Корфа о событиях 14 декабря 1825 г. (вызвавшая резкую отповедь А.И. Герцена); участие в негласных цензурных комитетах; его нелицеприятная для поэта «Записка о Пушкине»; весьма критические заметки о Лицее – все это создало ему в историографии репутацию человека с довольно консервативными, если не сказать, реакционными взглядами¹¹¹. В связи с таким подходом он никак не вписывался в круг Пушкина и лицейстов-декабристов, как и вообще в лицейское сообщество.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 4. Л. 33, 175–175 об. Надо отметить, что Маслов окончил курс с первой лицейской медалью, т.е. по успехам обогнал Корфа.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 4. Л. 175 об.

¹⁰⁹ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 415.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 3. Л. 116. Общий для первых четырех курсов обед состоялся на следующий день, 20 октября, у Жадовского.

¹¹¹ Либеральные начинания Корфа, например, его замечания (во многом реализованные) по проекту земской реформы 1863 г. или его поистине грандиозные преобразования в Императорской Публичной библиотеке долгое время оставались на периферии исследовательского внимания так же, как и написанная им биография М.М. Сперанского, ставшая первым произведением отечественной историографии о человеке реформаторского склада (Жизнь графа Сперанского. Т. 1–2. СПб., 1861). О Корфе см.: Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия. 1800–1860-е гг. М., 2009. С. 157–242.

Между тем отношения Корфа с лицейскими товарищами на протяжении всей жизни оставались неизменными, как неизменным оставалось и его стремление к «общей пользе». Малиновский всегда обращался к Корфу: «мой верный Модест», а в ответ на одно из его писем Малиновский написал, что получил «сердечное, Лицеем дышащее послание»¹¹². В 1835 г. Яковлев сообщал Вольховскому: «Корф идет в гору, любим всеми, и постоянно держится лицейского круга, не изменяя 19 октября»¹¹³.

Энгельгардт, восхищаясь Корфом, который заслуженно «сделан камергером и коллежским советником», потом тайным советником и «второго Владимира кавалером» и при этом «любим и уважаем начальниками и подчиненными»¹¹⁴, отмечал, что хотя он и «живет, как у Христа за пазухой, а все доброй малый», «парень душою хоть куда». «Носа не поднял, работает дюже и помогает добрым людям, сколько можно», так что директор по-прежнему «находит в нем еще старого лицейского»¹¹⁵.

Модест Корф оставался верен лицейскому девизу и лицейскому братству, при этом идейные разногласия с одноклассниками и разница в статусе никогда не становились препятствием для сложившихся в юности и продолжавшихся всю жизнь дружеских и приятельских отношений с ними.

На этом примере «мы лишний раз убеждаемся в том, сколь сложными, причудливыми, можно сказать, диффузными были личные и идейные взаимоотношения людей той эпохи, не поддающиеся адекватному пониманию, если смотреть на них сквозь призму распространенных в нашей недавней историографии прямолинейно-ортодоксальных представлений»¹¹⁶.

¹¹² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Ч. 2. Л. 18, 20. В Лицее Малиновский жил в соседней с Корфом комнате; межкомнатная перегородка не достигала потолка, и соседи могли общаться постоянно, даже после того, как их «кели» запирали на ночь.

¹¹³ *Гастфрейд Н.* Товарищи Пушкина... Т. 1. С. 153. В письмах к самому Яковлеву Корф подписывался «Твой Модест» (Там же. С. 392).

¹¹⁴ Там же. С. 467, 470, 472. «Корф занят не только по уши, но выше ушей <...> а работает хорошо», «сделан камергером и коллежским советником <...> это очень хорошо, но что еще лучше того, он это заслужил».

¹¹⁵ Из писем Ф. Матюшкину 1832 г. и 1838 г. // Там же. С. 471, 472.

¹¹⁶ *Рудницкая Е.Л.* Лики русской интеллигенции. М., 2007. С. 11.

В.В. Зверев

В.П. Воронцов: перспективы и прогнозы развития России

Личность В.П. Воронцова (1847–1918), масштаб его работ о капитализме пореформенного времени, исследования русской общины, активная общественная позиция в вопросах разносторонней и продуманной помощи крестьянам в условиях возникновения и развития рыночной экономики неоднократно становились объектом изучения отечественных ученых¹.

Однако наряду с этим несомненный интерес, на наш взгляд, также представляют предпринятые им попытки определения будущего страны и прогнозы социально-экономического развития России. Эти проблемы занимали одно из главных мест в творчестве Воронцова как в 1870–1890-е гг., так и в начале XX в. Именно в данных хронологических рамках и предполагается осуществить их рассмотрение, провести сопоставление, выделив общие (неизменные) подходы и отметив произошедшие изменения.

Русский капитализм 1870–1890-х гг.

Пожалуй, основной идеей в мировоззрении Воронцова являлось его категоричное неприятие капиталистической эволюции в качестве магистрального направления прогресса человечества. Напротив, он отрицал философию товарно-денежных отношений, нацеленную на извлечение прибыли, и называл капитализм

¹ См.: *Рачков М.П.* Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993; *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995; *Зверев В.В.*: 1) Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997; 2) Экономист Василий Павлович (1847–1918): новые факты к биографии ученого // Проблемы отечественной истории нового и новейшего времени: сб. научных статей в честь проф. Валерия Васильевича Журавлева. М., 2018; *Жвания Д.Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998; *Мокшин Г.Н.* Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории. 2003. № 9; *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономика в России: от дискуссий о «самобытности» к глобальным моделям. СПб., 2009.

незаконным дитя истории. Однако, отрицая возможность господства капиталистического способа производства в России, Воронцов не брал на себя ответственности предрекать его будущее «как формы и степени эксплуатации народных масс»².

По его мнению, Россия принадлежала к числу стран, в последнюю очередь вступивших на путь капиталистической эволюции. В связи с этим она оказалась в роли европейской «Золушки», обязанной донашивать за своими старшими и более счастливыми сестрами платье уже вышедших из моды фасонов. Вместе с тем опыт ушедших вперед государств предоставлял возможность взвесить и сопоставить результаты, достигнутые ими, с перспективами, ждущими российскую экономику.

Воронцов предполагал, что для стран второго эшелона капитализма возможны три варианта дальнейшего развития:

«1) или страны, позднее вступившие на путь промышленного развития, должны вечно оставаться на низкой, например, ремесленной ступени его,

2) или процесс обобществления труда может совершиться у них иначе, не капиталистическим путем,

3) или, наконец, оно совершится лишь после того, как в странах, ушедших вперед, капиталистическое производство закончит весь цикл своего развития и превратится в народное»³.

Рассмотрим, как понимались самим народническим экономистом эти варианты. Начнем, однако, не с первого из них, а с третьего. Воронцов предполагал, что в результате своей эволюции капитализм придет к самоотрицанию, «производство перестанет стремиться к возможному расширению; целью его будет не наводнение иноземных рынков товаров ради возрастания прибавочной стоимости, а удовлетворение потребностей самих производителей, которые в то же время и хозяева, и рабочие; всякое техническое улучшение в орудиях производства будет служить не к расширению последнего, а к сокращению труда работающих, увеличению их досуга»⁴.

Как видим, Воронцов в будущем отдавал предпочтение такому способу ведения хозяйства, при котором главным станет не извлечение прибыли, а обеспечение нормального существования

² Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 5, 30.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же.

производителей. Он не прогнозировал, как именно это может произойти в будущем, однако был уверен, что капитализм рано или поздно будет вынужден уступить место более совершенному устройству. Такая перспектива, по его мнению, обуславливалась непременным завершением капиталистического цикла в передовых странах мира. Воронцов значительно отодвигал ее во времени, не видя возможности быстрой реализации. Его идея была скорее направлена на обоснование принципов нетоварной структуры производства, при которой главной целью станет пропорциональное и справедливое «распределение материальных благ цивилизации»⁵. Но не более того. Сам Воронцов не ставил задачи обоснования близкого пришествия социалистического царства на земле. Он стремился рассмотреть все возможные варианты и определить наиболее вероятный из них.

Перспектива следования по пути, избранному после реформы 1861 г., Воронцова абсолютно не устраивала. Аграрные по типу своего развития страны оказывались перед серьезной проблемой рынка (рабочей силы, внутренней и внешней реализации товаров национальной промышленности и т.п.). И чем позднее государство избирало вариант промышленного прогресса, «тем больше препятствий для своего развития встречает здесь капитализм»⁶. В России это выразилось в том, что капитал в основном проявлял свою активность в сфере обращения, а не производства. Активное привлечение иностранных инвестиций и технологических новаций, хотя и давало толчок для быстрого развития промышленности, увеличения производительности труда, вместе с тем приводило к затовариванию продукции, кризисам перепроизводства, борьбе за внешние рынки сбыта с более передовыми державами. Попав в новые условия, Россия вынужденно играла по правилам, которые не ею были установлены, мало знакомы и противоречили характеру производственной деятельности основной массы населения.

Объективно перед более отсталыми странами в их столкновении с цивилизацией Запада, как считал Воронцов, вставала дилемма: или «превратиться в его колонии (в экономическом смысле), задача которых поставлять сырье, а взамен получать продукты обрабатывающей промышленности», или принимать вызов и «стараться насадить у себя крупную промышленность, имеющуюся

⁵ Воронцов В. П. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911. С. 1.

⁶ Воронцов В. П. Судьбы капитализма... С. 72.

у нее перед глазами». Но попытки ее внедрения означают ложность выбора. Даже если государство будет использовать давно известные приемы (запретительные тарифы, предоставление льготных кредитов, использование государственных заказов), то в лучшем случае это приведет к водворению «у себя крупной промышленности, но значение здесь последней будет совершенно иное»⁷. Развитие капитализма слишком замедлится. Развита техника Западной Европы отразится на нем очень слабо.

Приведя эти аргументы, Воронцов сформулировал однозначный вывод: «идя капиталистическим путем, мы не создадим у себя высокоразвитой механической промышленности», «никогда не добьемся, чтобы наше капиталистическое производство возвысилось до того уровня, на каком оно стоит в Европе»⁸.

России, как и другим странам второго эшелона капитализма, в итоге отводилась роль государств, постоянно догонявших и не имевших возможности догнать ушедшие вперед передовые державы мира. Уровень их технологической вооруженности будет постоянно отставать и практически оставаться на той же самой ремесленной ступени.

Как писал Воронцов, капитализм обанкротился в результате своего укрепления в стране: «Исцеление может быть произведено лишь радикальным изменением самых оснований нашей внутренней экономической политики, которая должна отречься от солидарности с капиталистическим производством, не оправдавшим надежд, возлагаемых на него обществом, оказавшимся неспособным утвердиться в России настолько, чтобы сделаться руководителем нашей промышленности в ее прогрессивном развитии»⁹.

Так, единственной возможностью эволюции России оставался некапиталистический путь развития. Русский экономист вложил в это понятие строго определенный смысл. В первую очередь, это касалось темпов повышения производительности труда в экономике страны, форм и методов реформирования промышленности и аграрного сектора. Обратимся последовательно к каждому из этих пунктов и попытаемся выяснить, что понималось Воронцовым под отказом от капиталистического способа производства, и какие конкретные меры предлагались им для преобразования народного хозяйства страны.

⁷ Воронцов В. П. Судьбы капитализма... С. 72–73.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Там же. С. 270.

Быстрые темпы ее капитализации не устраивали Воронцова по трем причинам. Во-первых, следование западноевропейским трафаретам тяжело отражалось «на рабочем населении», которое не могло найти занятия своим силам на рынке труда и пополняло армию безработных». Во-вторых, считал Воронцов, «процесс организации труда капиталом основан на извращении истинного смысла развития общественной формы труда: вместо облегчения рабочего, – уменьшения времени работы при лучшем, однако, удовлетворении его разнообразных потребностей – процесс этот ведет к обременению трудящегося, к удлинению рабочего дня, возвышению его интенсивности с одновременным понижением расходов на содержание рабочего». При этом вся прибыль, получаемая от повышения производительности труда «тратится целиком на возрастание производства» и не используется на социальные нужды. И, в-третьих, сами темпы повышения производительности труда негативным образом сказываются на занятости рабочего сословия. Без всякого сомнения, писал Воронцов, повышение производительности труда действительно должно составлять одно из главных направлений в политике общества. Но ее изменение не могло произойти сразу, «по-сказочному», «этот процесс требует для своего завершения многих десятилетий, даже веков»¹⁰ для того, чтобы из величайшего блага не превратиться в величайшее бедствие.

Таким образом, в понимании народнического экономиста именно эти составляющие товарного производства должны быть модифицированы в первую очередь. Не отрицая принципиальных достижений западной цивилизации, Воронцов стремился придать им иное направление, поставить на службу всему обществу, а не отдельной группы лиц, «не играющих никакой исторической прогрессивной роли, а скорее стоящих тормозом на пути промышленной жизни»¹¹.

Естественно, что неприятие сути капиталистической эволюции диктовало и разработку иных форм организации производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Считая Россию страной преимущественно аграрной, Воронцов видел одну из главных задач в реформировании этого сектора экономики. Анализ состояния народного хозяйства убеждал его в том, что мир русского крестьянина постоянно разрушался.

¹⁰ Воронцов В. П. Судьбы капитализма... С. 14, 71, 277.

¹¹ Там же. С. 65.

Как показывали исследования быта деревни, «общинный дух развит больше в деревнях среднесостоятельных, члены которых не различаются резко по своей зажиточности; здесь легче принимаются сообща работы по улучшению земли, скорее помогают друг другу в несчастии». По мнению Воронцова, это далеко не случайно. Отсутствие социальной дифференциации сближает людей, заставляет их заботиться друг о друге, воспитывает социальный альтруизм: «Здесь (в общине. — В.З.) сильнейший эгоистический интерес каждого совпадает с общественным, прямой расчет побуждает всякого следить за равномернейшим распределением, с одной стороны, земли по его достоинству на ярусы и проч., с другой — домохозяев на группы по их потребности в земле или имущественной состоятельности. Обман или ошибка здесь почти невысказаны, отсутствует поэтому всякий мотив быть неискренним — почва для беспощадной борьбы личных интересов. Выросшие на таком основании земельные обычаи, в свою очередь, благотворно влияют на нравственное состояние всякого члена общины»¹².

Однако, попадая под давящую и крушащую пята товарно-денежных отношений, русский крестьянин разоряется, выпадает из числа средних хозяев, становится «падшим». «А раз земледелец упал — он человек пропащий. Он уже выходит из сферы нравственного и материального влияния товарищей, общины. Отныне он вступает на новый путь, где не нужны ни солидарность, ни справедливость, где скорее возьмешь хитростью, подлостью, пролазничеством. На всякого вновь упавшего его предшественник смотрит как на врага, видит в нем конкурента на рынке труда»¹³.

Как видим, Воронцов отмечал ослабление общинных связей, разрушение традиционной структуры отношений. Признание данного факта сочеталось у него с надеждой на достаточно длительное сохранение общины в будущем. «Земледелец должен трудиться не на других, а на самого себя, — писал по этому поводу Воронцов, — размеры его владений должны быть таковы, чтобы по возможности занять все рабочие силы семьи». Для этого следовало освободить «мелкую земельную культуру от внешних пут», оказывать ей поддержку и помощь «до тех пор, пока она сама собой, путем

¹² Воронцов В. П. Судьбы капитализма... С. 102.

¹³ Там же. С. 104.

естественного развития, не примет форму крупного производства на кооперативных началах»¹⁴.

Воронцов уже не надеялся на «хозяйственную единицу», основанную на семейном начале. Она не обеспечивала высокой производительности труда, продемонстрировав свою несостоятельность в новых условиях. Система семейного производства была подобна зданию, построенному на песке и легко разрушаемому. Поэтому развитие кооперации он считал первостепенным делом. Определенную помощь в этом могло оказать стремление к единению «отдельных лиц (а не целой общины) <...> во имя совершенно реальных потребностей современного существования». Воронцов не верил в альтруистическую взаимопомощь (так называемые помочи), которую, по его мысли, можно было считать «вымирающим остатком прежней широкой общинной жизни, ныне держащейся лишь благодаря традиции». Ее время уже прошло. Теперь следовало развивать «соединение инвентаря и скота для общей работы»: совместную вывозку навоза, обработку почвы и уборку урожая, использование машин, купленных в складчину, и тому подобные «формы единения»¹⁵.

По мнению Воронцова, крестьяне быстро поймут после «первого увлечения свободой к разъединению», что «существование по образу Савраса без узды невозможно». Первые ростки кооперирования начинали проявляться все очевиднее, и именно они могли спасти крестьянина от проклятого вопроса их существования: «щучкой быть или карасем», становиться богачем и грабить своего соседа или превращаться в нищего¹⁶.

Итак, не община, а кооперативная форма производства должна была стать основой благосостояния русской деревни. Объединение крестьян для совместной работы, осознание ими общности интересов могли ослабить капиталистическое влияние. Воронцов прекрасно понимал, что одного этого еще недостаточно для воплощения идеи в жизнь. Крестьянство страдало от малоземелья, и без решения этой проблемы трудно было говорить о каких-либо улучшениях. Поэтому в качестве неотложной меры он предлагал проведение аграрной реформы, суть которой должна состоять в приобретении земли казною и передаче ее крестьянам «в постоянное пользование, но не в полную собственность земледельца»¹⁷.

¹⁴ Воронцов В. П. Очерки крестьянского хозяйства. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 76.

¹⁶ Там же. С. 80–81.

¹⁷ Воронцов В. П. Судьбы капитализма... С. 220.

Получив в свое пользование необходимое для нормального существования количество земли, сельские жители тем самым обретали возможность развивать кустарное производство. Именно благодаря сочетанию земледелия с кустарными промыслами в России, по мнению Воронцова, продолжала существовать «благоприятная почва для организации труда на народных, артельных началах». Такая форма совмещения могла составить, как считал народнический экономист, серьезную конкуренцию капитализму. Он исходил из того, что наряду со стремлением к обогащению в артели существует и другой побудительный мотив к «развитию производительности труда» – желание «сократить и облегчить свою работу». Поэтому артель «при неизменном сбыте продукта <...> может <...> заботиться о введении различных усовершенствований»¹⁸.

Таким образом, Воронцов рассматривал артель как наиболее приемлемую форму некапиталистической экономики, сочетавшую коллективное ведение хозяйства и повышение производительности труда не в ущерб трудящимся. Как он писал, артель совмещает выгоды крупного производства «(разделение труда, замена человека силами природы) с преимуществами мелкого (самостоятельность производителя)»¹⁹.

При условии реализации на практике артельной модели могла быть создана система производства, кардинально отличающаяся по своему характеру от капиталистического стремления «достигнуть наибольшего производства с наименьшими издержками». Эта тенденция ей была бы совершенно чужда. Воронцов возлагал на коллективную форму труда «доставление наибольшего досуга работающему, предупреждение отупляющего действия однообразных манипуляций, вредного влияния на организм скученности людей и производства, устранение от последнего детей, может быть, и женщин»²⁰.

Народнический экономист искренне и страстно надеялся, что предлагаемый им проект преобразований позволит избавиться от негативного влияния капитализма на хозяйственный организм страны и укажет миру новый путь эволюции. Как писал Воронцов, Россия «послужит ему образцом при его реорганизационной

¹⁸ Воронцов В. П. Судьбы капитализма... С. 115, 120.

¹⁹ Там же. С. 120.

²⁰ Там же. С. 121.

работе, <...> ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, если уж ей не суждено бороться за свободу»²¹.

По своей сути нарисованная картина отношений полностью соответствовала общим принципам народнического мировоззрения. Неприятие Воронцовым капиталистического производства, рыночных принципов ведения хозяйства находило логическое завершение в требовании создания условий для гармоничного развития человека, превращения его из придатка машины в личность, определяющую эволюцию общества.

Но во взглядах Воронцова имелись и существенные расхождения с общими для народнической доктрины постулатами. Так, он был весьма умерен в аграрном вопросе и предлагал сохранить право земельной собственности за государством. Крестьяне становились лишь пользователями земельных угодий на условиях кооперативного ведения хозяйства. Предлагаемый Воронцовым план реформирования фактически предполагал длительное существование народного и капиталистического укладов в экономике страны, их конкуренцию и противостояние друг другу.

В промышленной сфере это столкновение заключалось, по его мнению, в соревновании между крупной фабричной формой производства, перенесенной в страну и не имевшей в ней никаких корней, и кустарными промыслами. Их умение приспособливаться к изменяющимся условиям Воронцов всячески подчеркивал при анализе состояния российской экономики. Наряду с этим экономист считал, что именно они и определяют будущее страны. По этому поводу Воронцов писал в работе «Судьбы капитализма в России»: « <...> центр тяжести нашего промышленного строя должен заключаться в мелком народном производстве. Крупное долго еще будет играть в нашей жизни крайне подчиненную роль, какую, впрочем, в действительности оно играло всегда»²².

Народнический экономист не отрицал факта капитализации кустарных промыслов, но одновременно с этим констатировал и обратный процесс, когда «не крупные мастерские поглощают мелкие, а мелкие вырастают из крупных». При должном внимании общества и правительства, рациональном использовании новейших достижений науки можно было добиться, по мнению Воронцова, улучшения «экономической организации и технического

²¹ Воронцов В. П. Судьбы капитализма... С. 121.

²² Там же. С. 185.

совершенства <...> промысла», «преобразования народного не-совершенного, мелкого производства в народное – совершенное и крупное»²³.

Подобное превращение могло произойти двояким образом. Народные предприятия, где «работники суть в то же время и хозяева предприятия», достигают наивысшей производительности труда, сокращают рабочий день, добиваются облегчения труда рабочих, демонстрируют преимущества кооперации, доказывают низкую продуктивность капиталистических заводов и фабрик. В этом случае господствующей формой производства становится артель. Второй вариант предполагал, что осознание необходимости улучшений заставит правительство действовать «с точки зрения общественной пользы»²⁴.

Как писал Воронцов, «правительство побьется еще некоторое время, пробуя различные мероприятия в пользу капитализма <...> убедится, наконец, в тщете надежды пересадить к нам западноевропейские порядки и должно будет или предоставить крупные предприятия их естественной судьбе, что значит обречь их на гибель, либо прямо возьмет их в свое заведывание». В первую очередь от этого выиграло бы само промышленное производство. Оно, может быть, и «не подешевеет значительно», однако этим актом правительство сможет добиться нескольких выгод. Во-первых, «производство специализируется и станет, хотя медленнее европейского, следить за успехами техники». Во-вторых, государственные казенные предприятия не ориентируются на получение прибыли и смогут обеспечить рабочим «сносное существование», а стране – подготовить контингент «искусных рабочих», которым в будущем можно будет передать «все ведение дела». В-третьих, если наряду с промышленными предприятиями в руки правительства перейдут и железные дороги, то «иссякнет один из главнейших источников накопления капитала» для частных лиц. После этого станет возможным его использование на дело «прогрессивного развития промышленности – на организацию высшей формы производства»²⁵.

Переход к государственному регулированию промышленного производства представлялся Воронцову наиболее целесообразным и с точки зрения умеренных темпов развития страны, соотношения

²³ Воронцов В.П.: 1) Там же. С. 78–79; 2) Наши направления // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. М., 1994. С. 78.

²⁴ Воронцов В.П. Судьбы капитализма... С. 65.

²⁵ Там же. С. 67.

их с общими интересами всего населения. Тем самым «обобществление труда, а вместе с тем и развитие его производительной силы станет совершенствоваться постепенно, добывание продуктов не будет сильно обгонять роста общественных потребностей; предложение будет всегда соответствовать спросу, чем устраняется неизбежность кризисов со всеми их вредными последствиями»²⁶.

Фактически Воронцов предлагал соединить государственную и кооперативную формы собственности, или, как он писал, осуществить «преобразование нашего капиталистического производства в государственное и артельное»²⁷. Но при всей искренности намерений народнического экономиста его проект представлял собой не что иное, как обоснование государственно-регулируемого капитализма. Выступая против товарно-денежных отношений, логики рыночной экономики, разорения громадного большинства крестьянства, нищенского положения аграрных и промышленных производителей, Воронцов боролся против одной из форм капиталистических отношений и настаивал на замене их национальным вариантом постепенного приспособления народного хозяйства к мировым стандартам. По сути это был один из вариантов определения Россией своего места среди наиболее развитых государств без потери статуса великой державы.

Убедившись в болезненности процесса первоначального накопления капитала, сложности создания рынков рабочей силы и реализации продукции промышленности, придя к выводу о сложности конкуренции с передовыми странами, Воронцов в своем прогнозе наметил модель, которая позволяла бы перейти в новую стадию развития при относительно постепенном закреплении капиталистических отношений в преимущественно аграрной структуре экономики. Как справедливо отметил М.П. Рачков, народнический экономист «был одним из первых, кто понял, что в условиях изменившегося мирохозяйственного порядка завершить индустриализацию в России обычным капиталистическим путем будет невозможно»²⁸.

Действительно, как показали дальнейшие события, прогноз Воронцова был «вовсе не утопией, а исторически необходимой и проходящей ступенью» с доиндустриальной на индустриальную

²⁶ Воронцов В.П. Судьбы капитализма... С. 71.

²⁷ Там же. С. 68.

²⁸ Рачков М.П. Политико-экономические прогнозы... С. 20.

стадию развития. Он оказался связан в России с гигантскими потрясениями, громадными человеческими жертвами, и был осуществлен наиболее непримиримыми противниками капитализма — большевиками. Однако вряд ли можно назвать выдвинутый Воронцовым план реформирования народного хозяйства социалистическим²⁹. По нашему мнению, и предложения народнического экономиста, и реализованный в советское время тип народного хозяйства были вариантами государственного капитализма с определенными элементами социальной защиты, отвечающими представлениям громадной массы населения страны.

Аргументация Воронцова в пользу бестоварной экономики в сочетании с требованием отказа от капиталистических отношений стала в определенной мере научным обоснованием крестьянского видения справедливого устройства, при котором традиционные институты общины (в модифицированном и модернизированном виде) могли обеспечить благополучие и процветание страны. В неменьшей степени соответствовала народным представлениям и надежда Воронцова на помощь в преобразованиях со стороны государства. Вековая вера русской деревни в справедливость верховной власти, обеспечение ею порядка, стабильности, внешней и внутренней безопасности в снятом виде выразилась в идее реформаторских возможностей государственных институтов.

Подводя общий итог прогнозирования Воронцовым различных вариантов будущего развития страны в 1870—1890-е гг., мы можем сделать следующие выводы. Считая капитализм тупиком в эволюции общества, народнический экономист был в своих прогнозах реалистически настроен по отношению к действительности.

Он обозначил три возможных пути развития российской экономики:

- превращение страны в аграрно-сырьевой придаток передовых государств мира;
- переход к новому типу хозяйственных отношений вместе с индустриальными странами, закончившими уже капиталистический этап своей эволюции;
- введение государственного регулирования экономики, подчинение ее строго определенным целям национального благосостояния, постепенного выравнивания производительности труда с другими странами и сохранение статуса великой державы.

²⁹ Рачков М. П. Политико-экономические прогнозы... С. 24.

Последний вариант представлялся Воронцову наиболее приемлемым для России и отвечающим ее национальным интересам.

XX век и будущее России

Революция 1905–1907 гг. стала катализатором активизации различных слоев населения страны, в немалой степени способствовала созданию новых политических партий. Одновременно с этим она потребовала четкого и однозначного отношения к различным проектам социально-политических и экономических преобразований в стране. В условиях напряженного противостояния власти и общества оставаться сторонним наблюдателем происходивших процессов (даже при нежелании высказывать свои мысли в периодической печати) Воронцов не мог.

Его взгляды на перспективы развития России в XX в. сохранили общее отрицательное отношение к капиталистической эволюции страны. Народнический экономист по-прежнему был непреклонным и последовательным противником товарно-денежных принципов ведения хозяйства, следования по пути «ожесточенной борьбы индивидуумов, обществ, государств». Капитализм не смог обеспечить на $\frac{1}{6}$ части планеты одновременного роста национального богатства и народного благосостояния. Разрушение многовекового уклада жизни привело лишь к созданию гигантской армии безработных, обострению социальных противоречий, чреватых серьезнейшими потрясениями. Ввязавшись «в общую свалку» мировой конкуренции, Россия оказалась не способной «оттеснить гигантсоперников и продиктовать всему миру <...> условия международных экономических отношений». Выход страны на международные рынки при существовавшем разделении труда был возможен лишь в качестве «поставщика малопроизводительного земледельческого труда». В целом, по мнению Воронцова, нельзя было «строить программу экономических преобразований <...> на принципе последовательного проведения начал капиталистической экономии»³⁰.

Аргументация Воронцова построена на тех же мировоззренческих подходах, что и прогнозы 70–90-х гг. XIX в. Отрицая правомерность универсализации процесса исторического развития, он

³⁰ Воронцов В.П.: 1) Экономические основания крестьянского вопроса // Народное хозяйство. 1905. № 2. С. 2, 4, 6; 2) Вопросы социальной эволюции России // Современник. 1911. № 3. С. 272.

по-прежнему настаивал на том, что использование западноевропейского опыта не дает одинаковых результатов в разных странах. И в отношении России вполне правомерна следующая постановка вопроса: судьба Германии или судьба Ирландии?³¹ Для Воронцова ответ звучал однозначно – при сохранении прежнего курса страна обречена на роль второстепенного аграрно-сырьевого придатка передовых держав мира.

В равной степени можно констатировать и преимущество в определении идеала справедливого социального устройства. «Окончательной целью преобразований, – писал Воронцов в 1917 г., – является водворение таких порядков, которые не допускали бы эксплуатации (так в тексте. – *В.З.*) одного человека другим и обеспечивали всем членам общества равное и полное участие в материальных и духовных благах культуры». К их числу он относил право выбора занятий, получение производителем продукта его труда, обеспечение досуга и гарантий свободы общественной деятельности³².

Однако конкретные предложения народнического ученого по реформированию сельскохозяйственного и промышленного секторов экономики, роли государства в предстоящих преобразованиях претерпели некоторые не значительные изменения в первые десятилетия XX в. Представляется необходимым рассмотреть их в сравнении, выделив для этой цели следующие временные отрезки: 1905–1914 и 1917–1918 гг.

В первый из анализируемых периодов центральным вопросом жизни России Воронцов считал аграрные преобразования. В революционных потрясениях 1905–1907 гг. явно обозначилось, что рамки политических свобод, которых так жаждала страна, определялись «объемом аграрных требований крестьян». 1861 г. не устранил всех пережитков дореформенного времени: «крепостное иго было уничтожено только наполовину: личная зависимость крестьян была упразднена, хозяйственная – сохранена»³³.

Потеряв в результате «освобождения» в различных регионах страны от 20 до 30% всех земель, крестьяне с первых шагов своего независимого существования вынуждены были прибегать к аренде помещичьих угодий, восполнять тем самым недостаток кормовых

³¹ *Воронцов В.П.*: 1) Судьба капиталистической России: Экономические очерки России. СПб., 1907. С. 197; 2) Экономические основания крестьянского вопроса. С. 3.

³² *Воронцов В.П.* Социальное преобразование России. Пг., 1917. С. 3.

³³ *Воронцов В.П.* От семидесятых годов к девятисотым. СПб., 1907. С. 202, 205.

и пахотных земель. Но постоянное повышение арендных плат, переход крупных землевладельцев к использованию батрацкого труда сделали невозможным утоление земельного голода старым способом. К началу века стало очевидным, что «добровольными сделками с частными собственниками множество крестьян уже не в состоянии получить в свои руки необходимые угодья». Нужда и малоземелье стали основными причинами ненависти русского мужика к помещику и господствовавшему хозяйственному строю.

Первый всплеск народного недовольства пришелся на 1902 г., был связан с выступлениями в Полтавской и Харьковской губерниях. Вторая волна совпала с общим политическим кризисом 1905–1906 гг. Погромы, захват земель, выступления депутатов в I Государственной думе показали, что «на всем широком пространстве Европейской России» крестьяне были едины в требовании предоставления земли³⁴.

Учитывая общие настроения крестьянства, главенствующее положение аграрного сектора экономики, Воронцов находил, что «социальный вопрос <...> будет иметь по преимуществу характер вопроса крестьянского, а не рабочего, вопроса деревни и земли, а не города и фабрики»³⁵. Поэтому первостепенные меры должны были затронуть само существо отношений собственности. Разрубить «гордиев узел» противоречий можно было двояким образом: образовать слой землевладельцев и батраков по примеру Прибалтики или добиваться передачи крестьянам помещичьих земель.

Первый способ решения аграрного вопроса предполагал использование европейского опыта. Обретая права владения, «мелкий землевладелец будет относиться к земельной собственности, как к чему-то для него выгодному и поэтому дорогому и справедливому, и не станет взирать с вожделием на землю соседа». Но ситуация в России была несколько иной. В экономическом, политическом, социальном, культурном отношении страна находилась на «той ступени развития, которая Западной Европой пройдена 50–100 лет тому назад»³⁶.

Отсталость производственной базы, забитость и неразвитость сельского населения, отсутствие у крестьян возможности выска-

³⁴ Воронцов В. П.: 1) Причины крестьянских движений 1905–1906 гг. // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 223, 228; 2) Аграрный вопрос в Первой Государственной думе. Историческая справка // Современник. 1911. № 2. С. 218.

³⁵ Воронцов В. П. Экономические основания крестьянского вопроса. С. 9.

³⁶ Там же. С. 7, 15.

зать собственное мнение были очевидны. Наряду с этим в народной среде давно сформировалось представление о том, что земля принадлежит «не отдельному лицу, а Богу, народу или царю, как представителю последнего». Крупное (помещичье) хозяйство оставалось в глазах крестьян «вредным паразитом», который существовал исключительно за счет их труда и вынужденной аренды земли. Да и сам характер деятельности в латифундиях был отличен от целевой направленности крестьянского производства. Ориентация на сбыт продукции, извлечение прибыли принципиально расходились с обеспечением, главным образом потребления «собственной семьи крестьянина»³⁷.

Тем самым вопрос о реформировании сельского хозяйства превращался для Воронцова, как и в XIX в., в вопрос противостояния капиталистического пути развития национальному варианту эволюции России. В его интерпретации преобразования в аграрном секторе экономики были средством «придания нашей стране той экономической устойчивости, без которой невозможны никакие культурные успехи». Подъем сельского хозяйства, увеличение производительности крестьянского труда должны были происходить одновременно с ростом благосостояния всего населения, развитием сознания и политической активности масс³⁸.

В данном контексте предложения по созданию в деревне слоя земельных собственников были, по мнению Воронцова, совершенно неудовлетворительны. Своей конечной целью они действительно имели развитие производства путем перехода от экстенсивного зернового хозяйства к интенсивному животноводству. Но в России соотношение городского и сельского населения отличалось от аналогичных европейских показателей. Во Франции на одного земледельца приходился один покупатель-горожанин, в Германии — почти два, в Бельгии — более двух, в Великобритании — восемь. В России одного городского жителя обслуживали 2–3 крестьянина. Тем самым «русский рынок не представлял достаточного основания для широкого развития интенсивного животноводства», не говоря уже о том, что указанные меры переполнили бы резервную армию труда, ухудшили и без того плачевное положение русской деревни, обострили социальные болезни страны³⁹.

³⁷ Воронцов В. П. От семидесятых годов к девятисотым. С. 211–212.

³⁸ Воронцов В. П. Судьба капиталистической России... С. 203.

³⁹ Там же. С. 207.

Весьма показательным в оценках перспектив капиталистической эволюции страны являлось отношение Воронцова к Столыпинской аграрной реформе. Народнический экономист четко выделил основные составляющие политики «русского Бисмарка»: «...уничтожение общинной и семейной земельной крестьянской собственности и водворение на место их мелкого частного землевладения, и по возможности отрубного и хуторного землеустройства». По своей сути это был именно европейский вариант капитализации производства. Вполне естественной была и оценка Воронцовым последствий осуществляемых мероприятий, социального содержания реформы. В первую очередь он обращал внимание на будущую судьбу крестьянина. Жизнь внутри общины не воспитала «в нем навыков и черт характера, необходимых частному собственнику <...> чтобы суметь удерживать землю до последней возможности»⁴⁰.

Разрушение привычных условий труда и быта неминуемо должно было привести к быстрому обезземеливанию громадной массы населения. Надежды на то, что потеря земли одними будет восполнена созданием «многоземельного хозяина», были обречены на крах. Они не учитывали запаса «злости и ненависти», накопившегося у крестьян в пореформенный период. Новый передел крестьянских угодий не мог привести к улучшению положения «большинства земледельческого населения», а, значит, и разрядить социальную напряженность в стране. Как писал Воронцов, «освобождающиеся крестьяне» будут служить «постоянной угрозой личной безопасности и общественному спокойствию, образуя благоприятную почву для широкого распространения посягательств на чужую личность и собственность, с одной стороны, для анархических и погромных выступлений и всякого рода политических эксцессов — с другой». Мало того, что при подобных обстоятельствах невозможно было говорить «о водворении в стране законности и свободы», но и сама реформа подготавливала почву для «аграрных недоразумений» в более или менее отдаленном будущем»⁴¹.

Настаивая на бесперспективности попыток Столыпина кардинально решить аграрный вопрос в стране, Воронцов считал политику правительства откровенно реакционной, выражавшей

⁴⁰ Воронцов В. П. Вопросы социальной эволюции России. С. 279.

⁴¹ Воронцов В. П.: 1) Там же. С. 281; 2) Крестьянское движение в 1905–1906 гг. // Вестник Европы. 1909. № 5. С. 311; 3) Причины крестьянских движений 1905–1906 гг. С. 245.

интересы «крупных землевладельцев, напуганных громко заявленным требованием земли для земледельцев» и ищущих спасения в создании слоя мелких собственников, способного играть роль буфера между ними и малоземельным крестьянством⁴².

Потакание эгоистическим настроениям класса имущих, забвение интересов всей нации, сознательный отказ от анализа социальной ситуации в стране — все это в совокупности лишало реформу необходимой поддержки со стороны большинства населения России. Сам Воронцов заявлял о своем несогласии с выдвинутой программой реформы. По его мнению, русская деревня не могла уже выдержать нового удара капитализма. Доведенное до отчаяния крестьянство в любой момент было способно на решительные выступления. Настоящие преобразования или грядущий социальный взрыв — так ставил вопрос Воронцов в своих работах 1905—1914 гг.

Критика столыпинского варианта решения аграрного вопроса сочеталась с собственными предложениями народнического экономиста. Он не оставался в стороне от обсуждавшихся проблем и настаивал на проведении как первоочередных мер, способных утолить земельный голод, так и на выработке долговременной программы развития сельского хозяйства. В числе первоочередных мер Воронцов называл передачу «земледельцам такого количества земли, какого вместе с наделами было бы достаточно для занятий всех их рабочих сил». Учитывая то обстоятельство, что русские крестьяне не имели средств для покупки недостающих угодий, «пользование землей должно быть обеспечено <...> государством»⁴³.

Воронцов повторял собственную мысль, высказанную им еще в XIX в.: о необходимости создания государственного земельного фонда и превращения крестьянина в пользователя предоставленного участка. Как он писал в начале нового столетия, достигнуть поставленной цели «возможно лишь путем государственного вмешательства, которое приурочивало бы <...> к надельной земле <...> чужие угодья»⁴⁴. Но, если ранее указанная мера рассматривалась в качестве дальнейшей перспективы, и поэтому не конкретизировалась, то наметить в деталях ее реализацию Воронцов попытался в условиях первой российской революции.

⁴² Воронцов В. П.: 1) Правительственная статистика в Государственной думе // Русские ведомости. 1909. № 256. С. 2; 2) Крестьянское движение в 1905—1906 гг. С. 311.

⁴³ Воронцов В. П.: 1) От семидесятых годов к девятидесятым. С. 210; 2) Экономические основания крестьянского вопроса. С. 14.

⁴⁴ Воронцов В. П. Аграрный вопрос в Первой Государственной думе... С. 217.

Образование государственного земельного фонда могло осуществиться двумя путями. Первый из них предполагал законодательное признание верховным собственником земли государства. Владения крупных собственников сохранялись за ними в пользовании «под условием употребления этих угодий соответственно нуждам нации» и предоставления крестьянам права аренды по государственным фиксированным ценам. По мнению Воронцова, введение регулируемой аренды, вечного чинша были наименее надежным способом «упрочения крестьянского хозяйства». В результате такой операции население деревни оказывалось бы в постоянном «оброчном пользовании»⁴⁵.

Более целесообразным представлялся путь «принудительного отчуждения помещичьих угодий». Крупные землевладельцы должны были передать свой земельный фонд «государству на тех или других условиях вознаграждения <...> за утрату доходов». Действительный, а не декларативный переход земли в собственность государства давал больше возможностей для рационального использования казенных владений, организации переселений, проведения широких мелиоративных мероприятий, что в совокупности способствовало бы решению проблемы малоземелья крестьян⁴⁶.

На первый взгляд, народнический экономист был склонен к кадетскому проекту проведения аграрной реформы в стране. Однако в действительности отчуждение земли, государственное регулирование землепользования должны были стать первыми шагами в преобразовании сельского хозяйства. Воронцов отмечал, что даже переход всей земли в руки народа не решал «вопроса о народном благосостоянии». Получив достаточное для сносного существования количество угодий, крестьянин мог почувствовать существенное облегчение: не будут давить «непосильные арендные платежи», сам он «накормится досыта и оденется по-человечески». Но постепенно у него возникнут новые запросы, которых ранее не было и в помине: «Тогда сделается очевидным, как недостаточны, в сущности, его доходы». Тем более, что перед нацией в целом по-прежнему будет стоять задача выйти на уровень жизни Западной Европы, а это потребует новых затрат на развитие образования, здравоохранения, культуры и т.п. По самым скромным

⁴⁵ Воронцов В.П. Экономические основания крестьянского вопроса. С. 14, 16.

⁴⁶ Там же. С. 17.

подсчетах расходы «на общественные и государственные нужды» должны были увеличиться в 3–4 раза⁴⁷.

Таким образом, в понимании Воронцова главная задача аграрной реформы состояла в том, чтобы «поднять сельское хозяйство, усилить производительность крестьянской земли». В эти термины он вкладывал не только производственное содержание (производительность труда, улучшение техники обработки почвы, введение прогрессивного севооборота и т.п.), но и собственное понимание характера деятельности человека. Другими словами, Воронцов стремился доказать преимущества «общественной формы» по сравнению с «индивидуальной». Как он писал в статье «Экономические основания крестьянского вопроса» (1905), в будущем «главная роль будет принадлежать общественному, а не индивидуальному фактору»⁴⁸.

Объединение для совместной цели энергии отдельных производителей, считал автор, позволило бы достаточно быстро и безболезненно ликвидировать чересполосную систему наделения землей, использовать новейшие достижения науки и техники, повысить благосостояние крестьян. Воронцов, как и в XIX в., настаивал, что существовавшая в России община послужит залогом объединения отдельных крестьянских дворов в крупную производственную единицу, которая будет строить деятельность на основах взаимопомощи, солидарности и коллективного труда.

Для народнического экономиста этот тезис был важен и потому, что доказывал совпадение потенциалов общинной организации с общемировой тенденцией развития кооперации: «Бедный земледелец берет ссуду в кооперативном кредитном учреждении, покупает нужное ему орудие или удобрение в кооперативном магазине, продает свой хлеб, картофель или фрукты через посредство кооперативного учреждения, выдывает из своего молока масло и сыр на кооперативном заводе, выдерживает свое вино в кооперативном погребе»⁴⁹.

Идеальной моделью развития сельского хозяйства в России народнический экономист по-прежнему называл кооперативное производство на государственной земле. Сочетание регулирующей роли государства с коллективной формой труда позволяло, по мне-

⁴⁷ Воронцов В. П. От семидесятых годов к девятисотым. С. 227, 229.

⁴⁸ Воронцов В. П. Экономические основания крестьянского вопроса. С. 18–19.

⁴⁹ Там же. С. 20.

нию Воронцова, ликвидировать наследство крепостного права, использовать преимущества крупного предприятия с заинтересованностью отдельных членов коллектива. Кооперация наиболее подходила для постепенного вовлечения русских крестьян в процесс реорганизации сельскохозяйственного производства. Приверженность традиции, инерция мышления жителей деревни требовали ненавязчивого воздействия на их сознание. Государство вполне могло сохранить «рациональные хозяйства» в бывших помещичьих имениях, «как образцы для окрестных крестьян, и даже попытаться распространить общественную организацию этих хозяйств на прилегающие крестьянские земли». Правда, осуществление такой меры Воронцов считал мало вероятной даже в отдаленном будущем и настаивал на длительной подготовительной работе, которая могла занять целые десятилетия. Принципиально не выступая против тенденции «социализации экономических отношений», он стремился, как и в XIX в., наметить конкретные шаги реформирования сельского хозяйства, определить наиболее эффективные формы деятельности российской интеллигенции⁵⁰.

В целом можно констатировать, что в основном Воронцов придерживался традиционной для реформаторского народничества идеи постепенного преобразования сельского хозяйства. Доминирующей чертой его взглядов оставалась убежденность в необходимости сочетания разносторонней аграрной реформы с повышением уровня благосостояния крестьян, вовлечения их в процесс кооперирования. Как и прежде, главные свои надежды народнический экономист связывал с деятельностью государства. Новым в его позиции, по сравнению с 70–90-ми гг. XIX в., стали лишь детализация и конкретизация мер огосударствления земельных владений, регулирования обеспеченности крестьянского двора необходимым количеством сельскохозяйственных угодий. Пожалуй, эта часть программы Воронцова была наиболее выполнима и имела реальную практическую ценность. Она позволяла решить первостепенные задачи ликвидации «земельного голода», подъема производительности труда, обеспечения сносных условий существования деревни. Намеченные перспективы кооперации в стране также не относились к области утопии. Воронцов только зафиксировал общую для русского крестьянства тягу к созданию совмест-

⁵⁰ Воронцов В. П. Экономические основания крестьянского вопроса. С. 17, 23.

ных производственно-сбытовых структур, получивших в начале века широкое распространение в стране.

Однако практическая ценность предложений по реформированию сельского хозяйства «дополнялась» невыполнимыми проектами организации промышленного производства. Воронцов не рассчитывал только на преобразование сельского хозяйства для серьезного рывка в погоне за передовыми странами мира. По его словам, «основывать <...> прочное здание материального благополучия огромной страны на развитии сельскохозяйственного производства – значит строиться на песке или болоте». Для народнического экономиста было очевидным, что без серьезного развития промышленности, транспорта было невозможно надеяться на изменение ситуации в России. Но поиск модели эволюции шел исключительно в русле ликвидации рынка и создания «планомерной организации производства в прямой связи с потребителем»⁵¹.

В «расшифровке» общая идея представляла как проект прямого продуктообмена между городом и деревней, когда изделия промышленных предприятий обменивались бы «на количество предметов, соответствующее требованиям работающего на них населения». И хотя Воронцов подчеркивал, что в предлагавшихся мерах речь не шла «о возвращении к простому натуральному хозяйству», но в действительности это было не чем иным, как утопическим мечтанием добиться соединения «промышленности и сельского хозяйства», обеспечить население страны необходимой продукцией⁵².

По своей сути народнический экономист повторял старую идею создания кооперативного уклада в экономике страны под непосредственным патронажем и контролем со стороны государства. Капиталистические предприниматели вынуждены будут считаться с существованием мощного производственного образования, работающего не ради извлечения прибыли, а для обеспечения нормальных условий существования населения России. Результатом такой политики станет или переориентация капиталистического производства на общенациональные нужды, или его постепенное поглощение государственно-кооперативным сектором. Но и в том, и в другом случае страна получит возможность более целесообраз-

⁵¹ Воронцов В. П. Судьба капиталистической России... С. 219, 220.

⁵² Воронцов В. П. Экономические основания крестьянского вопроса. С. 23, 25.

ного и планомерного использования средств на модернизацию экономики, развитие социальной сферы, повышение культурного уровня народных масс.

Это не могло произойти в одночасье, но в руках у государства находился мощный рычаг финансового регулирования этого процесса. По мнению Воронцова, в целях реформирования страны требовалось перераспределение бюджета, гибкое использование государственной монополии на различные виды деятельности, соблюдение баланса прямых и косвенных налогов.

Сложившаяся в России система расходов явно не способствовала прогрессивному развитию страны. Например, в 1907 г. на содержание армии, полиции, бюрократического аппарата, выплаты процентов по внешним займам и т.п. приходилось до 72% бюджета. Как писал Воронцов, эта картина вполне соответствовала «тому представлению об отживающем нашем государственном строе, как строе полицейском, какое составилось о нем у всех образованных людей»⁵³. К тому же основную тяжесть платежей в государственную казну несли «малосостоятельные классы населения». В пореформенную эпоху на их долю приходилось по приблизительным подсчетам в 3,5 раза больше прямых и косвенных налогов, чем на имущую часть членов общества⁵⁴.

Для преобразования страны Воронцов предлагал не ограничиваться исключительно переходом на взимание прогрессивного подоходного налога. Стремление «возложить главную массу государственных доходов на плечи русского капиталиста» казалось ему малонадежным средством. Во-первых, потому что русские предприниматели сразу же «переложили бы часть этих платежей на потребителей или перевели свои капиталы в те страны, где нет такого фискального бремени». Во-вторых, прибыль от крупного производства в России (порядка 2 млрд 700 млн руб.) не могла покрыть все расходы по реформированию экономики, развитию здравоохранения, образования⁵⁵.

Вывод напрашивался сам собой: наряду с постепенным отходом от практики косвенных налогов требовалось расширение произ-

⁵³ Воронцов В. П. Государственный бюджет и государственные долги России. СПб., 1908. С. 66.

⁵⁴ Воронцов В. П. Государственные доходы России сравнительно с другими странами. СПб., 1907. С. 50.

⁵⁵ Воронцов В. П.: 1) Там же. С. 61; 2) Вопросы социальной эволюции России. С. 278.

водственной деятельности на государственных «хозяйственных предприятиях», развитие торговли, «возвышение производительности народного труда». Для реализации намеченных целей вполне можно было использовать монополию государства на производство винно-водочной, табачной продукции, добычу соли, железно-дорожное строительство и т.п.⁵⁶

Естественно, ни царизм, ни полицейское государство Воронцов не имел в виду, выдвигая собственную программу реформ. В работах 1905–1907 гг. он говорил о «новом правительстве, составленном из представителей народа», о «свободном контроле со стороны общества над деятельностью правительственных учреждений»⁵⁷. В сравнении с экономическими проектами Воронцова его политические взгляды были только обозначены – их содержательная сторона не раскрыта. Представляется, что главным для народнического экономиста оставалось определение основных векторов государственного влияния на характер эволюции страны. Демократическая форма власти, волеизъявление народа определялись самым характером предлагавшихся преобразований.

Осуждая негативную практику формирования бюджета, Воронцов призывал к изменению государственной политики поддержки капитализма в стране, к направлению народных средств на создание иных экономических отношений. Он оставался сторонником некапиталистической модели развития, которая предполагала медленную трансформацию традиционной структуры общества, ее приспособление к общемировому уровню. Народнический экономист по-прежнему жаждал найти особый путь интеграции России в индустриальную цивилизацию без потери национальной самобытности и прохождения через муки и страдания рыночной экономики. Главным мотивом его творчества 1905–1914 гг. стали слова: «вопрос об экономических задачах России следует разрешить самостоятельно»⁵⁸.

Во многом предложения Воронцова носили утопический характер, однако объективное содержание высказанных им идей заключалось в обосновании необходимости иного типа эволюции для страны с преимущественно аграрным характером экономики. Наиболее приемлемыми для самого Воронцова представлялись

⁵⁶ Воронцов В. П. Государственные доходы... С. 8–9, 64.

⁵⁷ Там же. С. 62, 64.

⁵⁸ Воронцов В. П. Судьба капиталистической России... С. 200.

государственное регулирование производства, поддержка кооперации и справедливое распределение продуктов труда. Политическая форма будущей власти четко не обозначалась. Но это и не имело принципиального значения. Для читателей, привыкших к «Эзопу языку», необходимость демократических преобразований подразумевалась сама собой, а работы Воронцова были интересны, в первую очередь, с экономической точки зрения.

Февральская революция 1917 г. позволила народническому экономисту не только более открыто высказывать свои взгляды, но и пересмотреть некоторые идеи, которые не выдержали проверки временем и нуждались в актуализации. Вместе с тем следует отметить, что в своей основе позиции Воронцова остались неизменными. Он по-прежнему считал, что Россия принадлежит к числу стран, где «капитализму <...> придется получить первые тяжелые удары». Слабое развитие товарно-денежных отношений, преимущественно аграрный характер российской экономики представляли собой благоприятную почву для быстрого и достаточно безболезненного перехода к некапиталистическому производству. После свержения самодержавия трудящиеся классы приобрели права и свободы, гарантирующие их влияние на характер развития страны. Тем самым были созданы и политические предпосылки для благоприятного хода преобразований⁵⁹.

В первую очередь они должны были охватить сельское хозяйство. Российская революция 1905–1907 гг. не смогла решить проблемы малоземелья. В новых условиях нехватка земельных угодий могла быть ликвидирована путем безвозмездного изъятия земли у крупных собственников и ее передачи крестьянам «без права продажи и сосредоточения в одних руках больше того, что может быть обработано, не прибегая к наемному труду»⁶⁰.

К 1917 г. Воронцов отказался от идеи выкупа помещичьих земель, но по-прежнему настаивал на их передаче не во владение, а в пользование крестьянам: земля «должна быть <...> общенародной, национальной собственностью». Необходимость такой меры диктовалась потребностью рационального ее использования в интересах всего народа. Благополучие нации могло быть обеспечено только «совместными усилиями правительства, местного самоуправления и отдельных сельских хозяев», писал Во-

⁵⁹ Воронцов В. П. Социальное преобразование России. С. 30–31.

⁶⁰ Там же. С. 49.

ронцов в пропагандистской брошюре, предназначенной для жителей деревни⁶¹. Как и в годы первой российской революции, он настаивал на объединении сил государства, общественной и личной инициативы в деле прогрессивного развития страны.

Государство во взглядах народнического экономиста продолжало играть одну из ключевых ролей. Оно обязано было взять под свой контроль вопросы социальной защиты человека, справедливое распределение продукта труда, гарантировать признание в старости. Не менее значимым считалось и государственное регулирование экономики. По мнению Воронцова, Первая мировая война доказала необходимость планирования, учета и контроля. В промышленности «правительство, города, земства взяли в свои руки производства, приготавливающие предметы воинского снаряжения». Эта мера, совершенно необходимая в годину трудных испытаний, могла эффективно использоваться и в дальнейшем. Как он писал в работе «Социальное преобразование России», в прессе уже неоднократно поднимался «вопрос о сохранении созданных организаций в мирное время»⁶².

Контроль над производством позволил бы организовать снабжение «общественных и правительственных учреждений»: армию, школы, больницы. Изделия государственных, земских, кооперативных предприятий стоили бы дешевле, поскольку их деятельность не преследовала бы цели извлечения прибыли. К тому же обеспечение рабочих дешевым и добротным жильем, продуктами питания по фиксированным ценам значительно снизило бы издержки на заработную плату⁶³.

Не трудно заметить, что предложения Воронцова по государственному регулированию промышленности были ориентированы на постепенное вытеснение капиталистических предприятий и установление нерыночных отношений. В очередной раз народнический экономист настаивал на более высокой производительности кооперативных и государственных предприятий, целенаправленном использовании доходов от их деятельности, налоговых поступлений для модернизации экономики и развития социаль-

⁶¹ Воронцов В. П.: 1) Земля — источник жизни. Пг., 1918. С. 7; 2) Земля для всего народа. Пг., 1917. С. 32.

⁶² Воронцов В. П.: 1) Земля — источник жизни. С. 5; 2) Социальное преобразование России. С. 95.

⁶³ Воронцов В. П. Социальное преобразование России. С. 80.

ной инфраструктуры страны⁶⁴. Он практически ничего не менял в своих концептуальных подходах предыдущих лет. В лучшем случае, в его работах 1917–1918 гг. встречается конкретизация мер, направленных на осуществление необходимых преобразований.

Так, решение аграрного вопроса в стране, по мнению Воронцова, требовало неременного вмешательства законодательного органа (Учредительного собрания). В противном случае, невозможно было равное наделение земельными угодьями. Самовольный захват помещичьих владений только разжигал недовольство, способствовал появлению вражды между крестьянскими обществами. Только выборные от народа могли учесть специфику различных регионов (плотность населения, качество почвы, сложившиеся обычаи и т.п.), «рассмотреть все претензии на землю, выделить уважительные резоны, обуздать жадничающих людей и устроить земельные отношения к всеобщему благополучию»⁶⁵.

Но сама по себе раздача бывших помещичьих владений еще не решала задачи повышения производительности труда, интенсификации процесса производства. Тем более что по технике обработки почвы, правильному севообороту, применению агротехнических знаний крупные хозяйства были совершеннее мелких крестьянских владений. Оптимальным вариантом реформы для Воронцова оставалось создание коллективного предприятия, соединявшего преимущества рационального производства с индивидуальной заинтересованностью производителя. При таких условиях крестьянин не «ковырял» бы полоски земли, разбросанные в 20–30 местах, а получал бы стабильный доход, «участвуя в общей обработке ее вместе с землею своих односельчан». Однако ожидать согласия русского мужика на такой шаг, связанный с «коренной ломкой привычных порядков», вряд ли было возможно в ближайшее время⁶⁶. Поэтому вполне правомерной казалась идея постепенного вовлечения деревенских жителей в совместное общественное производство.

Вначале можно было сохранить высокопроизводительные помещичьи имения, передать их «в общественное заведение» и активно использовать для «ознакомления крестьян с преимуществами новых порядков». Успешное ведение крупного сельскохозяйствен-

⁶⁴ Там же. С. 79, 81, 83.

⁶⁵ Воронцов В. П. Земля – источник жизни. С. 29.

⁶⁶ Воронцов В. П. Социальное преобразование России. С. 54.

ного предприятия, писал Воронцов, наглядно продемонстрирует его достоинства, и деревенские жители пожелают аналогичным образом «устроиться» на своей земле. Вполне вероятно, что они просто присоединили бы свои участки к такому хозяйству, но могли и выработать в каждой местности своеобразные формы совместного производства и справедливого распределения продукции. Нормой учета труда могли стать и количество выполненных работ, и общее число дней и месяцев, потраченных каждым крестьянином на общественной работе. Главное, чтобы только неукоснительно соблюдалось «право на полный продукт своего труда», что наиболее всего соответствовало народным представлениям о справедливости. При финансовой помощи государства, распространении земствами передового агрономического опыта (преподавание в школе, лекции специалистов, создание показательных полей и т.п.) успех в борьбе с невежеством, приверженностью к старине был бы обеспечен⁶⁷.

Интенсификация сельскохозяйственного производства на основе создания крупных общественных хозяйств становилась, по мнению Воронцова, необходимым и вполне реализуемым элементом общей программы реформирования России. Оставаясь сторонником некапиталистической эволюции страны, он надеялся, что Февральская революция позволит в полной мере и в сжатые сроки осуществить переход к коллективному производству на земле. В сочетании с государственно-кооперативным сектором в промышленности, с постепенным вытеснением капиталистических предприятий, переходом к прямому продуктообмену это создавало условия для «широкой общественной работы на пользу всей страны»⁶⁸.

Причудливое переплетение утопических планов с вполне обоснованными предложениями государственного регулирования экономики, а также желание Воронцова стать выразителем интересов нации в целом превращали его работы 1917–1918 гг. на фоне общей какофонии эпохи в едва слышимый голос полузабытого публициста. Он не примкнул ни к одной из политических партий и лишь находил некоторое созвучие собственным идеям в аграрной программе эсеров, но полного совпадения взглядов не было. Ради-

⁶⁷ *Воронцов В.П.*: 1) Земля для всего народа. С. 54, 57; 2) Социальное преобразование России. С. 54–55; 3) К вопросу о научной обоснованности аграрной программы (Аграрная теория партии социалистов-революционеров) // Вестник Европы. 1918. № 1–4. С. 299; 4) Земля – источник жизни. С. 19.

⁶⁸ *Воронцов В.П.* К вопросу о научной обоснованности аграрной программы... С. 291.

кализм требований большевиков и анархистов его настораживал и пугал. Он крайне негативно относился к их проповедям насильственных действий «против буржуазии, против крупных и мелких землевладельцев, против всяких властей». Призывы к рабочим: «не верить Временному правительству, не дожидаясь пока Учредительное собрание установит новые порядки, самим же захватывать фабрики, заводы, землю» Воронцов расценивал как разжигание гражданской войны «малопонимающими революционерами». Его собственные предложения были направлены на поддержание законного порядка, не допускавшего самовольного захвата промышленных предприятий, земельных угодий, дезертирства солдат⁶⁹.

Но проект мирного реформаторского разрешения злободневных проблем России уже не находил поддержки. Захлестнувшие страну радикализация сознания и революционная горячка способствовали приходу к власти лидеров, чьи представления о будущем были не менее утопичны, но наиболее однозначны в выборе средств и методов реализации.

Заканчивая рассмотрение Воронцовым перспектив и прогнозов развития капитализма в России, необходимо отметить, что, однозначно считая капитализм тупиком в эволюции общества, он отдавал предпочтение государственному регулированию экономики, последовательному повышению производительности труда с целью обеспечения благополучия и процветания, стабильности и безопасности существования страны. Тем самым он сознательно, а порой и на интуитивном уровне выражал представления русского крестьянства о справедливом мироустройстве, в котором традиционные институты общины (в модифицированном и модернизированном виде) в сочетании с новейшими достижениями науки и техники должны были обеспечить неуклонный и поступательный прогресс.

⁶⁹ Воронцов В.П.: 1) Там же. С. 292, 299; 2) Русская революция и трудовой народ. Пг., 1918. С. 21–22.

В.С. Парсамов

Несколько дополнительных замечаний к проблеме «Владимир Соловьев и царевубийство 1 марта 1881 г.»

В статье, посвященной Владимиру Соловьеву, Е.Л. Рудницкая, коснувшись его реакции на казнь народовольцев, затронула важную проблему: «Атаке “либерального терроризма” Соловьев противопоставил свое понимание общественной деятельности, отвергающее не только кровавое насилие, но и ложное просвещение без того нравственного начала, которое несет в себе христианство. (Профессорская деятельность Соловьева была навсегда прервана в марте 1881 г., вслед за его публичной лекцией против смертной казни.)»¹

Евгения Львовна указала здесь на три главные составляющие соловьевской теократии: церковь, государство и общество, представленных соответственно фигурами первосвященника, императора и пророка. События 1 марта и последовавший за ними смертный приговор вскрыли в глазах Соловьева глубокое неблагополучие всей теократической системы: церкви, оказавшейся не способной противостоять «ложному просвещению»; государства, которое не смогло удержаться от насилия; общества, расколотого на сторонников казни народовольцев и почитателей их героизма.

Статья Рудницкой содержит целостную картину развития мировоззрения Соловьева. В задачу автора не входил анализ отношения Соловьева к событиям 1 марта, тем более что материалы, связанные с его выступлением 28 марта 1881 г., давно уже (1906) были введены в научный оборот П.Е. Щеголевым: фрагменты лекции Соловьева, прочитанной 13 марта 1881 г. на Высших женских курсах; конспект лекции от 28 марта, (записан «одной из внимательных слушательниц» и опубликован в третьем томе «Собрания сочинений»); воспоминание об этой лекции польской писательницы Р.Р. Будуэн де Куртенэ (впервые напечатаны в «Биржевых ведомостях» в ноябре 1905 г.); письмо Соловьева Александру III, в котором лектор давал объяснения по поводу своего выступления.

¹ Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. М., 2007. С. 455.

В 1918 г. Щеголев снова напечатал ряд материалов, частично повторявших то, что вышло в 1906 г., дополнив их новыми документами. В частности, увидели свет воспоминания журналиста Л.З. Слонимского, опровергавшие ранее опубликованные мемуары Р.Р. Будуэн де Кургенэ. Она рисовала картину бурно-восторженной реакции аудитории во время лекции, закончившейся выносом лектора на руках. Слонимский вспоминал совершенно другую атмосферу – «особой напряженной тишины», господствовавшей во время выступления философа, которому «была устроена овация только по окончании лекции». В той же публикации имелись сведения, связанные с административными последствиями этой лекции для Соловьева.

Число источников дополнено опубликованными позже воспоминаниями близкой подруги жены Достоевского – М.Н. Стоюниной. Она описала их совместное присутствие на публичной лекции Соловьева 28 марта 1881 г.: «Когда был убит император, и Вл. Соловьев, говоря о необходимости помиловать, не казнить убийцу, чтоб выйти из малого “кровавого круга”, пока не образовался “большой кровавый круг”, сказал эти слова, – писала Стоюнина, – Анна Григорьевна страшно вознегодовала. Помню, она подбежала тоже к кафедре и кричала, требуя казни. На мои слова к ней, что ведь Владимира Соловьева, наверное бы, одобрил и Достоевский, что ведь он его так любил и изобразил в лице Алеши, Анна Григорьевна с раздражением воскликнула: “И не так уж любил, и не в лице Алеши, а вот уж скорее в лице Ивана он изображен!” Но эти слова, повторяю, сказала она в волнении раздражения»². Если резюмировать точку зрения самого Щеголева, то Соловьев исходил из христианской идеи неприятия любого насилия («нельзя осуществить на земле правду путем насилия и убийств») и осуждал как действия революционеров, так и смертную казнь.

Публикации Щеголева в советский период сыграли положительную роль для изучения трудов Соловьева. Философ попал в число «прогрессивных» деятелей, заступавшихся за народовольцев. И хотя такое изучение не поощрялось (этот эпизод все-таки не мог перевесить тома христианской философии), тем не менее, под запретом он не был, о нем изредка появлялись работы с неиз-

² См.: Новое русское слово. Нью-Йорк. 1955. № 15709. 1 мая; *Стасюкова В.Ф.* Из воспоминаний М.Н. Стоюниной о А.Г. Достоевской // *Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. Л.; М., 1924. С. 578.*

менной ссылкой на публикации Щеголева, якобы свидетельствовавшие о сочувственном отношении Соловьева к революционерам.

В постсоветское время А.Ф. Лосев высказал вполне обоснованные сомнения в правомерности приписывать философу революционные симпатии на основе его лекции: «Требование Вл. Соловьева о помиловании убийц Александра II не имело никакого отношения к революционным симпатиям, а было продиктовано наивным, искренним и вполне честным убеждением в необходимости христианского всепрощения. Требование это с известной точки зрения можно считать наивным и глупым, но и приписывать Вл. Соловьеву революционный образ мыслей — это не только наивно и глупо, но и вполне смехотворно»³.

При такой постановке вопроса становится понятным, почему в литературе о Соловьеве, свободной от революционной или советской идеологии, его выступление в защиту народовольцев не упоминается или, во всяком случае, не акцентируется. Вероятно, в этом видится лишь наивный порыв, не заслуживающий внимания. Заметим, что сам Лосев, лишь опровергает преувеличенное внимание советских исследователей к этой проблеме, не высказывая на этот счет никаких позитивных суждений. Фактически Лосев не продвинулся в этом вопросе дальше Щеголева, сведя позицию Соловьева к идее христианского всепрощения.

Между тем такая точка зрения никак не индивидуализирует отношение Соловьева к событиям 1 марта. Она растворяется в общехристианской морали, и возникает вопрос, зачем философу потребовалось артикулировать самоочевидные для любого христианина идеи.

Отношение Соловьева к цареубийству следует рассматривать, во-первых, в контексте его философских идей рубежа 1870–1880-х гг., во-вторых, с точки зрения дальнейшей эволюции его взглядов, способных ретроспективно разъяснить некоторые аспекты его публичной лекции 28 марта.

В январе—марте 1878 г. Соловьев прочел в петербургском Музее прикладных знаний цикл публичных лекций по философии религии. В марте журнал «Православное обозрение» начал публикацию текста лекций под названием «Чтения о Богочеловечестве». Публикация растянулась на три с половиной года, и последние два чтения (11 и 12), объединенные в одну статью, были опубликованы

³ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев. М., 1990. С. 62.

в сентябре 1881 г. Протоиерей Георгий Флоровский обратил внимание на несоответствие текста этих двух заключительных чтений программе лекций, опубликованной в январе 1878 г. в газете «Церковный вестник». Судя по программе, лекции должны были заканчиваться на оптимистической ноте второго явления Христа, воскресения мертвых и полного откровения Богочеловечества⁴. Вместо этого в публикации речь идет о возможности и способе воплощения Божества и об искушениях, которым подвергаются человеческая природа и воля Спасителя на пути к достижению славы Божией. Этим же искушениям подвергается и христианское человечество, но в отличие от Христа оно поддается дьявольским соблазнам. Эту новую версию «Чтений» Флоровский объяснял переменой интересов философа на рубеже 1870–1880-х гг., отмечая при этом: «здесь Соловьев встречается с Достоевским» (XII, 544). Однако ни причины, по которым переменялись интересы Соловьева, ни смысл его «встречи с Достоевским» Флоровский не прояснял.

Время написания новых версий 11 и 12 лекций можно установить на основе недатированного письма философа редактору «Православного обозрения» П.А. Преображенскому:

«Многоуважаемый Петр Алексеевич! Вот Вам, наконец, окончание “Чтений о богочеловечестве”. Этим кончиком я доволен гораздо больше, чем всем предыдущим; и, во всяком случае, это есть лучшее из всего мною написанного до сих пор. Поэтому рекомендую это свое порождение Вашему особенному вниманию и прошу напечатать его в ближайшей книжке “Православного обозрения” (не разделяя). Того, что я читал три года назад о “последних вещах”, я решил совсем не касаться, ибо это завело бы слишком далеко. Думаю, так кончить будет лучше.

Сегодня я уезжаю обратно в Черниговскую губернию, где жил с апреля месяца, приезжая в Москву только на несколько дней. Жалею очень, что не застал Вас. До свидания в сентябре.

Влад. Соловьев»⁵.

Непонятно, почему Флоровский датировал это письмо «между февралем и сентябрем», когда текст дает основания значительно сузить датировку. Скорее всего, это май–август, т.к. с апреля Соловьев, как он писал, жил в Черниговской губернии, что позволяет заключить, что апрель уже прошел, а в сентябре текст уже был

⁴ *Соловьев В.С.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Брюссель, 1970. С. 541 (фототипическое издание). Далее ссылки на это издание см. в тексте с указанием тома римскими цифрами, страницы – арабскими.

⁵ *Соловьев Вл.* Письма. Т. 4. Брюссель, 1970 (1923). С. 233.

опубликован. Вряд ли Преображенский получил его позже августа. В любом случае, правомернее предположить, что 11 и 12 лекции писались в апреле—мае в Черниговской губернии.

Главная тема заключительных чтений – искушение Христа как прообраз искушения человечества. Точнее искушению подвергается не все человечество и даже не весь христианский мир, а только западное христианство во главе с Римом. Во многом эта мысль была подсказана Соловьеву Достоевским, с которым он интенсивно общался в 1879 г. во время работы писателя над «Братьями Карамазовыми» и, в частности, над «Легендой о Великом инквизиторе». Однако мысль ввести тему искушения в свои «Чтения о Богочеловечестве» у Соловьева появилась лишь после смерти писателя и царевбийства.

С точки зрения Соловьева, человечество Запада проходит через те же искушения, что и Христос, но в обратной последовательности. Первое искушение («аще Сынъ еси Божій, рцы да каменіе сіе хлебы будут») философ называет искушением плоти: «Преодолев это искушение плоти, Сын человеческий получает власть над всякой плотью» (III, 169), второе («аще Сынъ еси Божій, верзися низу, писано бо есть, яко ангеломъ Своимъ заповестъ о Тебе сохрани Ти, и на рукахъ возмуть Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою») – искушением грехом ума – гордости: «Победив грех ума, Сын человеческий получает власть над умами». И, наконец, третье искушение («и показа ему вся царства міра и славу их, и глагола ему: сія вся тебе дамъ, аще падъ поклонимся») Соловьев определяет как искушение грехом духа: «Преодолев грех духа, Сын человеческий получил верховную власть в царстве духа; отказавшись от подчинения земной силе ради владычества над землею, приобрел себе служение сил небесных»: «и се ангели приступиша и служиху Ему» (III, 170).

Однако человечество, как считает Соловьев, подвергается искушениям в обратном порядке, чем Христос. Первое здесь – искушение духа, оно связано с характером принятия Христа. Его можно было принять двояким образом: внутренне и внешне. Внутреннее принятие Христа означает духовное перерождение человека, внешнее – ограничивается верой в Божественное воплощение и стремление придать его заповедям характер внешнего обязательного для всех закона.

Пытаясь преодолеть искушение духа, западная церковь подпала под второе искушение – грех ума. Начало этому было положено в протестантизме, следствием которого стал рационализм,

породивший «самоуверенность и самоутверждение человеческого разума» (III, 175). Крайними формами рационализма стали: в практической области – Французская революция, провозгласившая царство разума и обернувшаяся «диким хаосом безумия и насилия»; в теоретической – философия Гегеля с ее «построением системы пустых отвлеченных понятий» (III, 176).

Реакцией на Французскую революцию стал социализм, а на философию Гегеля – позитивизм. Оба они были тесно связаны с материальной природой человека. Социализм во главу угла поставил материальный достаток, а его теоретический аналог – позитивизм – эмпирическое знание. Это стало третьим искушением – грехом плоти.

Христианский Восток в отличие от Рима не подвергался искушениям, но в нем не развилось личностное начало. Восточная Церковь сохранила христианскую веру в душе, «но не осуществила ее во внешней действительности, и не дала ей реального выражения, не создала христианской культуры, как Запад создал культуру антихристианскую» (III, 178). Следствием стала слабость человечества, не приспособленного для «разумного проведения божественного начала во внешнюю действительность» (III, 178). Если Запад искажил и отбросил, в конечном счете, христианство, то Восток оказался слаб для восприятия христианских истин. Тем не менее, будущее христианской Церкви связано с Востоком, которому предстоит развить в себе человеческое начало, избегая тех искушений и падений, которые выпали на долю западной Церкви.

Восток у Соловьева – понятие не только географическое, но и культурно-религиозное. Разрыву между интеллигенцией и народом в России у него соответствует противопоставление Запада и Востока. Только русский народ сохранил в чистоте христианскую веру: «Народ верит в живого Христа, верит, что начало, которое действовало в историческом Христе, может проявлять свое действие во всех людях после Христа. Эта вера народная во Христа не может уничтожиться просвещением»⁶.

Под просвещением Соловьев здесь понимает «личное просвещение» русской интеллигенции, которая отвергла Христа и которая, как говорил он в 1877 г., «вместо образа и подобия Божия все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны» (I, 239). Эта метафора имеет двойной смысл. С одной стороны, она указывает

⁶ Щеголев П. Е. События 1 марта и Владимир Сергеевич Соловьев // Былое. 1906. № 3. С. 50.

на новейшие естественнонаучные представления о происхождении человека от обезьяны, с другой — на подражательность русской интеллигенции Западу. В событиях 1 марта философ увидел подражание европейскому социализму: «Кровавая игра незрелых школьников в революцию» (IX, 171).

Говоря 13 марта о том, что «современное революционное движение началось с того, чем кончила Французская революция», Соловьев имел в виду не только европейское революционное движение, но и его русских сподвижников, точнее западную ситуацию в целом, включающую в себя также и русских социалистов. «Если современная революция, — продолжал он, — начинается с насилия, если она пользуется им, как средством для осуществления какой-то новой правды, она тем самым обнаруживает, что в ней кроется явная ложь: ложь в принципе и на практике» (III, 420).

Отношение Соловьева к событиям 1 марта имело и другую сторону. Здесь на первый план выдвигалась фигура нового царя. Совершенное преступление открывало перед Александром III возможность встать на путь построения христианского государства. Такой опыт, по мнению Соловьева, уже имелся у России во времена Владимира Святого, который «не хотел быть христианином только в частной своей жизни, он хотел быть им и как глава Государства, в деле внутреннего управления, а также в международных сношениях с остальным христианским миром» (XI, 128).

Однако в дальнейшем государственное начало восторжествовало над христианским: «Иван IV задушил в лице святого Филиппа, митрополита, голос христианской совести, восставшей против произвола неограниченной власти». Это процесс был завершен при Алексее Михайловиче «подавлением церковной свободы, выступившей в последний раз в лице великого патриарха Никона, и свободы религиозной, представленной староверами, которых во множестве сжигали за их привязанность к старой вере» (XI, 121).

В XIX в. Соловьев отмечает стремление Романовых вернуться на путь христианской политики. Он видит ее черты в отношении Николая I к Пушкину. Философ дает свою интерпретацию слов Николая I, сказанных им Жуковскому перед смертью поэта: «Скажи Пушкину, что я его прощаю». Николай, по мнению Соловьева, прощал Пушкину не дуэль как тяжкий грех (это было дело духовника, а не царя) и не дуэль как легкий государственный проступок (за это поэт и так уже был наказан, и прощение могло восприниматься как насмешка). Прощалось Пушкину нарушенное им обещание

сообщить царю первому, если снова возникнет необходимость дуэли. «Но в деле ложной чести была забыта первая обязанность честности. Если бы Пушкин исполнил данное им слово, Россия не потеряла бы своей лучшей славы, и великодушному государю не пришлось бы оплакивать вместе с гибелью поэта и свое рыцарское доверие к человеку. Было здесь что прощать, и есть в этом деле, за что помянуть вечною памятью императора Николая I!» (VII, 378).

Другим проявлением христианского подхода к политике являются слова, сказанные Николаем I арестованному им в 1849 г. Ю.Ф. Самарину. Славянофил подвергся аресту за призывы насильственного насаждения православия в Прибалтике и русификации немцев. Перед тем как его выпустить, царь сказал: «Вы хотите принуждением, силой сделать из немцев русских, с мечом в руках, как Магомет; но мы этого не должны именно потому, что мы – христиане <...> Кроме великодушного характера и человеческого сердца в этом “железном великане”, – какое ясное и твердое понимание принципов христианской политики! Вот простые слова, которыми император Николай I “опередил” и свою и нашу эпоху, вот начальная истина» (VII, 379).

Но если христианская политика Николая I касалась только Пушкина и прибалтийских немцев, то его сын распространил ее уже на весь русский народ. Александр II начал «дело социального освобождения», но его реформы затронули лишь материальную сторону народного бытия: «Тело России свободно, но национальный дух все еще ждет своего 19-го февраля» (XI, 107).

Прощение террористов, по мнению Соловьева, могло бы стать 19-м февраля для русского духа: «Милуя врагов своей власти вопреки всем естественным чувствам *человеческого* (здесь и далее курсив мой. – В.П.) сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, Царь станет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет *божественное* значение Царской власти, что в нем живет высшая духовная сила всего русского народа, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить больше этого подвига»⁷.

Александр III поступил с террористами по-человечески, а Соловьеву хотелось бы, что бы он поступил с ними по-божески. Это не являлось наивным и благодушным стремлением к всепрощению. За этим стояло четкое понимание необходимости внесения нравственного порядка в политику.

⁷ Соловьев В.С. Письма. Т. 4. С. 150.

Дискуссии в либеральной интеллектуальной среде о типе политической партии

Многие научные труды известной исследовательницы истории отечественной общественной мысли и общественного движения в России в XIX в. Евгении Львовны Рудницкой посвящены истории формирования русской интеллектуальной элиты, различным формам ее идеологической, политической и практической деятельности. Делая акцент на революционную составляющую данного процесса, Евгения Львовна большое внимание уделяла интеллектуалам либерального толка начала XX в. В сфере ее исследовательского внимания оказались имена В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка. Все это и послужило для меня основанием для написания данной статьи. Предваряя ее, скажу несколько слов о Евгении Львовне как выдающемся ученом и человеке.

Несмотря на многолетнюю работу в одном и том же научном учреждении – Институте истории СССР АН СССР, мое знакомство с Рудницкой ограничивалось посещением разного рода научных и общественных мероприятий, обменом вежливыми приветствиями и традиционным дарением научных трудов. Однако в конце 1980-х гг. формальный характер такого общения, благодаря Александру Израилевичу Зевелеву, качественно изменился. В результате в последние два десятилетия ее жизни у нас сложились хорошие доверительные отношения. Мы довольно часто обменивались (при личных встречах и по телефону) мнениями по широкому кругу проблем состояния российской исторической науки, которая после развала СССР оказалась в кризисной ситуации. Более того, она выразила согласие участвовать в работе над крупномасштабным 119-томным проектом «Общественная мысль в России с древнейших времен до начала XX века», подготовив специальный том, посвященный А.И. и Н.И. Тургеневым.

Разумеется, я и ранее был знаком с научными трудами Евгении Львовны. Однако даже самое внимательное чтение ее книг все же не позволяло в полной мере понять глубинную сущность ее как человека. Именно личное общение с ней, как говорится, «глаза в глаза» и позволило сформировать в моем сознании ее образ и как

человека, и как ученого. Подчеркну, Евгения Львовна Рудницкая была широко эрудированным исследователем, стремящимся понять мотивацию действий своих героев, проникнуть в смысл их напряженных интеллектуальных поисков, в направленность их практических стремлений. Обладая несомненным природным талантом ученого-исследователя и неоспоримым литературным мастерством, Евгения Львовна, по сути, смогла воссоздать целую галерею образов русской интеллигенции. Недаром свой последний сборник статей она назвала «Лики русской интеллигенции» (М., 2007). В него она включила наиболее ценные, с ее точки зрения, исследования.

Мне импонировали ее суждения о современных общественно-политических процессах, ее весьма строгие, а порой и нелицеприятные оценки «героев нашего времени». Все эти качества настоящего ученого, масштабно мыслящего человека «врезались» в мое сознание, а это, в свою очередь, незримо и, как бы исподволь, подпитывало стремление самому раздвинуть диапазон охвата сложного и противоречивого генезиса формирования и функционирования русских интеллектуальных кругов.

* * *

Лабораторией идей по формированию «широкой» и «единой» либеральной партии политического освобождения России был заграничный журнал «Освобождение». На первых порах его редактор П.Б. Струве был убежден в том, что в такой партии удастся объединить разнородные элементы либеральной оппозиции вне зависимости от их сегментальной принадлежности. «Для того чтобы вывести страну из тяжелого положения и исполнить свой гражданский долг, – писал Струве, – либеральные элементы общества должны теперь установить план действий и приступить к его выполнению. А для этого нужна организация, которая должна “смело и твердо идти до конца, не боясь никаких гонений”»¹.

Осознавая, что русское либеральное движение по своей социальной природе многослойно, Струве вполне сознательно обходил вопрос о составе будущей партии. В своих статьях он не раз подчеркивал, что процесс размежевания в либеральной среде еще далеко не завершен, а поэтому конкретизировать вопрос о принципах формирования либеральной партии еще рано, ибо можно

¹ Освобождение. 1902. № 12. С. 189.

будет отпугнуть «полезные для общего дела» элементы. Поэтому Струве рекомендовал какое-то время сосредоточиться на разработке программных и тактических вопросов, которые, в свою очередь, окажут стимулирующее влияние как на процесс дифференциации в либеральной среде, так и на отбор необходимых элементов для их последующего объединения в либеральную партию.

Как опытный политик, стоявший в свое время у истоков создания социал-демократической партии в России, Струве предложил провести на страницах журнала «Освобождение» дискуссию по организационным вопросам: «Такое обсуждение должно, – на наш взгляд, – привести к тому, что носящаяся в воздухе идея организации большой, действующей по строго обдуманному плану партии политического освобождения России окончательно выкристаллизуется, как, безусловно, обязательная задача и неотложная задача времени»².

В предложенную Струве дискуссию сразу же включился П.Н. Милюков. В статье «К очередным вопросам» он подверг критике идею Струве о «широкой коалиции элементов», которую тот первоначально хотел положить в основу организации либеральной партии. Милюков настаивал на тщательном отборе конкретных лиц, которые могли бы войти в партию. «О либеральной организации, – писал Милюков, – надо, конечно, думать и заботиться. Но при настоящем настроении земской среды, приходится быть очень осторожным; хорошо, если удалось бы создать, хотя бы крепкие кадры из убежденных конституционалистов». По мнению Милюкова, «вербовать же сразу всю армию» вокруг неопределенного славянофильского лозунга созыва Земского собора всех «ненадежных» и «подозрительных элементов» значило бы «совершить огромную тактическую ошибку». Это бы привело не только к ослаблению «энергии движения», но и погубило бы его «нравственное значение». А «при ловкой тактике правительства», подчеркивал Милюков, вообще можно «оказаться во враждебном лагере», сдав врагу «первую боевую позицию»³.

Отвечая на критику Милюкова, Струве вынужден был признать ее справедливость. Во-первых, он согласился с тем, что следует «отсечь» при вербовке в партию славянофильские элементы, которым «не может быть места в ее среде». Во-вторых, основным

² Освобождение. 1902. № 12. С. 189.

³ Там же. № 17. С. 291.

критерием отбора в партию, по его мнению, должно стать признание ее будущими членами двух принципов – конституционализма и демократизма.

Дискуссия по организационным вопросам, начатая Струве и Милюковым, получила продолжение на совещании в Шафгаузене. Учитывая, что материалы совещания обстоятельно проанализированы в монографии К.Ф. Шацилло и кандидатской диссертации В.Ю. Канищева, акцентирую внимание лишь на характеристике организационных принципов будущей партии, о которых шла речь в двух докладах кн. Петра Д. Долгорукова «Конституционная партия за прошлый год» и «Конституционная партия в предстоящий год». Признав полезность дискуссии, состоявшейся на страницах журнала «Освобождение», Долгоруков согласился с тем, что шиповскую земскую группу следует выделить за скобки обсуждения проблемы создания конституционно-демократической партии, хотя с ней и не следует прерывать контактов, т.к. она борется с бюрократией и стоит за развитие самоуправления. Одновременно Долгоруков признал, что конституционной партии как организованной самостоятельной группы еще не существует, хотя процесс ее формирования уже идет, что, в частности, выражается в образовании кружков, содействующих снабжению материалами журнала «Освобождение» и его распространению. Разрабатывая программу и тактику будущей партии, члены этих кружков пришли к двум важным выводам. Во-первых, ее программа должна включать требование введения конституции в России. Во-вторых, что касается тактики партии, то она «на данный момент» должна ограничиться «партизанскими действиями, главным образом, отвечая на различные современные акты правительства».

По мнению Долгорукова, кружки должны были ставить перед собой следующие задачи:

- 1) вербовать новых лиц, сочувствующих конституции в России;
- 2) совместно обсуждать важные вопросы местной жизни и корреспонденции о них, опубликованные в журнале «Освобождение»;
- 3) обсуждать программные и текущие вопросы жизни партии, предложенные «центральной организацией» или «другими группами»;
- 4) заслушивать рефераты о «сущности конституции и тактики парламентаризма»;
- 5) осуществлять сбор пожертвований для местных нужд кружка и для центральной кассы партии;

б) ставить вопросы, которые должны обсуждаться на областных или общих съездах партии, а также возбуждать ходатайства и высказывать пожелания в адрес центральной организации;

7) воздействовать на местные общественные и сословные учреждения и собрания, ученые и другие общества, профессиональные и другие союзы и вообще на «всякие группировки и классы с целью конституционной пропаганды»;

8) организовывать взаимопомощь пострадавшим лицам партии и их семьям;

9) устанавливать и поддерживать регулярные связи с другими местными оппозиционными партиями в пределах, «определяемых общим съездом конституционной партии или ее центральной организацией»⁴.

Как видим, формирующаяся либеральная партия, по оценке Долгорукова, переживала кружковой период, что было характерно для первого этапа партийного строительства. Такие «кружковые периоды» были типичны и для западноевропейских, и для российских социалистических партий. Долгоруков прекрасно понимал, что в России еще далеко не завершен процесс «выяснения программы и организации», что, в свою очередь, не позволяло, с одной стороны, выявить «собственную физиономию» партии, с другой – выработать соответствующее «отношение к другим оппозиционным партиям». На этой подготовительной, «кружковой фазе», считал Долгоруков, было бы целесообразно сохранить автономность существующих союзнических группировок – «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Только после прохождения «кружкового» и «союзнического» этапов можно было поставить вопрос о слиянии кружков и обоих союзов в единую партию. По сути, в этих докладах Долгорукова, выражаясь современным языком, была намечена «дорожная карта» перехода от протопартийных либеральных объединений к настоящей либеральной политической партии.

Совещание в Шафгаузене сыграло стимулирующую роль в деятельности обоих протопартийных структур – «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения». Отмечу, что между двумя этими «союзами» не было непроницаемых перегородок. Наоборот, они, образно говоря, напоминали два сообщающихся сосуда: их члены свободно переходили из одного союза в другой,

⁴ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 30–31.

у них был общий печатный орган – журнал «Освобождение», они регулярно обменивались информационными потоками, практически финансировались из одного источника, имели одни и те же каналы распространения нелегальной литературы, явочные квартиры и т.д.

Вместе с тем между союзами имело место «разделение труда» и «сфер влияния». Так, «Союз освобождения», сосредоточивший в своих рядах представителей демократической интеллигенции, активно занимался разработкой теоретических, программных и тактических вопросов, вел агитацию и пропаганду среди преподавателей высшей и средней школы, студентов, средних слоев города. В свою очередь, «Союз земцев-конституционалистов» включал в свой состав представителей земского самоуправления, вел агитационно-пропагандистскую работу по преимуществу в земской среде.

На так называемой кружковой стадии подобное «разделение труда» и «сфер влияния» было вполне оправдано и, безусловно, способствовало более эффективному распространению и внедрению конституционных идей в общественное сознание. До определенного момента подобная ситуация вполне устраивала оба союза, ибо позволяла сохранять плюрализм мнений по самому широкому кругу программных, тактических и организационных вопросов, что вполне соответствовало либеральным мировоззренческим ценностным принципам и индивидуальным личностным началам.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот непреложный факт, что параллельное существование двух союзов было определенным гарантом в случае репрессий против одного из них. По сути, можно говорить о взаимозаменяемости двух родственных структур, что, безусловно, обеспечивало большую устойчивость и живучесть подобного рода либеральных организаций. Так, радикализм «Союза освобождения» вполне компенсировался несколько более умеренным характером деятельности «Союза земцев-конституционалистов», ведущих работу в более консервативной земской среде. В свою очередь, умеренность земцев-конституционалистов с лихвой компенсировалась освобожденцами, которые вели масштабную агитационно-пропагандистскую работу в демократических кругах населения.

Создание и функционирование «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», о чем подробно говорится в монографии К.Ф. Шаццло, не сняло с повестки дня кардинальной

важности вопроса о создании единой либеральной партии, которой предстояло в условиях нарастания общенационального кризиса в России сыграть важную роль в деле мобилизации общественного мнения. В борьбе за общественное мнение либералы имели довольно сильных политических конкурентов в лице революционных партий, также ведущих борьбу за лидерство в освободительном движении. Решение этой принципиально важной проблемы настоятельно требовало создания сильной либеральной политической партии, способной «переиграть» конкурентов на политической арене, предложив обществу такую программу и наметив такие пути ее реализации, которые бы отражали потребности общественного развития, соответствовали бы настроениям и чаяниям большинства народа.

Неслучайно, после совещания в Шафгаузене с новой силой разгорелись дискуссии о типе партии, ее программе, тактике и организационной структуре. Так, Е.Д. Кускова видела основную задачу либеральной партии в подготовке общественного мнения страны к конституционным и демократическим преобразованиям. По ее мнению, выступая в качестве альтернативной оппозиционной силы правительству, либеральная партия должна развивать «в широкой массе не низкопоклонные инстинкты, а дух смелый, честный и свободный», что она не пассивно должна ждать реформ «сверху», а решительно за них бороться.

В отличие от Кусковой, по всей видимости, мыслившей либеральную партию в качестве легальной организации, С.Л. Франк предлагал создать нелегальную организацию типа социал-демократической. Вместе с тем он прекрасно понимал, что конспиративный характер этой партии противоречит принципам либерализма. В этом-то и заключалось одно из главных противоречий, которое так и не могли до конца своего существования разрешить ни «Союз освобождения», ни «Союз земцев-конституционалистов». Для тех и других было понятно, что без «крепких кадров конституционалистов», без «центрального ядра» партия будет представлять собой аморфное и неэффективное объединение, неспособное выдержать конкурентную борьбу с социалистическими партиями за лидерство в освободительном движении. Однако в условиях царившей разногласия в либеральном сегменте по программным, тактическим и организационным вопросам теории и практики либерализма не решались ставить вопрос о создании партии на принципах централизма, отдавая

предпочтение так называемой широкой организации парламентского типа, скорее напоминавшей дискуссионный клуб, чем единую и централизованную организацию.

Формирование и функционирование «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», скорее всего, отражало наличие «коридора возможностей» достижения компромисса между более решительно настроенной освободительской интеллигенцией, уже привыкшей действовать в нелегальных условиях, применяя более жесткие методы борьбы с самодержавным режимом, и менее способными к такой борьбе земцами-конституционалистами, для которых принцип легализма был непререкаемым. Нужно было определенное время для того, чтобы оба союза «притерлись» друг к другу, чтобы, последовав призыву Милюкова, приступить к созданию единой партии из «последовательных конституционалистов» и «сторонников демократических реформ». В своих воспоминаниях Милюков писал: «Нельзя было терять из виду, что речь идет о создании не революционной, а конституционной партии, задачей которой должна была стать борьба парламентскими методами. В спектре возникавших партий это было то пустое место, которое предстояло заполнить именно нам, и без его заполнения невозможно было и думать об установлении в России конституционного режима»⁵.

Однако освобожденцы и земцы-конституционалисты, составлявшие, по верному замечанию кн. Д.И. Шаховского, «как бы две связанные друг с другом части одного сложного целого», до поры до времени предпочитали действовать «в близком единении», не сливаясь в одну партию. По всей видимости, ситуация «параллельного» существования и «параллельной» деятельности могла продолжаться годы, если бы не обострение общенационального кризиса в стране, который заставил теоретиков и политиков либерализма пересмотреть темпы создания единой партии.

В докладе Шаховского «Политика либеральной партии», с которым он выступил на съезде «Союза освобождения», прошедшем нелегально 3–5 января 1904 г. в Петербурге, подчеркивалось: «События русской жизни приобретают такой быстрый и угрожающий ход, что мы можем оказаться внезапно перед перспективой общего кризиса, когда будет поздно обдумывать нашу программу и организовывать средства для ее исполнения. Момент будет

⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 200.

упущен, и русская либеральная партия прежде чем докажет свою способность к созидательной работе, будет оттеснена в самый важный и критический момент другими элементами, более крайними и решительными»⁶.

Настаивая на дифференциации в либеральном сегменте освободительного движения, Шаховской призывал создать партию «переворота», которая способна активно участвовать в свержении самодержавного режима. Эта позиция получила поддержку в ряде статей, опубликованных в журнале «Освобождение». Активизировав свою деятельность, оба союза приступили к созданию широкой сети профессиональных союзов демократической интеллигенции, разного рода кружков, которые рассматривались ими в качестве «опор» будущей либеральной партии, ее «приводных ремней» к массовому демократическому движению.

Начавшаяся первая российская революция стала мощным ускорителем процесса формирования либеральной партии. Вскоре после 9 января 1905 г. Струве в статье «Демократическая партия и ее программа» настоятельно советовал своим единомышленникам поспешить с образованием партии, ибо, в противном случае, они могут «упустить момент» оказать влияние на массы, которые полностью окажутся под влиянием революционных партий. «В настоящее время, — писал Струве, — такая партия должна, наконец, образоваться; в противном случае элементы, составляющие ее естественные и необходимые кадры, будут оттеснены на задний план и политические судьбы России будут решены состязанием реакционных и крайних партий»⁷.

По мнению Струве, демократическая партия должна быть «в высшей степени активной», а не пассивно наблюдать за происходящими в стране событиями. «Если настоящий момент, — подчеркивал он, — будет пропущен для активной тактики, то «закон действия» будет навязан русскому конституционализму, с одной стороны, самодержавным правительством, а, с другой стороны, — стихийным движением масс»⁸.

Сложность ситуации прекрасно осознавалась руководством обоих союзов. В первые месяцы революции они проделали огромный объем работы по разработке программы, тактики и организа-

⁶ Либеральное движение в России... С. 69.

⁷ Освобождение. 1905. № 67. С. 278.

⁸ Там же. С. 281–282.

ционных основ будущей партии, активизировали свою деятельность среди народных масс, пропагандируя конституционные и демократические идеи. Тем не менее между союзами еще оставалось немало «зазоров». Земцы-конституционалисты явно тянули с решением вопроса о полном разрыве с шиповцами, питали иллюзии, что самодержавный режим может добровольно сдать свои позиции и капитулировать перед натиском общественного мнения. Более радикальные освободенцы пытались «угнаться» за стремительным развитием событий, повышая на несколько градусов свои программные требования и корректируя свою тактическую линию поведения.

Перелом намечался в апреле 1905 г., после того как шиповцы, опубликовав собственную программу, покинули общеземский съезд, освободив тем самым земцев-конституционалистов от тяжелой «ноши», предоставив им возможность более интенсивно начать сближаться с освободенцами. Недаром после апрельского общеземского съезда на страницах «Освобождения» заговорили о наметившейся «солидарности» между «Союзом земцев-конституционалистов» и «Союзом освобождения».

На съезде земцев-конституционалистов, состоявшемся 9–10 июля 1905 г. в Москве, с программным докладом «О деятельности земцев-конституционалистов и о перспективах образования широкой политической партии» выступил Шаховской. Дав подробный анализ деятельности «Союза земцев-конституционалистов» с момента его возникновения (8 ноября 1903 г.) до июля 1905 г., Шаховской особо подчеркнул, что земцы-конституционалисты выполнили свою задачу по пропаганде конституционных идей в земской среде. Учитывая данный факт и изменившуюся политическую ситуацию в стране, считал Шаховской, земцам-конституционалистам следует поставить перед собой более широкую задачу – «подумать об организации более широкой политической партии». Для ее успешного решения, по мнению докладчика, возможны два пути: либо съезд признает «себя уже существующей конституционно-демократической партией» и, составив ее «ядро», позаботится о привлечении в свою среду «посторонних земству общественных деятелей»; либо съезд должен поручить особому комитету, «избранному из нашей среды», войти в соглашение с представителями других профессиональных или иных групп общественных деятелей (адвокаты, профессора, журналисты и т.д.) и совместно с представителями этих групп образовать Организационный комитет

будущей партии, который займется выработкой партийной программы и пополнением своих кадров. При этой комбинации, считал Шаховской, союз земцев-конституционалистов «может продолжать свое существование», сохранив «свою собственную структуру» и продолжит выполнять «текущие профессиональные задачи, связанные с нашей земской деятельностью, а каждый из нас по своему усмотрению может в то же время войти членом в будущую конституционно-демократическую партию»⁹.

Доклад Шаховского вызвал оживленную дискуссию, которая показала, что участники съезда по разному мыслят себе и тип партии, и стоящие перед ней задачи. Так, умеренные члены союза (Н.А. Шишков, гр. П.А. Гейден, С.А. Муромцев, С.А. Котляревский и др.) считали, что земцы-конституционалисты при образовании широкой политической партии «не должны поступаться в пользу более крайних общественных групп». Они «должны твердо стоять на своей земской программе, в основании которой лежит борьба за право». При этом они подчеркивали, что, создавая на земской основе партию, следует привлечь в ее ряды правее от нее стоящие элементы¹⁰.

Другие же участники съезда (кн. Д.И. Шаховской, А.А. Мануйлов, М.Л. Мандельштам, Ю.А. Спасский) считали, что будущая партия «не может быть земской конституционно-демократической партией, т.к. должна быть одна политическая конституционно-демократическая партия»¹¹. «Я, — заявил Шаховской, — считаю разговоры о земской конституционной партии недоразумением. В будущих рамках не останется места земцам, как таковым, там будут граждане. Наш основной принцип всеобщего избирательного права определяет ту сферу, в которой мы должны действовать. Партийная организация определяется не профессиями и не привилегиями, а исключительно политическими интересами и положением в общей политической борьбе <...> Итак, я считаю, что политическая партия должна формироваться вне нашей организации»¹².

По мнению Шаховского, «вопрос сводится к организации центрального ядра этой партии. Не мы должны составить этот центр, к которому будут затем примыкать другие общественные группы, ибо нельзя приглашать бóльшую величину войти в меньшую.

⁹ Либеральное движение в России... С. 335.

¹⁰ Там же. С. 344.

¹¹ Там же. С. 345.

¹² Там же. С. 347–348.

Ведь не все общественное движение исчерпывается земством и, в сущности, вне земства находятся гораздо большие общественные силы. Поэтому наша роль сводится только к выделению из своей среды нескольких представителей в тот коалиционный комитет будущей партии, в котором сойдутся представители всех других общественных группировок для совместной выработки основной партийной программы». Развивая мысль Д.И. Шаховского, А.А. Мануйлов заявил: «Наша главная задача – придать будущей партии не только политический, но и демократический характер, а для этого необходимо ввести в программу элемент социально-экономический»¹³.

Попытку найти консенсус между спорящими сторонами предпринял Милюков. Проанализировав позицию сторон, он считал, что задача съезда состоит в том, чтобы, не вдаваясь в обсуждение программы и организации будущей партии, выбрать особую комиссию, которая должна была вместе с другими существующими общественно-политическими организациями образовать коалиционный комитет для «выработки организационных оснований конституционно-демократической партии. Что же касается настоящей земской группы конституционалистов, то ее дальнейшее существование, несомненно, очень желательно, т.к. она имеет свои специальные, еще не исчерпанные задачи».

В отличие от тех, кто настаивал на создании конституционно-демократической партии на основе исключительно «земского ядра», Милюков указал, что «уже существует некоторая центральная организация, которая могла бы взять на себя задачу создания конституционно-демократической партии, это организация – “Союз освобождения”»¹⁴.

По мнению Ф.И. Родичева, «наш идеал и наши цели (имеются в виду группа земцев-конституционалистов и ее программа. – *В.Ш.*) вполне совпадают с программой “Союза освобождения” <...> Нас объединяет задача освобождения страны <...> Поэтому нет никаких оснований нам не входить в существующую уже все-российскую партию, которая должна расширяться в своей деятельности и экстенсивно, и интенсивно»¹⁵. Родичев подчеркивал, что «обособление на узко профессиональном земском начале приве-

¹³ Либеральное движение в России... С. 348.

¹⁴ Там же. С. 349.

¹⁵ Там же. С. 350.

дет нас к атрофии. Мы представляем собой только одну клеточку, которая может существовать только в связи с другими, образуя с ними целый организм. Как всякая клеточка, при отделении ее от других, мы будем обречены на отмирание <...> При образовании партии безразлично, будем ли мы первым основным ядром ее, или наряду с нами будут стоять другие группы. Важно лишь то, что мы не можем уже, как политическая партия существовать отдельно. Партийный организм должен развиваться и вширь и вглубь».

В отличие от гр. П.А. Гейдена, который предлагал будущую партию назвать «земской», Родичев призвал отказаться от «нерусского слова» — «конституционно-демократическая» — и в названии партии «удержать слово “освобождение”», «при упоминании которого, у меня, по крайней мере, усиленно бьется сердце. По существу это будет русская демократически-правовая (свободная) партия освобождения»¹⁶.

Подводя итоги работы первого дня съезда, кн. Петр Д. Долгоруков заявил, что, во-первых, «наша главная цель — вмешаться в самую гущу жизни и повлиять на ход происходящего кругом народного движения»; во-вторых, «нам не следует утрачивать нашей профессионально-групповой организации»; в-третьих, надо «стремиться завязывать сношения с другими существующими уже организациями». Ради выполнения этих задач, подчеркнул Долгоруков, «нам можно en bloc принять освобожденческую платформу и поручить дальнейшую детальную разработку ее особому комитету, который образовать вместе с другими, родственным нам по духу, организациями»¹⁷.

На следующий день Шаховской от имени Бюро съезда внес на обсуждение его участников следующий проект резолюции по вопросу организации конституционно-демократической партии:

«1. Признавая, что необходимо в настоящее время приступить к образованию конституционно-демократической партии, которая бы состояла из широкого круга деятельных единомышленников в стране, не только из среды земских и городских представителей, и имела бы полную и цельную программу (с включением в нее положений по экономическим, национальным и финансовым вопросам), съезд поручает уполномоченным им на то 10 лицам вступить в соглашение с близкими по направлению группами

¹⁶ Либеральное движение в России... С. 350.

¹⁷ Там же. С. 350–351.

по своему усмотрению, составить вместе с лицами, которые будут уполномочены от тех групп, временный комитет партии, приступить к необходимым действиям по ее организации и обо всем сделанном довести до сведения следующего съезда.

2. Организацию настоящего съезда земской конституционной группы сохранить пока без изменения, предоставив лишь Бюро право приглашать в состав членов и городских гласных.

3. Поручить Бюро продолжать разработку программы по аграрному вопросу и организовать подобное же обсуждение вопросов рабочего, финансового и национального»¹⁸.

Внесенная Шаховским резолюция вызвала оживленную дискуссию. Ряд участников съезда (В.И. Вернадский, Н.К. Муравьев) продолжали настаивать на том, что «ядром» партии должна стать группа земцев-конституционалистов, что якобы ни «Союз освобождения», ни «Союз Союзов» не соответствуют этой важной задаче. Выступивший вслед за ними Милюков заявил, что при образовании партии следует привлекать в нее больше различных элементов, ибо «некоторая широта захвата и неопределенность очертаний даже выгодна в деле образования партии». Соглашаясь с Долгоруковым, Милюков считал, что было бы целесообразно принять программу «Союза освобождения», что облегчило бы задачу более быстрого создания конституционно-демократической партии. Предстоящие выборы в народное представительство, подчеркнул А.В. Васильев, должны стать стимулом к немедленному образованию партии, ибо они позволят привлечь «к нашему знамени громадное количество населения». По мнению И.И. Петрункевича, Бюро следовало предоставить «полную свободу для привлечения новых членов. Нам необходимо отовсюду вербовать сторонников известных идей, так как иначе мы не справимся со сложными задачами, которые выдвигаются самой жизнью»¹⁹.

После оживленных прений съезд принял следующую резолюцию:

«I. Съезд признает, что необходимо в настоящее время приступить к образованию конституционно-демократической партии, которая состояла бы из широкого круга деятельных единомышленников в стране и имела бы полную и цельную программу с включением в нее положений по экономическим, финансовым, областным и национальным вопросам.

¹⁸ Либеральное движение в России... С. 351.

¹⁹ Там же. С. 358–359.

Съезд поручает уполномоченным им на то 20 лицам вступить в соглашение с близкими по направлению группами по своему усмотрению, составить вместе с лицами, которые будут уполномочены от тех групп временный комитет партии, приступить к необходимым действиям по ее организации и обо всем сделанном довести до сведения следующего съезда.

II. Организацию настоящего съезда земской конституционной группы сохранить пока без изменения с тем, чтобы Бюро приглашало в состав членов и городских гласных.

III. Поручить Бюро совместно с 20 лицами, избранными согласно 1-го пункта, продолжать разработку программы по аграрному вопросу и организовать подобное же обсуждение вопросов: рабочего, финансового, национального и областного»²⁰.

Как видим, июльский съезд «Союза земцев-конституционалистов» стал важной вехой на пути к созданию либеральной партии. Однако дискуссия, возникшая на съезде, показала, что среди земцев-конституционалистов были значительные разночтения по вопросу о самом типе партии, ее структуре и социальном составе.

Вместе с тем избрание «20-членной комиссии», которой предстояло войти в контакт с близкими по направлению и духу общественно-политическими организациями для выработки общей программы и тактики, свидетельствовало о понимании земцами-конституционалистами важности и необходимости немедленно приступить к созданию конституционно-демократической партии, тем более что вскоре предстояла избирательная кампания в «булыгинскую» Думу.

Не менее сложной и противоречивой по вопросу создания конституционно-демократической партии была ситуация в «Союзе освобождения». Если в «Союзе земцев-конституционалистов» жаркие споры разгорелись относительно союза с элементами, правее стоявшими, то в «Союзе освобождения» эти споры шли о союзе с элементами, стоявшими на более радикальных позициях.

После издания Манифеста 6 августа 1905 г. возникла реальная возможность легальной деятельности, чем и решили воспользоваться либералы, увязав обсуждение участия в избирательной кампании по выборам в «булыгинскую» Думу с необходимостью ускорения создания либеральной партии. На IV съезде «Союза

²⁰ Либеральное движение в России... С. 360.

освобождения» был принят ряд важных постановлений. Во-первых, было признано необходимым «приступить безотлагательно к организации открытой конституционно-демократической партии». С этой целью съезд избрал особую комиссию из 40 лиц, в которую вошло 15 человек из состава комиссии, избранной съездом «Союза земцев-конституционалистов». Комиссии было «поручено войти по данному вопросу в сношения с другими общественными группами и принимать все нужные подготовительные меры; в качестве исходной точки для таких подготовительных работ комиссии была указана программа “Союза освобождения”, принятая на третьем съезде Союза»²¹.

На заседаниях Соединенной комиссии продолжились жаркие дебаты по всему спектру программных, тактических и организационных вопросов, включая вопрос о типе и структуре партии. Представители умеренного крыла комиссии (С.А. Муромцев, В.А. Маклаков, М.В. Челноков) считали, что деятельность партии должна носить временный характер (т.е. функционировать до установления в стране конституционного строя, а затем прекратить свое существование). Основную задачу партии в данный политический момент они видели в подготовке выборов в «булыгинскую» Думу. При этом они настаивали на том, что на выборах партия должна заключать блоки только с умеренными элементами, невзирая даже на то, что некоторые из них являются противниками всеобщего избирательного права.

В свою очередь, центр и левое крыло комиссии доказывали, что партия должна стать постоянно действующим элементом в будущей конституционно-парламентарной политической системе. Они выступали против блока на выборах с противниками всеобщего избирательного права, подчеркивая при этом, что единственной правильной тактикой будет «координация действий» с левыми партиями.

Итак, разногласия в Соединенной комиссии продолжались, и лидеры будущей партии, по признанию Милюкова, опасались, что на учредительном съезде возникнут не одна, а две или три партии, а в том случае, если все же «создастся одна, то это будет не партия, а “блок”, своего рода “Союз союзов”»²².

²¹ Либеральное движение в России... С. 360.

²² Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906 гг. СПб., 1907. С. 111.

Относительно конституционно-демократической партии опасения Милюкова не оправдались, но применительно ко всему спектру либеральной оппозиции они оказались пророческими. Вместо единой либеральной партии, о которой в 1902 г. мечтал Струве, в России возникло несколько либеральных партий.

Таким образом, процесс размежевания и самоопределения в русском либерализме растянулся на несколько лет, проходил весьма трудно и напряженно. Правда, те же тенденции имели место в консервативном, социал-демократическом и неонародническом сегментах освободительного движения. Подобного рода ситуация объяснялась, прежде всего, незавершенностью формирования гражданского общества в России, отсутствием необходимых для формирования партий политических свобод, резкой мировоззренческой и идейно-политической непримиримостью между акторами освободительного движения, отсутствием у них практического опыта к диалогу и политическому компромиссу в деле разрешения объективно назревших вызовов времени.

Русские либералы, консерваторы и социалисты еще не переболели «болезнью многопартийности», которая объективно вела не к объединению, а к разъединению их сил. Вместо создания единых партийных структур либерального, консервативного и социалистического характера российский партийный ландшафт оказался крайне мозаичным, «перенаселенным» множеством мелких и недееспособных политических организаций, напоминавших протопартийные салоны, кружки, союзы, так и не ставших современными европейскими партиями. «Детскую болезнь многопартийности» переживали и русские либералы, разошедшиеся по многим партиям и организациям, что обуславливало отсутствие единства их действий, а, в конечном счете, вело к размыванию либерального поля.

О.В. Будницкий

Террористы Его Величества

Обычно терроризм в Российской империи ассоциируется с левыми радикалами¹. Бесспорно, инициаторами «диалога» с властью посредством бомб и револьверов были левые, и львиная доля терактов и, соответственно, их жертв — преднамеренных и еще в большей степени случайных — на их совести. Менее известно зеркальное отражение левого терроризма — терроризм справа, так сказать, из «патриотических» побуждений. Речь идет не о правительственном терроре, вроде предания гражданских лиц военно-полевым судам в мирное время или бессудным расстрелам в ходе подавления вооруженных восстаний, например, в декабре 1905 г. в Москве. Я имею в виду «общественную инициативу», стремление защитить власть или услужить ей доступными пониманию «инициативников» способами.

«Святая дружина»

Первая попытка такого рода была предпринята после цареубийства 1 марта 1881 г. Идею создания тайного общества для борьбы с крамоллой и использования для этого террористических методов выдвинул (точнее, приписал ее себе) ни кто иной, как Сергей Юльевич Витте, в то время служащий Юго-Западных железных дорог в Киеве. Под впечатлением известия о цареубийстве он отправил в Петербург своему дяде-генералу письмо, в котором заключал, что «с анархистами надо бороться их же оружием. Следовательно, нужно составить такое сообщество из людей, безусловно, порядочных, которые всякий раз, когда со стороны анархистов делается какое-нибудь покушение или подготовка к покушению на Государя, — отвечали бы в отношении анархистов тем же самым, т.е. также предательски и также изменнически их бы убивали»².

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: док. публ. / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. Обзор историографии левого терроризма в России см.: Будницкий О.В.: 1) Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000. С. 5–27; 2) Революционный терроризм в Российской империи: историография последних лет (2000–2015) // Российская история. 2017. № 3. С. 119–137.

² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 118.

Витте был вызван в Петербург, принят министром императорского двора графом Илларионом Воронцовым-Дашковым, близким другом императора Александра III, и флигель-адъютантом, полковником, графом Павлом Шуваловым. Они приняли его в тайное общество, именуемое «Святой дружиной» (в литературе более известно под названием «Священная дружина»). В состав дружины входили представители аристократии, высшего чиновничества, гвардейские офицеры. В «дружинниках» состояли 62 лица из свиты его величества, 17 дипломатов, немало будущих министров, будущий председатель III и IV Государственных дум М.В. Родзянко и вовсе неожиданные люди, вроде известного врача-окулиста А.Н. Маклакова (отца будущего видного деятеля партии кадетов В.А. Маклакова) или композитора Петра Ильича Чайковского. В литературе этот казус объясняют тем, что Петр Ильич получил незадолго до этого через К.П. Победоносцева (тоже члена «Святой дружины») 3000 руб. (большие по тем временам деньги), причем с уведомлением, что возвращать их не нужно. Ну, вроде, как и неудобно было не вступить³.

Всего дружинников насчитывалось 729 человек. Строилась дружина по принципу масонской ложи и, видимо, с учетом опыта революционных организаций. Все было как у «настоящих» – ЦК, Исполнительный комитет, и, как положено, «пятерки». В точности, как в «Народной расправе» Сергея Нечаева. Были образованы территориальные комитеты в Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове, Новочеркасске и других городах, а также заграничная агентура. В деньгах нужды дружина не испытывала: были проведены сборы среди членов и сочувствующих, получен как будто внушительный взнос от императора, да к тому же один из дружинников и богатейших людей России – Павел Демидов, князь Сан-Дonato, не скупился в расходах на святое дело. Только фонд на агентурные нужды составлял 300 тыс. руб., что позволило дружине создать отделения в 30 городах страны и заграничные резидентуры в Париже, Берлине и Вене.

Витте был назначен главным в «Киевском районе». Он должен был сформировать пятерку, а каждый член этой пятерки, в свою очередь, – новую пятерку. По словам будущего министра финансов, «это было секретное сообщество вроде тех сообществ,

³ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 119; см.: *Сенчакова Л.Т.* «Священная дружина» и ее состав // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1967. № 2; *Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г.* Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 685–687.

которые существовали в Средние века в Венеции и которые должны были бороться с врагами и оружием, и даже ядом».

Дружина планировала убийства видных революционеров-эмигрантов; был составлен список потенциальных жертв. Характерно, что в него включили князя Петра Кропоткина и народовольца Льва Гартмана, одного из организаторов и участников взрыва царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 г. Гартман и Софья Перовская играли роли путевых обходчиков супругов Сухоруковых, и из домика велся подкоп под полотно железной дороги. «Дружинники» считали Гартмана и Кропоткина причастными к царевубийству 1 марта 1881 г. На самом деле анархист Кропоткин не был членом «Народной воли», да и вообще был тогда противником терроризма, а Гартман давно отошел от дел. Среди намеченных жертв был также французский журналист Анри Рошфор, организатор кампании во французской печати в поддержку русских революционеров. Похоже, дружинники собирались просто убить тех, о ком имели какие-то сведения.

«По душу» Гартмана командировали в Париж Витте. Точнее (конспирация дело святое!), его отправили в Париж, не сообщая цели поездки; указания он должен был получить на месте. Витте поселился в «Гранд Отеле», напротив «Оперы» и получил вскоре письмо о том, что ему следует связаться с дружинником по фамилии Полянский, квартировавшим в том же отеле. Полянский, бывший офицер уланского полка, занимался организацией убийства Гартмана. Что именно должен был делать Витте, осталось неясным, однако Полянский вообразил, что эмиссар от дружины приехал убить его за то, что он до сих пор не ликвидировал Гартмана. Полянский продемонстрировал Витте Гартмана, а также двух апашей, которые следили за народовольцем (за что получали 100 франков в день). Апаши должны были завязать с Гартманом драку и его убить. Полянский до сих пор не осуществил этого, т.к. ему было приказано из Петербурга ожидать указаний. Вскоре оно последовало – ждать еще одного представителя, который должен «ликвидировать все дело». Витте не стал ждать и вернулся в Киев. Остается гадать, за кем следили дружинники, и чье убийство собирались осуществить: ведь Гартман на самом деле в это время жил в Лондоне.

После этой истории Витте решил выйти из дружины. По его словам, «по всей России распространилось очень много слухов о существовании этого общества, и о том, что туда направилась

всякая дрянь, которая на этом желала сделать себе карьеру; это общество в самый короткий срок сделалось “притчей во языцех” — вот вследствие всего этого, я и почувствовал необходимость выйти из этого скверного, в конце концов, по меньшей мере смешного, если не грязного и гадкого дела»⁴.

В самом деле, деньги были большие, да и возможности для карьеры немалые, так что от добровольцев не было отбоя. Что же касается конспирации, то очень скоро существование и деятельность «Святой дружины» стали секретом Полишинеля. Этому способствовала и конкуренция среди различных придворных группировок или людей, стремившихся повлиять на императора. К примеру, крайний консерватор князь В.П. Мещерский опубликовал в своем «Гражданине» памфлет «Князь Нони. Сутки нынешнего светского человека», в котором «князь Нони» видит во сне, как он спасает Россию в качестве диктатора, а пока что формулирует свою программу какой-то поклоннице, графине или княгине: «Если бы у меня было время, я бы изложил Вам свою программу обстоятельно, а теперь — в двух словах: энергия против сукиных детей (террористов, анархистов и социалистов) и либерализм для остальных». В «князе Нони» посвященные легко узнали одного из основателей и руководителей «Святой дружины» графа Павла Шувалова, известного в свете под именем графа Боби.

В списках ходило непропущенное цензурой третья «Письмо к тетеньке» Салтыкова-Щедрина, в котором говорилось об «Обществе частной инициативы спасения», оно же «Общество проломанных голов». Позднее Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» изобразил «Святую дружину» под названием «Клуб взволнованных лоботрясов».

Если с террором у дружинников не получилось, то на ниве пропаганды кое-чего им добиться удалось. Для борьбы с народофильской идеологией дружина издавала в Женеве две газеты: «Правда» (Женева, 1882—1883, редактор И.Н. Климов) дискредитировала радикалов, доводя их теории до полного абсурда; «Вольное слово» (Женева, 1881—1883, редакторы М.П. Драгоманов, А.П. Мальшинский), орган некоего Земского союза, выступавший против терроризма с либеральных позиций. Происхождение «Правды» изначально сомнений не вызывало, с «Вольным словом» же дело оказалось сложнее. Мальшинский в прошлом служил в III Отде-

⁴ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 119—122.

лении Собственной его императорского величества канцелярии, т.е. в тайной полиции. Драгоманов был известным публицистом, ученым-фольклористом, деятелем украинского национального движения и конституционалистом. В «Вольном слове» он печатал вполне «доброкачественные» тексты, оказавшие определенное влияние на российских либералов. Возможно, поначалу его использовали «втемную», и Драгоманов не знал, кто финансирует газету. Если дело и обстояло поначалу именно так, то иллюзии Драгоманова вскоре рассеялись, и он ведал, с кем в действительности сотрудничает. Да и Витте явно стремился приуменьшить задним числом свою роль в «Дружине»⁵.

«Святая дружина» была распущена Александром III 26 ноября 1882 г. по инициативе министра внутренних дел графа Д.А. Толстого: полиции надоело, что дружинники путаются у нее под ногами.

Монархисту Витте, одному из инициаторов «белого террора» в начале 1880-х гг., вряд ли могло прийти в голову, что четверть века спустя он сам станет мишенью террористов, и вовсе не красных, а «черных». Речь идет о покушении на отставного премьер-министра боевиков «Союза русского народа» (СРН).

«Союз русского народа»: идеология и программа

«Союз русского народа» образовался в ноябре 1905 г. Очень скоро «союзников» стали называть черносотенцами, что они восприняли с некоторым удовлетворением, возводя это название к черным сотням, городскому податному населению XVII в., заявляя, что они-то и есть соль земли русской. В основе программы Союза лежала уваровская формула «православие, самодержавие, народность», дополненная антисемитизмом. СРН считал своими предшественниками славянофилов, однако это был вариант «темного», примитивного славянофильства. СРН выступал против парламентаризма, за единение власти с народом, которому мешала бюрократия. Как «положено» квази-славянофилам, союзники идеализировали допетровскую Русь и мечтали о некоем совещательном органе, в рамках которого будет происходить прямое общение власти с народом. Попытки «дезертировать в XVII в.» были, разумеется, умозритель-

⁵ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов и «Вольное слово» (По поводу одного документа из архива М.К. Лемке) // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С.Н. Валка. Л., 1964. С. 163–178.

ными. Идеалы союзников лежали в прошлом, точнее, в придуманном прошлом. Это была реакция на модернизацию, неприятие многих реалий современного мира, неприятие иногда наивное, но всегда крайне агрессивное.

Председателем главного совета «Союза русского народа» был избран детский врач А.И. Дубровин, один из его отцов-основателей. Впоследствии от СРН отпочковался ряд организаций черносотенного толка в основном на почве амбиций и личных разногласий деятелей движения, а потом и сам Дубровин оказался в меньшинстве, покинул СРН и основал в 1912 г. «Всероссийский Дубровинский Союз Русского народа». Дубровинское наследие оказалось в руках Н.Е. Маркова 2-го, в отличие от Дубровина признававшего Государственную думу и бывшего одним из ее самых правых и самых скандальных депутатов. Впрочем, в этом отношении он был не одинок: еще одним думским скандалистом являлся В.М. Пуришкевич, вышедший из состава СРН вследствие конфликта с Дубровиным и основавший в 1908 г. «Русский народный союз имени Михаила Архангела». В идейном отношении у всех этих организаций было больше общего, нежели отличного⁶.

Характерны экономические идеи, высказывавшиеся на страницах черносотенной печати. В 1905 г. декларировалось, что «хозяйственная политика должна иметь своим руководящим началом взгляд на Россию как на страну преимущественно крестьянскую и земледельческую». В 1912 г. невозможно было не признать, что «Россия ныне есть уже страна не только земледельческая, но также фабрично-заводская и торгово-промышленная». Однако крайне правые, признавая фактическое положение вещей, подчеркивали предпочтительность народных промыслов, ремесленных мастерских, небольших предприятий: «Для народного труда выгоднее десять мелких фабрик, чем одна большая, т.к. десять фабрик будут доставлять больше заработков и чернорабочим, и образованным людям». Но более всего правых тревожила вовлеченность страны в мировую финансовую и экономическую систему: «Финансовая и экономическая политика должна быть направлена к освобождению от зависимости от иностранных бирж и рынков». Черносотен-

⁶ Подробнее о русских правых см.: *Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia*. London, 1986. P. 188–232; *Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.)*. М., 1992; *Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge, 1995; *Gilbert G. The Radical Right in Late Imperial Russia: Dreams of a True Fatherland?* London; New York, 2016.

цы стремились отгородиться от Запада, которому предрекали скорый крах. В одной из черносотенных брошюр о западных странах говорилось: «Они уже давно умерли, разлагаются и издают невыносимое зловоние и скоро, скоро совсем разрушатся». Черносотенцы выступали против монополий, возлагая надежды на регулирующую роль государства⁷. Они выступали за «уничтожение золотой валюты» (а значит, против финансовой реформы Витте и против него лично) и предлагали ввести взамен «национальный кредитный рубль».

Одним из учредителей СРН был экономист и публицист С.Ф. Шарапов, декларировавший, что он – за бумажные деньги как за «лучшую, идеальную, но еще мало того, *христиански-нравственную форму* (курсив автора. – О.Б.) денег. Только этими деньгами христианское общество может усиленно проводить в жизнь элементы экономической справедливости»⁸.

«Союз русского народа» выступал за увеличение крестьянских наделов и за улучшение условий труда и быта рабочих. Эти декларации, привлекавшие в ряды Союза немало крестьян и рабочих (численность СРН достигала на пике 350 тыс. чел.), остались платоническими – сколько-нибудь реальных достижений по этой части за Союзом не числилось.

Душой, центральным пунктом идеологии черносотенцев был антисемитизм. Они издали тонны антисемитской литературы. В избирательной платформе СРН к выборам во II Государственную думу раздел, посвященный «еврейскому вопросу», превышал по объему раздел, касавшийся земельного вопроса, и в восемь с лишним раз – рабочего. Суть решения «еврейского вопроса» сводилась к введению целого ряда ограничений в дополнение к уже существовавшим и, в конечном счете, к выселению евреев из России⁹.

Еврейские погромы 1905–1906 гг. «Союз русского народа» и власть

Собственно, черносотенцы впервые широко заявили о себе активным участием в еврейских погромах, прокатившихся по им-

⁷ Выдержки из черносотенных изданий цитируются по: Степанов С.А. Черная сотня... С. 10–12.

⁸ Две записки Сергея Шарапова о русских финансах, поданные в феврале 1900 г. новому Государственному контролеру П.Л. Лобко. Берлин, 1901. С. 18.

⁹ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 449–453.

перии после издания Манифеста 17 октября 1905 г. На гражданские свободы, дарованные Манифестом, городское дно, подстрекаемое крайне правыми, ответило еврейскими погромами. В погромах приняли самое активное участие и часть рабочих, на политическое просвещение которых потратили столько напрасных усилий революционеры. Объектами нападений в октябрьские дни 1905 г. были не только евреи — доставалось также студентам, интеллигентам, людям в очках. В Костроме за отсутствием студентов черносотенцы атаковали участников митинга, устроенного гимназистами и семинаристами. Один семинарист был убит, трое тяжело ранены и 57 получили легкие телесные повреждениями. В Ярославле напали на Демидовский лицей. В Нежине студентов лицея черносотенцы заставили весь день носить по городу царский портрет и петь гимн. Студенты и профессора лицея, опасаясь эскалации насилия, бежали в Киев, но приехали туда как раз в разгар погрома — одного из самых масштабных и кровавых. В Закавказье в смутьяны были записаны наряду с евреями армяне. Всего в период с октября 1905 по январь 1906 г. произошло 657 погромов, в ходе которых были убиты и ранены несколько тысяч человек¹⁰.

Наиболее кровавые погромы состоялись в Одессе и Ростове-на-Дону. Сравнительно точные данные имеются по Екатеринославской губернии, на которую пришелся 41 погром. В ходе этих погромов были убиты 285 человек, а общий материальный ущерб оказался наибольшим по сравнению с любой другой губернией, составив 13 200 000 руб. Трехдневный погром в Екатеринославле (21–23 октября) стоил 95 жизней, а 245 человек были тяжело ранены. Погромщики насильствовали несовершеннолетних девочек и беременных женщин. Были разгромлены 311 предприятий, 40 многоквартирных доходных домов, некоторые здания сожжены дотла. В Юзовке (нынешний Донецк) погромщики убили 10 (некоторых из них бросили в доменные печи) и ранили 38 евреев, разгромили и разграбили 84 магазина и лавки, более 100 квартир. Общий ущерб достиг почти миллиона рублей¹¹.

¹⁰ Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 54–59; Lambroza Sh. The pogroms of 1903–1906 // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / J.D. Klier, Sh. Lambroza (Eds.). Cambridge, 1992. P. 191–290.

¹¹ Wynn Ch. Workers, Strikes and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in late Imperial Russia, 1870–1905. Princeton, 1992. P. 214–215, 217; Friedgut Th.H. Iuzovka and Revolution. Princeton, 1994. Vol. II. P. 151–153.

В погромах принимали участие и из «идейных» соображений, и с целью пограбить. Колоритную сцену наблюдали очевидцы в Курске: «На Московской улице к офицеру подходит деревенский мужичок в полушубке и лаптях. “Ваше благородие, — спрашивает он офицера, — где здесь нанимают?” “Куда нанимают?” — переспрашивает офицер. “Да, значит, сказывали, нанимают еврейские лавки бить <...> Хочется заработать, да не знаем, — к кому, в какую контору”»¹².

По погромным делам состоялось не менее 205 судебных процессов, на которых были осуждены 1 860 человек, из которых 1 713 — помилованы императором, 78 погромщикам в помиловании отказали. Некоторые помилованные успели отбыть срок полностью, ибо в большинстве случаев наказания были не слишком тяжкими — свыше половины осужденных приговорили к восьми месяцам арестантских отделений, в некоторых случаях наказания ограничивались несколькими неделями или месяцами содержания при полиции. Максимальные наказания за убийства во время погромов составили 10 лет каторжных работ¹³. Власть, отлично сознавая преступный характер деяний погромщиков, проявила невиданную милость.

Многие годы русская либеральная интеллигенция тешила себя иллюзией, что погромы были организованы правительством. Как показывают исследования современных историков, грехи правительства общественное мнение сильно преувеличивало. *Организацией* (здесь и далее курсив мой. — *О.Б.*) погромов оно не занималось. Заметим, вынося за скобки соображения морали, что верхом неразумия со стороны властей стало бы увеличение хаоса в стране, охваченной революционной смутой. Да и как «технически» это можно было сделать, если решение о подписании Манифеста 17 октября 1905 г. император принял в последнюю минуту? Другое дело — антиеврейское законодательство, поощрение крайне правых организаций, в том числе их прямое финансирование, непринятие каких-либо серьезных мер против антисемитской пропаганды. Все это создавало атмосферу, в которой погромы могли принять массовый характер.

Император Николай II дважды принимал делегации «Союза русского народа» — 23 декабря 1905 и 16 февраля 1906 г. В числе прочего принял в дар от «союзников», для себя и для наследни-

¹² Степанов С.А. Черная сотня... С. 81.

¹³ Там же. С. 81–82.

ка, значки Союза. Время от времени император появлялся с этим значком. Похоже, он, в самом деле, считал, что это и есть «истинно русские люди» и опора престола. В условиях нового строя, декларированного Манифестом и закрепленного в Основных законах 23 апреля 1906 г., когда власть императора ограничивалась Государственной думой, царь рассчитывал на поддержку русских крестьян. Однако к ужасу и недоумению императора крестьяне проголосовали за социалистов – трудовиков, а также за либералов – партию кадетов, обещавшую решить аграрный вопрос в пользу крестьян; черносотенцев в I Думе не оказалось вовсе. Она была распущена после 72 дней работы. Однако II Дума оказалась еще «хуже» – представительство кадетов сократилось, но резко возросла численность социалистов (трудоиков, эсеров, социал-демократов), и Дума оказалась левее своей предшественницы. Крайне правых в ее составе насчитывалось около десятка. Правительство пошло на роспуск II Думы и на государственный переворот 3 июня 1907 г. – изменение избирательного законодательства вопреки Основным законам.

На следующий день император Николай II отправил телеграмму Дубровину в ответ на многочисленные телеграммы «союзников», сначала требовавших роспуска Думы, а затем восторженно его приветствовавших. Сам Дубровин был противником «парламентаризма» в любом виде. Царская телеграмма заканчивалась словами: «Да будет же Мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем *примером законности и порядка*». Когда в редакцию консервативного «Нового времени» принесли телеграмму, Михаил Суворин, главный редактор газеты, заметил: «Государь нашел себе партию и прислал удивительную телеграмму Дубровину». Однако его отец, А. С. Суворин, основатель и все еще реальный управляющий газетной империей, не поверил в подлинность телеграммы и велел снять из номера текст, настолько невероятным он ему показался, вдобавок выговорив сыну за неумение распознать подделку. Суворин-старший сам был членом черносотенного «Русского Собрания» (хотя во что на самом деле верил старый циник, судить трудно), тем более характерна его реакция. Телеграмма оказалась подлинной, так что пришлось ее опубликовать с запозданием¹⁴.

¹⁴ Запись от 5 июня 1907 г. // Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 487–488.

Сильнейшее впечатление произвела телеграмма и на С.Ю. Витте, записавшего по этому случаю свои общие соображения о черносотенном движении, которое «еще сыграет громадную роль в дальнейшем развитии анархии в России»: «Эта партия в основе своей патриотична, а потому при нашем космополитизме симпатична. Но она патриотична стихийно, она зиждется не на разуме и благородстве, а на страстях. Большинство ее вожаков политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи, и все свои усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы. Партия эта, находясь под крыльями двуглавого орла, может произвести ужасные погромы и потрясения, но ничего, кроме отрицательного, создать не может. Она представляет собою дикий, нигилистический патриотизм, питаемый ложью, клеветой и обманом, и есть партия дикого и трусливого отчаяния, но не содержит в себе мужественного и прозорливого созидания. Она состоит из темной, дикой массы, вожаков – политических негодяев, тайных соучастников из придворных и различных, преимущественно титулованных дворян, все благополучие которых связано с бесправием и лозунг которых “не мы для народа, а народ для нашего чрева” <...> Это – дегенераты дворянства, взлелеянные подачками (хотя и миллионными) от царских столов.

И бедный государь мечтает, опираясь на эту партию, восстановить величие России. Бедный государь <...>

Пишу эти строки, предвидя все последствия безобразнейшей телеграммы императора проходимцу Дубровину, председателю Союза русского народа. Телеграмма эта в связи с манифестом о роспуске второй Думы показывает все убожество политической мысли и болезненность души самодержавного императора!»¹⁵.

«Боевая» деятельность черносотенцев

Обратимся, однако, к основной теме статьи – терроризму справа. Черносотенцы организовали в ряде городов боевые дружины, целью которых была борьба с революционерами.

В 1906–1907 гг. боевые дружины были сформированы в Архангельске, Астрахани, Вологде, Гомеле, Екатеринославе, Ки-

¹⁵ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. СПб., 2003. С. 12–13.

еве, Кишиневе, Москве, Одессе, Тифлисе и Ярославле. В Петербурге общегородской дружиной руководил кандидат в члены Главного совета СРН Н.М. Юскевич-Красовский. Кроме того, дружины создали в Нарвском и Путиловском районах. Черносотенцы без всяких проблем получали разрешения на ношение оружия. Революеры, как правило, закупались и распределялись по дружинам централизованно. Очевидно, пускались в ход и ножи: председатель Гомельского отдела СРН А.Х. Давыдов «умолял» Дубровина прислать 35 револьверов и 100 финских ножей. Однако большую часть вооружения черносотенцы получили от властей: петербургская полиция выдала черносотенцам 100 револьверов, а тульский вице-губернатор А.Н. Хвостов расщедрился на 600 наганов. Большинство дружинников были из рабочих, однако встречались студенты, гимназисты, ремесленники, мелкие торговцы. Как обычно, такого рода формирования притягивали разного рода любителей приключений и откровенно уголовных элементов. Боевики нападали на участников антиправительственных митингов и демонстраций, на собрания членов социалистических партий, избивали, а иногда убивали людей. Ответ был соответствующим. Боевые дружины эсеров, социал-демократов или анархистов нападали на черносотенцев – время от времени бросали бомбы в трактиры или чайные, в которых те собирались. Степень влияния боевиков в разных городах существенно отличалась и во многом зависела от местных властей. В Одессе черносотенцы были второй, если не первой властью. По свидетельству сестры С.Ю. Витте (октябрь 1906 г.), в Одессе «ежедневно “русские люди” кого-нибудь убивают на улице, и это совершенно безнаказанно». В Петербурге черносотенцы чувствовали себя вольготно при благоволившем к ним (и подбрасывавшем денег) градоначальнике генерале В.Ф. фон дер Лаунице. Сменивший последнего (он был убит эсеровским террористом) генерал Д.В. Драчевский отказался принять депутацию боевой дружины «союзников», возглавляемую Юскевичем, и «патриотические» выступления боевиков немедленно прекратились¹⁶.

Черносотенцы организовали убийства депутатов Государственной думы М.Я. Герценштейна, Г.Б. Йоллоса, А.Л. Караваева, покушение на бывшего премьер-министра графа С.Ю. Витте.

¹⁶ Степанов С.А. Черная сотня... С. 142–152; Изгоев А.С. «Правые террористы» // Русская мысль. 1909. № 10. Отд. II. С. 172–174.

18 июля 1906 г. был убит депутат I Государственной думы ученый-экономист, кадет М.Я. Герценштейн¹⁷. «Заказчиком» убийства стал Николай Юскевич-Красковский – кандидат в члены Главного совета «Союза русского народа» и руководитель петербургской боевой дружины СРН. Судя по последующему расследованию и показаниям рассорившихся «союзников», он являлся связующим звеном между руководством СРН и организаторами убийства. Руководителем группы террористов и непосредственным убийцей Герценштейна был бывший кузнец завода Тильманса в Петербурге Александр Казанцев – доверенное лицо чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе и видном деятеле московского отдела СРН графа А.А. Буксгевдена. По некоторым данным, Казанцев был также агентом Московского охранного отделения. Судя по его последующей руководящей роли в подготовке покушений и проявленной при этом изощренности, это похоже на правду. Убийцы (всего в слежке за бывшим депутатом участвовали семь человек, револьверы им выдал лично Юскевич) выследили Герценштейна в Териоках, когда он с женой и старшей дочерью прогуливался по берегу Финского залива. Казанцев нагнал эту семью на пляже и выстрелил несколько раз из револьвера. Герценштейн был убит, а его 17-летняя дочь ранена. По словам одного из террористов, Егора Ларичкина, рассказывавшего, что это он убил Герценштейна, один из «старших» дружинников – Александр Половнев обещал подельникам: «Скоро мы будем богатенькими и будем кататься на авто».

В январе 1907 г. Казанцев организовал покушение на Витте, который, как считали черносотенцы, вырвал у царя Манифест 17 октября 1905 г., даровавший гражданские свободы и фактически ограничивший самодержавие. К этому покушению он привлек С.С. Петрова, бывшего члена Петербургского совета рабочих депутатов, разогнанного по распоряжению Витте. Петров был арестован и сослан, но бежал из ссылки. Казанцев выдал себя за эсера-максималиста и предложил совершить теракт против Витте. Петров вовлек в дело 22-летнего рабочего Василия Федорова, социал-демократа, бежавшего из ссылки, куда он угодил за транспортировку оружия. Федоров искал связей с революционерами: поскольку социал-демократов найти не удалось, он был согласен и на макси-

¹⁷ См.: Жизнь и гибель Михаила Герценштейна: Публицистика, письма, воспоминания современников / сост. В.В. Ведерников. СПб., 2017.

малистов. Тем временем Петрова арестовали, и Федоров вовлек в дело портного А.С. Степанова. Тот и вовсе считал, что они действуют от имени «партии анархистов». По поручению Дубровина добыли план дома Витте. 29 января 1907 г. в дымоходы особняка Витте на Каменноостровском проспекте в Петербурге Федоров и Степанов спустили на веревках две «адские машины» (мины), снабженные часовым механизмом. По счастливой случайности мины обнаружил истопник. Расследование было спущено «на тормозах».

Следующей жертвой стал депутат I Государственной думы, публицист, кадет Г.Б. Йоллос. 14 марта 1907 г. он был застрелен на улице в Москве даже не знавшим его имени Федоровым. Он четыре раза выстрелил Йоллосу в лицо и скрылся. Убийство организовал тот же Казанцев, который дал Федорову револьвер, показал фотографию Йоллоса и сказал, что тот предаст революционеров и похитил 80 тыс. руб. из партийной кассы. Узнав затем из газет о лживости сообщенных ему сведений, Федоров (которого Витте не без оснований называл в своих заметках «полукретином»), наконец, заподозрил что-то неладное. Тем временем Казанцев счел, что шум по поводу покушения на Витте в Петербурге утих и пора довести дело до конца. Теперь план заключался в том, чтобы бросить ручные бомбы в экипаж Витте. Исполнителями должны были стать Федоров и Петров, успевший вновь бежать из ссылки. Однако подельники внимательно следили за Казанцевым: теперь они обратили внимание, что тот вовсе не употребляет «партийную» лексику, а затем нашли у него брошюрки «Союза русского народа». 27 мая 1907 г. около полудня Федоров пришел на встречу с Казанцевым близ Ириновской железной дороги (узкоколейная ветка от Охтинского вокзала до Ладожского озера). Казанцев принес бомбы. Выждав удобный момент, Федоров ударил его кинжалом в шею. Когда Федоров попытался забрать бумаги Казанцева, тот начал шевелиться; растерявшийся Федоров стал наносить ему удары по лицу кинжалом, забыв вынуть его из ножен. Затем он выхватил кинжал и нанес по шее удар такой силы, что голова Казанцева почти отделилась от туловища¹⁸.

После этого Федоров отыскал эсеров и все им рассказал; он хотел, чтобы его судили партийным судом. Однако эсеры переправили Федорова за границу и опубликовали в своей газете «Знамя

¹⁸ (Герциуни Г.А.) Кошмар // Былое. 1912. № 14. С. 5–15 (перепечатка, см.: Знамя труда. 1907. № 1).

труда» статью обо всей этой кошмарной истории. Статья так и называлась – «Кошмар». Публикации появились также во французских газетах, в том числе в «*Matin*».

Очевидно, что, привлекая к совершению покушения радикалов, причастных в прошлом к деятельности социалистических партий и искренне считавших, что выполняют задания одной из них, черносотенцы стремились убить двух зайцев: ликвидировать одних своих политических противников и дискредитировать других. Додумался ли до этого сам Казанцев или его руководители (последнее более вероятно), остается гадать. Во всяком случае, Буксгевден, у которого служил Казанцев, несомненно, был в курсе его действий.

Возможно, разразившийся скандал приостановил террористическую кампанию «союзников». У них были далеко идущие планы: накануне убийства Герценштейна Юскевич раздал боевикам, кроме фотографии первой намеченной жертвы, фото депутатов Думы А.Ф. Аладына, М.М. Винавера, И.И. Петрункевича и некоторых других. А «блажной Павлик», как его прозвали соратники, адвокат Павел Булацель, на одном из заседаний Главного совета СРН призвал отвечать на теракты левых убийствами, «например, Грузенберга, Винавера, Милюкова, Столыпина и Щегловитова». Царских министров Столыпина и Щегловитова он считал «главными виновниками и потворщиками» происходивших в России беспорядков. Собственно, не только Столыпин и Щегловитов, но и другие перечисленные им деятели никакого отношения к терроризму не имели. Это был перебор даже для черносотенцев, однако Дубровин не остановился перед тем, чтобы дать распоряжение дружинникам СРН «нанести Милюкову удар кастетом по затылку». Боевик «по инструкции» напал на лидера кадетов сзади на улице, нанеся тому несколько ударов, но дело обошлось сбитым котелком и разбитым пенсне. Пустить в ход кастет молодежь не решился¹⁹.

Еще одной жертвой черного террора стал депутат II Государственной думы, один из лидеров фракции трудовиков, доктор А.Л. Караваев. После роспуска Думы Караваев вернулся к работе по специальности. 4 марта 1908 г. он был смертельно ранен черносотенцами в своем кабинете в Екатеринославе во время приема

¹⁹ Степанов С.А. Черная сотня... С. 152; Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 425–426.

больных двумя выстрелами в грудь. Убийцы скрылись и остались не разысканными.

Вероятно, остались бы не разысканными и убийцы Герценштейна (хотя установить их личности для полиции особого труда не составляло), если бы не очередной конфликт в среде «патриотов». Кандидат в члены главного совета СРН и секретарь редакции газеты «союзников» «Русское знамя» А.И. Пруссаков рассорился с Дубровиным, к которому был довольно близок, и вышел из Союза. Мало того, в 1909 г. он опубликовал сатирическую пьесу «Доктор Зубровин и компания», в которой изобразил жизнь «Главного управления Патриотического общества». В пьесе содержались прозрачные намеки на организацию «патриотами» убийства Герценштейна. Важнее было то, что Пруссаков дал показания о причастности к убийству руководства «Союза русского народа»²⁰.

Начались аресты. Поначалу черносотенная печать выступила с открытой защитой убийц. Известный публицист Б. Юзефович писал в «Русском знамени»: «Почему причисляете вы убийц Герценштейна к разряду преступников, — к чему это лицемерие?.. Герценштейн подлежал уничтожению во имя блага России и был уничтожен, и если бы убийца его был обнаружен, то *бескорыстный поступок этот* давал бы ему больше прав на снисхождение и помилование, нежели злодеяния большинства преступников, милуемых нашими присяжными судьями». Поскольку Териоки находились на территории Финляндии, то террористы предстали перед финским судом. Сначала в мае 1909 г. к шести годам заключения осудили Половнева, затем в сентябре перед судом предстали Юскевич-Красковский и Ларичкин. Дубровин от греха подальше, сославшись на болезнь, уехал в Ялту и так не явился по вызову суда²¹.

Юскевич пытался переложить вину на «хулиганов, позоривших союз лиц, разных Лавровых, Зориных, Ларичкиных, которые, действительно, совершали грабежи». Егор Ларичкин, претендовавший

²⁰ Пруссаков А.И. Доктор Зубровин и компания: Комедия в 6 картинах. СПб., 1909. В 1917 г. он дал также подробные показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / сост. А. Черновский. М.; Л., 1929. С. 43–53).

²¹ Подробнее о процессе см.: Витухновская-Кауппала М.А. Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб., 2015.

одно время на «лавры» убийцы Герценштейна, в самом деле, имел богатую биографию. Он был дважды судим за уголовные преступления. В дни революционной смуты прибился сначала к эсерам. Те дали Ларичкину задание внедриться к черносотенцам. Однако Ларичкину у черносотенцев понравилось больше, и он, напротив, навел их на эсеров. Среди прочих дел убил рабочего В. Мухина, которого «союзники» заподозрили в измене²².

На суде Ларичкин откровенно рассказал о подробностях преступления. Особенно «пикантным» было его повествование о том, как на следующий день после убийства Герценштейна он послал через одного из «союзников» записку Дубровину с требованием обещанных денег. В тот же вечер к нему пришел Половнев с нерадостной вестью: «Опять мимо рта от нас! Получили не более 300 руб., остальные 700 руб. получил Казаринов²³». Половнев по приказанию Юскевича купил Ларичкину «костюм за 19 р. 30 к.» и велел «не болтать». Видимо, этим и ограничился его гонорар. Черносотенная печать, совсем недавно видевшая в убийцах Герценштейна спасителей отечества, после грязных подробностей, всплывших на процессе, быстро переориентировалась и некоторое время утверждала, что убийство на самом деле совершили социал-демократы²⁴. Подельники были приговорены к шести годам заключения каждый. Однако уже 30 декабря того же года император Николай II помиловал Половнева и Юскевича.

Несмотря на череду скандалов, власть по-прежнему видела в черносотенцах свою опору и щедро финансировала черносотенные организации. На поддержку «социально близких» на выборах в IV Думу, которые должны были состояться в 1912 г., Столыпин загодя запросил у министра финансов В.Н. Коковцова огромную сумму – 4 млн руб. Министру финансов, считавшему, что эти деньги будут просто «освоены» и вряд ли всерьез повлияют на результаты выборов, удалось настоять на сокращении «субсидии» до трех с лишним миллионов. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут, – вспоминал Коковцов о распределении денег, – имена представителей организаций правого крыла фигурировали в ведомости, так сказать, властно и нераздельно. Тут и Марков 2-й, с его “Курскою быльбою” и “Земщиной”, поглощавшей 200.000 р. в год;

²² Изгоев А.С. «Правые террористы». С. 173.

²³ В.В. Казаринов – секретарь В.М. Пуришкевича.

²⁴ Изгоев А.С. «Правые террористы». С. 173–174, 180.

пресловутый доктор Дубровин с “Русским Знаменем”, тут и Пуришкевич с самыми разнообразными предприятиями»²⁵.

Черносотенцы и конец романовской монархии

В целом черносотенцы, на мой взгляд, сыграли крайне негативную роль в судьбе романовской монархии и Российской империи в целом. Чего стоил в многонациональной и мультиконфессиональной империи только один пункт программы «Союза русского народа»: «Все инославные и нехристианские народности являются на Земский Собор или в Государственную Думу только на правах челобитчиков»²⁶. Самое активное участие в добывании монархии принял Владимир Пуришкевич – из лучших побуждений! Я имею в виду убийство Григория Распутина, с целью спасти репутацию царского семейства. Пуришкевич был одним из организаторов убийства «старца» в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. и лично выпустил в полуживого Распутина последние пули. Нанеся тем самым еще один удар по авторитету власти. Имея таких друзей, можно было обойтись без врагов.

3 марта 1917 г. монархия в России кончилась. В ее защиту никто не выступил, кроме лидера кадетов Павла Милюкова, считавшего необходимым сохранить преемственность власти, однако среди политических лидеров он остался в одиночестве. Черносотенцы мгновенно исчезли. Растворились, как и все прочие правые. Точнее, в большинстве своем совершили, как по морской команде, «поворот все вдруг».

Пуришкевич уже в марте 1917 г. выпустил листовку, призывавшую солдат, матросов и рабочих добиться перелома в войне с внешним врагом. «Его победа, – указывалось в листовке, – повела бы к возвращению России старого строя и тех людей, которые его поддерживали, вызывая проклятия к себе всех классов русского общества и всех его сословий». Позднее Пуришкевич предлагал военному министру А.Ф. Керенскому назначить его заведующим санитарной частью армии. Керенский не ответил²⁷.

²⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Т. 2. Париж, 1933. С. 9–11.

²⁶ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. С. 442.

²⁷ Степанов С. Черная сотня... С. 459. Впоследствии Пуришкевич принимал участие в борьбе с большевиками. Умер от тифа в январе 1920 г.

Вместо заключения: черносотенцы и фашизм

На этом можно было бы поставить точку, если бы у черносотенного терроризма не было печально известного «эпилога». 28 марта 1922 г. черносотенцы П.Н. Шабельский-Борк и С.В. Таборицкий совершили покушение на П.Н. Милюкова после его лекции в Берлинской филармонии. Шабельский-Борк разрядил две обоймы, ранил девять человек, но в Милюкова не попал; ему помешал В.Д. Набоков (отец писателя В.В. Набокова), которому Таборицкий трижды выстрелил в спину. Набокова, депутата I Государственной думы, в эмиграции — лидера правых кадетов, соредатора берлинской эмигрантской газеты «Руль», убили на месте. Террористов задержали. Таборицкий был приговорен к 12, Шабельский-Борк — к 14 годам тюремного заключения, однако уже 1 марта 1927 г. обоих амнистировали²⁸.

В программе и практике черносотенцев «невооруженным глазом» заметно сходство с фашизмом. Разумеется, об этом сходстве заговорили после возникновения фашизма, и в особенности после прихода Бенито Муссолини к власти в Италии. В советской литературе 1920–1930-х гг. сопоставление черносотенцев с фашистами было общим местом²⁹. Это можно было бы счесть пропагандой (что отчасти ею и являлось), но с фашистами отождествляли себя и сами черносотенцы, оказавшиеся в эмиграции и развернувшие там довольно активную деятельность. В органе марковского Высшего монархического совета прямо говорилось: «Да, мы фашисты особенные, русские, и искренно завидуем итальянским в том, что мы пока не сокрушили врага»³⁰. Марков 2-й, эмигрировавший в 1920 г. в Германию, восхищался Муссолини. Еще большее восхищение вызвали у него нацисты, пришедшие к власти в Германии в 1933 г. Характерно, что Марков, перебравшийся в 1926 г. в Париж, в 1935 г. вернулся в Германию, получив приглашение редактировать русский выпуск нацистского антисемитского еженедельника «Мировая служба. Международная корреспонденция по просвещению в еврейском вопросе». Работа хорошо оплачива-

²⁸ Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867–881.

²⁹ См., напр.: Лубош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.

³⁰ Еженедельник Высшего монархического совета. 1923. 2 июля.

лась. Несколько антисемитских произведений Маркова были переведены на немецкий язык³¹.

Шабельский-Борк и Таборицкий также сделали неплохие карьеры при нацистах. Таборицкий был назначен заместителем начальника Управления по делам русской эмиграции в Берлине, генерала В.В. Бискупского (Гитлер скрывался на его квартире после провала «пивного путча» в ноябре 1923 г.), Шабельский-Борк – секретарем Управления. Таборицкий к тому же занимался вербовкой переводчиков для вермахта среди русских эмигрантов, а в 1939 г. создал «Национальную организацию русской молодежи», аналог «Гитлерюгенда». Организация находилась под контролем СС. Таборицкий добился получения германского гражданства, после чего в 1942 г. стал членом нацистской партии³².

В общем, «своя своих познаша».

³¹ Ганелин Р.Ш. Н.Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: История и культура. СПб., 1998. С. 211–217; Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 151. О взаимоотношениях русских эмигрантов – правых радикалов и нацистов см.: Kellogg M. The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. Cambridge, 2005. Книга Келлога содержит любопытную информацию, но в целом автор, на мой взгляд, преувеличивает влияние русских эмигрантов на формирование идеологии национал-социализма. См. мою рецензию на эту книгу: Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. 8(1). P. 190–200.

³² Петров И. «Все самочинцы произвола...»: подлинная биография Сергея Таборицкого // Неприкосновенный запас. 2018. № 6. С. 162–189.

Общественное движение в России в XIX в. в трудах М.В. Довнар-Запольского

Митрофан Викторович Запольский хорошо известен как специалист по экономической истории эпохи феодализма, но затем он основательно занялся также историей декабризма и оставил в этой области ряд примечательных трудов¹.

Монография по истории общественных движений, вышедшая первым изданием в 1906 г., была составлена им из издававшихся в разных журналах его статей. Они были столь органически связаны между собой, что получилась довольно цельная книга по заявленной теме. Не он первый и не он последний обратился к исследованию истории правления Александра I, но, рассказывая о событиях того времени, автор сделал акцент не только на личных склонностях молодого императора, но и отмечал общую обстановку, сложившуюся в России еще в екатерининскую эпоху. По мнению Довнар-Запольского, Александр I получил престол, когда в русском обществе возник особый интерес к общественным и политическим вопросам.

Автор писал о русской политической литературе XVIII в. (Щербатов, Радищев, Фонвизин и др.), где ставилась проблема необходимости изменения политического строя страны путем ограничения самодержавия. Кроме того, в части ее также рассматривались и социальные вопросы, прежде всего крестьянский².

Характеризуя кратковременное правление Павла I, которое вслед за своими предшественниками Довнар-Запольский назвал «царством страха и ужаса», он подчеркнул, что и в тот период проявившееся при Екатерине стремление к критическому отношению к вопросам политики и философии не было уничтожено, оно лишь способствовало «укреплению либеральных течений в обществе».

¹ О самом М.В. Довнар-Запольском см.: *Крючек Г.С.* М.В. Довнар-Запольский как ученый и общественный деятель: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1996; *Гутнов Д.А.* Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) // *Историки России: Биографии.* М., 2001. С. 434–440.

² *Довнар-Запольский М.В.* Из истории общественных течений в России. Киев, 1910. С. 5.

Довнар-Запольский так и писал — «либеральных течений», т.е. во множественном числе. Говоря же о годах правления Александра I, он, как и многие до него, делил их на два периода. Первый, когда в либеральных кругах общества рассчитывали на возможность воспользоваться либеральными настроениями молодого царя и таким образом провести политические реформы. Во втором периоде либеральные стремления перешли в тайные общества. Историк Довнар-Запольский отметил в тогдашнем обществе различные оттенки и даже партийные мнения, но указал также на общее настроение того общества, заключавшееся в желании его коренных реформ.

В государственном перевороте 1801 г. историк усматривал не только цель избавления от деспотического режима, но и политические стремления. Ссылаясь на слухи того времени, он писал о наличии у П.А. Палена и П.А. Зубова — активных участников переворота — конституционных проектов, хотя и не представленных в то время к подписанию. Александр I должен был удовлетворить настроения общества и, подчеркнул Довнар-Запольский, сделал это искусно, «успев на долгое время удержать симпатии общества и даже укрепить неограниченную власть монарха»³. Чуть ли не каждое общественное течение, ознакомившись с первыми указами молодого царя, надеялось на реализацию стремлений именно своих планов. Точка зрения автора была высказана вполне определенно. Не император навязал либеральные настроения обществу, а, наоборот, общество побудило царя следовать либеральной моде. Это утверждение Довнар-Запольского заметно отличало его от других исследователей истории александровского правления, акцентировавших внимание на склонностях самого царя, влиянии Ф.С. де Лагарпа и т.д.

После перечисления ряда указов Александра I, свидетельствовавших о его стремлении к переменам в сторону большей свободы личности, Довнар-Запольский перешел к характеристике ряда групп, сложившихся при Дворе и около него. Он так и писал о нескольких группах, «связанных между собою единством воззрений и представлявших отражение либеральных стремлений различных слоев дворянства»⁴. Первую из этих групп составляли екатерининские вельможи, занимавшие наиболее крупные посты в государствен-

³ Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

ном механизме. Среди них историк называл П.В. Завадовского, Д.П. Трощинского, братьев Воронцовых, Г.Р. Державина, А.А. Беклешова и др. Всех их он относил к представителям умеренно либеральных течений, хотя и с сильной окраской московского боярства.

Как и другие исследователи, Довнар-Запольский выделил и личных друзей императора, небольшой кружок, состоявший из Н.Н. Новосильцева, А.А. Чарторыйского, В.П. Кочубея, П.А. Строганова, Ф.С. де Лагарпа. Он отметил мнения, высказанные в литературе, где их часто считали выразителями наиболее либеральных течений в тогдашнем обществе. И далее автор дал характеристику каждому из представителей этого кружка, отметив их довольно ограниченный либерализм. Исключение он сделал лишь для Строганова, но и у того находил весьма туманный либерализм. В целом в обществе того времени было значительное число сторонников либерализма, который Довнар-Запольский назвал либерально-бюрократическим.

Наряду с правительственным либерализмом автор выделил и либерализм общественный. Вообще, общество «встретило новое царствование с радужными ожиданиями», но реальная жизнь все-таки оказалась другой. Отодвинуты были не только устроители переворота 1801 г., но и члены Негласного комитета, хотя на первый план вышел М.М. Сперанский, о котором исследователь рассказал довольно подробно. Самого Сперанского он назвал «человеком общественной жизни», подчеркнув его происхождение и сохранение связей со средой, из которой он сам вышел. Последующую отставку Сперанского автор объяснил также сильными переменами в настроениях известной части тогдашнего общества. Более того, по словам исследователя, «общий фон становится реакционным, и в нем Александр нашел для себя опору»⁵.

После этого Довнар-Запольский перешел к характеристике консервативного направления и, прежде всего, остановился на воззрениях Н.М. Карамзина. Тот как публицист, подчеркнул автор, и ранее был склонен к консерватизму. При этом припомнилось выступление Карамзина в «Вестнике Европы» еще в 1802 г., где тот защищал крепостное право и подавал помещиков в качестве благодетелей своих крестьян. Естественно, большое внимание уделялось известной записке Карамзина, ознаменовавшей, по словам Довнар-Запольского, начало похода реакционной части обще-

⁵ Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. С. 15, 19.

ства против либеральных идей. Следовательно, автор монографии видел и реакционную часть общества, существовавшую к моменту написания записки Карамзина, т.е. к 1811 г. Эту записку исследователь рассматривал как политическое завещание Карамзина и называл его политическим учителем Николая I. Характеризуя консервативное направление, Довнар-Запольский, как и его предшественники, писал о деятельности А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и других представителях консервативной ориентации. Но важной особенностью книги историка, посвященной, прежде всего общественным течениям, является акцент на экономические проблемы, оказавшие воздействие на сдвиги в политике Александра I и способствовавшие усилению русского политического консерватизма. В начале царствования Александра I, писал автор, либеральное направление (слова Довнар-Запольского) было весьма значительно, но его партийный состав (опять же – слова автора) – это среда крупного дворянства и землевладения. И в конституционных проектах, вышедших из этой среды, отстаивались интересы крупного дворянства. При всем значении идейных соображений автор обратил внимание на первопричину общественных интересов, которую усмотрел в экономических факторах.

Рассуждая о первых годах правления Александра I, Довнар-Запольский подчеркнул, что вся политика этого «либерального» периода «неожиданно для представителей нараставшего капитализма сказалась в падении русского вывоза, в падении цен, в падении ассигнаций, в слухах об освобождении крестьян»⁶.

Таким образом, исследователь признавал развитие капитализма в стране, но отмечал и серьезные экономические трудности, особенно по сравнению с годами царствования Екатерины II, когда благодаря благоприятной конъюнктуре были достигнуты значительные экономические успехи. При этом приводились данные о значительном росте количества фабрик и заводов: если в начале ее правления таковых имелось 984, то в конце – уже 3161. Почти половина русского вывоза приходилась на Англию, откуда поступал хлопок – сырье для российской хлопчатобумажной промышленности. Сложности начались с 1804 г. – из-за изменившейся международной обстановки, способствовавшей заметному сокращению оборотов русской внешней торговли. Аустерлиц, Тильзит, присоединение России к континентальной блокаде оказали свое

⁶ *Довнар-Запольский М. В.* Из истории общественных течений в России. С. 26.

воздействие и на настроения дворянства. Как указал Довнар-Запольский, «экономическая политика в сильнейшей мере воздействовала на реакционный поворот в идейном содержании общества и, как это обыкновенно бывает, на продолжительное время определила его характер. Такой поворот вполне совпадал со взглядами Александра I и его советников после удаления Сперанского, и правительство овладело реакцией, став во главе ее»⁷.

Автор видел проявление эпохи реакции в крутом изменении правительственной политики внутри страны, хотя за границей Александр I продолжал делать заверения о своем желании ввести в России либеральные учреждения. При этом он признавал, отчасти, воздействие на настроения русского общества западноевропейской реакции. Обратим внимание на слово «отчасти». Значит, главную причину реакции Довнар-Запольский усматривал во внутренних факторах. Более того, он счел нужным отметить благожелательное отношение к зарубежным реакционерам в самой России в то время, когда они «не пользовались никаким кредитом на Западе»⁸.

Перейдя затем к обзору общественных течений в России во второй половине правления Александра I, Довнар-Запольский остановился на последователях мистицизма, а также католицизма. Он подробно охарактеризовал взгляды Г.Ф. Лабзина, Е.Ф. Татариновой, баронессы Крюденер, А.С. Стурдзы и др. Также автор написал о русском масонстве и представителях реакции 1820-х гг. (М.Л. Магницком, Д.П. Руниче, З.Я. Карнееве и др.). Но все-таки и во второй половине царствования Александра I Довнар-Запольский видел резкое раздвоение в обществе. Если одна его часть примкнула к мрачной реакции или прониклась религиозной экзальтацией, то другая – «не порывала с либеральными идеями», хотя сторонники либерализма и должны были в это время или замолчать, или уйти в тайные общества⁹.

По мнению исследователя, либеральное течение (он так его и называет) утвердилось в тайных обществах, но это явление не было только заимствованием западноевропейского либерализма. Некоторые из членов тайных обществ, действительно, испытывали влияние Западной Европы, но имелись и такие, утверждал

⁷ Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. С. 25.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Там же. С. 40.

Довнар-Запольский, кто приходил «к тем же выводам самостоятельно, присматриваясь к русской жизни»¹⁰. Вообще, продолжал он далее, искание истины одних приводило к мистицизму, а других отбрасывало далеко влево. В качестве примера он перечислял воззрения армейских офицеров, находившихся в глухой провинции и отличавшихся крайне скудным образованием. Но и среди них создавались кружки молодых людей, где было заметно стремление к просвещению. Ссылаясь на декабриста А.И. Якубовича, Довнар-Запольский писал, что само правительство порождало недовольных. Хотя поначалу либеральное течение было далеким от активных антиправительственных действий.

Историк подробно описал настроения среди будущих декабристов, показав отличия во взглядах отдельных его представителей и вместе с тем то общее, что их объединяло. Характеризуя настроения членов тайных обществ, останавливаясь на воззрениях Н.М. Муравьева, П.И. Пестеля, Н.И. Тургенева, Г.С. Батенькова, К.Ф. Рыльева, он даже применил термин «декабристская революция», а при разборе взглядов Пестеля нашел в них «сильную социалистическую окраску»¹¹.

Вообще, завершая раздел о времени правления Александра I, Довнар-Запольский подчеркнул приверженность к декабристским идеалам лучшего, но незначительного меньшинства, лишенного опоры широких масс и потому обреченного на катастрофу, но вместе с тем он видел и завещанные этими людьми две великие проблемы, которые заключались в освобождении крестьян и завоевании политической свободы.

К эпохе Александра I автор обращался и в некоторых других разделах своей книги. Изучая историю министерств и разбирая права Сената по указу 8 сентября 1802 г., он вновь написал о «партийной борьбе» между Неофициальным комитетом и сенатской партией. Он пытался разобраться в подлинных взглядах Новосильцева, Строганова, Чарторыйского, С. Воронцова на предмет их причастности к либерализму, рассмотрел позиции Н.С. Мордвинова, Завадовского, Трошинского, Зубова, Н.П. Румянцева, Державина и др.¹²

¹⁰ Довнар-Запольский М. В. Из истории общественных течений в России. С. 41.

¹¹ Там же. С. 48, 52.

¹² Там же. С. 55–116.

Большой раздел монографии посвящен политическим идеалам М.М. Сперанского, где вновь подчеркивались его преимущества перед другими сановниками, поскольку он имел возможность изучить русскую действительность. При этом Довнар-Запольский отметил: «В противоположность современникам он был глубоко *уверен* в способности русского общества к зрелой политической жизни»¹³. Это к вопросу о степени готовности этого общества к серьезным социальным и политическим переменам.

Вновь к декабристской тематике исследователь вернулся и в специальном разделе — «Новые записки декабриста». Здесь шла речь о мемуарах С.Г. Волконского, который вошел в тайное общество после дружеской беседы с М.Ф. Орловым¹⁴.

Помимо прочего, ссылаясь на эти записки, автор написал о П.Д. Киселеве, что нет «никакого сомнения в том, что начальнику штаба хорошо были известны задачи общества, тем более, что жена Киселева приходилась сестрой генералу Витту»¹⁵ (граф И.О. Витт был одним из тех, кто донес о существовании тайного общества императору Александру I¹⁶).

Среди других материалов книги также интересен небольшой раздел о Т.Н. Грановском, где Довнар-Запольский дал высокую оценку сороковым годам, подчеркивая их величайшее, еще неисчерпанное культурное наследие и роль в развитие русского общества. Также автор констатировал: «Тогда общественное движение развивалось и окрепло среди глубокого сна реакции и как бы внезапно проявило деятельность в исходе пятидесятых и начале шестидесятых годов». Эту эпоху он назвал поучительной и свидетельствующей о бесплодности борьбы с назревавшими в обществе идеями¹⁷. Примечательно, таким образом, признание исследователем наличия общественного движения в России в сороковые годы, которые принято называть периодом николаевской реакции.

В 1909 г. приступил к написанию своей многотомной «Истории русской общественной мысли» Г.В. Плеханов. В его план входило ее описание от древнейших времен до начала XX в. Но удалось написать лишь тома вплоть до жизни и деятельности Радищева.

¹³ Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. С. 118.

¹⁴ Там же. С. 183.

¹⁵ Там же. С. 184.

¹⁶ Декабристы. Биографический справочник. С. 252, 339.

¹⁷ Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. С. 281.

Однако издатели его сочинений все-таки собрали различные статьи Плеханова и сумели издать его материалы, касавшиеся XIX в., в том числе его первой половины. Если Довнар-Запольский был последователем экономического материализма, то Плеханов уже в предисловии к первой части своего труда заявил себя сторонником исторического материализма и подчеркнул: «Ход развития общественной мысли (курсив автора. — В.Г.) определяется ходом развития общественной жизни»¹⁸. (Эту связь Плеханов зафиксировал уже в общем развернутом плане работы.)

В 1906 г. историк издал большую книгу «Идеалы декабристов», где подробно остановился на планах последних. Собственно, издание можно разделить на две большие части: первая посвящена критическому отношению декабристов к тогдашней российской действительности, вторая — их планам по преобразованию страны. Книгу напечатали в легальных российских условиях той поры, когда был значительно ослаблен цензурный гнет и, можно сказать, автор — один из первых основательных исследователей декабризма — получил возможность изложить свои взгляды без сколь-нибудь значительных поправок на цензурные установки.

Довнар-Запольский оценил деятельность декабристов безоговорочно позитивно и назвал их выступление 14 декабря революцией. Как известно, это выступление не привело к полной унификации самого его названия. Его именуют и восстанием, и мятежом, и бунтом. Называют и революцией. Историк при этом писал: «Многие обстоятельства сделали революцию неудачной, роковая случайность разбила все планы подготовлявшегося переворота. Но последующие поколения не могут не оценить этой попытки, не могут не отнестись к ней с уважением. Все эти условия в среде последующих поколений вызвали большой интерес к деятелям декабрьской революции»¹⁹.

Довнар-Запольский не считал движение декабристов случайной вспышкой либерализма. Они почти десять лет готовились к ниспровержению самодержавно-бюрократического режима, считал автор, опираясь на глубокое негодование мыслящей части русского общества. И это движение «выступало в целях освобождения всех классов народа от тяжелого рабства». Далее историк указал

¹⁸ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XX. М.; Л., 1925. С. 9.

¹⁹ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1906. С. IV.

как бы на две установки декабристов, одна из которых заключалась в критике самодержавного строя, а другая – в построении будущего государственного устройства. При этом автор подчеркнул, что декабристы старались подготовить современное общество к перевороту, «и сами деятельно готовились к революции»²⁰.

Таким образом, для Довнар-Запольского не было вопроса, кем являлись подлинные декабристы. Он считал их революционерами, которые деятельно готовились к революции, ниспровержению самодержавно-бюрократического режима. По словам автора, декабристы одновременно – цвет тогдашней интеллигенции.

Значит, именно «цвет интеллигенции» готовил революцию еще в начале XIX в., т.к. по мнению Довнар-Запольского, вторая половина царствования императора Александра I являлась периодом мрачной реакции. Она началась после 1812 г., «хотя верные признаки ее можно найти и в предшествующие ей годы»²¹. В это время исследователь определил раскол в обществе, где одни были за реакцию, а другие ратовали за уважение к либеральным идеям.

Эту реакцию он видел, прежде всего в деятельности правительства, а затем – в настроении общества, и кульминационный пункт развития реакционного направления усматривал в религии и стремлении подчинить ей науку²². Реакционными органами печати Довнар-Запольский считал журнал «Демокрит» (1815) и «Русский вестник» С. Глинки, а среди деятелей реакции особо выделил А.А. Аракчеева и адмирала А.С. Шишкова.

Перечисляя различные проблемы, которые декабристы усматривали в российском обществе и государственном устройстве, автор видел их и в осуществлении внешней политики. Так, он отметил возмущение декабристов относительно подчиненности этой политики интересам Венского кабинета, или, как он написал, «русских оскорбляло» «явное господство и влияние Венского кабинета над нашим». Среди прочих действий этого кабинета во вред России Довнар-Запольский усмотрел и отклонение от поддержки восставших греков, что противоречило традиционной политике России, направленной на содействие балканским народам²³. Вообще автор прямо писал о презрении к России и русским со стороны

²⁰ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. III.

²¹ Там же. С. 3.

²² Там же. С. 5.

²³ Там же. С. 100.

Александра I, причем это проявилось еще в его молодости. С годами это презрение только усилилось²⁴.

Значительно больше проблем выявили декабристы во внутренней политике страны и ее повседневной жизни. Они активно критиковали систему военных поселений, а также лично А.А. Аракчева²⁵, были недовольны произволом цензуры²⁶. Серьезной критике подверглось само административное здание того времени как в целом, так и в ряде его частных. Например, как писал Довнар-Запольский, «особенно резкие замечания со стороны декабристов вызвало учреждение министерств и установившаяся в них практика»²⁷. В связи с этим следовала критика министерской практики как таковой. Возмущало их и пренебрежение общественным мнением²⁸. Целый блок составили требования декабристов в области экономической политики. Так, они осуждали сложившуюся практику собирания налогов. При этом автор ссылался на компетентное мнение ряда декабристов. Одним из них был П.Г. Каховский, который в письмах к императору и генерал-адъютанту В.В. Левашову в самых мрачных чертах обрисовал русскую финансовую и экономическую политику, приводившую к истощению страны. Оно, по его мнению, было вызвано непосильными налогами как прямыми, так и косвенными.

В изложении Довнар-Запольского Каховский считал государственный баланс потерянным, полагая, что именно запретительная система и обилие казенных монополий привели к отсутствию торговли, т.е. к ослабленным торговым оборотам. Каховский обвинил правительство в преследовании только интересов фиска, но оно совершенно забывало о пользе народной. По его словам, «выгоды казны совершенно не согласны с выгодами народа»²⁹.

Останавливаясь на системе налогов, которым Довнар-Запольский придавал большое значение, он, естественно, обратил внимание на взгляды Н.И. Тургенева – самого крупного в декабристской среде «специалиста» по проблемам налогов, а также на мнение Батенькова, который признавал систему налогов обманчивой для высшего правительства. Приводил исследователь и мнение

²⁴ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 4.

²⁵ Там же. С. 116.

²⁶ Там же. С. 118.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Там же. С. 120.

²⁹ Там же. С. 126.

Якубовича, подчеркнувшего: «Вся тяжесть налогов и повинностей, разорительное мотовство дворянства, все лежит на сем почтенном, но несчастном сословии»³⁰. Рассмотрел Довнар-Запольский и экономические взгляды В.И. Штейнгеля.

Затем автор подчеркнул, что декабристы особенно часто оставались на дорожной повинности и отмечали «погоню» правительства за увеличением податей, для чего оно прибегало к монополиям. Они, по мнению декабристов, приносили стране большой вред. Продолжив далее рассмотрение экономических взглядов декабристов, Довнар-Запольский со ссылкой на Батенькова особо отметил вред винной монополии, которая «умножила разврат и корыстолюбие чиновников»³¹. Декабристы также обвиняли правительство в недостаточном внимании к торговому сословию. По их словам, руководство страны почти не ободряло и слабо поддерживало купечество³². Выявил историк еще одну общую черту, характерную для декабристов, — их нелюбовь к Петербургу³³. Действительно, многие из них считали необходимым перенос российской столицы в Москву или Нижний Новгород, т.е. поближе к центру страны.

Что же касается отношения декабристов к называвшейся ими жадной местной администрации, то открыто говорилось о грабежах местного населения, которые она осуществляла без всякого стеснения. Вообще, писал Довнар-Запольский, грабежи мелких и крупных чиновников возмущали декабристов³⁴. Всеобщее взяточничество — один из главных объектов их критики. При этом автор ссылался на воспоминания Розена, с негодованием указавшего на примеры взяточничества, которые ему представлялось видеть в молодости. Подобного же рода сведения он встречал и в записках князя Волконского³⁵.

Декабристы были обеспокоены тяжелым положением рядового обывателя, отсутствием обеспеченности его личности. Во многом они объясняли такое положение отсутствием упорядоченного свода законов. Довнар-Запольский привел свидетельства ряда декабристов. Один из них, Каховский, подчеркивал: «Законы не-

³⁰ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1906. С. 127.

³¹ Там же. С. 129.

³² Там же. С. 131.

³³ Там же. С. 132.

³⁴ Там же. С. 134, 136.

³⁵ Там же. С. 137.

ясны, неполны и указ указу противоречит»³⁶. А В.И. Штейнгель обратил особое внимание на систему наказаний, отмечая все ее несовершенство. Вообще декабристы много внимания уделили положению судебных мест, которые, по их мнению, конкурировали с административными в лихоимстве. Оно же, по словам Александра Бестужева, дошло «до неслыханной системы бесстыдства»³⁷. Исследователь, основываясь на материалах декабристов, например П. Каховского, указал на постоянные нарушения прав личности генерал-губернаторами, гражданскими губернаторами и привел примеры незаконных арестов даже дворян³⁸.

Большое внимание декабристы уделяли положению в армии, с которой большинство из них было тесно связано. Их возмущала 25-летняя рекрутчина, антагонизм между солдатами и офицерами; они осуждали преимущества службы в гвардии. Как писал Довнар-Запольский, «800 гвардейских офицеров являются рассадниками высших чинов для армии, и старые армейские офицеры оказываются в подчинении у быстро выслуживающихся гвардейцев»³⁹. Опираясь на свидетельства декабристов, хорошо знавших армию, таких как Фонвизин и Александр Бестужев, автор указал на возмущение декабристов жестоким обращением офицеров с подчиненными им солдатами. Но и солдаты, и офицеры роптали. Писал он и о казнокрадстве в армии, и о недовольстве со стороны декабристов увлеченностью Александра I фронтом. Подводя итоги блоку вопросов, связанных с армией, Довнар-Запольский отметил: «Декабристы возмущались в армии не платонически. Им, несомненно, принадлежит заслуга в пропаганде идеи гуманного обращения с солдатами»⁴⁰.

Естественно, исследователь не мог не остановиться на взглядах декабристов по крестьянскому вопросу. Обращаясь к соответствующему мнению А.И. Якубовича, автор отметил, что декабрист делил русское дворянство на вельмож, средних и мелкопоместных. Отрицательную сторону всего дворянства Якубович видел в стремлении к роскоши, которая укоренилась в этом сословии и обременяла многие фамилии долгами. С большим неодобрением отзывался о русском дворянстве А.А. Бестужев. Он с горечью писал о том,

³⁶ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 138.

³⁷ Там же. С. 140.

³⁸ Там же. С. 141.

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Там же. С. 149.

как угнетали они своих крестьян. Самым негативным образом он описал мелкопоместных дворян: они «составляют язву России, всегда виновные и всегда ропщущие и, желая жить не по недостатку, по претензиям своим мучат бедных крестьян своих нещадно»⁴¹. Стремление к роскоши, таким образом, разоряло дворян. Тот же Бестужев считал поведение русских дворян ужасным, утверждая, что негры на плантациях счастливее многих крестьян, приводя при этом примеры самого дикого отношения к ним помещиков. В подобных же выражениях давал характеристику крепостного права Якубович: «Помещики, живущие в деревнях, большею частью закоснели в невежестве и пороках, самовластно располагают честью, имуществом и самой жизнью своих крестьян, передавая разврат в их семейства. Нет защиты угнетенному, нет грозы и страха угнетителю»⁴².

Довнар-Запольский подчеркнул, что большая часть декабристов в своих показаниях и записках оставили конкретные факты жестокого обращения помещиков с их крестьянами, приводя доводы Н.В. Басаргина, Н.А. Крюкова-2, И.Д. Якушкина, А.С. Гангеблова, П.И. Пестеля и А.А. Тучкова. Ссылаясь на последнего, автор отметил, что он превращался в убежденного защитника идеи освобождения крестьян. Осуждали крепостное право и Н.И. Тургенев, М.А. Фонвизин, В.И. Штейнгель, С.Т. Трубецкой.

Кроме описания тяжелого положения крестьянства декабристы изучали проблему происхождения крепостного права. Обратил внимание Довнар-Запольский и на тот важный факт, что они вели деятельную пропаганду против крепостного права самыми разнообразными путями не только в своем кругу, но и среди дворянства и даже в самом правительстве⁴³. При этом он приводил показания полковника М.Ф. Миткова, признававшего: «Я говорил о пользе освобождения крестьян, здесь и везде, где мне случалось слышать разговор о состоянии крестьян»⁴⁴. Ссылаясь на показания Пестеля, автор с полным для того основанием указал, что даже первоначальная цель «Союза спасения» состояла только в освобождении крестьян, а лишь затем — в введении конституции⁴⁵.

⁴¹ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 152.

⁴² Там же. С. 156.

⁴³ Там же. С. 174.

⁴⁴ Там же. С. 178.

⁴⁵ Там же. С. 180.

Писал Довнар-Запольский и о некоторых конкретных попытках декабристов приступить к освобождению крестьян. Одну из таких попыток предпринял друг Пушкина – И.И. Пущин, задумавший в начале 1825 г. учредить в Москве специальный союз, который бы имел целью личное освобождение дворовых людей⁴⁶. Другая попытка отмечена на десять лет раньше. Ссылаясь на свидетельства князя Волконского, автор монографии упомянул о том, что еще в 1815 г. М.Ф. Орлов составил проект адреса императору об уничтожении крепостного права. Этот адрес был подписан некоторыми крупными вельможами – И.В. Васильчиковым, М.С. Воронцовым и Д.Н. Блудовым, но царь не одобрил этой попытки⁴⁷.

Довнар-Запольский также передал настроения того времени, когда по его утверждению роптали все – от мужика до вельможи. И делал далее следующее заключение: «Но нужны были особые личные качества, чтобы критика государственных порядков, недовольство правительством могли привести к сознательной необходимости вступить с ним в борьбу»⁴⁸. В зарождении декабризма автор видел, прежде всего, внутренние причины, недовольство существовавшим тогда положением вещей, критику порядков, поддерживавшихся тогдашним правительством, в борьбу с которым и вступили декабристы. Но исследователь выявил также особую роль, которую сыграла в становлении декабристов Отечественная война 1812 г. Занимался он и описанием воздействия Заграничных походов, а также, помимо прочего, и влиянием на декабристов немецкого «Тугендбунда».

Рассмотрел автор и процесс идейного становления декабристов, когда они осознали, что стремления к личному просвещению оказывались недостаточно, и признали необходимым не только самообразование, но и общественную пользу⁴⁹. Историк специально изучил образовательный ценз декабристов и признал его для того времени весьма высоким. Он нашел в их среде несколько крупных талантов на поприще русской литературы: К.Ф. Рылеева, В.К. Кюхельбекера, А.И. Одоевского, А.А. Бестужева (Марлинского), Бобрищева-Пушкина (не указывая инициалы, но оба они, Н.С. Бобрищев-Пушкин и П.С. Бобрищев-Пушкин, писали стихи и публиковались в сборнике «Каллиопа»), В.Ф. Раевского, Г.С. Батенькова, Н.А. Бес-

⁴⁶ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 181.

⁴⁷ Там же. С. 184–185.

⁴⁸ Там же. С. 194.

⁴⁹ Там же.

тужева. Выделял он и ряд ученых, к которым относил Н.И. Тургенева, А.О. Корниловича, В.И. Штейнгеля, М.А. Фонвизина, М.Ф. Орлова, Н.М. Муравьева, Н.А. Бестужева, Г.С. Батенькова, К.П. Торнсона⁵⁰. Перечислив эти имена, да и вообще, имея в виду декабристов в целом, автор констатировал: «Кто из современников имел случай приходить в соприкосновение с декабристами, тот не мог не отметить их выдающихся качеств»⁵¹. И далее привел еще несколько примеров: о Корниловиче, который знал почти все европейские языки; о больших познаниях в языках Д.И. Завалишина. Автор обратил внимание и на начитанность декабристов.

Довнар-Запольский отметил приверженность многих из них к революционному методу решения российских вопросов. Как он писал, Поджио (без указания инициалов) уже в 1822 г. был склонен к мысли о насильственном перевороте⁵². Такое воззрение, по мнению автора, относилось еще ко времени до вступления братьев Поджио в тайное общество. Как известно, они стали членами «Южного общества»: А.В. Поджио – в 1823 г., а И.В. Поджио – в 1824-м⁵³. Отмечалось, что не только Поджио или Крюков (опять же без указания инициалов), но и многие другие декабристы «пришли к сознанию необходимости революции путем долгой и сложной душевной борьбы»⁵⁴.

После того как Довнар-Запольский подробно остановился на критике, которую декабристы демонстрировали по отношению к тогдашней российской действительности, и на методах, которые они стремились применить к ее изменению, он перешел к изложению их позитивной программы, собственно, к реализации главной цели своей крупной монографии, насчитывающей более 400 страниц. Он подчеркнул: «Все предшествующее изложение подготавливает нас к тому выводу, что члены Тайных обществ, хорошо понимая настоящее положение вещей, рисовали себе иное устройство государства, при котором народ принимал бы широкое участие в политической жизни страны. Такой исход они видели в конституционном или республиканском строе государства»⁵⁵. Конституцию, по мнению автора, декабристы стремились ввести в связи

⁵⁰ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 225–226.

⁵¹ Там же. С. 230.

⁵² Там же. С. 244.

⁵³ Декабристы. Биографический справочник. С. 144–145.

⁵⁴ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 248.

⁵⁵ Там же. С. 257.

с необходимостью борьбы с неправдою, со стремлением прийти на помощь своему народу путем освобождения своего Отечества от тех условий, которые господствовали в стране и не позволяли создать свободные учреждения.

Довнар-Запольский подчеркнул, что изначально декабристы надеялись на те реформы, которые проведет само правительство, и готовы были ему в этом содействовать. Более того, он даже писал: «Они дали друг другу обещание – словом и делом содействовать государю во всех начертаниях его для блага своего народа»⁵⁶.

Автор подробно остановился на мечтах о будущем, которые вынашивал Александр Бестужев, на показаниях Никиты Муравьева, где уделялось особое внимание роли гласности, а также на высказываниях А.С. Гангеблова, изложившего причины, которые побудили его войти в тайное общество. Неограниченность власти помещиков, необразованность белого духовенства, корыстолюбие гражданских чиновников, отмечал Гангеблов, вызвали его неудовольствие и повлияли на вступление на путь борьбы с этими пороками, но уже в качестве члена тайного общества⁵⁷.

Отмечал Довнар-Запольский непоколебимую честность и возторженность Рылеева, что было общеизвестно, поскольку тот был «другом правды в высоком значении этого понятия»⁵⁸.

Разобравшись во взглядах отдельных декабристов, автор сделал глобальный вывод: «Итак, любовь к Отечеству и сознание недостатков существующего режима приводили к образованию тайных обществ и к борьбе с правительством»⁵⁹. Напомним, что это написано историком-исследователем, профессором Киевского университета в книге, которая вышла легально в Москве в 1906 г. При этом Довнар-Запольский пришел еще к одному заключению: «Действительно, в мировоззрении декабристов мы встречаемся с весьма значительной чертой: их проникает пламенная, восторженная любовь к свободе»⁶⁰.

Историк особо отметил, как относились декабристы к своей Родине. Это тем более важно, что противники декабристов обвиняли их в забвении интересов России, говорили о низкопоклонстве перед Западом, который они чуть ли не боготворили. Совсем другое

⁵⁶ Довнар-Запольский М. В. Идеалы декабристов. С. 261.

⁵⁷ Там же. С. 264.

⁵⁸ Там же. С. 277.

⁵⁹ Там же. С. 267.

⁶⁰ Там же. С. 272.

представление было у автора монографии. Он даже написал об их национализме, но при этом подчеркнул: «Национализм декабристов не включает в себе и тени шовинизма. В нем можно найти зародыши и позднейшего народничества и славянофильства в его чистом виде»⁶¹. Более того, Довнар-Запольский указал на восторженную любовь декабристов к русскому прошлому, что усматривал даже в применявшейся ими терминологии. Декабристы писали о вече, земских собраниях, земских соборах, Новгородской республике, древнерусских свободах, палатах, посадниках, старшинах и головах; столица ими намечалась в Москве или Нижнем Новгороде. Довнар-Запольский также отметил, что в последние месяцы среди декабристов в кружке К.Ф. Рыльева появился один из основателей славянофильства — А.С. Хомяков; при этом автор высказал предположение о связях основных элементов славянофильства с русофильскими тенденциями декабристов⁶².

Напомнил Довнар-Запольский и о многократных возмущениях А. Бестужева вкоренившейся в русское общество и литературу страстью к подражаниям. Подлинно русского поэта усматривал он и в Рылееве, называя его поэтом-гражданином⁶³. И свой идеал будущего устройства России они вырабатывали как подлинны патриоты своей страны, которой они желали процветания и счастья. Но на пути к этому процветанию они нашли главнейшее, по их мнению, препятствие, которое они усмотрели в наличии в тогдашней России самодержавия. Оно стало, писал Довнар-Запольский, предметом ненависти декабристов, объектом их борьбы. Самодержавие своим существованием, по их воззрениям, не соответствовало тогда положению народа и препятствовало созданию правительства, которое бы действовало по законам справедливости и разума, к чему они активно стремились.

В качестве лучших образчиков взглядов декабристов автор привел два произведения, которые попали в руки Следственной комиссии, — «Катехизис» Сергея Муравьева и «Любопытный разговор» Никиты Муравьева. Выделена их главная направленность: протест против самовластья, которое противно подлинным законам общества, поскольку они иначе помешают беспорядку и всегдашним переменам, которые нужны самодержавию для со-

⁶¹ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 278.

⁶² Там же. С. 282.

⁶³ Там же. С. 287.

хранения своей власти. Самодержец не признает власти рассудка, законов Божьих и человеческих, «сам от себя, то есть без причины, по прихоти своей властвует»⁶⁴. Вообще автор монографии в качестве характерной особенности мировоззрения декабристов отметил отрицательное отношение к современному им государственному и общественному строю. При этом он особо подчеркнул тот факт, что в этом мировоззрении нельзя усматривать простое подражание течениям западноевропейской мысли⁶⁵.

По Довнар-Запольскому декабристы пришли к выводу о невозможности при самодержавии улучшить ситуацию в государстве. Прогресс в российском обществе они видели только в случае низвержения тирании. Низвергнуть ее можно только путем революции, но для ее организации, считали они, необходимо хорошо подготовиться. Готовить нужно и революционеров, и широкие круги общества (по мнению того же автора, «вообще еще малокультурного»)⁶⁶. В этой связи Довнар-Запольский одобрял создание тайных обществ и довольно подробно разбирал их деятельность. Особое внимание он уделил конституционным проектам декабристов, подчеркнув, что конституция Пестеля была все-таки вторым проектом подобного рода, вышедшим из среды членов тайного общества. Еще до нее составил свой республиканский проект граф М.А. Дмитриев-Мамонов (до 1817 г.).

Далее исследователь подробно охарактеризовал конституции – П. Пестеля, а затем Н. Муравьева. При изложении материала о конституции Пестеля он рассмотрел учение «Русской правды» о государстве, затем перешел к ее социальной составляющей. Автор обратил внимание на то, что Пестель был ярким противником какого-либо разделения граждан на сословия и классы и вообще отделения одной группы людей от другой⁶⁷. Естественно, в монографии подробно рассматривалась проблема аграрной реформы, т.е. те преобразования в аграрной области, которые намечал этот видный деятель декабристской организации. Значительное место уделено и обзору политических прав, которые намечались в конституции Пестеля, а также будущему государственному строю России. Примечательно, что исследователь обратил внимание на то, что основной ячейкой политической жизни России по Пестелю

⁶⁴ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 304–305.

⁶⁵ Там же. С. 307.

⁶⁶ Там же. С. 309.

⁶⁷ Там же. С. 330.

являлась волость⁶⁸. Заметное место в монографии отведено вопросам управления и суда. Естественно, что автор подчеркнул также, что будущий декабрист планировал перенесение столицы в Нижний Новгород. Привел Довнар-Запольский и карту России, составленную Пестелем, куда, например, включалась не только Бессарабия, присоединенная к России в 1812 г., но и, как известно, не входившее в ее состав Молдавское княжество со столицей в Яссах.

Интересно заключение автора о сильной социалистической окраске, которую он усмотрел во взглядах Пестеля⁶⁹, и о негативном отношении этого декабристского лидера к какой-либо федерации. Здесь приведены его слова о федерации, рассматривавшейся «яко пагубнейший вред и величайшее зло»⁷⁰.

Довнар-Запольский отметил русификаторские наклонности Пестеля, процитировав его высказывание: «Все различные племена, в России обретающиеся, к общей пользе, *совершенно обрусуют* (здесь и далее курсив автора. — *В.Г.*) и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень благоденствия, величия и могущества»⁷¹.

План Пестеля по слиянию различных племен с русским племенем (это подавление индивидуализма национальностей)⁷² историк назвал утопичным и даже не подлежащим специальному комментированию. Его он только изложил и не счел необходимым на нем останавливаться⁷³.

Несколько менее подробно охарактеризована конституция Никиты Муравьева. Довнар-Запольский писал о трех ее редакциях, акцентируя внимание на словах Муравьева о том, что «*русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства*»⁷⁴.

Естественно, он отметил провозглашение Муравьевым разных свобод и то, что право частной собственности на движимое имущество объявлялось священным и неприкосновенным. Как и в случае с конституцией Пестеля, сделан акцент на трактовку проблем,

⁶⁸ Довнар-Запольский М. В. Идеалы декабристов. С. 358.

⁶⁹ Там же. С. 379.

⁷⁰ Там же. С. 391.

⁷¹ Там же. С. 394.

⁷² Там же. С. 423.

⁷³ Там же. С. 394.

⁷⁴ Там же. С. 395.

связанных с крепостным правом. Он написал о планах Муравьева: при ликвидации крепостного права передать в собственность освобожденных крестьян только дома с огородами. Вообще, как отмечал автор, «в конституции Н. Муравьева, ни с какой точки зрения, не может быть одобрена достаточно решительная постановка крестьянского вопроса»⁷⁵. В соответствии с ней законодательная власть осуществлялась Народным вечем, а исполнительная — предоставлялась императору, который назывался верховным чиновником Российского государства.

В целом в 1906 г. труд М.В. Довнар-Запольского стал самой крупной монографией, посвященной взглядам декабристов. Известное исследование В.И. Семевского на эту тему⁷⁶, широко используемое декабристоведомы, появилось лишь через три года.

⁷⁵ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. С. 423.

⁷⁶ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

А.Н. Бикташева

К биографии академика М.В. Нечкиной: обзор источников казанского периода жизни

Наше знакомство с Евгенией Львовной произошло в конце 1980-х гг. по инициативе моего научного руководителя, казанского профессора Григория Наумовича Вульфсона. Сблизила нас тема моей кандидатской диссертации – «Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 1920-х годов (казанский период)»¹. Личный архив Милицы Васильевны был тогда «закрыт» для исследователей. В 1990 г. я узнала от Веры Васильевны (младшей сестры Нечкиной) о существовании дневниковых тетрадей старшей сестры, с которыми та даже при обстрелах Казани не расставалась. Наличие этих тетрадей спокойствия мне не прибавляло. Был даже случай, когда, увидев ссылку на личный архив академика Нечкиной², я примчалась в Москву, чтобы на этом основании добиться доступа к казанским материалам...

Только в 1997 г. в журнале «Отечественные архивы» впервые появились выдержки из казанских дневников³ М.В. Нечкиной. Завершалась публикация статьей «История в человеке»⁴. Почему редакция обратилась за комментарием именно к Е.Л. Рудницкой, догадаться не трудно. С Милицей Васильевной их связывала 40-летняя совместная творческая жизнь. После прочтения статьи Евгенией Львовной у меня возникло ощущение, что далась она ей не просто, ведь в пределы одной статьи нужно было вместить научную жизнь своего учителя. Такое случается, когда изложением становятся собственные переживания, преломленные в судьбе близкого тебе человека. Полагаю, эта статья побудила в ней поиск форм конструирования «образа Нечкиной». По ссылкам я также поняла, что и мои

¹ Гребенкина А.Н. Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 20-х годов (казанский период): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992.

² Архив РАН. Ф. 1820. См.: Михаил Михайлович Богословский. Историография, мемуаристика, эпистолярная наука: научное наследие / отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1987. С. 190.

³ «...Когда я буду “великим” человеком... очень пригодятся мои тетради...» (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной) // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 58–92; № 6. С. 42–87.

⁴ См.: Там же. 1997. № 6. С. 93–102.

работы о Нечкиной ей известны. Так постепенно началось наше совместное узнавание, совместный интерес к восприятию и толкованию научной судьбы академика Нечкиной.

Очередной 200-летний юбилей Казанского университета позволил мне подготовить свой комментарий к дневникам казанского периода⁵. Эта публикация все же отличалась от первоначальной – в «Отечественных архивах» 1997 года. Дело даже не в выборке материала, а в плотности приведенного материала в комментариях, исследовательском прочтении и понимании контекста отобранных дневниковых записей. Думается, все это могло послужить основанием для включения раздела «Заря жизни» в биографический сборник «История в человеке. Академик М.В. Нечкина. Документальная монография»⁶. Оглядываясь на его создание, следует признать, что мое участие в этом проекте состоялось только благодаря поддержке Евгении Львовны.

Реализация этого уникального проекта заняла у Е.Л. Рудницкой несколько лет, отняла много сил, но вместе с тем продлила ее творческую жизнь. Не каждому удается организовать такое подношение своему Учителю и обогатить науку посланием для будущих исследователей. Продолжая связавшую нас тематику, пользуясь идеей «биографического документирования», я решила посвятить памяти Евгении Львовны Рудницкой обзорные выявленные мною биографических свидетельств (в основном неопубликованных) о казанском периоде жизни М.В. Нечкиной. Побудили к этому и многократные публикации ее дневниковых записей⁷, и обозначившийся интерес современных исследователей к периоду ее профессионального становления⁸. Обзорные это будет охватывать годы учебы ее в гимназии, университете, начало ее преподавательской деятельности.

⁵ Дневник М.В. Нечкиной: Казань и Казанский университет (1917–1924 гг.) / публ. А.Н. Бикташевой. Казань, 2003.

⁶ «Заря жизни». Из казанских дневников М.В. Нечкиной (1917–1924). Публикация, вступительная статья и комментарии // История в человеке. Академик М.В. Нечкина. Документальная монография / отв. ред. Е.Л. Рудницкая, С.В. Мирошенко. М., 2011. С. 929–1001.

⁷ История в человеке. Академик М.В. Нечкина.: «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2013.

⁸ Ярославцев Я.А. Милица Нечкина: литературно-психологический очерк. М., 2010; Черная Е.Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки. Новосибирск, 2014; Тихонов В.В. «Ключевская-да» М.В. Нечкиной // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 238–248; Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 256–265;

При жизни академика Милицы Васильевны Нечкиной в силу различных причин часть биографических свидетельств о ее происхождении, годах детства, учебы оказались в зоне умолчания. Мало кто из ее профессионального окружения знал, что она была из профессорской семьи. Воспоминания ее младшей сестры – Веры Васильевны «Что сохранила память» (1988) позволили мне «открыть» историю семьи. Каждому члену семьи в этом тексте отводилась отдельная глава. Посвящения отцу, деду и старшей сестре были самыми значительными по объему.

Уезжая в Краснодар, Вера Васильевна даровала музею Казанского университета главу – «Старшая сестра». Прочитав ее, без приглашения и каких-либо договоренностей я решила повидаться с автором. Но каково было мое удивление, когда добравшись до ее квартиры в Краснодаре, дверь медленно передо мной стала закрываться... Ситуацию спасло уточнение, что я занимаюсь только «казанским периодом» жизни ее старшей сестры. Меня впустили в дом, а вознаграждением стал полный текст воспоминаний⁹.

Встречались мы с Верой Васильевной дважды. В беседах не обошлось и без неудобных вопросов. В частности, о причине сложных отношений со старшей сестрой. Ответы давались непросто. Я невольно вторгалась в запретную часть ее воспоминаний, где пережитое не замещалось безоблачными детскими впечатлениями. Обида младшей сестры заключалась в осознанном, по ее мнению, отдалении старшей – от своих близких в самые тяжелые для них годы. Тяжесть этой обиды ощущалась при описании похорон матери и других членов семьи во время войны; в рассказе о встрече с родной сестрой по предварительной записи в «приемной академика Нечкиной» и т.д. Проговорив все это, будто освободившись, Вера Васильевна стала улыбаться. Показалась она мне доброй, светлой, открытой и очень красивой для своего преклонного возраста (было ей тогда 85 лет). Затем уже в письмах она дополняла и уточняла переданные мне воспоминания.

Особый интерес вызывала судьба их старшего брата Бориса, о котором вообще ничего не было известно. По казанским материалам

Историографические исследования М.В. Нечкиной 1920-х гг.: освоение традиции и экспериментальные поиски // Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920–50-е гг. М., 2020. С. 77–114.

⁹ Хранятся в моем личном архиве и в семье внучки В.В. Нечкиной – Светланы Юрьевны Карагода (в девичестве – Шарафеева).

я знала, что был он на два года старше Милицы Васильевны, закончил с золотой медалью казанскую I-ю мужскую гимназию. Его отмечали в числе активных участников организации школьной выставки, посвященной памяти Отечественной войны 1812 г.¹⁰ Было известно, что после гимназии он поступил на юридический факультет Казанского университета. И на этом сведения о нем обрывались. Причину тому раскрыла Вера Васильевна, пояснив, что Борис ушел из Казани вместе с Комучем¹¹. С ее слов родители долго и мучительно переживали этот разрыв, но связь с сыном все-таки поддерживали. После вхождения в город Красной армии семья директора Промышленного училища осталась в городе, хотя почти все преподаватели и служащие бежали, подстрекаемые слухами о неминуемых зверствах. Отец же, взяв все документы и средства училища, явился в штаб Красной армии, что было оценено новой властью. В доме долго хранился документ, по которому Василий Иванович Нечкин не подлежал аресту, сохранял за собой пост директора Промышленного училища, а его квартира не подлежала обыскам и уплотнению.

В настоящее время посредством Интернета собрать скудные свидетельства о жизни Бориса Нечкина стало легче, нежели обнаружить их в воспоминаниях обеих сестер. О том, что он оказался в Харбине в 1922 г., а затем женился на Анне-Рахиль Кейлин (учительнице английского языка), его родители знали из писем. То, что в ноябре 1937 г. по обвинению в шпионаже он был расстрелян и захоронен в Москве на Донском кладбище (реабилитирован 26 декабря 1957 г.), узнали обе сестры, но уже по отдельности. О том, что в 1960-х гг. на деньги Милицы были поставлены новые памятники родителям на казанском Арском кладбище, Вера Васильевна говорила с особым чувством. Участок этот и сейчас находится на церковной аллее. Кроме родителей, там были похоронены средняя сестра – Ксения, ее ребенок и приемный брат.

Оглядываясь на обстоятельства моего изучения творческого становления академика Нечкиной, надо признать, что мне несказанно повезло: познакомиться с ее младшей сестрой и написать диссертацию без доступа к личному архиву Милицы, что не могло не сказаться на моем исследовательском иммунитете в последующей работе с ее казанскими дневниками.

¹⁰ См.: Юбилейная выставка, посвященная памяти 1812 года. Казань, 1912.

¹¹ Комуч – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (в сентябре 1918 г. под натиском Красной армии покинули Казань).

В 1911 г. семья Нечкиных переехала из Ростова-на-Дону в Казань. Милица к тому времени перешла в третий класс гимназии. По просьбе отца, поданной попечителю Казанского учебного округа¹², его старшие дети были зачислены в казанские гимназии.

При изучении переводных ведомостей учениц Ксенинской женской гимназии¹³ (где обычно указывался возраст) я столкнулась с разночтением в дате рождения Нечкиной. Так, общеизвестной датой было 25 февраля 1901 г., в действительности же она родилась в 1899 г. Подтверждение тому было найдено и в формулярном списке отца¹⁴, и в копии метрического свидетельства ее рождения¹⁵. Почему выбор пал именно на вторую женскую гимназию? Вероятно, потому что она находилась в непосредственной близости от университета. В Казани сохранилось здание Промышленного училища со служебной квартирой директора. Казенная квартира находилась на Большой Грузинской улице (ныне — ул. Карла Маркса, д. 72), на втором этаже трехэтажного здания, примыкавшего к учебному корпусу специальным переходом. В этом доме Милица Нечкина прожила 13 лет (с 1911 по 1924 г.). И если перейти на другую сторону улицы, то можно и сегодня найти нужные окна. По этой улице до недавнего времени ходил трамвай, на котором можно было добраться до императорского университета.

В начале XX в. под воздействием революции 1905—1907 гг. стали происходить значительные изменения в женском образовании. Все настойчивее проводилась мысль о том, что главной целью средней школы является подготовка к обучению в высшей школе, о преемственности обучения¹⁶. В гимназиях значительно усложнялась программа в восьмом дополнительном педагогическом классе. Так, в Ксенинской гимназии с 1911 г. прибавлялись по одному уроку географии, истории, математики, методики чистописания, а также по одному уроку русского языка, математики, французского

¹² Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 616. Л. 96, 99.

¹³ Там же. Д. 679. Л. 242; Д. 704. Л. 130; Д. 712. Л. 34—35.

¹⁴ Там же. Ф. 121. Оп. 1. Д. 625. Л. 16.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1337. Оп. 17. Д. 114. Л. 10.

¹⁶ *Сингалевич С. П.* О среднешкольном и университетском образовании истории // Вестник образования и воспитания. 1914. № 9. С. 737—753.

языка в седьмом классе¹⁷. Вместе с тем гимназии оставались дорогостоящими учебными заведениями. В год, когда все три дочери директора Промышленного училища обучались в этой гимназии (1915/16 г.), он вносил за это 240 руб.,¹⁸ что равнялось среднему годовому заработку рабочего.

Судя по оценкам переводных испытаний, Милица Нечкина переходила из класса в класс с наградой I-й степени. Училась прилежно по всем предметам. Основы арифметических знаний были заложены одной из самых опытных учительниц гимназии – Елизаветой Петровной Котельниковой. Математику в старших классах вел старший ассистент физического кабинета Казанского университета Борис Иванович Смирницкий. Кроме алгебры и геометрии, которые он преподавал в объеме мужской гимназии, он также вел физику и космографию. Это значительно облегчало поступление женщин в университет, т.к. от них требовали сдачу математики в объеме мужских гимназий, даже если они поступали на гуманитарный факультет. По окончании университета Нечкина со своим гимназическим учителем вместе работали на рабфаке университета, где она наряду с общественными дисциплинами вела занятия по истории русской литературы.

Нельзя не учитывать то влияние, которое оказали на формирование ее профессиональных интересов преподаватели гуманитарных дисциплин. Русский язык и литературу вел в старших классах выпускник Юрьевского (Тартуского) университета, а затем приват-доцент Казанского университета – Леонид Константинович Ильинский (1878–1930). В гимназии за ним закрепилась репутация талантливого педагога, есть свидетельства, что «ученицы уважают Ильинского едва ли больше всех других преподавателей»¹⁹. Он имел значительный опыт преподавания истории русской литературы в различных учебных заведениях Казани; богатую личную библиотеку; инициировал внеклассные мероприятия для своих учениц. В записке, поданной в 1913 г. педагогическому совету, сообщалось: он вел занятия по курсу русской литературы в объеме программ мужских гимназий; в VIII педагогическом классе курс литературы стал обязательным, а не по выбору; для учениц, специ-

¹⁷ ГА РТ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 741. Л. 5.

¹⁸ Там же. Д. 709. Л. 48. Л. 61.

¹⁹ Там же. Д. 686. Л. 112–123.

ализировавшихся по русскому языку, он ввел изучение элементов языковедения и истории языка²⁰.

В 1916 г. Леонида Константиновича командировали с научной целью в Петербургский университет²¹. Полагаю, не случайно первая монография Нечкиной²² была посвящена загадочному «дяде Лене». За пояснениями я обратилась к Вере Васильевне. Она ответила, что это собирательный образ директора образцовой школы, что это лицо вымышленное, оживавшее в рассказах старшей сестры. Многие темы для своих рассказов она черпала из прочитанных книг и, как правило, по воскресеньям сестры собирались для очередной фантазии Милицы. В этой связи «дядей Леней» мог, действительно, стать ее гимназический учитель.

Милица сильно выделялась на уроках истории. Вот как об этом вспоминала ее гимназическая подруга Мария Прозорова в письме к Вере Васильевне: «Учительница истории поручила Миле реферат на тему по русской истории. Миля сначала спокойно повествовала. Затем вдруг, насторожившись, стала прислушиваться и сказала: “слышите!” — и, мы услышали говор толпы народной и перезвон московских колоколов». Той учительницей была Ольга Владиславовна Залесская, дочь известного казанского профессора В.Ф. Залесского. После окончания Высших женских курсов с дипломом I-й степени, она вернулась в родную гимназию, где ей поручили младшие классы.

В старших классах историю вел приват-доцент Казанского университета Сергей Платонович Сингалевич. Сначала он был гимназическим учителем Милицы, после — университетским преподавателем, затем коллегой и наставником в качестве первого ректора Восточного педагогического института (ВПИ был создан в 1922 г.). И сейчас трудно представить развитие педагогической науки в Казани в 1920–1930-х гг. без его участия, но судьба ему была уготована непростая.

В архиве Ксенинской гимназии отложились две его программы: по истории для VII–VIII классов и по методике для педагогического класса²³. В дневниковых записях Нечкиной не найти прямых свидетельств о влиянии С.П. Сингалевича на выбор ее будущей

²⁰ ГА РТ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 707. Л. 43. Л. 116.

²¹ Мартынов И.Ф. Ильинский Леонид Константинович // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 404.

²² Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма: (Исторический очерк). Казань, 1922.

²³ ГА РТ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 704. Л. 3–9, 87–89.

профессии. Но другая его ученица – Е.Г. Гинзбург (правда, уже после его реабилитации) вспоминала, с какой нежной и почтительной любовью относились учащиеся к своему учителю истории, поражающему четкой и строгой логикой изложения, неожиданной постановкой вопросов, раскрывавшему неумолимые закономерности исторического процесса, красоту исторической науки²⁴.

Был он сторонником активных форм преподавания истории, стремился «упражнять» своих учениц на «сыром» источнике. На его занятиях поощрялись попытки самостоятельных обобщений по изучаемой теме, часто писались эссе, организовывались учебные экскурсии в музеи Казанского университета²⁵.

В Казанском университете

В 1917 г. Милица Нечкина закончила восьмой педагогический класс (это был последний выпуск в истории гимназии) со свидетельством на звание «домашняя наставница»²⁶. Оно выдавалось лучшим ученицам, остальные получали свидетельство на звание «домашняя учительница». Вслед за братом она поступила в университет. Ее студенческие годы (1917–1921) пришлось на первые послереволюционные, на период Гражданской войны, время ломки устоев старой высшей школы. Только после сдачи в январе 1918 г. в испытательном комитете при управлении Казанского учебного округа дополнительных экзаменов по физике и латыни²⁷ она получила возможность из вольнослушательниц перейти в число студентов исторического отделения²⁸. Позднее она напишет: «Тогда в университетских аудиториях лекции заменялись митингами, семинары – политическими дискуссиями <...> Молодежь моего выпуска жадно училась, писала»²⁹. Историко-филологический факультет представляли заслуженные и почетные профессора: С.П. Шестаков, В.А. Богородицкий, Е.Ф. Будде, М.В. Бречкевич, М.М. Хвостов, Н.Н. Фирсов, А.М. Миронов, А.Д. Гуляев. Новые веяния были ощутимы в среде молодых преподавателей, формирование которых происходило на фоне революционных событий

²⁴ Гинзбург Евгения. Единая трудовая // Юность. 1965. № 11. С. 87.

²⁵ ГА РТ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 713. Л. 16, 26.

²⁶ Там же. Д. 731. Л. 2.

²⁷ Там же. Ф. 1337. Оп. 17. Д. 114. Л. 9.

²⁸ Там же. Ф. 977. Истфак. Д. 2506. Л. 16.

²⁹ Нечкина М.В. Желаю успеха // Комсомолец Татарии. 1954. 17 ноября.

начала века. К ним принадлежали историки: П.Г. Архангельский, И.А. Стратонов, Н.П. Грацианский, С.П. Сингалевич, Н.А. Васильев, А.О. Маковельский.

В первые послереволюционные годы в учебных программах³⁰ существенных изменений не происходило, да и не могло произойти, поскольку новая власть еще не укрепилась. Предметы делились на общефакультетские и обязательные для каждого отделения. Историки изучали не только отечественную и всеобщую историю, но и логику, психологию, социологию, политэкономия. Философия читалась на протяжении всех лет учебы, обязательным было освоение еще одного иностранного языка, истории русской литературы и истории искусства. Занималась студентка Нечкина по всем дисциплинам прилежно³¹. Кроме того, посещала занятия физика Д.А. Гольдгаммера, на медицинском факультете – лекции А.Н. Миславского (возглавлял в тот период нейрогистологическую школу Казани). В 1919 г. по итогам событий Гражданской войны произошла реструктуризация Казанского университета: был открыт лесной факультет, закрыт юридический, присоединены женские историко-филологические курсы и женский медицинский институт. Открыт новый факультет – общественных наук (ФОН), который просуществовал в составе университета только до 1922 г., затем на его основе был создан Восточный педагогический институт.

По устоявшейся университетской традиции студенты третьего курса могли участвовать в выполнении конкурсных сочинений. Тогда же на историческом отделении вводился курс по отечественной историографии. В 1919/20 учебном году по русской истории совет факультета предложил тему «Приложение теории экономического материализма к объяснению русской истории в трудах русских ученых (критико-историографический обзор исторических трудов данного направления и выявление роли последнего в развитии русской науки)»³²; по философии – «Критическое обозрение опытов социалистической эпохи»; по психологии – «Характер и вкусы»³³; по русской литературе – «Народно-психологические основы русского народного устного творчества»³⁴. Нечкина выбрала историографическую тему. Говорить, что она уловила в ней

³⁰ ГА РТ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 18. Л. 21–24.

³¹ Там же. Ф. 977. Д. 2545. Л. 24, 28, 56, 93, 117.

³² Там же. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 15. Л. 103.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Ф. 977. Д. 2500. Л. 2.

конъюнктуру времени, представляется преждевременным. Надо полагать, к третьему курсу она определилась с выбором дальнейшей специализации. Будучи уже академиком, в 1954 г. она признавалась: «Я — ученица молодого талантливого ученого Петра Григорьевича Архангельского»³⁵.

Выполненные конкурсные работы представлялись на экспертизу ученого совета факультета под девизом: «без указания авторства до окончания обсуждения». На заседании историко-филологического факультета от 24 января 1921 г. заместитель декана И.А. Стратонов доложил, что все члены факультета выразили свое согласие с отзывом П.Г. Архангельского. При вскрытии конверта оказалось, что автором сочинения является студентка 3 курса историко-филологического факультета М.В. Нечкина³⁶. Этот отзыв оказался посмертным. 6 января 1921 г. профессор Архангельский скончался от сыпного тифа. В том же году историко-филологический факультет был реорганизован в факультет общественных наук (ФОН). На новом факультете по кафедре «Новых европейских и внеевропейских обществ» со специализацией по русской истории Нечкина была оставлена для подготовки к профессорскому званию³⁷. Так начала сбываться ее юношеская мечта...

Она познакомила своего нового научного наставника — профессора Н.Н. Фирсова с собственной программой будущих занятий³⁸. Текст этого письма раскрывает, кто и как побудил ее заниматься В.О. Ключевским, а также способствует пониманию причин острой критики первой ее монографии. Любой начинающий исследователь в самом начале творческого пути оказывался под обаянием воззрений своего научного руководителя. Есть все основания утверждать, что научная деятельность Архангельского (1884—1921) способствовала профессиональному становлению Нечкиной как историка-историографа. Излом исторических событий, ранний уход Учителя из жизни в 37 лет лишь отчасти поясняют малоизученность его влияния на раннее творчество академика Нечкиной. До поры до времени она сама не желала признавать себя ученицей «буржуазного» профессора. Научное наследие Архангельского³⁹

³⁵ *Нечкина М.В.* Желаю успеха.

³⁶ ГА РТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

³⁷ Там же. Оп. 18. Д. 1. Л. 27.

³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 449. Д. 35. Л. 114—115.

³⁹ *Архангельский П.Г.*: 1) К вопросу о происхождении русской общины. Казань, 1913; 2) Выборы в Екатерининскую комиссию от крестьян Двинского севера.

до сих пор остается невостребованным. В этой связи особую значимость приобретают его рукописные тексты, хранящиеся в Отделе редких и рукописных книг научной библиотеки Казанского университета⁴⁰.

Главным направлением его научных изысканий была история аграрных отношений в России. В университете его считали учеником Н.Н. Фирсова⁴¹ и Д.А. Корсакова, под руководством которого он формировался как историограф. В его бумагах сохранились сопутствующие материалы составления сложнейшей учебной программы по русской историографии XVIII–XIX вв., была начата работа над монографией «Исторические мировоззрения С.М. Соловьева и его место в истории науки». Словом, без специального изучения влияния на раннее научное творчество Нечкиной идей Архангельского их нельзя понять и оценить в полной мере.

Педагогический опыт

Казанский период жизни Милицы Васильевны характеризуется не только становлением ее как историка-исследователя, но и как педагога. Ее исследовательская работа на протяжении всей жизни неизменно сопровождалась преподаванием. Казань для нее – «заря жизни», совпавшая с периодом бурных перемен не только в науке, но и во всей системе гуманитарного образования.

С 1921 по 1923 г. в Художественно-техническом институте она преподавала социологию искусства⁴², в Политехническом – в 1923/24 учебном году читала исторический материализм и курс «Капитализм и пролетарская революция»⁴³, одновременно на рабочем факультете университета вела занятия по истории, политической экономии, истории литературы⁴⁴.

По сути, недавней студенткой университета в кратчайшие сроки были разработаны лекции и семинарские занятия по целому ряду общественных наук: политической экономии, философии,

Пг., 1915; 3) Погостные наказы 1767 года, как исторический источник. Казань, 1916; 4) Очерки по истории земельного строя России. Казань, 1920.

⁴⁰ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Ед. хр.: 3266, 3268, 3269, 3270, 3271, 3272, 3273, 3274.

⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 449. Д. 30. Л. 24, 27–28, 30.

⁴² ГА РТ. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.

⁴³ Там же. Ф. 262. Оп. 1. Д. 24. Л. 40.

⁴⁴ Там же. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 14. Л. 100.

литературоведению и искусствоведению. Один только перечень учебных заведений может рассказать о развитии новой сети высшего образования, и не только в Казани. В октябре 1917 г. был открыт Северо-Восточный археологический и этнографический институт, где трудились университетские ученые. В ноябре 1918 г. произошло слияние Политехнического, Художественного, Коммерческого училищ Казани с Виленским химико-технологическим училищем. К декабрю 1921 г. Художественное училище отделилось, и на его основе был создан Художественно-технический институт, а Промышленный техникум в 1919 г. преобразовали в Политехнический институт. В 1918 г. на базе Казанской учительской школы был создан Педагогический институт, с 1919 г. — Высший институт народного образования.

Согласно декрету от 4 марта 1921 г.⁴⁵ были установлены обязательные для преподавания дисциплины: развитие общественных форм, исторический материализм, история пролетарской революции (исторические предпосылки, связь с историей XIX—XX вв. и рабочим движением), политический строй РСФСР, организация производства и распределения. Допуском к преподаванию общественных дисциплин для Милицы Нечкиной стали ее ранние теоретико-методологические исследования: «Взгляд Маркса и Энгельса на историю»⁴⁶ и «Русская история в освещении экономического материализма»⁴⁷. Кроме того, в качестве пропагандиста она работала в 1919—1921 гг. библиотекарем при политотделе Западной армии. Немаловажную роль сыграл и авторитет отца (с 1919 г. — профессора В.И. Нечкина), которого хорошо знали в Политехническом институте и университете. В Политехническом институте он занимал пост декана инженерного факультета, читал лекции по технологии строительных материалов, создал и одноименную лабораторию для практических задач.

Проявление педагогических дарований у старшей дочери Нечкина произошло еще в гимназические годы. Способствовало этому и то, что она выросла в семье педагогов. Младшая сестра вспоминала, что ей никак не давался французский язык. Милица предложила ей оригинальный способ запоминания «трудных»

⁴⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 19. С. 117—119.

⁴⁶ *Нечкина М.В.* Взгляд Маркса и Энгельса на историю: (исторический материализм) // Знание — сила (Казань). 1920. 5 мая. С. 9—12.

⁴⁷ *Нечкина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма...

слов. Она заставляла не менее пяти раз повторять их, сидя за столом, стоя на одной ноге или выкрикивать в форточку. И... все получилось. В период Гражданской войны, когда обучение в гимназии прекратилось, занятия по русскому, арифметике, истории, географии и французскому для подруг младшей сестры «живо и интересно» также вела старшая сестра. В университете в то время общую педагогику и спецкурс по истории педагогических знаний на историко-филологическом факультете читал старейший профессор, философ Александр Дмитриевич Гуляев, его преемником затем стал А.А. Красновский. Бывший ее гимназический учитель С.П. Сингалевич специально для историков читал методику преподавания⁴⁸.

По архивным материалам Политехнического института, М.В. Нечкину приняли на работу в качестве преподавателя исторического материализма в 1923/24 учебном году⁴⁹. Она также упоминалась в отчетах о деятельности строительного, химического, механического факультетов, где дополнительно вела занятия по курсу «Капитализм и пролетарская революция»⁵⁰.

Это не совпадает со сведениями из книги «Милица Васильевна Нечкина. Материалы к библиографии ученых СССР» (М., 1987), где в разделе «Основные даты жизни и деятельности...» значится, что в 1922–1923 гг. она читала в Политехническом институте политическую экономию и исторический материализм. Документов, подтверждающих это, не обнаружилось. Что же касается политической экономии, то занятия по этой дисциплине вел с 1922 г. Иосиф Иосифович Сакс, выпускник юридического факультета Казанского университета.

Фонды Художественного института оказались полнее. В них представлены учебные планы, инструкции, ведомости и отчеты преподавателей. Отложились здесь и отчеты преподавательницы М.В. Нечкиной:

1) «Краткий отчет о пройденном за I-ое полугодие 1921–1922 учебного года курсе социологии искусства, читанном в государственном Художественном институте»⁵¹;

⁴⁸ ГА РГ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 18. Л. 21–22.

⁴⁹ Там же. Ф. 262. Оп. 1. Д. 24. Л. 35, 65, 77.

⁵⁰ Там же. Л. 36, 40, 44.

⁵¹ Там же. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 33. Л. 9–10.

2) «Годовой отчет за I–II семестры 1921–1922 учебный год по предмету социологии искусства»⁵².

Эти рукописные отчеты, написанные убористым и аккуратным почерком, содержат перечисление тем, вопросов и подвопросов; дают возможность судить о содержании и структуре курса.

Во введении даются определения «социологии» и объясняется, как соотносится «социология искусства» с «общей социологией». Отдельно выделена тема по истории социологических школ, рассматриваются две из них: «экономический материализм» и «антропологическая». Затем ставится проблема связи художественной и эстетической потребностей человека с исторической точки зрения, чтобы увязать их с деятельностью нервной системы и органами ощущений. Освещаются вопросы анатомии и функции человеческого глаза, восприятия им цвета, света и пространства с использованием демонстрационных моделей. Далее от физиологии осуществляется переход к психологии. В данном разделе программы разбирались такие понятия, как ощущения, восприятие, представление, память, ассоциации и их виды. После чего анализировалось творчество художника в обыденном мышлении. Определялись социальные факторы искусства, психология гениальности, формирование традиций в искусстве. На первый взгляд, такое содержание программы обучения удивляет своей необычностью. Курс создавался на стыке биологии и социологии, читался на факультете живописи и живописно-малярного производства⁵³, носил авторский и экспериментальный характер. Об этом можно узнать из письма Нечкиной (июнь 1923 г.), отправленного в секцию Русской истории исследовательского института при ФОН Московского университета с заявлением о зачислении в число научных сотрудников⁵⁴.

Кроме заявления в ее личном деле РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук) сохранился автобиографический документ следующего содержания: «...большое внимание я уделяю марксизму и, в частности, теории экономического материализма, основные положения которой я разделяю. Один из наиболее интересующих меня вопросов из области исторической теории – вопрос о взаимоотношении экономики и духовной культуры. Моя научная работа имеет еще одну сто-

⁵² ГА РТ. Д. 34. Л. 5.

⁵³ Там же. Д. 37. Л. 38.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 324. Л. 1.

рону, на которой я не буду останавливаться подробно, так как она может показаться не имеющей прямого отношения к историческому изучению. Ход моих занятий социологией привел меня к полнейшей необходимости тщательного изучения физической природы человека, по моей просьбе профессора Т.Я. Трошин и А.Н. Миславский любезно выработали для меня программу этого изучения, специально согласованную с запросами социологического подхода. В настоящее время с начала текущего учебного года я занимаюсь по этой программе, начав по указанию моих руководителей, знакомых с моей предыдущей подготовкой в области естественноисторического знания, с изучения гистологии, одной из основных биологических дисциплин, слушая лекции по этому предмету со студентами-медиками I курса Казанского университета»⁵⁵.

Из этого текста следует, что марксизм для молодой Нечкиной давал не только возможность заниматься исследовательской работой, но и служил основанием изучения духовной культуры человека в контексте с общим ходом развития социологии 1920-х гг.

Общественное знание этого периода характеризовалось наличием целого ряда социально-биологических концепций, получивших свое распространение в форме бихевиоризма, рефлексологии и нейробиологического монизма. Попытки биологизации социальных процессов, появление «биологического уклона» становились проявлением борьбы науки с идеализмом. Тогда же в теории искусствознания распространилось учение З. Фрейда, сводившее искусство к биологической потребности в разрядке энергии человеческого организма. Занятия по социологии искусства молодой Нечкиной дышат новыми научными достижениями, фиксируют мозаичность взглядов на проблемы искусства, объясняют ее интерес к практической стороне психоанализа. Объяснения тому можно найти и на «казанской почве».

В 1919/20 учебном году специально для историков, помимо общей психологии, профессор Н.А. Васильев предложил новый курс — психологии поэтического творчества и практические занятия по психологии⁵⁶.

По его инициативе в университете также была создана лаборатория по экспериментальной психологии во главе с К.И. Сотони-

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 324. Л. 3.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.

ным⁵⁷. При университете действовал и студенческий психоаналитический кружок, который благодаря неумолимой деятельности его председателя – А.Р. Лурия (будущего академика) вступил в переписку с З. Фрейдом⁵⁸.

Не будем забывать, что первая монография Нечкиной была опубликована при содействии «Ассоциации общественных наук», издававшей в 1921 г. труды и других молодых ученых⁵⁹, созвучных идеям курса «социология искусства».

Наряду с теоретической частью занятий проводились и практические – по теме «Анализ психологии художественного восприятия и творчества»⁶⁰. Тестирование участников выражалось в «психологических опытах», связанных с особенностями восприятия памяти, внушения, композиционного отбора. Кроме таковых десяти «опытов», будущие художники подвергались исследованиям, которые проводились в лаборатории экспериментальной психологии университета. По результатам практической части студентам предлагалось написать доклады для выступления на семинарских занятиях. В отчете Нечкиной отмечались самые активные и сознательные участники семинара; в их числе значились Д. Рязанская и З. Отрыганьева – с докладами о типах памяти, Е. Частихина – о психологии внимания, А. Родионова – о внушаемости.

Мне удалось разыскать Дебору Иосифовну Рязанскую, впоследствии окончившую ленинградскую Академию художеств. Она очень тепло отзывалась о Кахутемасе 1920-х гг.⁶¹ При содействии искусствоведа М.Е. Ильиной удалось заполучить дневниковые записи А.П. Родионовой. Обе хорошо отзывались о необычном курсе Нечкиной, вспоминали, что рисовали ее портрет. Вот запись Родионовой от 17 марта 1922 г.: «Пишем поэтессу Нечкину. Страшно трудно, боюсь. Боюсь и не могу схватить что надо. Я думаю ее трудно писать, потому что это сложная натура с тонко развитой психологией. При этом бледное, желтоватое, чуть розоватое лицо и большие зеленовато-серые глаза ясновидящей».

⁵⁷ ГА РТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 24.

⁵⁸ См.: *Левитин К.Е.* Мимолетный узор. М., 1978.

⁵⁹ *Кругликов П.И.* В поисках живого человека. Очерк I. Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе. Казань, 1921; *Сотонин К.И.* Темпераменты. Проблемы и гипотезы. Казань, 1921; *Первушин Н.В.* Наука социология. Казань, 1921; *Vunner P.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921; и др.

⁶⁰ ГА РТ. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.

⁶¹ См.: Вечерняя Казань. 1987. 27 октября.

По субботним вечерам в одной из аудиторий Художественного института собирались казанские поэты и читали свои стихи. На склоне лет Д.И. Рязанская вспоминала ходившие в их среде строки: «Нечкина Милица любит лица, она любит их целовать и по пыльной дороге катать». Поэтическая составляющая – одна из ярчайших страниц ее биографии, ждущая специального освещения на фоне творческой жизни Казани начала 1920-х гг. Важно и то, что ее формирование как ученого и педагога происходило в университетском городе на творческом пике революционных перемен. Здесь она получила богатые «векселя», которые окупились позднее.

В этой связи нельзя не упомянуть, что целое поколение советских школьников выросло на учебнике по отечественной истории, написанном Нечкиной в содружестве с П.С. Лейбенгрубом⁶². К 1982 г. этот учебник выдержал 17 изданий. Истоки ее учительского таланта обнаружались на рабфаке Казанского университета. Приобретенный опыт пригодился затем и на рабфаке Московского университета. В ее телеграмме, направленной к очередной годовщине казанского рабфака, будут такие слова: «Казанский рабфак для меня – поэма, заря жизни. Крепко помню и горячо люблю его»⁶³.

Рабфаки страны имели ярко выраженную социальную направленность. Они призваны были создать новую советскую интеллигенцию. Для этого ускоренно готовили для поступления в высшие учебные заведения рабочую и крестьянскую молодежь, пришедшую на рабфаки со слабыми знаниями. Традиции по изучению общественных дисциплин на рабфаке Казанского университета в начале 1920-х гг. были заложены видным партийным деятелем В.В. Адоратским, который читал там курс по истории социализма и всеобщей истории⁶⁴. Он же руководил инициативной группой лекторов, занимавшихся преподаванием общественных наук в новых условиях. В эту группу входили как опытные педагоги (Н.Н. Фирсов, М.Д. Бушмакин, В.И. Пономарев), так и молодые (М.К. Корбут, Н.З. Векслин, В.Д. Игнатович). В 1923/24 учебном году этот коллектив обществоведов рабфака принял в свои ряды преподавательницу Нечкину. Здесь работали и многие ее

⁶² История СССР. Учебник для 7 класса. М., 1971.

⁶³ См.: Из истории рабфака Казанского университета. Казань, 1975. С. 42.

⁶⁴ ГА РТ. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.

гимназические учителя: математик Б.И. Смирницкий, физик И.А. Картиковский, немецкий язык вела Э.Д. Курочкина, русский язык и литературу преподавал однокурсник Милицы по университету — В.В. Неболюбов.

Чтобы представить весь объем учебно-воспитательной работы, выполняемой Милицей Васильевной, приведем отрывок из протокола президиума рабфака по случаю ее отъезда в Москву:

«Вместо тов. Нечкиной утвердить преподавателем исторического материализма и руководителем методологического кружка тов. Бродовского — бывшего преподавателя Коммуниверситета; политэкономический кружок передать преподавателю Сердобольскому, а литературный — преподавателю Неболюбову. Пригласить тов. Германидзе для преподавания политэкономии. Вопрос о передаче лекций по литературе предоставить усмотрению предметной комиссии»⁶⁵.

Есть упоминание, что еще в студенчестве Нечкина вела семинары по истории⁶⁶. Но основная нагрузка пришлась на политэкономию. Милица Васильевна проводила занятия по этой дисциплине в восьми группах из существовавших тринадцати⁶⁷. Создание рабочих факультетов было мерой вынужденной. Опыта работы с взрослой аудиторией в таких масштабах не существовало ни в одной стране, не было учебников, программ и методик. В учебном процессе стали применять преимущественно активные методы обучения: наблюдение, экскурсии, предметные кружки, составление планов, диаграмм, написание рефератов, создание рукописных научно-популярных газет и журналов. Это оживляло преподавание, способствовало повышению активности учащихся, развитию навыков самостоятельной и исследовательской работы. Рабфаки стали широко применять лабораторный метод, известный еще в дореволюционной школе.

Архивные материалы рабфака Казанского университета дают представление о том, что и как преподавала Нечкина, какие формы и методы использовала в работе, получил ли приобретенный ею опыт дальнейшее развитие. Дополняют их ее регулярные публикации в «Знамени рабфаковца»⁶⁸. Главной трудностью ведения

⁶⁵ ГА РТ. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 25; Д. 14. Л. 100.

⁶⁶ Черзор А. П. Самое дорогое время // Из истории рабфака... С. 64.

⁶⁷ ГА РТ. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

⁶⁸ Нечкина М. В.: 1) Четырехлетие Казанского рабочего факультета // Знамя рабфаковца. 1923. № 10. С. 160–163; 2) Чтение «Капитала» на уроках политической

занятий по русской литературе в то время были катастрофическая нехватка художественной литературы и низкий уровень подготовки студентов. Лекции сводились к минимуму, а вот практические занятия у слушателей вызвали заметный интерес, поэтому преподаватели в основном вынуждены были заниматься чтением и разбором художественных произведений. Занятия Нечкиной носили дискуссионный характер. На них часто разгорались жаркие споры. Один из сюжетов такого урока литературы даже попал на страницы юмористической студенческой газеты «Блоха». Заметка касалась темы «Взгляд Некрасова на русскую женщину», обсуждение которой переросло в бурную угрожающую дискуссию⁶⁹. Система обучения на рабфаках широко использовала возможности предметных кружков. Они способствовали расширению кругозора у возрастной части слушателей. В тот учебный год насчитывалось до 19 кружков. Милица Нечкина руководила тремя из них — литературным⁷⁰, методологическим (методическим)⁷¹ и политэкономическим⁷².

Другим, не менее эффективным методом обучения стали экскурсии. В учебном процессе рабфака они использовались постоянно и носили систематический характер. С целью координации и обмена опытом по их проведению была создана специальная экскурсионная комиссия. Нечкина водила студентов старших групп в «Промышленный банк» для знакомства с банковским делом и типичными операциями банка. С содержанием этой экскурсии она ознакомила предметную комиссию обществоведов⁷³.

Кроме экскурсий во внеурочной работе по политэкономии Милица Васильевна организовала и предметный кружок. Его деятельность отражена в нескольких документах: «Ответ на запрос учебной части о проспектах и методах работы руководимых мною кружков от 6 октября 1923 года»⁷⁴; «Доклад Нечкиной о кружке по политэкономии высшего типа, сделанный на собрании предметной комиссии от 13 октября 1923 года»⁷⁵; «Доклад о деятель-

экономики (из опыта Каз. рабфака) // Там же. 1924. № 1–2. С. 49–57; 3) Конец зимнего семестра на Казанском рабфаке // Там же. 1924. С. 162–163.

⁶⁹ ГА РТ. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.

⁷⁰ Там же. Д. 38. Л. 15.

⁷¹ Там же. Д. 22. Л. 237.

⁷² Там же. Л. 236.

⁷³ Там же. Д. 16. Л. 59.

⁷⁴ Там же. Д. 22. Л. 237.

⁷⁵ Там же. Д. 38. Л. 11.

ности политэкономического кружка, прочитанный на заседании учебного бюро 20 декабря 1923 года»⁷⁶.

Все это — показатель эволюции метода ее кружковой работы. Он стал дальтоновским. Полагаю, ее знакомству с «Дальтоном-планом» способствовало издание в 1923 г. книги Э. Дьюи «Дальтоновский лабораторный план» на русском языке с предисловием Н.К. Крупской.

Так или иначе, Милица Васильевна заинтересовалась этим методом и стала применять его элементы в работе кружка. В результате его посещало до 75 человек, и не только рабфаковцы университета. Касаясь организации кружковой работы, нельзя опустить «методологический» кружок, который призван был ознакомить рабфаковцев с методами научной и умственной работы, поэтому слово «метод» и легло в основу его названия. Это был методический кружок. Появился он по инициативе студента Шевчука, был в числе первых рабфаковских кружков, затем его возглавил Г.Ф. Линцер (преподаватель русского языка и литературы, руководитель методической комиссии, один из рецензентов на первую книгу Нечкиной). В период его болезни кружок передали Милице Нечкиной. Цель кружка оставалась прежней, а вот темы были изменены. Их перечень дает представление о круге интересов самого руководителя. Основной темой стала «Техника умственного труда», а тема «Роза Люксембург по ее письмам из тюрьмы» была созвучна происходившим событиям в Германии в 1923 г. В работе этого кружка участвовало до 80 человек. Были заслушаны доклады, посвященные человеческой памяти, правилам чтения книг, умению писать рефераты; работали и приглашенные специалисты. К примеру, средняя сестра, Ксения Нечкина (окончила медицинский факультет, офтальмолог), выступила с докладом «Гигиена умственного труда». Не ошибусь, если скажу, что методика исследовательской работы определяет творческое лицо ученого, поэтому для Нечкиной Казань, прежде всего — заря творчества, которое не спутать ни с чем другим.

10 января 1924 г. накануне отъезда в Москву Милицы Васильевны на расширенном заседании ученого бюро был заслушан ее доклад «Дальтоновский лабораторный метод, преподавание и возможность его применения на рабфаке»⁷⁷. На его слушании

⁷⁶ ГА РТ. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

⁷⁷ Там же. Л. 18–20.

присутствовали 52 человека со всего города. Общий его смысл — критика старой системы преподавания и возможности лабораторного метода. Докладчица поделилась личным опытом его применения, привела пример по составлению карточек по теме «Деньги», суммировала все его достоинства, полагая, что наиболее продуктивен он будет в математике, естественных науках и политэкономии. Показательно для своего времени происходило обсуждение этого доклада. Критика Г.Ф. Линсцера была направлена не против самого метода, а против нигилизма по отношению к старой школе. В 1920-е гг. им дышали все преобразования в отношении «к старому миру», не устояла и Нечкина, призывая «полностью отметать» все устаревшее. Пройдет всего два года, и она изменит свое мнение. Тот ее доклад носил ознакомительный характер. Широкого применения на казанских рабфаках «Дальгон-план» не получил. В январе 1926 г. уже в Москве, выступая с докладом о структуре рабочей книги⁷⁸, она подвергла критике лабораторно-исследовательский метод, который так активно пропагандировала в Казани. Эти события из личного преподавательского опыта затем приведут ее к убеждению о необходимости создания учебника по истории.

В ноябре 1923 г. заведующий рабфаком Михаил Корбут и Милица Нечкина были делегированы на Московский съезд научных работников. Полагаю, тогда она приняла окончательное решение о переезде, поскольку аспирантура по отечественной истории была оставлена только при Институте Красной профессуры. Уезжала она с положительной характеристикой. В ней Милица Васильевна была представлена как «умелая преподавательница», «великолепная руководительница кружков» и замечательная устроительница вечеров⁷⁹. Несмотря на краткий срок работы (с 1 сентября 1923 по 24 января 1924 г.), она снискала среди студентов рабфака не только уважение, но и любовь. Внеаудиторная жизнь здесь была такой же плотной, как и учебный процесс. Нечкина принимала самое активное участие в проведении литературных вечеров с концертными номерами, на которых сама аккомпанировала на рояле, была организатором и редактором всеми любимейшего сатирического листка «Блоха». Несколько выпусков сохранились

⁷⁸ Нечкина М.В. Структура учебника истории и классовой борьбы // Вопросы преподавания исторических дисциплин. М., 1927. С. 87–109.

⁷⁹ ГА РТ. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 14. Л. 100.

и могут рассказать о студенческой жизни той поры⁸⁰. В одном из них она и поместила свою последнюю заметку: «Ищу хорошего бондаря для изготовления кадки, в которую я встану (боясь, чтобы не отдавили ноги) при прощании с рабфаковцами (по случаю моего отъезда в Москву)».

Отъездом Милицы Нечкиной из Казани завершается обзор выявленных мною архивных и иных свидетельств. Без московского периода ее биография немыслима. Будет ли она написана так, как хотелось бы Е.Л. Рудницкой, — покажет время. Полагаю, что у каждой из нас сложилась «своя» Нечкина. Это нас и сблизило. Полагаю время беспристрастного изучения гуманитарного знания того периода, когда жила и трудилась М.В. Нечкина, еще не настало. Очень надеюсь, что приблизить это время сможет реализованный Е.Л. Рудницкой проект «документальной монографии».

⁸⁰ ГА РТ. Ф. 4882. Оп. 1. Д. 35. Л. 32–40.

Приложения

«Одна, но пламенная страсть»
(интервью Е.Л. Рудницкой корреспонденту журнала
«Знание – сила» Г. Бельской в 2000 г.)¹

Евгения Львовна Рудницкая, доктор исторических наук, лауреат премии В.О. Ключевского, автор многих известных книг и статей.

Все так. Но главное, пожалуй, другое – ее абсолютная верность еще юношеской «одной, но пламенной страсти»: истории революционного движения России. Недавно вышла книга Рудницкой «Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года»². Она-то и стала поводом для беседы нашего корреспондента Галины Бельской с Рудницкой.

Бельская: Почему все-таки родилась такая странная страсть у разумной, спокойной и очаровательной девушки, какой ты была, учась в университете? Это что – мода? Или выбор легкого пути в коммунистическое время?

Рудницкая: Думаю, не то и не другое. Конечно, время представляло «зеленую улицу» такой тематике. Но для меня сам феномен появления такого русла развития, свершившаяся революция и ее результат, требовали объяснения. Я хотела начать с самого начала, найти точку отсчета и проследить весь путь. Сегодня могу сказать, что юношескую свою задачу я выполнила и даже перевыполнила. Потому что последняя вышедшая книга – это снова возвращение к истокам.

Бельская: Постой. Давай-ка и мы начнем сначала.

Рудницкая: Тогда нужно сказать, что началось все с Огарева. Огарев – человек совершенно особенный, недаром Герцен считал его эталоном человеческой личности вообще. Герцен говорил, что в человеке не должно быть видно горизонтов, и Огарев был именно таким: в нем нет интеллектуальных и душевных пределов, ничего от узости мещанского быта, бытования, все – от бытия. Огарев, поэт, мыслитель, человек широкой души, необыкновенно

¹ Знание – сила. 2000. № 10. С. 101–110; Одна, но пламенная страсть // Проект «Обучающие сетевые олимпиады (ОСО)». URL: <http://oso.rcsz.ru/inf/pp/35> (дата обращения: 20.12.2020).

² Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 г. М., 1999.

обаятельная и привлекательная личность. Герцен и детям своим наказывал: вырабатывая свой тип человека, они должны брать за образец Огарева. Сейчас могу признаться, что я попала под обаяние Огарева, все, что я узнавала о нем, еще более меня к нему привязывало. В это время мне в руки попала книга, посвященная Огареву, Герцену и кругу «Современника», — на ловца и зверь бежит, как говорится. Книга интереснейшая! Написал ее Яков Захарович Черняк, его имя тогда мне ничего не говорило, и я стала его разыскивать. И разыскала. Через справочное бюро. Оказалось, он москвич и живет на Таганке. Я — туда. Он жил в страшной бедности. А поплатился и местом работы, и научным сообществом именно за эту книгу. Она, по существу, была первым серьезным прорывом в воссоздании этического климата той эпохи, взаимоотношений этих людей и на идейном, и на личностном уровне.

Бельская: Но ведь это время, когда личностный уровень полностью исключался?

Рудницкая: Вот-вот за это-то он и поплатился, и был полностью вытолкнут из жизни. Это был чудный человек, редкий энтузиаст и романтик. Как же он обрадовался, когда я сказала, почему к нему пожаловала! Просил и тут же предложил мне подключиться к его работе — готовить корпус сочинений Огарева для издания. И вот мы с ним засели в Отделе рукописей Ленинской библиотеки.

Мы работали в так называемой комнате 40-х годов. Она размещалась в центральной части знаменитого Пашкова дома. Именно в ней были сосредоточены материалы нужной нам эпохи, в том числе богатейшее собрание литературного наследия Огарева. Черняк решил подготовить двухтомник его сочинений: публицистику и письма. В таком составе он и вышел под редакцией Якова Захаровича. К сожалению, в скучнейшем политиздатовском оформлении и с жутким названием: «Избранные социально-политические и философские произведения». Но все-таки вышел, и должна сказать, что и по сей день именно оно остается единственным изданием собрания его сочинений. Мы шли по целине: разбирали, отбирали, расшифровывали рукописи Огарева. Кстати, с этой работой связана моя первая публикация — статья в «Записках Отдела рукописей» и воспроизведение текста письма-послания Огарева Герцену к своим московским друзьям из пензенской ссылки. Туда его сослали после разгрома их студенческого кружка. Интереснейшее послание — яркий образец столь культивировавшегося в ту эпоху особого эпистолярного жанра, где личное слито с вдохновенными

размышлениями об общем — общественном предназначении, ответственности за судьбы России интеллектуальной элиты. А они именно так себя и осознавали. И ощущали при этом огромный груз ответственности за судьбу своей России. Тогда я видела в этом письме, прежде всего выражение революционного настроения Огарева. Теперь, перечитывая, нахожу гораздо больше — по существу, весь круг проблем, над которым билась вся последекабристская мысль: Россия и Запад, общее и особенное в их историческом пути и, наконец, роль интеллигенции в судьбах народа. Вечные русские темы!

Бельская: Кстати, коль скоро ты заговорила об архиве, скажи, пожалуйста, что это за «пражская коллекция» Огарева и Герцена?

Рудницкая: Это богатейшее собрание из «Русского заграничного исторического архива» в Праге, в который в разное время поступили части разбросанного по всей Европе архива Герцена. История этих поступлений — разговор отдельный. Она очень сложна. Коллекция была передана чехословацким правительством в дар нашей стране и поступила на хранение в один из главных наших архивов — тогда ЦГАОР, а публикация поручена академическому изданию «Литературное наследство». Но это было только начало. Затем последовали так называемые софийская, нью-йоркская, амстердамская, парижская, и, наконец, женевская коллекции. К этим зарубежным поступлениям надо еще добавить материалы, полученные ранее от наследников Герцена, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, а также поступления от потомков Герцена, живущих в Европе и Америке, словом — гора ценнейших материалов.

Бельская: Ну, и что с этой горой?

Рудницкая: А вот тут нужно сказать еще об одном энтузиасте, настоящем подвижнике — Сергее Александровиче Макашине. Он не одно десятилетие был в числе тех, кто возглавлял «Литературное наследство» — издание, ставшее классическим, своего рода эталоном научных изданий. И в этом, безусловно, огромная доля заслуги Макашина, дело его рук, вернее — ума и сердца. Издание не имеет аналогов в мировой литературной практике, оно уникально, и это общепризнано. Памятники «Литературного наследства» — наш вклад в сокровищницу мировой культуры и наше национальное богатство.

Итак, став обладателем такой огромной коллекции, Макашин с радостью взялся за работу. Человек прекрасно образованный, он

привлекал не только советских ученых, но и крупнейших западных специалистов. Он искал по всему миру и людей, и материалы. А он знал, где искать, и привлекал лучших. Вышло шесть неподъемных томов, и, безусловно, это организаторский, редакторский, творческий и, конечно, гражданский подвиг Макашина.

Последний том, подготовленный Сергеем Александровичем и завершающий эту грандиозную серию, вышел недавно. Он называется «Герцен и Огарев в кругу друзей и знакомых» и состоит из двух книг. Мы с Натаном Яковлевичем Эйдельманом были его рецензентами. Сегодня нет уже Эйдельмана, нет и Макашина. Сергей Александрович не дожидаясь выхода в свет последнего тома. Он скончался вслед за Эйдельманом, в ноябре 1989 года.

Бельская: Я знаю, что ты была довольно долго связана с этой «пражской» коллекцией.

Рудницкая: Да, была привлечена редакцией «Литературного наследства» сразу же, как начались изучение и публикация первого архивного поступления – «пражской коллекции», о которой ты говоришь. В этой работе участвовали виднейшие ученые того времени – историки, литературоведы, в их числе Б.П. Козьмин, М.В. Нечкина, Ю.Г. Оксман, Ю.М. Левин, А.Н. Дубовиков, Н.П. Анциферов, Л. Гинзбург, П.Г. Рындзюнский и многие другие.

Ценнейшие исследования и публикации принадлежат Я.З. Черняку, часто выступавшему под псевдонимом «Н. Захарьин». Участие в этой работе, а она продолжалась до последнего «макашинского» тома, стала для меня, пожалуй, главной школой архивной и публикаторской работы. Тогда я опубликовала сто писем Герцена. Мы получили их из Колумбийского университета (США). Сто писем – это немало, правда? Ну, а если они на микропленке, в виде негатива? Это была нелегкая работа – расшифровывать их, но увлекательная.

Моя первая книга была посвящена, конечно, Огареву, но уже на фоне всего революционного движения, начиная с 30-х до 70-х годов. Согласно ленинской классификации, этот этап вмещал дворянский, разночинский, народнический периоды русского революционного движения. И к этому, по существу, сводилось все русское общественное движение, вся история общественной мысли XIX века.

Конечно, это были пути на науку, на сознание. Игнорировалось все богатейшее разнообразие идейных исканий и их общественных и политических проявлений, сосуществовавших в реальной жизни.

Если вернуться к Огареву, нужно сказать, что его политические воззрения, претерпевшие на протяжении жизни изменения, стали трагедией. Не только для него, но и для всего революционного движения, а в результате — для России. К этому Огарева вела не только личная биография, но и логика революционного процесса. Огарев оказался вместе с самыми радикально настроенными людьми, не только с Бакуниным, но и с Нечаевым. Герцен отсек для себя такую возможность. Огарев — нет.

Бельская: Как же мог Герцен считать его нравственным образцом, если он примкнул к убийцам?

Рудницкая: Произошло это в конце жизни Огарева. И он, и Бакунин считали, что Нечаев — это новая генерация русской молодежи, беззаветно преданная идее и родине, что они — не нам чета, дворянам, отягощенным культурой и сомнениями. Это — люди из народа, и кому же, как не им, знать, что народу нужно и как чему быть. Тогда фанатизм считался положительной чертой. Сказать: «он фанатично предан идее, партии, народу», значило, бесспорно, похвалить.

Конечно, сегодня книгу об Огареве написала бы по-другому; тогда я была еще в рамках традиционного подхода, который усиленно разрабатывала М.В. Нечкина, а я работала вместе с ней. Сейчас укоренилось критически-ироническое отношение к тому, что делала Нечкина. Это во многом несправедливо. И в отношении фундаментального ее труда о декабристах, и в отношении периода 60-х годов. Она действительно была зашорена существующими идеологическими догмами, да и по складу ума ей свойственна была жесткая схема и ранжированность. Она шла не от жизни, а от концепции. Но это — очень масштабная личность. Журнал «Отечественные архивы» опубликовал недавно ее юношеские дневники, которые она вела, учась в казанской гимназии и университете. Эти дневники во многом раскрывают феномен личности Нечкиной.

Бельская: Известно, что она была блестящим организатором.

Рудницкая: Да, тому много примеров, я расскажу лишь об одном. Она задумала осуществить факсимильное воспроизведение и научное комментирование всего того, что вышло из-под лондонского станка Герцена и Огарева, а реализацию поручила мне. Представь масштаб работ: весь «Колокол» — русский и французский, «Полярная звезда», «Голоса из России», «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», Радищев, Щербатов, «Записки императрицы Екатерины Второй», «Записки княгини

Дашковой», «Записки сенатора Лопухина» — гора материалов. Я стояла за станком старой петербургской академической типографии и постигала азы типографской премудрости. На этом этапе работы, кстати, к нам подключился Натан Яковлевич Эйдельман. Это были 60-е годы. (О его участии я написала в предисловии к подготовленной мной книге Натана «Свободное слово Герцена».) Он — автор комментариев-исследований ко многим названным изданиям.

Так вот, возвращаясь к заданию Нечкиной. Для переиздания «Колокола» нужно было связаться с крупнейшими библиотеками Англии, чтобы выявить его полный корпус: вторые издания, многочисленные приложения к газете. Но оказалось, что в Лондоне, где столько лет жил и работал Герцен, где печатался «Колокол», нет даже полного комплекта! Да и у нас он имеется с приложениями только в Библиотеке Академии наук. Получалось, что «Колокол» в его полном виде был недоступен даже специалистам, не говоря уже о любителях. Сегодня и он, и другие тома с маркой Вольной типографии стоят на полках библиотек, историков. Это — заслуга Нечкиной, и опять-таки наш вклад в культуру. Помимо этого, вышло, кажется, девять томов сборников «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.». Как ни относиться к самому названию, там собран ценнейший документальный материал, и без него не может обойтись ни один исследователь.

Нечкина умела зажигать, была и рациональным, и эмоциональным человеком одновременно, «пламенным» если не революционером, то ученым, безусловно. В этом ее и плюс, и минус. В ней не было академической объективности. Марксистско-ленинский догматизм, думаю, был близок ее складу, отчего и проистекали ее вполне искренние заблуждения. А тома «Революционной ситуации» еще послужат науке. В них опубликовал, в частности, почти всю свою диссертацию Эйдельман — начальная история «Колокола».

Бельская: Давай-ка отвлечемся от Нечкиной. Мне кажется, что твоя увлеченность Огаревым «вела» тебя не только в выборе темы, ее-то ты выбрала давно, но даже в выборе своих героев, я имею в виду книгу о Ножине.

Рудницкая: Да, это детективная история. Был такой интереснейший человек — Николай Ножин, еще одна трагическая фигура в нашей истории XIX века. Он умер 23-х лет. Современники считали его гениальным ученым; он был биолог. Однажды, роаясь

в архиве, я нашла целиком весь его архив. Архив этот, как потом выяснила, считался утерянным. А о Ножине известно было немного. На то были причины. Знали о нем ученые-биологи. А незадолго перед тем, как я нашла этот архив, появилась статья в «Известиях Академии наук», посвященная Ножину, где писалось, что архивом Ножина завладел, ни больше, ни меньше, как наш крупнейший биолог Александр Онуфриевич Ковалевский, создатель целого направления в биологии – сравнительной эмбриологии, и что идеи свои он попросту украл у Ножина. Это – несмыаемый позор. И вдруг я нахожу архив Ножина, в котором собраны все его биологические работы. Оказывается, никто этот архив не крал, он все это время оставался в недрах Следственной комиссии, созданной после выстрела 4 апреля 1866 года, поскольку считалось, что Ножин причастен к замыслу Каракозова – к его покушению на Александра II. Каким же удивительным образом переплетаются в русской истории судьбы и характеры! Кажется, что общего могут иметь Ножин, талантливый ученый, увлеченный наукой, с Каракозовым и его окружением, вынашивавшими безумную, жестокую идею убийства царя-освободителя! А вот – на тебе! – имел же что-то, что и погубило его. Как в российской истории все – «у бездны на краю», как все трагично связано и сплетено!

Найденный архив Ножина бесспорно реабилитировал Ковалевского. Естественно, бумаги Ножина страшно заинтересовали Институт истории естествознания и техники. Его тогдашний директор Семен Романович Микулинский, совершенно потрясенный, хотел увидеть все собственными глазами. Он пришел в архив, и мы вместе с ним разбирали рукописи Ножина <...>

Он попросил меня сделать доклад в его институте, и мне пришлось его сделать, хотя от биологии я очень далека. Но это, так сказать, «биологическая проблема». Она решилась к всеобщему удовольствию, ничуть не умаляя значения работ Ножина и восстанавливая доброе имя знаменитого ученого. Для меня же интерес состоял в другом. На Ножине для меня обозначился трагический перелом в революционном движении, его кризис – переход к терроризму. Для Ножина, человека необычайно тонкой душевной организации, решение Каракозова было крушением иллюзий. Он умер при неясных обстоятельствах. Полагали, что он хотел предотвратить выстрел и поэтому был отравлен каракозовцами. Эта версия существовала в подпольных кругах и разрабатывалась следствием. Кажется, она не была подтверждена медицинскими заклю-

чениями, но дело все равно темное. Он умер накануне выстрела Каракозова. В своей книге о Ножине я и постаралась все это «раскрутить» — как действовало петербургское подполье, какова была в нем роль Ножина. Мало того, он занимался еще разработкой социологической теории, сотрудничал в демократических журналах. Свою теорию прогресса Михайловский, например, связывает с влиянием на него Ножина — они были в дружеских отношениях.

Бельская: Ну, а теперь совершенно ясно — до бланкизма один шаг.

Рудницкая: Да, после книги о русской мысли 60–70-х годов я подошла к русскому бланкизму. Собственно, к нему подвели логика исследования и ход революционного процесса. Так возникла книга о Петре Ткачеве — теоретике и практике русского бланкизма.

Эти две книги — «Революционная мысль в России» и «Русский бланкизм: Петр Ткачев» для меня были важной вехой, окончанием большого периода жизни, жизни, в которой я хотела получить ответы на вопросы, с чего начался русский радикализм и к чему он пришел. Как могла, я ответила на эти вопросы.

Интересно, что книга о Ткачеве вышла на переломе нашей общественной жизни, лучше угадать было нельзя. На дворе была перестройка. Рукопись была уже в типографии, когда на стол главного редактора издательства «Наука» легла аннотация на нее. Он прочел и приказал немедленно забрать книгу и доставить ему. Там, где говорилось, что большевизм уходит корнями в русский бланкизм, все было исчерчено красным карандашом. Книга легла на полку. Она увидела свет лишь в 1992 году и поставила точку в моих исследованиях русского революционного движения.

Я дошла в изучении революционной мысли в России до логического конца, до того, во что это все вылилось, чем стало революционное движение для судеб России — аморальность, перечеркивание нравственности, то есть полное отрицание того, что было вначале и что определяло облик и жизненные пути моих героев. Огарев не сумел от этого уклониться. Завершением в этой тематике стали для меня подготовка и издание тома документальной публикации «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый».

Бельская: Да, знаю этот том. Печать отмечала, что это самое полное собрание материалов радикалов, дающее представление о том, на каких идеях выросла партия большевиков.

Рудницкая: Спасибо, это приятно. Потом мне захотелось вернуться к началу. Дело в том, что не только это движение определяло духовное развитие России и путь интеллигенции. Да, оно возобладало, но оказалось-то, что путь – тупиковый! Я обратилась к другой струе жизни общества – сразу после декабристов.

В советской науке этот период считался глухой реакцией. На мой взгляд, именно это время дало тот интеллектуальный импульс, который определил спектр русской мысли последующих десятилетий.

Русская мысль после 14 декабря 1825 года, думаю, это «Золотое десятилетие русской мысли», совершенно поразительный по насыщенности период. Да, была реакция на декабризм, но в чем же она заключалась?

Уже в 20-е годы, наряду с декабристскими организациями, существует группа молодых, прекрасно образованных людей, составляющих дворянскую элиту. В это время особое значение приобретает проблема «Россия и Запад», она очень разносторонне и глубоко разрабатывалась именно этими людьми, называвшими себя «Обществом Любомудрия». Как и декабризм, свой изначальный импульс это движение получило в событиях 1812 года, породивших мощный подъем национальных чувств. Общество это стало генератором нового, исторического направления русской мысли. И здесь оказались светочи русского ума, например, такой блестящий человек, как Дмитрий Веневитинов, тончайший поэт и философ, идеолог кружка. Князь Владимир Одоевский, двоюродный брат декабриста, поэта Александра Одоевского, оригинальный мыслитель и писатель, автор единственного в своем роде философского романа «Русские ночи».

Кругом их идей питалась русская мысль долгие годы. Они внедрили в русское сознание то, что было подхвачено и развивалось дальше, тем же славянофильством, тем же Иваном Киреевским, который был близок к этому кружку. Здесь начало формирования русского интеллигентского сознания – идея личной ответственности за судьбы страны. Элитная молодежь обязана найти форму деятельности и круг идей, которые и определяют путь России, – таково было их самоощущение, и был сформулирован принципиально значимый для национальной мысли нравственный императив: обязанность «мыслящего гражданина» «содействовать благу общему», «действовать для пользы народа, которому он принадлежит».

После политической конфронтации, которую олицетворяли декабристы, и трагического исхода их выступления начинается переосмысление пути России. На первое место выдвигается идея русского Просвещения как ведущей и главной для развития России. Эта идея становится доминирующей с середины 20-х до середины 40-х годов, до того, как окончательно формируются западничество и славянофильство — два главных направления в идеологической российской жизни. К этому времени и относится генезис этих направлений, корнями своими они уходят как раз в эти двадцать лет. Здесь и Пушкин, и Вяземский, Чаадаев, Одоевский, Надеждин и Полевой, Денис Давыдов, Погодин и Шевырев, и многие другие, ставшие героями моей книги.

Мой вывод: это направление было, в отличие от революционного, отнюдь не тупиковым. Оно получило дальнейшее развитие, это и прямой путь к мыслителям конца XIX века философско-религиозной ориентации, к тому, что представлено и русским зарубежьем. Собственно, то, что происходит сейчас в нашей отечественной историографии, подъем, расширение тематических рамок, но и большая глубина познания прошлого, — все это тоже демонстрирует связь и преемственность с той идейной парадигмой. Еще недавно спрашивали, не находится ли историческая наука в кризисе. Сейчас этот вопрос не стоит.

Бельская: У меня вопрос. Вот ты говоришь и пишешь в своей книге — мощное движение в русской общественной мысли, с ним связаны сильные умы и их влияние очень заметно, но почему-то оно оказывается на обочине общественного сознания. Почему-то его сметает движение революционного порыва и фанатизма, и это струя как бы исчезает, ее нет, ее никто не ощущает, она не имеет своих трансляторов. Она что, иссеклась, как река, потерявшая свое питание?

Рудницкая: Вовсе нет. Думаю, это случилось потому, что революционно настроенные люди были политически активны, а те — совсем не активны, они были мыслители. Это разные позиции, разные мироощущения. Мыслителей должна была бы услышать власть, действующая, но власть их слушать не хотела.

А революционеры всю свою деятельность строили на активном противостоянии существующему политическому строю. Если бы радикально настроенные люди поняли по-настоящему Чернышевского, они бы не пошли по пути Нечаева, не стали бы бесами и не привели бы Россию к катастрофе, а пошли бы путем про-

светленного сознания. Об этом писал Чернышевский, но не был услышан в этой своей ипостаси. Он был осужден на каторгу как революционер совершенно бездоказательно. И стал знаменем революции, вот что самое парадоксальное. Никто в это не вдумывался. Нечаев был человек очень малообразованный, далекий от подлинного понимания Чернышевского, а выступал как его продолжатель.

Сейчас постепенно историки избавляются от прежних шор, и это дает свой результат. Я только что из Саратова получила книгу. Ее авторы — два крупных ученых, выдающихся исследователя. Это Юлиан Григорьевич Оксман, ученый-гуманитарий с мировым именем, второй — его соратник, близкий по научной школе, кругу интересов и по нравственному облику, что немаловажно, — Владимир Владимирович Пугачев. По просьбе вдовы Оксмана некоторые их труды собраны в одной книжке — «Пушкин, декабристы и Чаадаев». Работы эти написаны давно, но масштаб ученых таков, что работы современны по сей день, время не властно, когда это настоящая наука и люди высоконравственны.

Оксман десять лет пробыл на Колыме, трижды арестовывался, был исключен из научного сообщества, долгое время его имя нельзя было упоминать в печати. Пугачев потерял кафедру в университете Нижнего Новгорода, со всеми вытекающими последствиями. Но все это не сломило их, не изменило взгляды и жизненную позицию. Их труды — золотой запас русской культуры, та нетленка, на которой будет учиться не одно поколение ученых.

Работают и молодые. Вот Елена Тихонова, молодой московский исследователь, она занята Белинским. Его подлинное познание начинается сейчас — нет догмы, нет шор. Она написала две небольшие книжки и продолжает работу.

Надо сказать, очень много интересного выходит в Саратове. Саратов очень сильный в научном отношении город, думаю, особенно силен историками. Долгое время именно Саратов был центром по изучению русской общественной мысли. Пугачев тоже долгое время работал в Саратове, там и организовал прекрасное издание «Освободительное движение в России». Пугачев его создал, и оно существует до сегодняшних дней, сейчас его возглавляет известный историк Николай Алексеевич Троицкий. Существует исследовательская линия преемственности, связанная с Оксманом, Пугачевым и Лотманом. Есть такой молодой ученый Вадим Парсамов. Он прошел школу у Лотмана в Тарту; считает себя и учени-

ком Пугачева. Он с новых позиций занялся декабристами, сейчас работает над темой «Иезуиты и декабристы». Вот из его письма ко мне: «Меня интересует не сфера идей, и даже не литературные произведения декабристов, а то, что называется индивидуальной культурой. Это очень важно и вот в связи с чем. Человеческая, личностная культура русских революционеров стремительно падала на протяжении XIX века и к XX веку упала как нельзя низко. А между тем культура это не просто богатство внутреннего мира, но и система ограничений, которые человек сознательно на себя накладывает. Чем культурней человек, тем он меньше может себе позволить. Во многих своих революционных начинаниях декабристы выглядят непоследовательно, раньше объясняли это классово-ограниченностью, а мне представляется, в этом проявляются высокие моральные требования, которые они предъявляли к себе, и чувство ответственности за возможные последствия, то есть то, что формируется не идеями, а культурой. И вот пути формирования культурных представлений меня очень интересуют». Именно стоя на такой позиции, можно получить ответы на кардинальные вопросы: почему русское движение пришло к аморальности — это отсутствие нравственной культуры, полная вседозволенность. Именно это привело к бесовщине. Почему мне и представляется такой подход плодотворным — он дает ответы на общие вопросы и проблемы.

Бельская: Так что же? Кризиса в нашей исторической науке нет?

Рудницкая: Ни о каком кризисе речи быть не может. Наоборот — расцвет, ренессанс.

Наука делается не только в Москве и Петербурге. Масса увлеченных молодых исследователей работает на периферии; в научных журналах появляются интереснейшие статьи. Раньше лидировали в вопросах изучения общественной мысли литературоведы и философы, историки плелись в хвосте. Сейчас они вырвались вперед, и история идей, история «духа» стала областью изучения историков, чего давно не было.

Бельская: Скажи несколько слов о твоём научном проекте «Идеи ненасилия в русской религиозной, общественной и политической мысли», начиная со Средневековья и до XX века.

Рудницкая: Интересно, что идеи пацифизма еще и сейчас вызывают скептическое отношение, хотя уже в политике Александра I идея миротворчества играла не последнюю роль! Даже в самом замысле «Священного союза» она присутствовала. Мой проект

идет в русле нового направления — peace studies — изучение теории и практики мирной доктрины. Становится очевидной необходимость многопланового, комплексного исследования истории миротворчества в России. Сверхзадача готовящегося труда: восстановление гуманистического облика российской цивилизации в ее неотъемлемой связи с цивилизацией общеевропейской. Собственно, этому же служит обозначившийся интерес к истории русского либерализма. Сейчас в Институте российской истории подготовлен труд по истории русского либерализма — портреты русских либералов. Известно, что в России очень сильно был представлен правительственный либерализм, как раз начиная со времени Александра I. Этот труд в определенной мере воссоздает коллективный портрет русского либерализма. Я написала для него статью об Александре Ивановиче Тургеневе, который стоит у истоков русского либерализма. Человек невероятно коммуникабельный, толерантный, он преломил в себе идейные мотивы западноевропейского и складывавшегося русского либерализма, его понимания свободы. Это может быть центральный вопрос для судеб общества. О свободе много размышлял Герцен, тоже, несомненно, трагическая фигура русской истории. Для него было очевидным, что никакая революция свободы дать не может, пока нет тех, которым эта свобода нужна. И к концу жизни он задается вопросом: если произойдет революция, будет установлен новый строй. Станет ли лучше?

Потому что свободу может воспринять только свободная личность. А массам нужны благополучие и законность.

И все.

Поэтому-то генеральной в движении русской мысли и стала мысль о просвещении, просветлении общества, нации. Свобода не внешняя, а внутренняя достигается Просвещением. Только в нем предпосылка для подлинно свободного общества.

Список трудов Е.Л. Рудницкой¹

1951

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письмо Н.П. Огарева к А.И. Герцену и к московским друзьям (осень 1836) // ЗОР ГБЛ. М. Вып. XII. С. 173–186.

1953

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письма Огарева к Герцену. Годы студенчества (1832–1833) // ЛН. М. Т. 61. С. 703–718.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письма Н.П. Огарева к М.Л. Огаревой // Там же. С. 845–858.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письмо Н.П. Огарева «К неизвестному» // Там же. С. 908–909.

1955

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: С.И. и Т.И. Астраковы – Герцену и Огареву // ЛН. М. Т. 62. С. 9–22.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: В.П. Боткин – Герцену // Там же. С. 37–46.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: С.С. Громека – Герцену // Там же. С. 105–122.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Н.И. Жуковский – Огареву // Там же. С. 133–139.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: А.А. Криль – Огареву // Там же. С. 274–280. Совм. с Я.З. Черняком.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Я.Н. Ханьков – Герцену // Там же. С. 702–709.

1956

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Из архива «Колокола»: Письмо «Из дружеского стана» // ЛН. М. Т. 63. С. 240–242.

Подгот. публ., вступ. ст.: Программа преобразования «Колокола» // Там же. С. 244–246.

Письмо редакторам нового «Колокола» // Там же. С. 702–705.

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Герцен и Огарев в документах политической полиции: Допрос Огарева 24 сентября 1834 г. Приложение: Письмо А.К. Лахтина к Огареву // Там же. С. 287–296.

1958

Подгот. публ., вступ. ст., коммент.: Письма А.И. Герцена Н.И., С.И. и Т.А. Астраковым (1832–1851) // ЛН. М. Т. 64. С. 461–538.

Коммент.: Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М. Т. XIV. 1954–1965. Совм. с А.М. Малаховой, Г.И. Месяцовой, И.М. Белявской, Л.С. Майдельштам, Ю.Б. Неводовым.

¹ К юбилею доктора исторических наук Евгении Львовны Рудницкой, с 1958 г. работающей в ИРИ РАН, лауреата премии им. В.О. Ключевского // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 406–411. Кое-что добавлено Рудницкой от руки на копии из ежегодника.

1960

О подготовке факсимильного издания «Колокола» // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. (Т. 1). С. 528–534.

1961

Социальные эксперименты Н.А. Огарева // ВИ. № 2. С. 76–85.

Новые книги о Н.Г. Чернышевском // ИСССР. № 2. С. 180–183. Совм. с А.Ф. Смирновым.

Подгот. публ., вступ. ст.: Письма А.О. Ковалевского к Н.Д. Ножину // Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР. Т. 36. Вып. 8. С. 202–216.

В литературу о Н.Г. Чернышевском // Газ. «Советская Якутия». № 32.

Чл. редкол.: Объединение Италии в оценке русских современников: Сб. док. и материалов к 100-летию объединения Италии. М. 325 с. «Колокол» // Вечерняя Москва. 22 июня.

1962

Николай Ножин // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. (Т. II). С. 444–462.

Наблюдение над публ.: Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. Лондон–Женева. Факс. изд-е. М. Вып. 1. С. 1–256.

(Источниковед. и археограф. предисл.) // Там же. С. XVII–XXIII.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. II. С. 257–490.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. III. С. 491–745.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. IV. С. 746–980.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. V. С. 981–1268.

Рук. сост. указ.: То же. Вып. XI. Указатели к I–X вып. С. 8–192.

Предисл. // Там же. С. 5–6.

1963

К изучению революционной ситуации в России конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М. С. 231–257. Совм. с А.Ф. Смирновым.

Наблюдение над публ.: Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсим. изд-е. М. Вып. VI. С. 1269–1444.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. VII. С. 1445–1580.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. VIII. С. 1581–1724.

Из истории революционных русских изданий конца 1850-х годов за границей (Дело Г.И. Миклашевского) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. III. С. 356–364.

Н.П. Огарев – теоретик и практик крестьянской революции в России // ИСССР. № 6. С. 33–56.

Рец.: Лоции архивных морей (Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. I–II) // Новый мир. № 3. С. 260–263. Совм. с М. Нечкиной и С. Микулинским.

1964

Наблюдение над публ.: Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсим. изд-е. Вып. IX. С. 1726–2202. Колокол. Прибавочный лист к первому десятилетию. С. 1–16.

Наблюдение над публ.: То же. Вып. X. Приложение: «Под суд!» С. 1–110; Общее вече (прибавление к Колоколу). С. 1–132.

Рук. сост. указ.: То же. Предметный указатель. С. 7–32. Предисл. С. 6.

Социалистические идеалы Н.П. Огарева // История социалистических учений: Сб. ст. М. С. 371–398.

Вольная русская типография А.И. Герцена // 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. М. С. 337–345.

1965

Чл. редкол.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. IV. 463 с.

Общественное движение в России 30–40-х годов XIX в. // История СССР с древнейших времен до наших дней. М. Т. IV. С. 315–356.

Наблюдение над публ.: Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева: в восьми книгах. Восьмая русская типография. Лондон–Женева, 1855–1869. Факсим. изд.-е. Полярная звезда на 1855. Книга первая. Лондон. М. 246 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1856. Кн. вторая. Лондон; М. 270 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1857. Кн. третья. Лондон; М. 337 с.

1967

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1858. Кн. четвертая. Лондон; М. 317 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1859. Кн. пятая. Лондон; М. 299 с. Новые материалы о связи редакции «Колокола», Михаила Бакунина с финским национально-освободительным движением // ВИ. № 12. С. 36–52.

1968

Наблюдение над публ.: Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева: В восьми книгах. Вольная русская типография. Лондон–Женева, 1855–1869. Полярная звезда на 1861. Кн. шестая. Лондон; М. 358 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1862. Кн. седьмая (в двух выпусках). Лондон; М. Вып. первый. 124 с.; Вып. второй. 126 с.

Наблюдение над публ.: То же. Полярная звезда на 1869. Кн. восьмая. Женева; М. 178 с.

Ред.: Полярная звезда. Кн. девятая. Коммент. и указ. к I–VIII книгам. М. 357 с.

Коммент. // Там же. С. 53, 57–59, 61–63, 68–69, 72, 81–82, 116–117, 143–146, 175–178.

Чл. редкол.: Россия и Италия. М. 460 с.

Возникновение первой общерусской революционной организации и итальянское национально-освободительное движение // Там же. С. 205–210.

1969

Н.П. Огарев в русском революционном движении. М. 423 с.

Рец.: Иллерицкий В. // ВИ 1970. № 12. С. 163–165; Бушканец Е.Г. // ИСССР. 1971. № 1. С. 179–180; Барабой А.З. // Архіви України. 1971. № 2. С. 179–171; Przegląd Historyczny. 1971. T. LXII. № 2. S. 339–342; Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 1971. № 3. S. 431–433; Századok à madjar történelmi tarsulat közlönye. 106. E.VE. 1972–6 szám. С. 1421–1423.

Рец. на кн.: Орлик О.В. Россия и французская революция 1830 года // НИИ. № 3. С. 167–168.

Подгот. публ., вступ. ст.: Неизвестное письмо Михаила Бакунина // Прометей. М. С. 236–241.

Чл. редкол.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. V. 375 с.

Подгот. публ., вступ. ст.: О деятельности революционеров 60-х годов в Скандинавии: Из переписки М.А. Бакунина с Эмилем Квантенном и Августом Сульманом // Там же. С. 272–294. Совм. с В.А. Дьяковым.

1971

Наблюдение над публ.: Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герцена и Н.П. Огарева. 1859. Кн. I. Факсим. изд-е. М. XVI + 164 с.

Наблюдение над публ.: То же. 1861. Кн. II. XIII + 331 с.

Ред.: То же. Кн. III. Комментарий и указ. М. С. 21–223.

Исторические сборники Вольной русской типографии в Лондоне и их факсимильное издание // Там же. С. 5–20. Совм. с И.А. Желваковой.

Чл. редкол.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М. 472 с. Новое о «нечаевском» Колоколе (к истории возникновения и программы) // Там же. С. 205–215.

Возникновение Тайного Интернационала Михаила Бакунина // ННИ. № 7. С. 113–124. Совм. с В.А. Дьяковым.

1972

Подгот. публ., вступ. ст.: Новые материалы о «Тайном интернациональном братстве» М.А. Бакунина // Проблемы итальянской истории. М. С. 307–343. Совм. с В.А. Дьяковым.

Из истории социалистической мысли в России: Н.Д. Ножин // ИЗ. Т. 90. С. 160–208.

Рец. на кн.: Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX века // ИССР. № 5. С. 188–190. Совм. с Б.С. Итенбергом.

1974

Чл. редкол.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. VI. 382 с.

Подгот. публ., вступ. ст.: Рукопись М.А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864) // Там же. С. 295–355. Совм. с В.А. Дьяковым.

Наблюдение над публ.: Голоса из России: Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856–1860. Факсим. изд-е: в 3 вып. М. Вып. 1, кн. I–III. 1856–1857. 544 с.

Французский «Kолокол» и его «Русские Прибавления» // Тр. второй Всесоюз. конфер. «Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела»: Тез. докл. М. С. 85–89. Совм. с Р.Г. Эймонтовой.

1975

Шестидесятник Николай Ножин. М. 230 с.

Рец.: Цамутали А.Н. Общественное движение в России. Саратов, 1979. № 9. С. 147–151; Дмитриев С.С. // ВИ. 1977. № 6. С. 154–157; Барабой А.З. // УИЖ. 1976. № 7. С. 149–150; Седов М.Г. // ИСССР. 1976. № 5. С. 192–193.

Наблюдение над публ.: Голоса из России: Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856–1860. Факс. изд-е: в 3-х вып. М. Вып. 2. Кн. IV–VI. 1857–1859. 544 с.

Ред.: То же. Вып. 4. Кн. X. Комментарий и указ. 348 с.

Коммент. // Там же. С. 241–245, 273–276.

1976

Подгот. публ., вступ. ст.: Из наследия утопического социалиста Н.В. Соколова // История социалистических учений: Сб. ст. М. С. 366–379.

Чл. редкол.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М. 387 с.

Проблема первой революционной ситуации в России в научном творчестве академика М.В. Нечкиной // Там же. С. 10–21. Совм. с И.С. Миллером.

Огарев и французский «Kolokol» // Там же. С. 165–175.

75-летие академика М.В. Нечкиной // ВИ. № 2. С. 145–151. Совм. с Е.Н. Городецким.

Уникальный памятник истории // КО. № 51. Совм. с М.В. Нечкиной.

Наблюдение над публ.: Голоса из России: Сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856–1860. Факсим. изд-е: в 3 вып. Вып. 3. Кн. VII–IX. 1859–1860. 533 с.

1977

Письмо в редакцию. По поводу очерка Л. Вишневого «Из летописи подвига: Петр Долгорукий и люди 14 декабря» // Новый мир. № 4. С. 286–287.

1978

Движение декабристов в исторической концепции Н.П. Огарева // История и историки. М. 1975². С. 154–172.

Историография русского революционного движения XIX в.: Разночинский период // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М. Вып. 2: Дооктябрьский период. С. 136–152. Совм. с Б.С. Итенбергом.

Кризис правительственной политики. Подготовка реформ (1859 – февраль 1861). Гл. 11 // Революционная ситуация в России в середине XIX в. / под ред. академика М.В. Нечкиной. М. С. 185–205.

Выход самодержавия из кризиса (1861–1862 гг.). Гл. 17 // Там же. С. 326–345.

Наступление царизма на революционный лагерь. 1862 г. Гл. 18 // Там же. С. 346–357.

Чл. редкол.: «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. VII. 256 с.

Рец.: Барабой А.З. // УИЖ. 1979. № 11. С. 153.

К истории русско-польско-итальянских революционных связей // Там же. С. 7–20.

«Остаюсь жить для нашей работы...» (Новое в эпистолярном наследии Огарева и Герцена) // Освободительное движение в России. Саратов. Вып. 7. С. 84–91. Совм. с И.А. Желваковой.

Ред.: Колокол. Kolokol. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Женева. 1868–1869. Пер. Коммент. Указ. М. 217 с. Совм. с М.В. Нечкиной.

Французский «Kolokol» и его «Прибавления» // Там же. С. 5–12.

Коммент. // Там же. С. 119, 120–122, 122–123, 123–125, 126–128, 129, 130–132, 133, 136, 137–138, 142–143, 146, 147, 148, 150, 153, 154–155, 156, 160, 161 и др.

1979

«Души прекрасные порывы» (К 150-летию со дня рождения Микаэла Налбандяна) // Газ. «Коммунист». Ереван. № 249.

Чл. редкол.: Чернышевский и его эпоха: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. Т. VIII. 263 с.

Чернышевцы и «Колокол» (К истории идейных исканий и тактических расхождений в русском революционном движении 60-х годов XIX в.) // Там же. С. 62–95.

Ред.: Колокол. Kolokol. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Женева; 1868–1869. Факсим. изд-е. М. 252 с. Колокол (Русское прибавление). № 1–7. 28 с. Совм. с М.В. Нечкиной.

² Год вписан рукой Е.Л. Рудницкой в бумажную копию списка.

1980

М. Налбандян и русское революционное движение 60-х годов XIX в. // ВИ. № 3. С. 30–37.

Революционная деятельность соратников Чернышевского и «Колокол» // Н.Г. Чернышевский и современность. М. С. 86–98.

A szocialista Ogarjov // A Haladó orosz gondolkodás feylödése a forradalmi demokratizmustól a marxizmusig. I Kötet I-300-ig. Budapest.

1981

Факсимильные издания памятников Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева // АЕ за 1979 год. М. С. 157–162. Совм. с Р.Г. Эймонтовой.

Чл. редкол.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. 344 с.

Журнал «Современность» и его место в идейных исканиях революционной демократии // Там же. С. 106–118.

Французский «Kolokol» // ВИ. № 7. С. 16–31.

К творческому портрету академика М. Нечкиной // Общественные науки. М. № 1. С. 170–176. Совм. с И.И. Минцем.

1983

«Нечаевский “Колокол”» // ИСССР. № 1. С. 44–60.

Ред.: О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факс. изд-е. М. 602 с. Совм. с М.В. Нечкиной.

От редакции // Там же. С. 3–4.

1984

Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864–1873. М. 328 с.

Рец.: Итенберг Б.С., Твардовская В.А. // ВФ. 1985. № 6. С. 166–167; Седов М.Г. // ИСССР. 1985. № 3. С. 224–227; Пантин И.К. // ВИ. 1986. № 7. С. 115–117; American Historical Review. V. 91. 1986. Февр.

Художественный образ и историческая наука (о книге акад. М.В. Нечкиной «Функция художественного образа в историческом процессе») // Наука и человечество. Международный ежегодник. М. С. 378–380.

Историография русской общественной мысли XIX в. // Очерки истории исторической науки в СССР. М. Т. V. С. 268–294. Совм. с Б.С. Итенбергом.

Герцен, Огарев, Бакунин и польское восстание 1863 г. // ЛН. М. Т. 96. Герцен и Запад. С. 363–398.

К истории идейного и организационного оформления русского бланкизма. «Общество народного освобождения» // Революционно-демократическое движение в странах Восточной Европы второй половины XIX в. и его роль в развитии интернациональных связей: Тез. докл. и сообщ. республ. науч. симпозиума. Львов. 30 окт. – 2 нояб. 1985 г. Львов. С. 17–22.

Герцен в общественном движении России: итоги, направления исследования (1962–1982) // Герцен – писатель, мыслитель, борец. М. С. 7–14.

1986

У истоков «Общества народного освобождения». К истории идейного и организационного оформления русского бланкизма // ВИ. № 6. С. 21–39.

Чл. редкол.: Редакционная ситуация в России в середине XIX в.: Деятели и историки. М. Т. IX. 229 с.

Н.А. Добролюбов (К 150-летию со дня рождения) // Там же. С. 5–9. Совм. с М.В. Нечкиной.

1987

«Зову живых» (К 175-летию со дня рождения А.И. Герцена) // Советский Союз. № 4. С. 44.

Политическая ссылка в Сибири на страницах изданий Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева (К постановке темы) // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в.: Историография и источники. Новосибирск. С. 6–19.

Фрагмент старого Арбата: Письмо в редакцию // Сов. культура. 1987. 13 дек. Совм. с Д.С. Лихачевым, В. Севастьяновым, С.А. Макашиным, Н.Я. Эйдельманом, Д. Ознобишиным.

1988

А.И. Герцен: Начало революционной пропаганды (К 175-летию со дня рождения) // ИЗ. Т. 106. С. 256–276.

1990

Отв. ред.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. Репринт. воспроизведение. М. 278 с.

Отв. ред.: То же. Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринт. воспроизведение. М. 511 с.

Отв. ред.: То же. Записки сенатора И.В. Лопухина. Лондон, 1860. Репринт. воспроизведение. М. 212 с.

«Общество Народного Освобождения» и его русские связи // Революционеры и либералы России. М. С. 140–163.

1991

Петр Ткачев: Русский бланкизм // ИСССР. № 3. С. 100–127.

1992

Русский бланкизм: Петр Ткачев. М. 267 с.

Рец.: Чернышевский В.Д. // ВИ. 1993. № 9. С. 185–186; Тютюкин С.В. // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 123–126; Антонов В.Ф. // ОИ. 1994. № 4–5. С. 158–163.

Отв. ред.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Справочный том к Запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М. 347 с.

От редактора // Там же. С. 5–6.

Исторические корни и судьбы русского бланкизма (К постановке темы) // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения: Сб. докл. и сообщ. (Ч.) II. М. С. 197–207.

1993

(Предисл.) к ст.: С.С. Дмитриев. Раннее славянофильство и утопический социализм // ВИ. № 5. С. 24–26.

Чл. редакц.: Политическая ссылка в Сибири: Нерчинская каторга. Новосибирск. Т. I. 292 с.

Предисловие // Там же. С. 7–21. Совм. с Л.И. Горюшкиным, В.А. Дьяковым, Б.С. Итенбергом, Н.Н. Щербаковым.

Подгот. публ., коммент.: Нерчинская каторга в середине 1820-х – начале 1860-х годов // Там же. С. 25–139. Совм. с В.А. Дьяковым.

1994

- Отв. ред.*: 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М. 454 с.
- От редактора // Там же. С. 3–4.
- Вольная русская печать и книга барона Корфа // Там же. С. 5–63. Совм. с А.Г. Тартаковским.
- Коммент. // Там же. С. 390–425. Совм. с А.Г. Тартаковским.
- Рец.*: Боленко К.Г. // НЛО. 1996. № 18. С. 415–416; Левандовский А.А. // ОИ. 1997. № 3. С. 195–197; Валерий Сендеров. Разоблачение мифа // Русская мысль. Париж. 1995. 12–18 окт. С. 13.
- Феномен Павла Пестеля // *Annali sezione storico-politico-sociale XI–XII*. 1989–1990. Napoli. С. 101–117.

1995

- Herzen c l'Italia // I Russi c l'Italia. A cura di Vittorio Strada. Milano: Libri Scheinwiller. P. 71–77.

1996

- Отв. ред., сост.*: В раздумьях о России (XIX век). М. 441 с.
- Рец.*: Хорос В.Г. // ВФ. 1997. № 4. С. 144–147; Зверев В.В., Савков В.В. // ОИ. 1999. № 6. С. 158–162.
- Вступление // Там же. С. 5–22.
- В поисках пути (Начало философского осмысления судеб России) // Там же. С. 42–73.
- Историософское направление в русской общественной мысли 30–40-х годов XIX в. // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов. Ч. I. С. 72–80.
- (Предисловие) // Ружицкая И.В. Барон М.А. Корф – историк: По материалам его архива. М. С. 3.

1997

- Отв. ред., сост., автор вступ. ст.*: Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый. Документальная публикация. М. 571 с. Совм. с О.В. Будницким.
- Рец.*: Секиринский С.С. // Независимая газ. 1988. 2 апр.; Лютинский А.А. // Социальные и Гуманитарные науки: Рефер. журнал. Сер. 5. История. М. ИНИОН. 1998. № 3. С. 29–38; Левандовский А., Щербакова Е. // Свободная мысль. 1998. № 8. С. 115–117; Искра Л.М. // Исторические записки. Науч. труды ист. ф-та ВГУ. Воронеж. 1998. Вып. 3. С. 211–214; Городницкий Р.А., Кан Г.С. // ОИ. 1998. № 6. С. 185–188; Левандовский А.А., Щербакова Е.И. // ВИ. 2000. № 9. С. 158–160; Владимир Разуваев. "Новый Макиавелли". Будет ли революционный радикализм снова доминировать в России? // Независимая газ. Книжное обозрение "Ex libris NI". 1998. 2 апр. С. 6.
- Русский радикализм // Там же. С. 7–22.
- Русский бланкизм: Петр Ткачев // Там же. С. 315–329.
- Коммент.* // Там же. С. 335, 344, 357, 360, 368, 370, 375–376, 381–384.
- Идея мира в русской общественной мысли XIX в. // Долгий путь российско-го пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественной мысли России. М. С. 72–87.
- История в человеке // ОА. № 6. С. 93–102.
- Подгот. публ., вступ. ст.*: Письма Огарева Мальвиде Мейзенбуг // ЛН. М. Т. 99. Кн. 1. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. С. 465–482.
- Подгот. публ., вступ. ст.*: Письма Н.А. Тучковой-Огаревой Г.Н. Вырубову // Там же. Кн. 2. С. 226–232.

Неизвестное издание Вольной русской типографии // Там же. С. 659–671.

1998

Рец. на кн.: Российские консерваторы (Авторский колл. Рук. А.Н. Боханов). М. 1997. 384 с. // ОИ. № 3. С. 176–180.

Отв. ред.: Тихонов Е.Ю. Мировоззрение молодого Белинского. М. 119 с. Предисловие // Там же. С. 3–4.

Отв. ред.: Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е гг. XIX в.). М. 407 с.

1999

Поиск пути: Русская мысль после 14 декабря 1825 г. М. 270 с.

Рец.: Секиринский С.С. // Независимая газ. 1999. 10 июня; Зверев В.В., Савков В.В. // ОИ. 1999. № 6. С. 158–162; Парсамов В.С. // ВФ. 1999. № 9. С. 185–188; Литвак Б.Г. The New Review (Новый журнал). Нью-Йорк, 2000. Кн. 219. С. 297–299; Китаев В.А. // ВИ. 2000. № 10. С. 168–170; Литвак Б.Г. // Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2009³.

«Устойчивость – первое условие общественного благополучия»: Русская мысль пушкинского периода // ОИ. № 3. С. 3–24.

Науч. ред., сост.: Натан Эйдельман: Свободное слово Герцена. М. 526 с.

Рец.: Русская мысль (Париж). 1999. 25 нояб. – 1 дек., Нью-Йорк, 2001. № 224; Воробьева И.В. // ВИ. 2002. № 2. С. 163–165.

Чувство свободы // Там же. С. 5–18.

Отв. ред.: Тихонова Е.Ю. В.Г. Белинский в споре со славянофилами. М. 129 с.

Главное – преодолеть научное сектанство // Освободительное движение в России: Современный взгляд или приверженность традициям? // ОИ. № 1. С. 6–8.

По поводу «Прямого ответа» профессора Н.А. Троицкого // ОИ. № 6. С. 187. В соавторстве с О.И. Киянской, Б.С. Итенбергом.

2000

Идея мира в русской общественной мысли XIX в. // Кто мы в современном мире. М. С. 494–508.

Юношеский дневник академика М.В. Нечкиной // Источниковедение и краеведение в культуре России. М. С. 441–444.

Одна, но пламенная страсть // Знание – сила. № 10. С. 100–110.

2001

Профессор С.С. Дмитриев – историк русского общества // ОИ. № 1. С. 168–174.

Александр Иванович Тургенев // Российские либералы. М. С. 15–52.

Миротворческая парадигма русской общественной мысли в контексте Европейского Просвещения // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов. С. 198–209.

Отв. ред., сост.: Н.Я. Эйдельман. Удивительное поколение: Статьи о декабристах. СПб. 346 с.

Об этой книге // Там же. С. V–XII.

Рец.: Парсамов Вадим. Знание – сила. 2003. № 7. С. 108–113.

Рец. на кн.: Будницкий О.В. Терроризм в русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. 397 с. // ОИ. № 4. С. 193–196. Совм. с В.П. Булдаковым.

Феномен Пестеля // Империя и либералы (По материалам международной конференции): Сборник эссе. СПб., 2001. С. 190–200.

³ Вписано рукой Е.Л. Рудницкой в бумажную копию списка.

2002⁴

Русский радикализм: метаморфозы проблемы войны и мира // Исторические записки. СПб., 2002. № 5. С. 255–274.

2003

Чаадаев и Чернышевский: цивилизационное видение России // ВИ. 2003. № 8. С. 37–55.

Академик Нечкина в зеркале времени. Казанское начало // Уроки Вульфсона. Казань, 2003. С. 188–199.

Миротворческая парадигма русской мысли (совм. С Н.Н. Лисовым) // Миротворчество в России. Церковь. Политики. Мыслители. От раннего средневековья до рубежа XVIII–XIX столетий / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 2003. С. 4–27.

Мир без войны: русское преломление европейской идеи // Миротворчество в России... С. 103–138.

Война и мир в транскрипции русской радикальной мысли // Миротворчество в России... С. 279–302.

Отв. ред., сост.: Миротворчество в России. Церковь. Политики. Мыслители. От раннего средневековья до рубежа XVIII–XIX столетий / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 2003.

2004

Интервью // Я.З. Черняк. Спор об огаревских деньгах. М., 2004. С. 219–220.

Человек, всепоглощающим началом жизни которого была наука // Николаевская Россия: власть и общество. Саратов, 2004. С. 76–79.

Александр Иванович Тургенев: «Я космополит и русский в одно время...» // Русский либерализм: идеи и люди. М., 2004. С. 22–33.

Петр Андреевич Вяземский: «Что есть любовь к отечеству в нашем быту? – Ненависть настоящего положения...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2004.

2005

Владимир Соловьев против Николая Данилевского // «Wittoric». Международный научный сборник в честь Витторио Страда. М., 2005. С. 93–113.

У истоков либеральной философско-идеалистической мысли. Владимир Соловьев // ВИ. 2005. № 3. С. 17–33.

Рец. на кн.: «Очерки русской культуры XIX в. Общественная мысль». Т. IV. М., 2003 (в соавт. с Е.Ю. Тихоновой) // ВИ. 2005. № 1.

2006

Трактовка социализма «идеалистическим направлением» общественной мысли России. С.Н. Булгаков // ВИ. 2006. № 5. С. 24–41.

На пересечении русской мысли: Чаадаев и Чернышевский // Освободительное движение в России. Саратов, 2006. Вып. 21. С. 97–108.

Просвещение и становление русского интеллигентского сознания // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. СПб., 2006. С. 175–185.

Отв. ред. (совм. с С.В. Мироненко): Дневники академика М.В. Нечкиной // ВИ. 2006. № 1–8.

⁴ Список публикаций Е.Л. Рудницкой после 2001 г. составлен И.В. Ружицкой.

2007

Лики русской интеллигенции. М., 2007.

Иван Васильевич Киреевский и феномен славянофильства // Иван Киреевский. Духовный путь в русской мысли XIX–XXI веков (К 200-летию со дня рождения). Сб. научных статей. М., 2007. С. 156–177.

2011

Отв. ред.: «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011.

Статьи в энциклопедиях

Ножин Н.Д. // ФЭ. М., 1967. Т. 4.

Огарев Н.П. // СИЭ. М., 1967. Т. 10. Стб. 460–463.

Нечкина М.В. // БСЭ. М., 1974. Т. 17. Стб. 1644–1645.

Ножин Н.Д. // Там же. Т. 18. Стб. 259.

Огарев Н.П. // Там же. Стб. 836–838.

Веневитинов Д.В. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. М., 2005. С. 74–76.

Киреевский И.В. // Там же. С. 200–202.

Малиновский В.Ф. // Там же. С. 267–269.

Набат. Орган русских революционеров // Там же. С. 317–319.

Ножин Н.В. // Там же. С. 353–355.

Огарев Н.П. // Там же. С. 362–364.

Одоевский В.Ф. // Там же. С. 364–367.

Ткачев П.Н. // Там же. С. 536–539.

Е.Л. Рудницкая (первый ряд, центр). Ташкент. 1932 г.

Е.Л. Рудницкая. Ташкент. Март 1941 г.

Е.Л. Рудницкая. Ташкент. Март 1941 г.

Е.Л. Рудницкая. Ташкент. Март 1941 г.

Е.Л. Рудницкая и З.А. Роговин.
Ленинград. 1950-е гг.

Е.Л. Рудницкая и З.А. Роговин.
Подмосковье. 1950-е гг.

Е.Л. Рудницкая во время международного симпозиума по макромолекулярной химии, куда она была приглашена с мужем, З.А. Роговиным (слева – лауреат Нобелевской премии академик Н.Н. Семенов, академик В.А. Каргин, проф. Б.А. Кренцель). Прага. 1957 г.

Е.Л. Рудницкая во время туристической поездки. Франция. 1960-е гг.

Е.Л. Рудницкая во время туристической поездки. Франция. 1960-е гг.

Е.Л. Рудницкая во время туристической поездки. Франция. 1960-е гг.

Е.Л. Рудницкая, З.А. Роговин и его аспиранты из Армении. Ереван. 1970-е гг.

Е.Л. Рудницкая и Ф.А. Искандер

Е.Л. Рудницкая
и Б.С. Итенберг.
2000-е гг.

Е.Л. Рудницкая у себя дома с японским коллегой, предположительно Кимитака Мацузато, доктором юридических наук, профессором Высшей школы права и политики университета Токио. Москва. 2000-е гг.

Е.Л. Рудницкая дома. 2000-е гг.

Е.Л. Рудницкая с внучкой Аленой и ее дочерью Риной. Узкое. 2011 г.

Е.Л. Рудницкая с внучкой Аленой и ее дочерью Риной. Узкое. 2011 г.

Евгения Львовна с дочерью Светланой и ее внучкой Риной дома. Москва. 2013 г.

Евгения Львовна с внучкой Аленой и ее детьми – Риной и Ариком дома. Москва. 2015 г.

Евгения Львовна на праздновании своего 90-летия
в Институте российской истории РАН. Октябрь 2010 г.

Сведения об авторах

Аким Эдуард Львович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии целлюлозы и композиционных материалов Высшей школы технологии и дизайна Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Почетный Член Консультативного Комитета ФАО ООН по устойчивости Лесного сектора.

Андреева Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Бикташева Алсу Назимовна – доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Боленко Константин Григорьевич – кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательской и просветительной работы Государственного музея-усадьбы «Архангельское».

Будницкий Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина.

Гросул Владислав Якимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор.

Зверев Василий Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор.

Ильин Павел Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Мироненко Сергей Владимирович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, заведующий кафедрой «История России в XIX – начале XX в.» исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Парсамов Вадим Суренович — доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ ВШЭ).

Роговина Елена Александровна — внучка Е.Л. Рудницкой.

Роговина Светлана Захаровна — дочь Е.Л. Рудницкой, доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института химической физики имени Н.Н. Семенова РАН.

Роскина Ирина Валентиновна — филолог, дочь сотрудницы «Литературного наследства» Н.А. Роскиной, с которой Е.Л. Рудницкая близко общалась во время работы в этом издании.

Ружицкая Ирина Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Шелохаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра «История России XIX — начала XX в.», профессор.

Научное издание

Путь историка

Сборник статей памяти
доктора исторических наук
Евгении Львовны Рудницкой

Редактор *Е.В. Добычина*
Выпускающий редактор *М.И. Бълхова*
Макет *С.Б. Мишина*
Оформление *Л.В. Лобанова*

Подписано к печати 16.07.2022 г. Формат 60×90/16. Заказ №
Тираж 500 экз. 19,75 п.л. уч.-изд. л.

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов
Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

Контакты:
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80